ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА
ТОЛСТОГО.

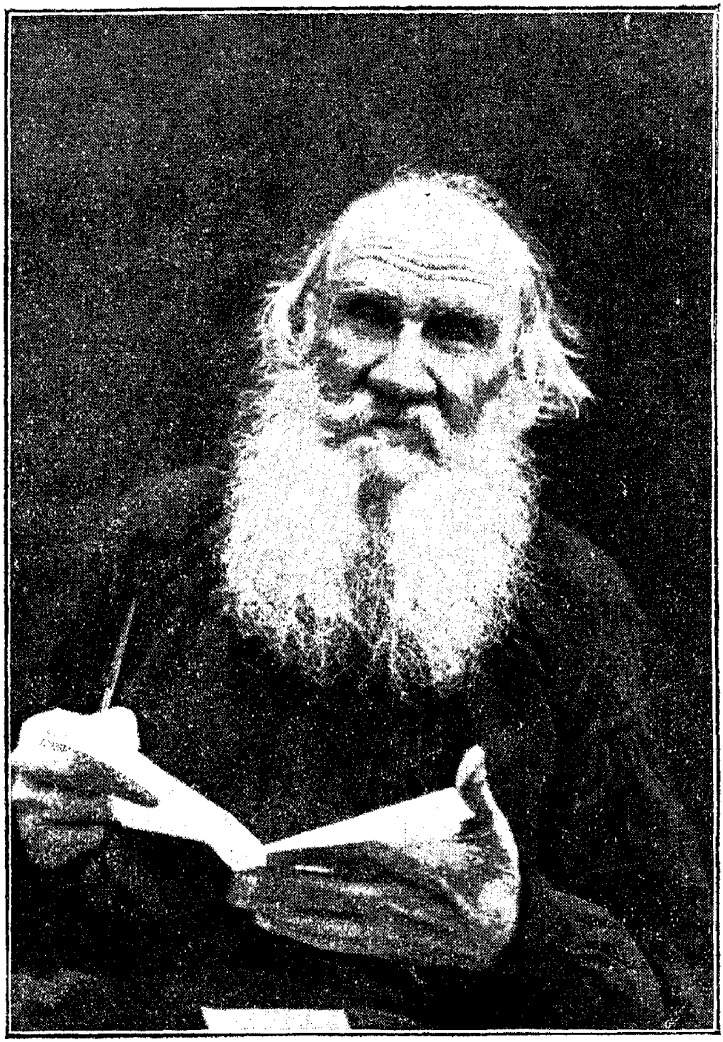
БИБЛІОТЕКА-ЧИТАЛЬНЯ
Отдѣлъ № 24524
Клубъ им Я. М. Свердлова
при В. Ц. И. К.

Томъ XXI.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
И СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ
П. И. БИРЮКОВА.

Пров. 1955
Пр.
364
35

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой домъ.
МОСКВА.—1913.



Левъ Николаевичъ Толстой

въ 1909—10 гг.

О САМОУБІЙСТВѢ.

Вопросъ о томъ, имѣетъ ли вообще человѣкъ право убить себя, неправильно поставленъ. О правѣ не можетъ быть рѣчи. Если можетъ, то и имѣетъ право. Я думаю, что возможность убить себя есть спасательный клапанъ. При этой возможности человѣкъ не имѣетъ права (вотъ тутъ умѣстно выраженіе: имѣть право) говорить, что ему невыносимо жить. Невозможно жить — такъ убьешь себя, и поэтому некому будетъ говорить о невыносимости жизни. Человѣку дана возможность убить себя, и потому онъ можетъ (имѣетъ право) убивать себя и не переставая пользуется этимъ правомъ, убивая себя на дуэляхъ, на войнѣ, развратомъ, водкой, табакомъ, опіумомъ и т. д. Вопросъ можетъ быть только о томъ, разумно ли и нравственно ли (разумное и нравственное всегда совпадаютъ) убить себя?

Нѣтъ, неразумно, такъ же неразумно, какъ срѣзать побѣги растенія, которое хочешь уничтожить: оно не погибнетъ, а только станетъ расти неправильно.

Жизнь не истребима,—она внѣ времени и пространства, и потому смерть только можетъ измѣнить ея форму, прекратить ея проявленіе въ этомъ мірѣ. А прекративъ ее въ этомъ мірѣ, я, во-первыхъ, не знаю, будетъ ли проявленіе въ другомъ мірѣ болѣе мнѣ пріятно, а во-вторыхъ, лишаю себя возможности извѣдать и пріобрѣсти для своего *я* все то, что оно могло пріобрѣсти въ этомъ мірѣ. Кромѣ того, и главное, это неразумно потому, что, прекращая свою жизнь изъ-за того, что она мнѣ кажется непріятной, я тѣмъ показываю, что имѣю превратное понятіе о назначеніи своей жизни, предполагая, что назначеніе ея есть мое удовольствіе, тогда какъ назначеніе ея есть, съ одной стороны, личное совершенствованіе, съ другой — служеніе тому дѣлу, которое совершается всею жизнью міра. Этимъ же самоубійство и безнравственно: человѣку дана жизнь вся и возможность жить до естественной смерти только подъ условіемъ его служенія жизни міра, а онъ, воспользовавшись жизнью настолько, насколько она была ему пріятна, отказывается отъ служенія ею міру, какъ скоро она ему непріятна; тогда какъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, это служеніе начиналось именно съ того времени, когда жизнь показалась непріятной. Всякая работа представляется сначала непріятной.

Въ Оптиной пустыни въ продолженіе болѣе 30 лѣтъ лежалъ на полу разбитый параличомъ монахъ, владѣвшій только лѣвой рукой. Доктора говорили, что онъ долженъ былъ сильно страдать, но онъ не только не жаловался на свое положеніе, но постоянно

крестясь, глядя на иконы, улыбаясь, выражалъ свою благодарность Богу и радость за ту искру жизни, которая теплилась въ немъ. Десятки тысячъ посѣтителей бывали у него, и трудно представить себѣ все то добро, которое распространилось на міръ отъ этого лишеннаго всякой возможности дѣятельности человѣка. Навѣрное этотъ человѣкъ сдѣлалъ больше добра, чѣмъ тысячи и тысячи здоровыхъ людей, воображающихъ, что они въ разныхъ учрежденіяхъ служатъ міру.

Пока есть жизнь въ человѣкѣ, онъ можетъ совершенствоваться и служить міру. Но служить міру онъ можетъ только совершенствуясь, а совершенствоваться—только служа міру.

1900 г.

ВѢРЬТЕ СЕБѢ.

Вѣрьте себѣ, выходящіе изъ дѣтства юноши и дѣвушки, когда впервые поднимаются въ душѣ вашей вопросы: кто я такое, зачѣмъ живу я и всѣ окружающіе меня люди? И главный, самый волнительный вопросъ: такъ ли живу я и всѣ окружающіе меня люди? Вѣрьте себѣ и тогда, когда тѣ отвѣты, которые представляются вамъ на эти вопросы, будутъ несогласны съ тѣми, которые были внушены вамъ въ дѣтствѣ, будутъ несогласны и съ той жизнью, въ которой вы найдете себя живущими вмѣстѣ со всѣми людьми, окружающими васъ. Не бойтесь этого разногласія, а, напротивъ, знайте, что въ этомъ разногласіи вашемъ со всѣмъ окружающимъ васъ выразилось самое лучшее, что есть въ васъ, — то божественное начало, проявленіе котораго въ жизни составляетъ не только главный, но единственный смыслъ нашего существованія. Вѣрьте тогда не себѣ, извѣстной личности — Ванѣ, Петѣ, Лизѣ, Машѣ, сыну, дочери министра или рабочаго, купца или крестьянина, а себѣ, тому вѣчному, разумному и благому началу, которое живетъ въ каждомъ изъ насъ и которое въ первый разъ пробудилось въ васъ и задало себѣ эти важнѣйшіе въ мірѣ вопросы и ищетъ и требуетъ ихъ разрѣшенія. Не вѣрьте тогда людямъ, которые съ снисходительной улыбкой скажутъ вамъ, что и они когда-то искали отвѣтовъ на эти вопросы, но не нашли, какъ и нельзя найти иныхъ, кромѣ тѣхъ, которые приняты *всѣми*.

Не вѣрьте этому, а вѣрьте только себѣ, и не бойтесь разойтись со взглядами и мыслями людей, окружающихъ васъ, если только отвѣты, представляющіеся вамъ, основаны не на вашихъ личныхъ желаніяхъ, а на желаніи исполнить назначеніе своей жизни, исполнить волю той силы, которая послала васъ въ жизнь. Вѣрьте себѣ, особенно когда отвѣты, представляющіеся вамъ, подтверждаются тѣми вѣчными началами мудрости людской, выраженной во всѣхъ религіозныхъ ученіяхъ и въ наиболѣе близкомъ намъ ученіи Христа, въ его высшемъ, духовномъ значеніи.

Помню, какъ я, когда мнѣ было 15 лѣтъ, переживалъ это время, какъ вдругъ я пробудился отъ дѣтской покорности чужимъ взглядамъ, въ которой жилъ до тѣхъ поръ, и въ первый разъ понялъ, что мнѣ надо жить самому, самому избирать путь, самому отвѣчать за свою жизнь передъ тѣмъ началомъ, которое дало мнѣ ее.

Помню, что я тогда хотя и смутно, но глубоко чувствовалъ, что главная цѣль моей жизни—это то, чтобы быть хорошимъ, хо-

рошимъ въ смыслѣ евангельскомъ, въ смыслѣ самоотреченія и любви. Помню, что я тогда же попытался жить такъ, но это продолжалось не долго. Я не повѣрилъ себѣ, а повѣрилъ всей той внушительной, самоувѣренной, торжествующей мудрости людской, которая внушалась мнѣ сознательно и безсознательно всѣмъ окружающимъ. И мое первое побужденіе замѣнилось очень опредѣленными, хотя и разнообразными желаніями успѣха передъ людьми, быть знатнымъ, ученымъ, прославленнымъ, богатымъ, сильнымъ, т.-е. такимъ, котораго бы не я самъ, но люди считали хорошимъ...

Я не повѣрилъ себѣ тогда, и только послѣ многихъ десятковъ лѣтъ, потраченныхъ на достиженіе мірскихъ цѣлей, которыхъ я или не достигъ, или которыхъ достигъ и увидалъ безполезность, тщету, а часто и вредъ ихъ, я понялъ, что то самое, что я зналъ 60 лѣтъ тому назадъ и чему не повѣрилъ тогда, и можетъ и должно быть единственной разумной цѣлью усилій всякаго человѣка.

А какою иною, болѣе радостной для себя и болѣе полезной людямъ могла бы быть моя жизнь, если бы я тогда, когда голосъ истины, Бога, въ первый разъ заговорилъ въ неподвергшейся еще соблазнамъ душѣ моей, повѣрилъ бы этому голосу и отдался ему?!

Да, милые юноши, искренно, самостоятельно, не подъ вліяніемъ внѣшняго внушенія, а самостоятельно и искренно пробудившіеся къ сознанію всей важности своей жизни, да, не вѣрьте людямъ, которые будутъ говорить вамъ, что ваши стремленія — только неисполнимыя мечты молодости, что и они такъ же мечтали и стремились, но что жизнь скоро показала имъ, что она имѣетъ свои требованія и что надо не фантазировать о томъ, какая бы могла быть наша жизнь, а стараться наилучшимъ образомъ согласовать свои поступки съ жизнью существующаго общества и стараться только о томъ, чтобы быть полезнымъ членомъ этого общества.

Не вѣрьте этому. Не вѣрьте тому, что полное осуществленіе добра и истины невозможно въ мірѣ. Осуществленіе добра и истины не только не невозможно, но вся жизнь и ваша, и всѣхъ людей, и міра только въ одномъ этомъ, во все большемъ и большемъ осуществленіи добра и истины.

И потому вѣрьте себѣ, когда въ душѣ вашей будетъ говорить не желаніе превзойти другихъ людей, отличиться отъ другихъ, быть могущественнымъ, знаменитымъ, прославленнымъ (такія желанія часто подмѣниваютъ желанія добра), а вѣрьте себѣ, когда главное желаніе вашей души будетъ то, чтобы самому быть лучше, — я не скажу: совершенствоваться, потому что въ самосовершенствованіи есть нѣчто личное, удовлетворяющее самолюбію, а скажу: дѣлаться тѣмъ, чѣмъ хочетъ тотъ Богъ, который далъ намъ жизнь, открывать въ себѣ вложенное въ насъ, подобное ему начало, жить *по-Божьи*, какъ говорятъ мужики.

Вѣрьте себѣ и живите такъ, напрягая всѣ свои силы на одно: на проявленіе въ себѣ Бога, и вы сдѣлаете все, что вы можете сдѣлать, и для своего блага, и для блага всего міра.

Ищите Царствія Божія и правды Его, а остальное приложится вамъ. Да, вѣрьте себѣ въ то великой важности время, когда въ первый разъ загорится въ вашей душѣ свѣтъ сознанія своего божественнаго происхожденія. Не тушите этотъ свѣтъ, а всѣми силами берегите его и давайте ему разгорѣться. Въ этомъ одномъ въ разгораніи этого свѣта, единственный великій и радостный смыслъ жизни всякаго человѣка.

22-го ноября 1906 г.
Ясная Поляна.

ЛЮБИТЕ ДРУГЪ ДРУГА.

(Обращеніе къ кружку молодежи.)

Мнѣ хотѣлось бы на прощаніе (въ мои годы всякое свиданіе съ людьми есть прощаніе) вкратцѣ сказать вамъ, какъ, по моему понятію, надо жить людямъ для того, чтобы жизнь наша не была зломъ и горемъ, какою она теперь кажется большинству людей, а была бы тѣмъ, чего желаетъ Богъ и чего мы всѣ желаемъ, т.-е. благомъ и радостью, какою она и должна быть.

Все дѣло въ томъ, какъ понимаетъ человѣкъ свою жизнь. Если понимать свою жизнь такъ, что жизнь эта дана мнѣ въ моемъ тѣлѣ, Ивану, Петру, Марьѣ и что все дѣло жизни въ томъ, чтобы добыть какъ можно больше всякихъ радостей, удовольствій, счастья этому своему «я», Ивану, Петру, Марьѣ, то жизнь всегда и для всѣхъ будетъ несчастна и озлобленна.

Несчастная и озлобленная жизнь будетъ потому, что всего, чего хочется для себя одному человѣку, того же самаго хочется и всякому другому. А такъ какъ каждому хочется всякаго для себя добра какъ можно больше и добро это одно и то же для всѣхъ такихъ людей, то добра этого для всѣхъ никогда недостаетъ. А потому, если люди живутъ каждый для себя, то не миновать имъ отнимать другъ у друга, бороться, злиться другъ на друга, и отъ этого жизнь ихъ не бываетъ счастливою. Если же временами люди и добудутъ себѣ того, чего имъ хочется, то имъ всегда мало, и они стараются добыть все больше и больше и, кромѣ того, еще и боятся, что у нихъ отнимутъ то, что они добыли, и завидуютъ тѣмъ, которые добыли то, чего у нихъ нѣтъ.

Такъ что если люди понимаютъ свою жизнь каждый въ своемъ тѣлѣ, то жизнь такихъ людей не можетъ не быть несчастною. Такая она и есть теперь для всѣхъ такихъ людей. А такою, т.-е. несчастною, жизнь не должна быть. Жизнь дана намъ на благо, и такъ мы всѣ и понимаемъ жизнь. Для того же, чтобы жизнь была такою, людямъ надо понимать, что жизнь наша настоящая никакъ не въ нашемъ тѣлѣ, а въ томъ духѣ, который живетъ въ нашемъ тѣлѣ, и что благо наше не въ томъ, чтобы угождать и дѣлать то, чего хочетъ тѣло, а въ томъ, чтобы дѣлать то, чего хочетъ этотъ духъ одинъ и тотъ же, живущій въ насъ такъ же, какъ и во всѣхъ людяхъ. Хочетъ же этотъ духъ блага себѣ, духу. А такъ какъ духъ этотъ во всѣхъ людяхъ одинъ и тотъ же, то и хочетъ онъ блага всѣмъ людямъ. Желать же блага всѣмъ людямъ значитъ любить людей. Любить же людей никто и ничто помѣ-

шать не можетъ; а чѣмъ больше человѣкъ любитъ, тѣмъ жизнь его становится свободнѣе и радостнѣе.

Такъ что выходитъ, что угодить тѣлу человѣкъ, сколько бы онъ ни старался, никогда не въ силахъ, потому что то, что нужно тѣлу, не всегда можно добыть, а если добывать, то надо бороться съ другими; угодить же душѣ человѣкъ всегда можетъ, потому что душѣ нужна только любовь, а для любви не нужно ни съ кѣмъ бороться; не только не нужно бороться съ другими, а, напротивъ, чѣмъ больше любишь, тѣмъ больше сближаешься съ другими людьми. Такъ что любви ничто помѣшать не можетъ, и всякій человѣкъ что больше любитъ, то все больше и больше не только самъ дѣлается счастливымъ и радостнымъ, но и дѣлаетъ счастливыми и радостными и другихъ людей.

Такъ вотъ это-то, милые братья, мнѣ хотѣлось сказать вамъ на прощаніе, сказать то, чему учили васъ всѣ святые и мудрые люди, и Христосъ, и всѣ мудрецы міра, а именно тому, что жизнь наша бываетъ несчастна отъ насъ самихъ, что та сила, которая послала насъ въ жизнь и которую мы называемъ Богомъ, послала насъ не затѣмъ, чтобы мы мучились, а затѣмъ, чтобы имѣли то самое благо, какого мы всѣ желаемъ, и что не получаемъ мы это предназначенное намъ благо только тогда, когда понимаемъ жизнь не такъ, какъ должно, и дѣлаемъ не то, что должно.

А то мы жалуемся на жизнь, что жизнь наша плохо устроена, а не думаемъ того, что не жизнь наша плохо устроена, что дѣлаемъ мы не то, что нужно. А это все равно, какъ если бы пьяница сталъ жаловаться на то, что спился онъ оттого, что много завелось трактировъ и кабаковъ, тогда какъ завелось много трактировъ и кабаковъ только оттого, что много развелось такихъ же, какъ онъ, пьяницъ.

Жизнь дана людямъ на благо, только бы они пользовались ею, какъ должно ею пользоваться. Только бы жили люди не завистью другъ къ другу, а любовью, и жизнь была бы неперестающимъ благомъ для всѣхъ.

Теперь вотъ со всѣхъ сторонъ говорятъ только одно: жизнь, говорятъ, наша дурная и несчастная оттого, что она дурно устроена; давай передѣлаемъ дурное устройство на хорошее, и жизнь наша будетъ хорошая.

Милые братья, не вѣрьте этому, не вѣрьте тому, что отъ такого или иного устройства жизнь ваша можетъ быть хуже или лучше. Не говорю уже о томъ, что всѣ тѣ люди, которые заботятся объ устройствѣ лучшей жизни, всѣ не согласны между собою, всѣ спорятъ промежду собою: одни предлагаютъ одно устройство, считая его самымъ лучшимъ, другіе же говорятъ, что это устройство самое дурное, а что хорошо только то, которое они предлагаютъ. А третьи забраковываютъ и это и предлагаютъ свое самое лучшее, и т. д. Но если бы даже и было такое, самое лучшее устройство, если даже согласиться съ тѣмъ, что придумано самое лучшее устройство, то какъ же сдѣлать, чтобы люди жили по этому устройству, какъ удержать это хорошее устройство,

когда люди привыкли и любятъ жить дурно? А то мы теперь привыкли и любимъ жить дурно, за что ни возьмемся, все гадимъ, а говоримъ, что хорошо станемъ жить, когда будетъ устройство хорошее. Да какъ же быть хорошему устройству, когда люди плохіе?

Такъ что если и есть такое самое лучшее устройство жизни, то для того, чтобы добиться его, надо людямъ становиться лучше. Вамъ же обѣщаютъ хорошую жизнь послѣ того, какъ вы, кромѣ вашей теперешней дурной жизни, будете еще бороться съ людьми, насиловать людей, даже убивать ихъ, чтобы ввести это хорошее устройство, т.-е. вамъ обѣщаютъ хорошую жизнь послѣ того, какъ вы сами сдѣлаетесь еще хуже, чѣмъ теперь.

Не вѣрьте, не вѣрьте этому, милые братья. Для того, чтобы жизнь была хорошая, есть только одно средство: самимъ людямъ быть лучше. А будутъ люди лучше, и сама собою устроится та жизнь, какая должна быть среди хорошихъ людей.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Спасеніе ваше и всѣхъ людей никакъ не въ грѣховномъ, насильническомъ устройствѣ жизни, а въ устройствѣ своей души. Только этимъ, такимъ устройствомъ души, добудетъ каждый человѣкъ и себѣ и другимъ людямъ самое большое благо и самое лучшее устройство жизни, какого могутъ только желать люди. Истинное благо, то, какое ищетъ каждое сердце человѣческое, дано намъ не въ какомъ-либо будущемъ устройствѣ жизни, поддерживаемомъ насиліемъ, а сейчасъ, всѣмъ намъ, вездѣ, во всякую минуту жизни и даже смерти, достигаемомъ любовью.

Благо это дано намъ изъ вѣка; но люди не понимали его и не брали его. Теперь же пришло время, когда намъ нельзя уже не принять его,—нельзя не принять, первое, потому, что безобразія и страданія нашей жизни довели насъ до того, что жизнь наша становится непереносимо мучительной. Второе то, что все болѣе и болѣе раскрывающееся намъ истинное ученіе Христа стало теперь такъ ясно, что намъ уже для нашего спасенія нельзя не признать и не принять его. Спасеніе наше теперь въ одномъ: въ признаніи того, что истинная жизнь наша не въ тѣлѣ нашемъ, а въ томъ духѣ Божьемъ, который живетъ въ насъ, и что поэтому всѣ тѣ усилія, которыя мы клали прежде на улучшеніе нашей тѣлесной, какъ отдѣльной, такъ и общественной, жизни, мы можемъ и должны класть на одно единственно нужное и важное для человѣка дѣло,—на то, чтобы каждому въ самомъ себѣ воспитывать и утверждать любовь не только къ любящимъ насъ, а, какъ говорилъ Христосъ, ко всѣмъ людямъ, и въ особенности къ чуждымъ намъ людямъ, къ ненавидящимъ насъ.

Жизнь наша теперь такъ далека отъ этого, что въ первую минуту такое перенесеніе всѣхъ своихъ усилій, вмѣсто заботы о мірскихъ дѣлахъ, на одно невидное, непривычное намъ дѣло—на любовь ко всѣмъ людямъ—кажется невозможнымъ.

Но это только такъ кажется: любовь ко всѣмъ людямъ, даже къ ненавидящимъ насъ, гораздо больше свойственна душѣ человѣка, чѣмъ бороба съ ближними и ненависть къ нимъ. Перемѣна пониманія смысла жизни не только не невозможна въ наше время, но, напротивъ, невозможно продолженіе той озлобленной всѣхъ противъ всѣхъ жизни, которую мы ведемъ теперь. Перемѣна эта не только не невозможна, но, напротивъ, только она одна можетъ вывести людей изъ тѣхъ бѣдствій, отъ которыхъ они страдаютъ, и потому перемѣна эта неизбѣжно рано или поздно должна совершиться.

Милые братья, зачѣмъ, за что вы мучаете себя? Только помните, что вамъ предназначено величайшее благо, и возьмите его. Все — въ васъ самихъ. Это такъ легко, такъ просто и такъ радостно.

Но, можетъ-быть, люди страдающіе, бѣдные, угнетенные скажутъ: «да, это можетъ быть хорошо для богатыхъ и властвующихъ; легко богатымъ и властвующимъ любить враговъ, когда враги эти во власти ихъ. Но это трудно для насъ, страждущихъ и угнетенныхъ». Но это неправда. Милые братья, измѣнить свое пониманіе жизни одинаково нужно и властвующимъ, богатымъ, и подчиненнымъ, бѣднымъ. И подчиненнымъ и бѣднымъ это легче, чѣмъ богатымъ. Подчиненнымъ и бѣднымъ нужно только, не измѣняя своего положенія, не только не дѣлать дѣлъ, противныхъ любви, но не принимать участія въ этихъ дѣлахъ, какъ дѣла насилія, и все это враждебное любви устройство падетъ само; властвующимъ же гораздо труднѣе принять и исполнить ученіе любви. Для того, чтобы имъ исполнить это ученіе, имъ надо отказаться отъ обладающихъ ими соблазновъ власти, богатства; и это труднѣе имъ; бѣднымъ же и подчиненнымъ надо только не дѣлать новыхъ насилій и, главное, не принимать участія въ старомъ.

Какъ растетъ человѣкъ, такъ растетъ и человѣчество. Сознаніе любви росло, растетъ въ немъ и доросло въ наше время до того, что мы не можемъ не видѣть, что оно должно спасти насъ и стать основой нашей жизни. Вѣдь то, что теперь дѣлается, это послѣднія судороги умирающей насильнической, злобной, нелюбовной жизни.

Вѣдь теперь уже не можетъ быть неясно, что всѣ эти борьбы, вся эта ненависть, всѣ эти насильственныя устройства,—все это безсмысленные, ни къ чему, кромѣ какъ къ все увеличивающимся бѣдствіямъ, не ведущіе обманы. И не можетъ не быть ясно, что единственное, самое простое и легкое спасеніе отъ всего этого есть сознаніе основного начала жизни всѣхъ людей—любви,—этого начала, которое неизбѣжно, безъ всякаго усилія замѣняетъ величайшее зло величайшимъ благомъ.

Есть преданіе о томъ, что апостолъ Іоаннъ, достигши глубокой старости, былъ весь поглощенъ однимъ чувствомъ и все одними и тѣми же словами выражалъ его, говоря только одно: «Дѣти, любите другъ друга». Такъ выразилась старость, т.-е. дожившаго до извѣстнаго предѣла жизни жизнь одного человѣка. Такъ точно

должна выразиться жизнь человѣчества, дожившая до извѣстнаго предѣла.

Вѣдь это такъ просто, такъ ясно: ты живешь, т.-е. родился, растешь, мужаешь, старѣешься и вотъ-вотъ умрешь.

Неужели цѣль твоей жизни можетъ быть въ тебѣ? Навѣрное нѣтъ. Что же такое,—спрашиваетъ себя тогда человѣкъ,—что я такое? И отвѣтъ одинъ: я что-то такое любящее—въ первое время кажется, что любящее только себя, но стоитъ немного пожить, немного подумать, чтобы увидать, что любить себя, проходящаго черезъ жизнь, умирающаго, нельзя, не зачѣмъ. Чувствуешь, что я долженъ любить и люблю себя. Но, любя себя, я не могу не чувствовать, что предметъ моей любви не достоинъ ея; но не любить я не могу. Въ любви есть жизнь. Какъ же тутъ быть? Любить другихъ, близкихъ, друзей, любящихъ? Сначала кажется, что это удовлетворяетъ потребности любви, но всѣ эти люди, во-первыхъ, несовершенны, во-вторыхъ, измѣняются, главное—умираютъ. Что же любить? И отвѣтъ одинъ: любить всѣхъ, любить начало любви, любить любовь, любить Бога. Любить не для того, кого любишь, не для себя, а для любви. Стоитъ понять это, и сразу уничтожается все зло человѣческой жизни, и становится явнымъ и радостнымъ смыслъ ея.

«Да, это хорошо бы было. Чего же лучше! —скажутъ люди.— Хорошо бы было любить и жить для любви, если бы всѣ такъ жили. А то я буду жить для любви, отдавать все другому, а другіе будутъ жить для себя, своего тѣла; что же будетъ со мною, да еще и не со мною однимъ, а съ семьей, съ тѣми, кого я люблю, не могу не любить? Разговоры о любвид авно говорятся, да никто имъ не слѣдуетъ. Да и нельзя слѣдовать. Отдать свою жизнь любви можно бы было только тогда, когда всѣ люди сразу какимъ-то чудомъ перемѣнятъ жизнь мірскую, тѣлесную на жизнь духовную, божескую. Но чуда этого нѣтъ, и потому все это слова, а не дѣло». Такъ говорятъ люди, успокаивая себя въ своей ложной, привычной жизни. Они говорятъ такъ, но въ глубинѣ души они знаютъ, что они не правы. Они знаютъ, что разсужденія эти невѣрны. Они невѣрны потому, что только для выгоды мірской, тѣлесной жизни нужно, чтобы люди всѣ сразу измѣнили свою жизнь: но не то для духовной жизни: любви, любви къ Богу и людямъ. Любовь даетъ благо человѣку не въ своихъ послѣдствіяхъ, а въ самой любви, даетъ ему благо совершенно независимо отъ того, какъ поступаютъ другіе люди и что вообще совершается во внѣшнемъ мірѣ. Любовь даетъ благо тѣмъ, что человѣкъ, любя, соединяется съ Богомъ и не только ничего не желаетъ для себя, но желаетъ отдать все, что имѣетъ, и свою жизнь другимъ, и въ этомъ отдаваніи себя Богу находитъ благо. И потому все то, что дѣлаютъ другіе люди, все то, что можетъ совершиться въ мірѣ, не можетъ имѣть вліянія на его поступки. Любить—значитъ отдаться Богу, дѣлать то, чего хочетъ Богъ, а Богъ есть любовь, т.-е. хочетъ блага всѣмъ и потому не можетъ хотѣть того, чтобы человѣкъ погибалъ, исполняя Его законъ.

Любящій человѣкъ и одинъ среди нелюбящихъ не погибаетъ. А если и погибаетъ среди людей, какъ Христосъ погибъ на крестѣ, то и смерть его и радостная для него, и значительная для другихъ, а не отчаянная и ничтожная, каковы бываютъ смерти мірскихъ людей.

Такъ что отговорка о томъ, что я не отдаюсь любви потому, что не всѣ сдѣлаютъ то же, и останусь одинъ, и неправильная, и нехорошая. Это—то же, какъ если бы человѣкъ, которому нужно работать, для того, чтобы кормить себя и дѣтей, не брался бы за работу потому, что другіе не работаютъ.

Да, милые братья, положимъ нашу жизнь въ усиленіи въ себѣ любви и предоставимъ міру идти, какъ онъ хочетъ, т.-е. какъ опредѣлено ему свыше. Поступимъ такъ, и повѣрьте мнѣ, что мы получимъ наибольшее благо себѣ, сдѣлаемъ все то добро людямъ, какое мы только можемъ сдѣлать.

Вѣдь это такъ просто, такъ легко и такъ радостно. Только люби каждый человѣкъ, люби не однихъ любящихъ, а всѣхъ людей, особенно ненавидящихъ, какъ училъ Христосъ, и жизнь—неперестающая радость, и всѣ вопросы, которые заблудшіе люди такъ тщетно пытаются разрѣшить насиліемъ, не только разрѣшаются, а перестаютъ существовать. «И мы знаемъ, что перешли отъ смерти въ жизнь, если любимъ братьевъ. Нелюбящій брата не имѣетъ жизни вѣчной. Только любящій брата своего имѣетъ жизнь вѣчную, пребывающую въ немъ».

Еще одно слово, милые братья.

Ни про одно дѣло нельзя узнать, хорошо ли оно или дурно, если не испыталъ его на дѣлѣ въ жизни. Если земледѣльцу говорятъ, что хорошо сѣять рожь рядами, или пчеловоду, что хорошо ульи дѣлать рамочные, то разумный земледѣлецъ и пчеловодъ, чтобы вѣрно узнать, правда ли, что ему говорятъ, сдѣлаетъ опытъ и слѣдуетъ или не слѣдуетъ тому, что ему предлагали, смотря по тому, насколько онъ находитъ подтвержденія въ опытѣ.

То же и во всемъ дѣлѣ жизни. Для того, чтобы вѣрно узнать, насколько примѣнимы въ жизни поученія о любви, испытайте ихъ.

Попробуйте: возьмите на себя на извѣстный срокъ слѣдовать во всемъ требованіямъ любви: жить такъ, чтобы во всѣхъ дѣлахъ прежде всего помнить, чтобы со всякимъ человѣкомъ, съ воромъ, пьяницей, съ грубымъ начальникомъ или подчиненнымъ, не отступить отъ любви, т.-е., имѣя съ нимъ дѣло, помнить о томъ, что нужно ему, а не о себѣ. И, проживъ такъ положенный срокъ, спросите себя: тяжело ли вамъ было и испортили ли вы себѣ или улучшили жизнь, и, смотря по тому, что дастъ вамъ опытъ, рѣшайте уже, правда ли то, что исполненіе любви даетъ въ жизни благо, или это только одни слова. Испытайте это, постарайтесь вмѣсто того, чтобы отплатить зломъ за зло обидчику, вмѣсто того, чтобы осудить за глаза человѣка, живущаго дурно, и т. п.,—вмѣсто этого постарайтесь отвѣчать добромъ на зло, ничего не сказать дурного о человѣкѣ, не обойтись грубо даже

со скотиной, съ собакой, а съ добротой и лаской, проживите такъ день, два или больше (для опыта) и сравните ваше за это время душевное состояніе съ тѣмъ, какое бывало прежде. Испытайте это, и вы увидите, какъ вмѣсто хмураго сердитаго и тяжелаго состоянія вы будете свѣтлы, веселы, радостны. А живите такъ и другую и третью недѣлю, и вы увидите, какъ душевная радость ваша все будетъ расти и расти, и дѣла ваши не только не будутъ разлаживаться, а будутъ все только больше и больше спориться.

Только испытайте это, милые братья, и вы увидите, что ученіе о любви—не слова, а дѣло, самое, самое близкое, всѣмъ понятное и нужное дѣло.

1907 г.

[illegible]

О ПРИСОЕДИНЕНІИ БОСНІИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ КЪ АВСТРІИ.

(Извлеченіе изъ статьи.)

. . . . . .

Одна сербская женщина обратилась ко мнѣ съ вопросомъ о томъ, что я думаю о совершившемся на-дняхъ присоединеніи къ Австріи Босніи и Герцеговины. Я вкратцѣ отвѣчалъ ей, но радъ случаю высказать тѣмъ, кого это можетъ интересовать, насколько я могу, ясно и подробно мои мысли объ этомъ событіи. Мысли мои слѣдующія.

Австрійское правительство рѣшило признать народы Босніи и Герцеговины, до послѣдняго времени не признававшіеся еще въ полной власти австрійскаго правительства, своими подданными, т.-е. признало за собою право, безъ согласія на то самихъ народовъ, распоряжаться произведеніями труда и жизнями нѣсколькихъ сотъ тысячъ людей. Присоединеніе это вызвало сложныя дипломатическія соображенія другихъ правительствъ и раздраженіе славянскихъ народовъ и въ особенности сербскаго и черногорскаго, готовящихся ради противодѣйствія этому поступку австрійскаго правительства даже къ отчаянной войнѣ съ неизмѣримо неравнымъ по военной силѣ врагомъ.

Понятно, что старый, съ извращенными понятіями, человѣкъ, называемый австрійскимъ императоромъ..., можетъ, находя въ этомъ свою выгоду и... считая это очень хорошимъ и полезнымъ, признать нѣсколько сотъ тысячъ людей, не имѣющихъ съ нимъ ничего общаго, своими подданными и поддерживать это свое рѣшеніе угрозами убійства всѣхъ тѣхъ, кто не признаетъ этого рѣшенія. Все это вполнѣ понятно. Непонятно то, чтобы тѣ сотни тысячъ босняковъ и герцеговинцевъ и милліоны сербовъ и черногорцевъ, возмущенныхъ этимъ присоединеніемъ, не нашли бы никакого иного способа отозваться на это грубое насиліе, какъ только одно изъ двухъ: или боснякамъ и герцеговинцамъ покориться рѣшенію австрійскаго правительства и признать себя рабами чуждыхъ имъ людей, или противодѣйствовать этому насильственному противъ себя поступку тѣмъ самымъ преступнымъ и насильственнымъ поступкомъ, который употребляется противъ нихъ, т.-е. насиліемъ и убійствомъ...

Вѣдь хорошо было говорить объ аннексіяхъ, компенсаціяхъ, конференціяхъ и угрожать войнами 500, 100, даже 50 лѣтъ тому назадъ. Хорошо было въ тѣ времена перекидывать одуренные,

обманутые народы, какъ продажныхъ рабовъ, отъ однихъ хозяевъ къ другимъ: отъ турокъ къ русскимъ, отъ русскихъ къ нѣмцамъ и т д. Хорошо было въ тѣ времена подъ вліяніемъ патріотически воинственнаго гипноза ввергать сотни, тысячи, десятки, сотни тысячъ людей въ безсмысленное, озвѣряющее людей смертоубійство, какъ это хотятъ дѣлать теперь одурманенныя гипнозомъ нѣкоторыя части сербскаго народа. Но вѣдь время не стоитъ; не стоитъ и матеріальное и, главное, духовное развитіе людей. Вѣдь подвиги храбрыхъ Карагеоргіевичей, которыми такъ гордятся сербы, имѣли смыслъ сотни и сотни лѣтъ тому назадъ. Теперь такіе же подвиги не только не нужны, но вредны и даже были бы смѣшны, если бы не были такъ ужасно зловредны.

И потеряли эти подвиги свое значеніе не отъ того только, что вмѣсто прежнихъ мечей и латъ есть теперь пулеметы, браунинги, всякаго рода пароходы, аэропланы, желѣзныя дороги, телеграфы, печать, вслѣдствіе которыхъ тотчасъ же извѣстно всему міру то, что дѣлается въ каждомъ концѣ его; не отъ того только потеряли значеніе патріотизмъ и воинственная храбрость и получили значеніе совсѣмъ другія свойства людей, что измѣнились матеріальныя условія жизни, а потеряли они значеніе и требуется совсѣмъ другое оттого, что измѣнилось все духовное состояніе человѣчества. Въ наше время народамъ, надъ которыми совершается грубое насиліе, какъ то, которое совершается теперь надъ славянскими народами, нуженъ не счетъ штыковъ и батарей..., а нужно совсѣмъ другое: нужно сознаніе людьми своего человѣческаго, равнаго для всѣхъ людей, достоинства... Сознаніе же это возможно только для тѣхъ людей, которые знаютъ свое назначеніе въ жизни и слѣдуютъ тому руководству поведенія, которое вытекаетъ изъ этого познанія. Знаютъ же свое назначеніе въ жизни и слѣдуютъ вытекающему изъ него руководству поведенія только тѣ люди, у которыхъ есть религія...

Да, не готовиться вамъ, сербамъ, надо къ войнѣ, т.-е. къ убійству жалкихъ, заблудшихъ людей, приведенныхъ цѣлымъ рядомъ грѣховъ и соблазновъ къ тому одуренному состоянію, въ которомъ они убиваютъ и готовы убивать кого попало, и не выпрашивать вамъ надо... милости у людей, которые сами не знаютъ, какъ имъ выпутаться изъ того обмана и зла, въ которомъ они завязли, — ничего этого не нужно вамъ.

Для освобожденія васъ, и не только васъ, не только славянъ, но для освобожденія всѣхъ порабощающихъ самихъ себя народовъ, — и китайцевъ, и японцевъ, и индусовъ, и персовъ, и турокъ, и нѣмцевъ, и французовъ, и итальянцевъ, и всѣхъ людей міра,—отъ тѣхъ грѣховъ, соблазновъ и суевѣрій, въ которыхъ они коснѣютъ, нужны не штыки и батареи, и не дипломатическіе переговоры, и конференціи, и конвенціи, и т. п... Нужны не патріотизмъ, не гордость, не злоба, не воинственная храбрость... нужно уже никакъ не готовиться къ войнѣ..., а нужно перестать разжигать въ себѣ отсталый отъ вѣры грубый сербскій и всеславянскій патріотизмъ, т.-е. тотъ самый обманъ и отступленіе отъ сознанія

своего единства со всѣмъ человѣчествомъ, который и привелъ другіе родственные вамъ народы въ рабство и неизбѣжно приведетъ васъ къ тому же: къ порабощенію чуждыми вамъ людьми, нужно сдѣлать то, что уже давно пора сдѣлать всѣмъ народамъ и что хорошо знаютъ живущіе среди васъ назарены, но значеніе чего вы, къ сожалѣнію, до сихъ поръ такъ же мало понимали и понимаете, какъ и другіе народы.

Да, выходъ не одинъ сербамъ изъ теперешняго кажущагося запутаннымъ положенія, не однимъ славянскимъ народамъ, но народамъ всего міра изъ всѣхъ политическихъ, дипломатическихъ и соціальныхъ экономическихъ затрудненій и бѣдствій, выходъ для всѣхъ народовъ міра въ одномъ: въ томъ, чтобы признать то высшее религіозное сознаніе, до котораго достигло человѣчество нашего времени, и слѣдовать ему, т.-е. придти къ тому главному условію доброй жизни,—единой вѣрѣ людей,—безъ котораго только временно живутъ люди, какъ живутъ теперь эти послѣдніе десятки лѣтъ люди вообще и въ особенности люди христіанскаго міра.

Не только бѣдствія, испытываемыя теперь славянскими народами, но всѣ бѣдствія всѣхъ народовъ только въ томъ, что люди вообще и въ особенности люди христіанскаго міра живутъ по тому грубому пониманію жизни, которое давно уже пережито лучшими людьми всего міра, а не по тому пониманію смысла жизни и вытекающему изъ него руководству поведенія, которое открыто христіанскимъ ученіемъ 1900 лѣтъ тому назадъ и которое понемногу все болѣе и болѣе входило въ сознаніе человѣчества и которое теперь одно свойственно людямъ нашего времени...

... Постараюсь сказать вкратцѣ, почему, по моему мнѣнію, находятся христіанскіе народы въ этомъ несвойственномъ людямъ положеніи, и почему тягость этого положенія дошла въ наше время до высшей степени, и почему выходъ изъ этого положенія можетъ и долженъ, какъ я думаю, совершиться въ очень близкое время.

Съ незапамятныхъ временъ народы міра признавали высшее начало, долженствующее руководить ихъ жизнью, и въ невидимыхъ, воображаемыхъ существахъ, и въ святыхъ учителяхъ жизни, и въ видныхъ царяхъ, побѣдителяхъ, герояхъ, которыхъ они обоготворяли и велѣніямъ которыхъ слѣпо повиновались. Святые, обоготворенные мудрецы и также обоготворенные герои соединялись въ одну сверхъестественную силу и власть, и народы слѣпо вѣрили во все то нравственное ученіе, которое проповѣдывалось этой властью, и также слѣпо слѣдовали всѣмъ требованіямъ этой власти въ дѣлахъ жизни. Вѣры эти въ своихъ проявленіяхъ были разнообразны, но отношеніе людей къ этимъ вѣрамъ было во всѣхъ одно и то же. Отношеніе къ вѣрѣ было въ томъ, что большинство людей, не признавая въ себѣ никакого самостоятельнаго, руководящаго духовнаго начала, слѣпо подчинялось руководству меньшинства избранныхъ людей какъ въ пониманіи смысла жизни, такъ и въ руководствѣ поступковъ. Меньшинство же, приписывающее себѣ сверхъестественныя свойства, считало себя въ правѣ руководить и духовной и тѣлесной жизнью большинства.

Такъ жили съ древнѣйшихъ временъ народы міра. Но чѣмъ дольше жили люди, тѣмъ все меньше и меньше удовлетворяло духовнымъ требованіямъ людей такое отношеніе къ вѣрѣ, и все чаще и чаще появлялись среди людей ученія о новомъ, иномъ пониманіи жизни, при которомъ прежнее отношеніе къ вѣрѣ становилось все менѣе и менѣе возможнымъ. Новое пониманіе жизни это было въ томъ, что каждый человѣкъ носитъ въ себѣ единое во всѣхъ людяхъ духовное начало, проявляющееся любовью и влекущее всѣхъ людей къ единенію, и что поэтому основное руководство жизни человѣка можетъ быть только внутреннее, а никакъ не внѣшнее, вытекающее изъ воли другихъ людей.

Несмотря на все болѣе и болѣе утверждающееся, основанное на подчиненіи однихъ людей другимъ, устройство жизни, все чаще и чаще появлялись такія ученія, и у индусовъ, и у китайцевъ, и у евреевъ, и у римлянъ, и у грековъ, — открывавшія людямъ то, что въ каждомъ человѣкѣ проявляется единое для всѣхъ духовное начало и что поэтому основа жизни, долженствующая соединить людей, должна быть не произволомъ и насиліемъ однихъ людей надъ другими, а это — сознаніе единства духовнаго начала всѣхъ людей, проявляющееся любовью...

... Ученіе о томъ, что каждый человѣкъ носитъ въ себѣ единое духовное начало, стремящееся къ единенію посредствомъ любви, ученіе это было выражаемо много разъ и среди разныхъ народовъ и Конфуціемъ, и Лаотзе, и еврейскими пророками, и грекомъ Сократомъ, и Буддой, и Рама-Кришной, и Эпиктетомъ, и Маркомъ Авреліемъ, и въ особенности ясно и обоснованно было Іисусомъ Христомъ. Іисусомъ Христомъ ученіе это было высказано уже не какъ нѣчто желательное и только возможное для нѣкоторыхъ людей, какъ оно высказывалось до Іисуса, а какъ ученіе, долженствующее стать въ основу жизни, обязательное, такъ какъ оно даетъ истинное благо не для нѣкоторыхъ, а для всѣхъ людей. Ученіе Христа, признавъ всѣхъ людей сынами Божіими, т.-е. во всѣхъ людяхъ одинаковое божественное начало, ясно и неопровержимо признало одинаковое достоинство и потому равенство всѣхъ людей... Ученіе это отличалось отъ другихъ ученій, выражавшихъ ту же истину, еще и тѣмъ, что оно съ особенной ясностью и точностью указывало на несовмѣстимость ученія любви съ какимъ бы то ни было примѣненіемъ насилія, возмездіемъ зломъ за зло или самозащитой посредствомъ зла.

Такъ что ученіе Христа, хотя и не внесло ничего новаго въ самое ученіе о любви, проповѣданное всѣми мудрецами древности, было важно тѣмъ, что, указавъ на несовмѣстимость съ ученіемъ любви всякаго насилія, болѣе ясно, чѣмъ всѣ другія ученія, опредѣлило значеніе любви въ ея практическомъ примѣненіи...

... Ученіе Христа было ученіе любви, не допускающей никакого насилія и ни въ какомъ случаѣ. Таково оно было всегда и такъ оно было понято при его появленіи. Самая простая, доступная всѣмъ истина, выраженная христіанскимъ ученіемъ, была въ томъ, что людямъ выгоднѣе жить, подчиняясь закону любви, чѣмъ подчиняясь закону насилія. Истина эта была такъ неопровержима

для разума и такъ свойственна душѣ человѣка, что люди, узнавшіе эту истину, не могли не принять ея. Когда же ученіе было принято, но жизнь продолжала идти попрежнему, противному открытой истинѣ, закону насилія и не могла сразу измѣниться соотвѣтственно истинѣ, заключавшейся въ ученіи, то люди тѣ, которымъ прежній старый строй жизни казался болѣе выгоднымъ, чѣмъ слѣдованіе ученію, тѣ самые люди, которые имѣли власть надъ большинствомъ,—властители и духовенство,—стали измѣнять ученіе, пріурочивая его къ грубому древне-еврейскому такъ, чтобы оно не противорѣчило существующему устройству. И жизнь людей, номинально принявшихъ христіанство, несмотря на отрицаніе христіанствомъ всего того, на чемъ основывалось все прежнее устройство, — государственныхъ и международныхъ, и экономическихъ условій жизни, продолжала идти попрежнему. Сначала догматы, таинства, обряды... удовлетворяли религіознымъ требованіямъ людей христіанскаго міра, но чѣмъ больше усложнялась жизнь, основанная на насиліи христіанскихъ народовъ, и, рядомъ съ этимъ усложненіемъ, чѣмъ все больше и больше распространялось просвѣщеніе, тѣмъ все меньше и меньше могли церковныя теоріи удовлетворять религіознымъ требованіямъ людей, и дѣло дошло, наконецъ, до того, что людямъ, признавшимъ себя христіанами, пришлось избирать одно изъ двухъ: признаніе истины, опредѣляющей смыслъ человѣческой жизни, и вытекающее изъ него руководство, въ одномъ изъ разныхъ, несовмѣстимыхъ съ совѣстью и со здравымъ смысломъ, спорящихъ между собой, церковныхъ, называющихъ себя христіанскими, ученій, или признать основой жизни и руководствомъ поведенія существующее устройство жизни, а христіанскую религію и вообще всякую религію признать ненужнымъ и только затруднительнымъ, громоздкимъ усложненіемъ. И христіанскіе народы, большинство ихъ, — одни явно, другіе не явно,—избрали второе. И вотъ это отсутствіе всякой религіи среди людей христіанскаго міра и привело ихъ къ тому — несомнѣнно, временному—дикому состоянію, въ которомъ они теперь находятся.

... Христіанское человѣчество живетъ уже болѣе столѣтія въ самомъ несвойственномъ людямъ положеніи: живетъ безъ всякаго религіознаго объясненія своей жизни и вытекающаго изъ него руководства поведенія. И чѣмъ дольше оно живетъ такъ, тѣмъ, съ одной стороны, мучительнѣе и труднѣе становится его жизнь и, съ другой стороны, тѣмъ все яснѣе и яснѣе становится для него сознаніе того давно предчувствуемаго человѣчествомъ закона любви, долженствующаго замѣнить законъ насилія...

... Сознаніе того, что старый законъ и отжилъ и довелъ людей до высшей степени бѣдственности и уродливости жизни и что новый законъ свободы и любви, открытый уже тысячи лѣтъ тому назадъ, требуетъ своего примѣненія и осуществленія, до такой степени близко теперь людямъ не только нашего христіанства, но и всего міра, что пробужденіе отъ того порабощенія и развращенія, въ которомъ столько вѣковъ держали и держатъ сами себя народы, можетъ, какъ я думаю, наступить всякую минуту. Вѣдь

предстоящее огромной важности событіе все не во внѣшнихъ поступкахъ, которые могутъ встрѣтить непреодолимыя препятствія, а все въ сознаніи людей, всегда свободномъ и не могущемъ быть ничѣмъ задержаннымъ. Вѣдь все, что нужно теперь людямъ всего міра для своего освобожденія, не заключается въ какихъ-либо подвигахъ, трудныхъ поступкахъ борьбы съ болѣе сильнымъ врагомъ. Нужно только одно самое естественное, свойственное человѣку и легкое дѣло, даже не дѣло, — только состояніе, состояніе воздержанія, недѣланія поступковъ, противныхъ сознанію. А ни сознанію, ни воздержанію отъ поступковъ, противныхъ сознанію, ничто помѣшать не можетъ...

...Только сознай ясно и твердо, кто они, сознай люди то, чему учили всѣ мудрецы міра и чему учитъ Христосъ: что въ каждомъ человѣкѣ живетъ свободный одинъ и тотъ же во всѣхъ вѣчный, всемогущій духъ, сынъ Божій..., что проявленіе этого духа одно— любовь,—сознай это люди (а люди и уже готовы къ этому сознанію) и поступай согласно или, скорѣе, не поступай только люди противно этому сознанію, и сразу самымъ простымъ, мирнымъ способомъ уничтожатся всѣ затрудненія не только въ Босніи и Сербіи, но во всемъ христіанскомъ мірѣ, и не только въ христіанскомъ мірѣ, но и во всемъ человѣчествѣ. Только живо сознай люди эту открытую имъ истину и поступай по ней, и кончатся всѣ тѣ ужасы, отъ которыхъ они теперь страдаютъ; кончатся и угнетенія однихъ народовъ другими, и войны, и приготовленія къ нимъ...; кончатся эти суды людей надъ людьми, эти ужасные и по жестокости и по глупости наказанія людей людьми, эти цѣпи, тюрьмы, казни; кончится властвованіе празднаго, развращеннаго меньшинства людей надъ превращеннымъ въ рабовъ большинствомъ людей еще не развращенныхъ, трудящихся, способныхъ къ разумной жизни. Только сознай каждый человѣкъ свое человѣческое достоинство..., только поступай такъ, какъ требуетъ этого и сердце и разумъ каждаго человѣка христіанина, и сразу размѣшаются всѣ тѣ затрудненія и бѣдствія, отъ которыхъ страдаютъ не только босняки, герцеговинцы и сербы, но всѣ задавленные, одуренные, безземельные, безработные, измученные люди всего свѣта.

...«Но если это и такъ, то для того, чтобы сдѣлалось все это, чтобы измѣнился весь строй человѣческой жизни, нужно, чтобы были не единицы, не десятки, а всѣ или большинство. А пока большинство не будетъ понимать такъ требованія жизни, жизнь не можетъ измѣниться». Такъ говорятъ люди и продолжаютъ попрежнему жить противно и здравому смыслу и совѣсти.

...Такіе люди забываютъ, что всякій человѣкъ, прежде чѣмъ быть австрійцемъ, сербомъ, туркомъ, китайцемъ,—человѣкъ, т.-е. разумное, любящее существо, призваніе котораго никакъ не въ томъ, чтобы соблюдать или разрушать сербское, турецкое, китайское... государства, а только въ одномъ: въ исполненіи своего человѣческаго назначенія въ тотъ короткій срокъ, который предназначено прожить ему въ этомъ мірѣ. Вотъ это-то самое и говоритъ человѣку ученіе Христа...

Вѣдь дѣло въ томъ, что государство есть фикція; государства никогда не было и нѣтъ, какъ чего-то реальнаго. Реально только одно: жизнь человѣка и людей. И реальность эта до такой степени очевидна и ясна всякому человѣку, что никакія условія, въ которыя онъ можетъ быть поставленъ, не могутъ уничтожить его сознанія этой первой для него важности реальности. Самое удивительное—то, что люди жертвуютъ самымъ реальнымъ, что только есть у нихъ, тому случайному, которое нынче—одно, завтра—другое и которое во всякомъ случаѣ не можетъ продолжать существовать такимъ, какимъ оно было.

Ученіе Христа открываетъ человѣку такое его назначеніе и благо, которое не можетъ измѣняться соотвѣтственно какимъ-либо внѣшнимъ учрежденіямъ. Оно не говоритъ о томъ, что выйдетъ въ будущемъ для собранія людей, называемыхъ народами, государствами, и не можетъ говорить, потому что никто не знаетъ и не можетъ знать этого: говоритъ только то, что знаетъ и чувствуетъ всякій, что изъ слѣдованія человѣкомъ своему закону, закону единенія и любви, ничего, кромѣ добра, выйти не можетъ...

...И потому, если у меня спрашиваютъ совѣта: что дѣлать?—спрашиваетъ ли совѣта индусъ, какъ бороться съ Англіей, сербъ, какъ бороться съ Австріей, персіянинъ, какъ бороться со своимъ персидскимъ... правительствомъ, — я отвѣчаю одно (и не могу не вѣрить, что это одно спасительное всегда и для всѣхъ), отвѣчаю одно: освобождаться всѣми силами отъ губительнаго суевѣрія... и сознать каждому человѣку свое человѣческое достоинство, не допускающее отступленія отъ закона любви...

...Что дѣлать боснякамъ, герцеговинцамъ, индусамъ, сербамъ... шведамъ, всѣмъ одуреннымъ, потерявшимъ свое человѣческое достоинство народамъ? Всѣмъ одно и одно: жить по закону божескому, а не по закону человѣческому. И какъ легко и просто, и возможно это для всѣхъ людей съ неизвращеннымъ еще тѣмъ, что называется политикой и наукой, сознаніемъ. Къ счастію, сознаніе большинства, особенно среди славянскихъ народовъ, не извращено еще, и большинство простыхъ рабочихъ людей ne sont pas encore assèz savants pour raisonner de travèrs [1]), еще могутъ понять ту простую, столь близкую сердцу человѣчества истину о томъ, что въ каждомъ человѣкѣ живетъ одно и то же духовное начало... Подчиняться человѣкъ можетъ только одному тому высшему закону любви, который даетъ высшее благо какъ каждому отдѣльному человѣку, такъ и всему человѣчеству. Только сознаніе людьми въ себѣ высшаго духовнаго начала и вытекающее изъ него сознаніе своего истиннаго человѣческаго достоинства можетъ освободить и освободитъ людей отъ порабощенія одними другихъ. И сознаніе это уже живетъ въ человѣчествѣ и всякую минуту готово проявиться.

Ясная Поляна.
5-го ноября 1908 г.

---

[1]) Недостаточно учены, чтобы разсуждать превратно. Монтэнь.

НЕИЗБѢЖНЫЙ ПЕРЕВОРОТЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Знаю, что много, много людей, особенно изъ числа такъ называемыхъ образованныхъ, заглянувъ въ это мое писаніе и понявъ, о чемъ идетъ рѣчь, только пожмутъ плечами, презрительно улыбнутся и не станутъ читать дальше. «Все старое непротивленіе... Какъ это не надоѣстъ ему», скажутъ они.

Знаю, что это такъ будетъ, во-первыхъ, для людей, называемыхъ учеными и знанія которыхъ не сходятся съ тѣмъ, что я говорю; во-вторыхъ, для людей, находящихся въ увлеченіи дѣятельностью правительственной или революціонной, которымъ это мое писаніе ставитъ дилемму: признать нелѣпостью или то, что они дѣлали и дѣлаютъ годами и ради чего пожертвовали столь многимъ, или то, что я говорю. Будетъ это такъ и для многихъ людей такъ называемыхъ образованныхъ, которые въ самыхъ важныхъ вопросахъ жизни привыкли, не думая своей головой, усваивать мнѣнія, исповѣдуемыя окружающимъ большинствомъ, оправдывающія ихъ положеніе. Но знаю, что всѣ люди, самобытно думающіе, а также и большинство рабочихъ людей, не испорченныхъ еще тѣмъ нагроможденіемъ пустыхъ и ложныхъ знаній, которыя называются въ наше время наукой, будутъ со мной. Знаю это потому, что въ наше время какъ для самобытно мыслящихъ людей, такъ и для огромнаго большинства трудящихся рабочихъ становится съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе очевиднымъ и неразуміе и безнравственность причиненія ими самимъ себѣ ненужныхъ страданій. И тѣ и другіе не могутъ уже въ наше время не признать, наконецъ, ту простую и рѣжущую теперь глаза истину о томъ, что для улучшенія жизни нужно только одно: перестать дѣлать то, что причиняетъ эти страданія.

I.

Казалось бы, что тѣ внѣшнія условія, въ которыхъ находится человѣчество нашего времени, должны бы были довести его благосостояніе до высшей степени. Земель, пригодныхъ для обработки, доступно людямъ столько, что всѣ люди могли бы съ избыткомъ пользоваться на нихъ всѣми благами жизни. Средства передачи мыслей и передвиженія (печать, почта, телеграфъ, желѣзныя дороги, паровые и электрическіе двигатели, аэропланы и др.), т.-е. средства того, что болѣе всего содѣйствуетъ благу людей, средства единенія, доведены до вы-

сокой степени совершенства. Средствъ борьбы съ природой, облегченій труда придумано столько, что, казалось, всѣ люди могли бы пользоваться полнымъ удовлетвореніемъ своихъ потребностей безъ напряженія труда, лишающаго досуга и разрушающаго здоровье. Все есть для того, чтобы благо людей увеличивалось, а вмѣсто этого люди нашего времени страдаютъ, мучаются тѣлесно и духовно, какъ никогда въ прежнія времена не страдали и не мучились, и страданія и мученія эти растутъ съ каждымъ годомъ.

Скажутъ: страданія свойственны вообще жизни людей. Да, страданія свойственны, но не тѣ страданія, которыми страдаютъ теперь люди нашего міра. Свойственны жизни человѣческой страданія внѣшнія, всякаго рода болѣзни, наводненія, пожары, землетрясенія, засухи; свойственны также и страданія случайныя, временныя, отъ войнъ или жестокости нѣкоторыхъ правителей, но не тѣ страданія, которыми не переставая страдаютъ теперь *всѣ* люди. Страдаютъ теперь всѣ люди. и тѣ, которые властвуютъ или прямой силой, или богатствомъ, и тѣ, которые съ неперестающей ненавистью несутъ свою зависимость отъ властвующихъ и богатыхъ, и страдаютъ всѣ уже не отъ внѣшнихъ причинъ, не отъ землетрясеній и наводненій, не отъ Нероновъ, Іоанновъ IV, Чингисъ-хановъ и т. п., а страдаютъ другъ отъ друга, страдаютъ отъ того, что всѣ раздѣлены на два враждебные, ненавидящіе другъ друга стана; страдаютъ одни отъ зависти и ненависти къ тѣмъ, кто надъ ними властвуетъ, другіе—отъ страха и тоже презрительнаго, недобраго чувства къ тѣмъ, надъ кѣмъ они властвуютъ; страдаютъ и тѣ и другіе отъ сознанія непрочности своего положенія, отъ той неперестающей, временами вспыхивающей и проявляющейся величайшими жестокостями, но никогда не перестающей глухой борьбы между двумя ненавидящими другъ друга лагерями. Страдаютъ особенно жестоко преимущественно отъ того, что и тѣ и другіе въ глубинѣ души знаютъ, что причина ихъ страданій—въ нихъ самихъ, что имъ можно бы было избавиться отъ этихъ наносимыхъ самимъ себѣ страданій, но и тѣмъ и другимъ кажется, что они не могутъ этого сдѣлать, что виноваты не они, а враги ихъ, и съ тѣмъ бо̀льшимъ озлобленіемъ нападаютъ другъ на друга и тѣмъ все больше и больше ухудшаютъ свое положеніе.

Такъ что причина бѣдственности положенія, въ которомъ находится теперь человѣчество, — причина совершенно особенная, исключительная, свойственная только нашему времени.

II.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы знаемъ совокупную жизнь людей, мы знаемъ, что всѣ люди соединялись между собой, кромѣ связей семейныхъ, родовыхъ, обмѣнныхъ, торговыхъ, еще подчиненіемъ многихъ одному или нѣсколькимъ властителямъ. Такое подчиненіе однихъ другимъ, большинства меньшинству было такъ обще всѣмъ народамъ, такъ давно существовало, что всѣ люди,—какъ тѣ, ко-

торые властвовали надъ многими, такъ и тѣ, которые подчинялись имъ,—считали такое устройство жизни неизбѣжнымъ, естественнымъ и единственно возможнымъ для совокупной жизни людей... А между тѣмъ во всѣхъ религіозныхъ ученіяхъ древняго міра: и въ браманизмѣ, и въ буддизмѣ, и въ таосизмѣ, и въ конфуціанствѣ, а также и въ ученіяхъ греческихъ и римскихъ мудрецовъ, вмѣстѣ съ утвержденіемъ власти властвующихъ на насиліи всегда выражалось съ разныхъ сторонъ еще другое ученіе о томъ, что любовь людей между собою есть наилучшее средство общенія людей, такъ какъ даетъ людямъ наибольшее благо. Мысль эта различно и съ различной степенью ясности выражалась въ разныхъ ученіяхъ Востока, но за 1900 лѣтъ до нашего времени мысль эта съ поразительной ясностью и опредѣленностью была выражена въ христіанствѣ. Христіанство указало людямъ не только то, что любовь есть средство общенія людей, дающее благо, но и то, что любовь есть высшій законъ жизни людей, и что поэтому законъ любви несовмѣстимъ съ прежнимъ, основаннымъ на насиліи, устройствомъ жизни...

III.

Въ сознаніе людей входило все большее и большее признаніе закона любви, долженствовавшаго замѣнить насиліе, а между тѣмъ жизнь продолжала идти на прежнихъ основаніяхъ.

Такъ это продолжалось вѣками. Но пришло время, когда истина о томъ, что любовь есть высшій законъ жизни человѣческой и что потому насиліе, несовмѣстимое съ любовью, не можетъ быть высшимъ закономъ жизни,—истина, столь свойственная духовной природѣ человѣка и выраженная болѣе или менѣе ясно во всѣхъ религіозныхъ ученіяхъ и съ особенной ясностью въ христіанствѣ,—все болѣе и болѣе входила въ сознаніе людей и въ наше время болѣе или менѣе сознательно уже стала достояніемъ большинства людей. Какъ нельзя затушить огонь, заваливъ его стружками, такъ невозможно было заглушить разъ возникшую въ сознаніи людей и съ такой ясностью выраженную во всѣхъ религіозныхъ ученіяхъ и столь близкую сердцу человѣческому истину о томъ, что свойственное природѣ людей единеніе есть единеніе, основанное на любви, а не на насиліи. И истина эта, хотя и не въ прямомъ своемъ выраженіи, но въ различныхъ вытекающихъ изъ этой истины положеніяхъ и требованіяхъ, все чаще и чаще проявлялась во всемъ мірѣ, отыскивая свое приложеніе къ жизни. Такъ, среди христіанскаго міра истина эта, прежде чѣмъ въ другихъ странахъ, проявилась въ требованіяхъ равенства гражданъ (людей хотя только одного государства), въ уничтоженіи рабства, въ признаніи правъ женщины, въ ученіяхъ соціализма, коммунизма...; проявлялась и проявляется эта истина и въ самыхъ разнообразныхъ союзахъ, конгрессахъ міра, проявляется и во многихъ такъ называемыхъ сектахъ, какъ христіанскихъ, такъ и магометанскихъ, прямо отрицающихъ законъ насилія и освобождающихъ себя отъ подчиненія ему...

Всѣ люди міра, хотя еще и не признавая закона любви во всемъ его значеніи, уже чувствуютъ всю невозможность продолженія жизни по прежнему закону насилія и ищутъ другой, соотвѣтствующей духовному росту человѣчества, основы взаимнаго общенія...

IV.

... Люди теперь въ большинствѣ своемъ болѣе или менѣе живо чувствуютъ уже необходимость устройства жизни на другихъ основаніяхъ, чѣмъ насиліе. Но старые обычаи, преданія, воспитаніе, привычки, главное — самое устройство жизни таково, что люди, желая дѣлать дѣла, вытекающія изъ закона любви, приводятъ ихъ въ исполненіе посредствомъ насилія, т.-е. посредствомъ того, что прямо противоположно тому закону любви, во имя котораго они дѣйствуютъ, дѣлаютъ то, что дѣлаютъ.

Такъ въ наше время революціонеры, коммунисты, анархисты во имя любви, блага народа совершаютъ свои разрушенія, убійства. Во имя любви же, опять для блага народа, устраиваютъ правительства свои тюрьмы, крѣпости, каторги, казни. Во имя любви, высшаго блага уже не одного, а всѣхъ народовъ, устраиваютъ дипломаты свои союзы, конгрессы, опирающіеся на все увеличиваемыя и все больше и больше вооружаемыя войска. Во имя любви же устраиваютъ богачи, собравшіе богатство и удерживающіе его только благодаря законамъ, утверждаемымъ насиліемъ, свои всякаго рода благотворительныя учрежденія, неприкосновенность которыхъ удерживается опять-таки насиліемъ.

Такъ это дѣлается вездѣ. Большое незамѣчаемое людьми зло насилія совершается во имя умышленно выставляемаго на видъ подобія добра. И, какъ и не можетъ быть иначе, это не только не улучшаетъ положенія, но, напротивъ, только ухудшаетъ его. И потому положеніе людей нашего времени, становясь все хуже и хуже, стало несравненно хуже положенія людей въ древности. Оно стало хуже оттого, что въ наше время средства насилія увеличились въ сотни разъ, а увеличеніе средствъ насилія увеличило и происходящее отъ насилія зло. Какъ ни жестоки и безчеловѣчны могли быть Нероны, Іоанны IV, у нихъ не было тѣхъ средствъ воздѣйствія на людей, какія есть теперь у Наполеоновъ, Бисмарковъ съ ихъ войнами, англійскихъ парламентовъ съ ихъ усмиреніями индусовъ и нашихъ русскихъ шлиссельбурговъ, каторгъ, ссылокъ. Были въ старину Соловьи-разбойники, Пугачевы, но не было тѣхъ орудій убійства, бомбъ, динамитовъ, дающихъ возможность одному слабому человѣку убивать сотни. Въ старину было рабство однихъ у другихъ, но не было того всеобщаго захвата земли, какой есть теперь, и той трудности пріобрѣтенія предметовъ первой необходимости, а потому и не было того отчаяннаго положенія, въ которомъ находятся теперь милліоны безработныхъ,— положенія, безъ сравненія худшаго, чѣмъ положеніе прежнихъ рабовъ: теперь рабочіе ищутъ рабства и страдаютъ оттого, что не могутъ найти хозяина-рабовладѣльца...

V.

Продолженіе жизни людей нашего времени какъ властвующихъ, такъ и тѣхъ, надъ кѣмъ властвуютъ властвующіе, въ томъ положеніи, въ которомъ они находятся теперь, становится все болѣе и болѣе невозможнымъ. И это живо чувствуется и тѣми и другими. Возможна была жизнь человѣчества съ его раздѣленіемъ на десятки враждебныхъ государствъ, съ ихъ королями, войсками, дипломатами, съ ихъ отбираніемъ отъ народа произведеній его труда на вооруженіе и содержаніе войскъ тогда, когда народы еще наивно думали, каждый про себя, что онъ одинъ—настоящій народъ, а что всѣ другіе народы—враги, варвары, и что не только похвально отдавать свои труды и жизнь на защиту своего народа и его правителей, но что это даже не можетъ быть иначе, что это такъ же естественно, какъ кормиться, жениться, дышать. Возможна была такая жизнь людей, когда люди вѣрили, что бѣдность и богатство суть условія жизни, предопредѣленныя Богомъ, когда властвующіе и богатые не только не сомнѣвались въ законности своего положенія, но въ душѣ своей передъ Богомъ гордились имъ, считая себя избранной, особой породой людей, людей же народа, «подлыхъ», занимающихся ручной работой или даже торговлей, считали низшей породой людей, подвластные же и бѣдные вѣрили, что властвующіе и богатые—особенная порода людей, предназначенная на властвованіе самимъ Богомъ, такъ же, какъ Богомъ же предопредѣлена ихъ жизнь, подвластныхъ и бѣдныхъ...

Такъ продолжалось вѣками. Но пришло время, когда все то, что дѣлало эту жизнь возможной, стало понемногу разрушаться, и, наконецъ, люди всего міра, и въ особенности христіанскаго, пришли къ сознанію, болѣе или менѣе ясному, того, что не они одни,—нѣмцы, французы, японцы, русскіе,—живутъ на свѣтѣ и не они одни хотятъ отстоять выгоды своего народа, но что всѣ народы въ томъ же положеніи и что поэтому всякая война не только губительна для народныхъ массъ, не получающихъ отъ войны никакихъ выгодъ, а только лишенія, но и совершенно безсмысленна; кромѣ того, пришли люди нашего времени и къ тому болѣе или менѣе ясному сознанію, что... богатство не есть нѣчто предопредѣленное свыше, какъ это представлялось имъ прежде, но есть плодъ цѣлаго ряда обмановъ, вымогательствъ, насилій надъ трудящимся народомъ. Знаютъ все это въ наше время въ глубинѣ души и властвующіе и богатые, но не имѣютъ силъ отказаться отъ своихъ положеній и или грубымъ насиліемъ, или обманами, или уступками стараются удержать свое положеніе. И потому теперь, когда всѣ люди, всѣ, кромѣ того, что раздѣлены между собой на различныя народности, подавленныя и желающія освободиться или желающія удержать подавленныхъ, раздѣлены еще вездѣ на два озлобленно-враждебные другъ другу стана: однихъ—рабочихъ, обдѣленныхъ, униженныхъ и сознающихъ несправедливость своего положенія, и другихъ—властвующихъ и

богатыхъ, тоже сознающихъ несправедливость своего положенія, но во что бы то ни стало все-таки отстаивающихъ его, и тѣхъ и другихъ, готовыхъ для достиженія своей цѣли совершать и совершающихъ другъ противъ друга... обманы, кражи, шпіонства, убійства, грабежи, казни,—положеніе людей таково, что оно, очевидно, не можетъ уже продолжаться.

Правда, есть еще такіе люди, которые хотятъ увѣрить себя и рабочихъ, что вотъ-вотъ еще одно убѣдительное разъясненіе существующей несправедливости, еще одна, самая прекрасная, теорія будущаго устройства жизни, еще одно небольшое усиліе борьбы съ врагомъ,—и установится, наконецъ, тотъ новый порядокъ, при которомъ не будетъ уже зла, а всѣ люди будутъ благоденствовать. Есть такіе же люди и среди властвующихъ. Люди эти тоже стараются увѣрить себя и другихъ, что человѣчество не можетъ жить иначе, какъ такъ, какъ оно жило вѣками, тысячелѣтіями, что измѣнять ничего не нужно, что стоитъ только, какъ ни непріятно это, неукоснительно подавлять силой всѣ попытки измѣненія существующаго строя и, не отказывая въ «разумныхъ» требованіяхъ народа, твердо вести его по пути умѣреннаго прогресса, и всѣмъ будетъ хорошо.

Есть такіе вѣрующіе и въ томъ и въ другомъ лагерѣ, но люди уже не вѣрятъ имъ, а два враждебные лагеря только все рѣзче и и рѣзче раздѣляются...

VI.

... Можетъ ли быть счастливъ или, вѣрнѣе, не быть несчастливъ старикъ, который захотѣлъ бы жить жизнью молодости, или взрослый человѣкъ, желающій жить жизнью ребенка? И сколько бы ни старался человѣкъ продолжать жить несвойственной уже ему жизнью прежняго возраста, онъ если не разумомъ, то страданіями волей или неволей будетъ приведенъ къ необходимости жить сообразно своему возрасту.

То же самое съ обществами людей и со всѣмъ человѣчествомъ, если оно руководствуется въ своей жизни не свойственнымъ его возрасту сознаніемъ, а тѣмъ, которое уже давно пережито имъ. А это самое совершается теперь съ человѣчествомъ нашего времени.

Мы не знаемъ и не можемъ знать условій ни рожденія, ни происхожденія, ни исчезновенія какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и человѣчества; но въ предѣлахъ доступнаго намъ времени знаемъ, и несомнѣнно знаемъ, что жизнь человѣчества всегда подчинялась и подчиняется тому же самому закону постепеннаго роста и развитія, которому подчиняется и жизнь отдѣльнаго человѣка...

Много есть суевѣрій, отъ которыхъ страдаютъ люди, но нѣтъ болѣе общаго, болѣе губительнаго по своимъ послѣдствіямъ суевѣрія, чѣмъ то, по которому люди увѣряютъ себя въ томъ, что сознаніе человѣчества (то, которое выражается ученіями о смыслѣ жизни и о вытекающемъ изъ него руководствѣ поведенія, называемыми религіями), что это сознаніе можетъ остановиться и быть одно и то же во всѣ времена жизни людей...

VII.

. . . . . .

. . . . . .

VIII.

Казалось бы, что бѣдствія, вытекающія изъ насилій, производимыхъ людьми другъ надъ другомъ, должны бы вызывать въ нихъ мысль о томъ, что они сами виноваты въ этихъ бѣдствіяхъ. А если люди сами виноваты, а я человѣкъ,—стало-быть, и я виноватъ,—казалось бы, долженъ сказать себѣ каждый, а потому и спросить себя: въ чемъ моя вина въ претерпѣваемыхъ мною и всѣми людьми бѣдствіяхъ?

. Такъ, казалось, должно бы быть, но... вслѣдствіе долгой жизни, основанной на насиліи, мысль о своемъ участіи въ дурномъ устройствѣ жизни людей никому не приходитъ въ голову. Всѣ обвиняютъ другъ друга. Одни обвиняютъ тѣхъ, которые, по ихъ мнѣнію, обязаны устраивать ихъ жизнь и устраиваютъ ее не такъ, какъ они считаютъ это нужнымъ; другіе же, устраивающіе чужую жизнь, недовольны тѣми, жизнь которыхъ они устраиваютъ. И какъ тѣ, такъ и другіе думаютъ о самыхъ сложныхъ и трудныхъ вопросахъ, но не задаютъ себѣ только одного самаго, казалось бы, естественнаго вопроса: что «мнѣ» дѣлать для того, чтобы измѣнилось то устройство жизни, которое я считаю дурнымъ и въ которомъ такъ или иначе не могу не участвовать?

«Любовь должна замѣнить насиліе».

«Допустимъ, что это такъ,—скажутъ люди.—Но какъ, какимъ путемъ долженъ и можетъ произойти этотъ переворотъ?»

«Что дѣлать для того, чтобы переворотъ этотъ могъ совершиться, чтобы жизнь насильническая замѣнилась жизнью мирной, любовной?»

Что дѣлать?—спрашиваютъ одинаково и властители, и подвластные, и революціонеры, и общественные дѣятели, подразумѣвая подъ вопросомъ «что дѣлать?» всегда вопросъ о томъ, какъ должна быть устроена жизнь людей.

Всѣ спрашиваютъ: какъ должна быть устроена жизнь людей, т.-е. что дѣлать съ другими людьми? Всѣ спрашиваютъ, что дѣлать съ другими, но никто не спрашиваетъ, что мнѣ дѣлать съ самимъ собой.

Суевѣріе неподвижности религіи... породило еще и это другое, вытекающее изъ перваго, суевѣріе, больше всего препятствующее людямъ перейти отъ жизни насильнической къ жизни мирной, любовной: суевѣріе о томъ, что одни люди должны и могутъ устраивать жизнь другихъ людей...

Стоитъ освободиться людямъ отъ этого обычнаго суевѣрія, и тотчасъ же стало бы ясно всѣмъ, что устраивается жизнь всякаго соединенія людей только такъ, какъ каждый самъ для себя устраиваетъ свою жизнь...

IX.

«Хорошо, любовь вмѣсто законовъ, приводимыхъ въ исполненіе насиліемъ. Допустимъ, что признаніе всѣми людьми средствомъ единенія между собою любви вмѣсто насилія увеличило бы благо людей; но оно увеличило бы его только тогда, когда всѣ люди признавали бы для себя обязательнымъ законъ любви,—говорятъ обыкновенно.—Но что будетъ со всѣми тѣми, кто откажется отъ насилія, живя среди людей, не отказавшихся отъ него? Людей этихъ лишатъ всего, будутъ мучить; люди эти будутъ рабами людей, живущихъ насиліемъ».

Такъ всегда и все одно и то же, и не стараясь понимать то, что включено въ самое ученіе любви, говорятъ защитники насилія.

Не стану говорить о томъ, что если насиліе когда-либо защищало жизнь и спокойствіе людей, то безчисленное количество разъ оно, напротивъ, было причиной величайшихъ бѣдствій, которыя не могли бы быть, если бы люди не допускали насилія. Не буду говорить про всѣ тѣ ужасы, которые съ самыхъ древнихъ временъ совершались во имя признанія необходимости насилія, ни про ужасы древнихъ и средневѣковыхъ войнъ, ни про ужасы большой французской революціи, про 30.000 коммунаровъ 70 года, про ужасы наполеоновскихъ, франко-прусскихъ, турецкихъ войнъ, индійскихъ усмиреній, теперешнихъ персидскихъ дѣлъ, теперь совершающейся рѣзни армянъ, убійствъ и казней въ Россіи, ни милліоновъ непрестанно погибающихъ отъ нужды и голода рабочихъ. Взвѣсить и рѣшить вопросъ о томъ, больше или меньше было или будетъ матеріальныхъ золъ отъ примѣненія въ общественной жизни насилія или закона любви, мы никакъ не можемъ, потому что не знаемъ и не можемъ знать того, что было бы, если хотя бы и малая часть людей слѣдовала закону любви, а большая жила бы насиліемъ. Вопросъ этотъ никакъ не можетъ быть рѣшенъ ни опытомъ, ни разсужденіемъ. Вопросъ этотъ—вопросъ религіозно-нравственный и потому рѣшается не опытомъ, а внутреннимъ сознаніемъ, какъ и всѣ вопросы религіозно-нравственные, рѣшается не соображеніями о томъ, что выгоднѣе, а тѣмъ, что человѣкъ признаетъ хорошимъ и что дурнымъ, что должнымъ и что недолжнымъ.

Ни на чемъ, какъ на отношеніи людей нашего міра къ вопросу о примѣненіи къ жизни закона любви и неразрывно связанному съ нимъ понятію непротивленія злу насиліемъ, такъ не видно полное отсутствіе въ людяхъ нашего времени не только христіанскаго вѣрованія, но хотя какого бы то ни было религіознаго вѣрованія, и не только какого бы то ни было религіознаго вѣрованія, но даже и пониманія того, въ чемъ состоитъ религіозное вѣрованіе.

«Законъ любви, исключающей насиліе, неисполнимъ, потому что можетъ случиться, что злодѣй на нашихъ глазахъ будетъ убивать беззащитнаго ребенка», говорятъ люди.

... Людей, видите ли, очень занимаетъ и безпокоитъ вопросъ о томъ, какъ имъ поступить съ убиваемымъ на ихъ глазахъ воображаемымъ ребенкомъ. До такой степени трогаетъ ихъ судьба этого воображаемаго ребенка, что они никакъ не могутъ допустить, чтобы однимъ изъ необходимыхъ условій любви было неупотребленіе насилія. Въ сущности же занимаетъ этихъ людей, желающихъ оправдать насиліе, никакъ не судьба воображаемаго ребенка, а своя судьба, своя, вся основанная на насиліи, жизнь, которая при отрицаніи насилія не можетъ продолжаться.

Защитить убиваемаго ребенка всегда можно, подставивъ свою грудь подъ ударъ убійцы, но мысль эта, естественная для человѣка, руководимаго любовью, не можетъ придти въ голову людямъ, живущимъ насиліемъ, такъ какъ для этихъ людей нѣтъ и не можетъ быть никакихъ другихъ, кромѣ животныхъ, побужденій къ дѣятельности.

Въ дѣйствительности же вопросъ о приложеніи къ жизни требованій любви сводится къ самому простому умозаключенію, всегда признававшемуся и немогущему не признаваться разумными людьми, а именно тому, что любовь, несовмѣстимая съ дѣланіемъ другому того, чего себѣ не хочешь, несовмѣстима поэтому и съ ранами, лишеніемъ свободы, убійствами другихъ людей, которыя всегда неизбѣжно включены въ понятіе насилія. И потому можно жить насиліемъ, не признавая закона любви религіознымъ закономъ, можно жить и по закону любви, не признавая необходимости насилія, но признавать божественнымъ и законъ власти, т.-е. насилія, и такимъ же божественнымъ законъ любви, казалось бы, невозможно. А между тѣмъ въ этомъ самомъ вопіющемъ противорѣчіи живутъ всѣ люди нашего времени и въ особенности люди христіанскаго міра.

X.

«Но все это—общія разсужденія. Допустимъ, что я вѣрю въ законъ любви,—скажутъ на это.—Что дѣлать мнѣ, Ивану, Петру, Марьѣ, каждому человѣку, если онъ признаетъ справедливость того, что человѣчество дожило до необходимости вступленія на новый путь жизни? Что дѣлать мнѣ, Ивану, Петру, Марьѣ, для того, чтобы уничтожилась та дурная жизнь насилія и установилась добрая жизнь любви? Что именно дѣлать мнѣ, Ивану, Петру, Марьѣ, для того, чтобы содѣйствовать этому перевороту?»

Вопросъ этотъ, несмотря на то, что онъ кажется намъ столь естественнымъ, такъ же страненъ, какъ страненъ былъ бы вопросъ человѣка, губящаго свою жизнь пьянствомъ, игрой, распутствомъ, ссорами, который бы спрашивалъ: что мнѣ дѣлать, чтобы улучшить свою жизнь?

Какъ ни совѣстно отвѣчать на такой наивный вопросъ, все-таки отвѣчу для тѣхъ, кому такой отвѣтъ можетъ быть нуженъ.

Отвѣтъ на вопросъ о томъ, что надо дѣлать человѣку, осуждающему существующее устройство жизни и желающему измѣнить и улучшить его, — отвѣтъ простой, естественный и одинъ для каждаго, не одержимаго суевѣріемъ насилія, человѣка такой:

Первое: *Перестать самому дѣлать прямое насиліе, а также и готовиться къ нему.* Это—первое. Второе: *Не принимать участія въ какомъ бы то ни было насиліи, дѣлаемомъ другими людьми, и также въ приготовленіяхъ къ насилію.* Третье: *Не одобрять никакое насиліе...*

Очень можетъ быть, что если человѣкъ будетъ поступать такъ... то онъ подвергнется гоненіямъ... Но можетъ быть и то, что человѣкъ, не дѣлавшій ничего этого и, напротивъ, исполняющій требованія властей, пострадаетъ отъ другихъ причинъ точно такъ же, а можетъ быть, и еще больше... Такъ же, какъ можетъ быть и то, что отказъ человѣка отъ участія въ насиліи, основанный на требованіяхъ любви, откроетъ глаза другимъ людямъ и привлечетъ многихъ къ такимъ же отказамъ...

Все это можетъ быть, но можетъ и не быть, и потому отвѣтъ на вопросъ о томъ, что дѣлать человѣку, признающему истинность и приложимость къ жизни закона любви, не можетъ быть основанъ на предполагаемыхъ послѣдствіяхъ.

Послѣдствія нашихъ поступковъ не въ нашей власти. Въ нашей власти только самые поступки наши. Поступки же, какіе свойственно дѣлать и, главное, какіе свойственно *не дѣлать* человѣку, основываются всегда только на вѣрѣ человѣка. Вѣритъ человѣкъ въ необходимость насилія, религіозно вѣритъ, и такой человѣкъ будетъ совершать насиліе не во имя благихъ послѣдствій, которыхъ онъ ожидаетъ отъ насилія, а только потому, что вѣритъ. Если же вѣритъ человѣкъ въ законъ любви, то онъ точно такъ же будетъ исполнять требованія любви и воздерживаться отъ поступковъ, противныхъ закону любви, независимо отъ какихъ бы то ни было соображеній о послѣдствіяхъ, а только потому, что вѣритъ, и оттого не можетъ поступить иначе.

И потому для осуществленія въ жизни закона любви и замѣны имъ закона насилія нужно только одно—то, чтобы люди вѣрили въ законъ любви такъ же, какъ они вѣрятъ теперь въ необходимость насилія...

Возможно ли это?

XI.

Разрѣшеніе не одного вопроса общественнаго устройства, а *всѣхъ, всѣхъ* вопросовъ, волнующихъ человѣчество, — въ одномъ: въ перенесеніи вопроса изъ области кажущейся широкой и значительной, но въ сущности самой узкой, ничтожной и всегда сомнительной, изъ области внѣшней дѣятельности (имѣющей, будто бы, въ виду благо всего человѣчества, дѣятельности научной, общественной) въ область, кажущуюся узкой, но въ сущности самую широкую и глубокую и, главное, несомнѣнную: въ область своей личной, не тѣлесной, но духовной жизни, въ область религіозную.

Только сдѣлай это для себя каждый человѣкъ, спроси себя, настоящаго себя, свою душу, что тебѣ передъ Богомъ или передъ твоей совѣстью (если не хочешь признавать Бога) нужно, и тотчасъ же получатся самые простые, ясные, несомнѣнные отвѣты

Библіотека-Читальня
имени В. А. Серова

на самые казавшіеся сложными и неразрѣшимыми вопросы, уничтожатся большею частью и самые вопросы, и все, что было сложно, запутанно, неразрѣшимо, мучительно, — все тотчасъ же станетъ просто, ясно, радостно и несомнѣнно.

Кто бы ты ни былъ: ...милліардеръ, король, палачъ, тюремщикъ, нищій, министръ, воръ, писатель, монахъ, остановись на минуту въ своей дѣятельности и загляни въ свою святая святыхъ, въ свое сердце, и спроси себя, что тебѣ, настоящему тебѣ, нужно для того, чтобы прожить наилучшимъ образомъ тѣ часы или десятилѣтія, которые еще могутъ предстоять тебѣ. И кто бы ты ни былъ, если ты только искренно и серьезно спросишь себя объ этомъ, ты не можешь не отвѣтить себѣ то же, что отвѣчали и отвѣчаютъ себѣ всѣ люди, серьезно и искренно ставившіе и ставящіе себѣ вопросъ этотъ: нужно тебѣ, навѣрное, одно, то самое, что всегда было и теперь нужно для всѣхъ: благо, истинное благо, не такое благо, которое нынче можетъ быть благомъ, а завтра можетъ стать зломъ, и не такое, какое было бы благомъ для одного тебя, а зломъ для другихъ, а одно истинное, несомнѣнное благо, такое благо, которое благо и для тебя и для всѣхъ людей и сегодня, и завтра, и во всякомъ мѣстѣ. А такое истинное благо дается только тому, кто исполняетъ законъ своей жизни. Законъ же этотъ ты знаешь и по разуму, и по ученіямъ всѣхъ мудрецовъ міра, и по влеченію своего сердца. Законъ этотъ—любовь, любовь къ высшему совершенству, къ Богу и ко всему живому и въ особенности къ подобнымъ тебѣ существамъ—людямъ.

Только пойми это каждый изъ насъ, и онъ тотчасъ же пойметъ и то, что причина страданій и его и всего міра — не въ какихъ-либо злыхъ людяхъ, виновныхъ въ томъ злѣ, которое совершается, а только въ одномъ: въ томъ, что живутъ люди въ условіяхъ жизни, сложившихся на насиліи,—условіяхъ, противныхъ любви, несовмѣстимыхъ съ нею, и что потому причина того зла, отъ котораго мы всѣ страдаемъ, не въ людяхъ, а въ томъ ложномъ устройствѣ жизни на насиліи, которое люди считаютъ необходимымъ.

... А пойметъ это человѣкъ, и онъ ясно увидитъ всю несправедливость, жестокость, неразумность осужденія людей, приведенныхъ своей отжившей вѣрой въ насиліе и вытекающими изъ нея сложными условіями жизни къ своимъ, противнымъ любви, поступкамъ, пойметъ то, что люди дѣлаютъ дурное не потому, что они виноваты, а потому, что существуетъ то суевѣріе насилія, которое можетъ быть уничтожено никакъ не насиліемъ же, а только освобожденіемъ себя каждымъ человѣкомъ отъ этого губительнаго суевѣрія.

Освобожденіе же отъ суевѣрія насилія въ одномъ: въ освобожденіи себя отъ общихъ мнимо-важныхъ вопросовъ общественной дѣятельности, въ перенесеніи всѣхъ усилій духа изъ области общественной, внѣшней дѣятельности въ исполненіе требованій своей внутренней, духовной жизни. Требованія же эти ясно выражены въ ученіяхъ всѣхъ религіозныхъ учителей человѣчества,

а также во внутреннемъ сознаніи каждаго человѣка; требованія эти въ увеличеніи въ себѣ каждымъ человѣкомъ способности любви.

XII.

... Но какъ же сложится жизнь людей на основаніи любви, исключающей насиліе? На вопросъ этотъ никто не можетъ отвѣтить, да, кромѣ того, отвѣтъ этотъ никому и не нуженъ. Законъ любви не есть законъ общественнаго устройства того или другого народа или государства, которому можно содѣйствовать, когда предвидишь или, скорѣе, воображаешь, что предвидишь тѣ условія, при которыхъ совершится желательное измѣненіе. Законъ любви, будучи закономъ жизни каждаго отдѣльнаго человѣка, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и законъ жизни всего человѣчества, и потому безумно было бы воображать, что можно знать, и желать знать конечную цѣль какъ своей жизни, такъ тѣмъ болѣе жизни всего человѣчества.

То, что мы не знаемъ и не можемъ даже себѣ представить того, какая будетъ жизнь людей, вѣрящихъ въ законъ любви, такъ же какъ вѣрятъ теперь люди въ необходимость насилія, показываетъ только то, что, слѣдуя закону любви, мы истинно живемъ, дѣлая то, что должно, каждый для себя, и то, что должно, для жизни всего человѣчества. То, что, слѣдуя закону любви, мы дѣлаемъ то, что должно для себя, мы знаемъ потому, что, только слѣдуя этому закону, мы получаемъ наибольшее благо. То же, что, слѣдуя этому закону, мы дѣлаемъ и то, что должно и для всего человѣчества, мы знаемъ потому, что благо человѣчества въ единеніи, а ничто не можетъ по самому свойству своему такъ тѣсно и радостно соединять людей, какъ тотъ самый законъ любви, который даетъ и высшее благо каждому отдѣльному человѣку.

Вотъ все, что я хотѣлъ сказать.

Всей душой вѣря въ то, что мы живемъ наканунѣ всемірнаго великаго переворота въ жизни людей и что всякое усиліе..., хотя бы и самое слабое, содѣйствуетъ наступленію этого переворота, я не могъ, доживая, по всѣмъ вѣроятіямъ, послѣдніе дни моей жизни, не попытаться передать другимъ людямъ эту мою вѣру.

Да, мы стоимъ на порогѣ совсѣмъ новой, радостной жизни, и вступленіе въ эту жизнь зависитъ только отъ нашего освобожденія себя отъ все болѣе и болѣе мучающаго насъ суевѣрія необходимости насилія для совокупной жизни людей и признанія того вѣчнаго начала любви, которое уже давно живетъ въ сознаніи людей и неизбѣжно должно замѣнить отжитое и уже давно ненужное и только губительное для людей начало насилія.

5 іюля 1909 г.

ЕДИНАЯ ЗАПОВѢДЬ.

Богъ есть любовь.

I посл. Іоанна, IV, 16.

Бога никто никогда не видѣлъ. Если мы любимъ другъ друга, то Богъ въ насъ пребываетъ, и любовь Его совершенна есть въ насъ.

I посл. Іоанна, IV, 12.

Учитель! Какая наибольшая заповѣдь въ законѣ? Іисусъ сказалъ ему: возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душою твоею, и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ. Сія есть первая и наибольшая заповѣдь. Вторая же подобная ей: возлюби ближняго твоего, какъ самого себя. На сихъ двухъ заповѣдяхъ утверждается весь законъ и пророки.

Мтѳ. XXII; 36—40.

I.

Ученіе Евангелія содержитъ простую вѣру, а именно вѣру въ Бога и почитаніе Его, или, что то же самое, послушаніе Его закону. Весь же законъ Его только въ одномъ: любить ближняго.

Спиноза.

Христіанская вѣра — вся въ любви. Всѣ мы знаемъ это. И знаемъ не только потому, что это написано въ книгѣ Евангелія, но потому, что это написано въ душахъ нашихъ. Скажи о любви какому хочешь человѣку: русскому, нѣмцу, китайцу, японцу, индусу, скажи это вору, разбойнику, палачу, — нѣтъ того человѣка, который бы не согласился съ тѣмъ, что лучше жить людямъ по любви, чѣмъ такъ, какъ они живутъ теперь. И мало того, что каждый знаетъ, что лучше жить по любви, чѣмъ во враждѣ и ненависти, каждый знаетъ и то, что можно такъ жить.

Отчего же мы, христіане — не говорю уже про людей другихъ вѣръ, — а мы, тѣ самые христіане, которые, какъ всѣ другіе люди, знаемъ, что хорошо и можно жить по любви, кромѣ того, знаемъ это по Евангелію, — а Евангеліе мы считаемъ священной книгой, — отчего же мы, христіане, живемъ не по любви, а во враждѣ и ненависти?

Отчего это?

А оттого, что и въ Евангеліи, и въ душахъ нашихъ дана намъ одна единственная вѣра — вѣра въ любовь, и одна единственная заповѣдь — заповѣдь любви; мы же, кромѣ вѣры въ любовь, вѣримъ еще во многое другое и, кромѣ заповѣди любви, считаемъ божескими заповѣдями еще много другихъ заповѣдей, и потому въ жизни своей слѣдуемъ больше этимъ другимъ заповѣдямъ, а не той заповѣди любви, которая дана намъ въ нашемъ сердцѣ и въ христіанскомъ ученіи.

II.

Съ того часа, какъ первые члены соборовъ сказали: «Изволися намъ и Святому Духу», т.-е. вознесли внѣшній авторитетъ выше внутренняго, признали результатъ жалкихъ человѣческихъ разсужденій на соборахъ важнѣе и святѣе того единаго истинно святого, что есть въ человѣкѣ: его разума и совѣсти, — съ того часа началась та ложь, убаюкивающая души людей, которая погубила милліоны человѣческихъ существъ и продолжаетъ до сей поры свое ужасное дѣло.

Большинству людей мы оказываемъ слишкомъ много чести, когда говоримъ про нихъ, что они исповѣдуютъ ту или иную религію. Ибо они не знаютъ и не ищутъ никакой религіи; уставная церковная вѣра — вотъ все, что они подразумѣваютъ подъ этимъ словомъ. И такъ называемыя религіозныя войны, которыя такъ часто потрясали міръ и заливали его кровью, никогда не были не чѣмъ инымъ, какъ только препирательствами изъ-за церковной вѣры, и угнетенный жаловался въ сущности не на то, что ему препятствовали принадлежать къ его религіи, ибо этого не можетъ сдѣлать никакая внѣшняя сила, а на то, что ему не позволяли слѣдовать публично его церковной вѣрѣ.

Кантъ.

Хозяинъ показалъ рабочимъ работу и велѣлъ дѣлать одну ее и обѣщалъ имъ за это добрую жизнь. Нашлись же между рабочими такіе люди, что вздумали устроить себѣ добрую жизнь не одной работой, а тѣмъ, чтобы угодить хозяину и другими дѣлами. И придумали эти люди много разныхъ дѣлъ для угожденія хозяину, и стали дѣлать эти дѣла, а приказанное хозяиномъ дѣло дѣлали только, когда вздумается, а то и вовсе не дѣлали. Мало того, случилось еще и то, что нашлись и такіе рабочіе, которые, разсудивъ то, что хозяину не могутъ быть нужны всѣ тѣ дѣла, которыми ихъ учили угождать хозяину, усомнились въ томъ, чтобы хозяину могло быть что-нибудь нужно отъ рабочихъ, и перестали дѣлать и ту работу, которую велѣлъ хозяинъ. Нашлись и такіе, что прямо рѣшили, что нѣтъ никакого хозяина и что можно жить и работать только для себя. И стала жизнь такихъ рабочихъ дурная, плохая.

Вотъ это самое случилось и съ людьми, установившими, кромѣ вѣры въ любовь, разныя вѣры, которыя они назвали божескими . . . . . и разныя заповѣди, которыя они тоже назвали божескими . . . . . которыми они думаютъ устроить себѣ добрую жизнь и угодить Богу. И случилось съ людьми, установившими и признавшими эти вѣры и заповѣди, то, что большинство такихъ людей только говоритъ, что вѣритъ во всѣ эти многія вѣры и заповѣди, въ душѣ же не вѣритъ въ нихъ и наравнѣ съ ними не вѣритъ и въ затерянную между ними заповѣдь любви, а изъ заповѣдей исполняетъ только тѣ, какія полегче и за которыя люди одобряютъ. Заповѣдь же любви признаютъ только на словахъ, на дѣлѣ же и на каждомъ шагу дѣлаютъ дѣла прямо противныя ей: вмѣсто того, чтобы по любви дѣлиться другъ съ другомъ, одни, богатые, живутъ въ роскоши среди голодныхъ, измученныхъ трудомъ бѣдныхъ, бѣдные же ненавидятъ богатыхъ и стараются дѣлать имъ худое. Вмѣсто того, чтобы любить и прощать братьевъ, люди мучаютъ другъ дружку, разоряютъ, ссылаютъ, запираютъ, казнятъ, убиваютъ сотнями и тысячами другъ друга на войнахъ. Но мало того. Случилось то, что многіе хорошіе и умные люди, воспитавшись на томъ, что Богу можно угодить передаваемыми людьми другъ отъ друга разными вѣрами и заповѣдями, входя въ разумъ, видятъ, что все это — однѣ человѣческія выдумки, перестаютъ вѣрить во всѣ церковныя вѣры и заповѣди и вмѣстѣ съ ними и въ заповѣдь любви. Находятся еще и такіе люди, и съ каждымъ годомъ все больше и больше находится такихъ, которые не вѣрятъ не только ни въ какія божескія заповѣди, но не вѣрятъ и въ самого Бога. Такъ что въ наше время все больше и больше становится людей, которые ни во что не вѣрятъ и не думаютъ о томъ и не знаютъ, зачѣмъ они явились на свѣтъ Божій и что имъ въ немъ дѣлать. Отъ этого-то и плоха такъ жизнь людей нашего міра и съ каждымъ годомъ, мѣсяцемъ и днемъ становится все хуже и хуже.

А плохая жизнь оттого, что живутъ люди противно той одной заповѣди, какая записана не въ одномъ Евангеліи, а и во всѣхъ ученіяхъ всѣхъ мудрецовъ міра: и у индусовъ, и у китайцевъ, и у египтянъ, и у магометанъ и др., и въ душахъ всѣхъ людей міра. Живутъ же люди противно той вѣрѣ и заповѣди, какая записана во всѣхъ ученіяхъ и въ душахъ всѣхъ людей, оттого, что вмѣсто того, чтобы признавать эту одну заповѣдь и слѣдовать ей одной, люди наравнѣ съ нею установили много другихъ вѣръ и заповѣдей и слѣдуютъ больше этимъ другимъ заповѣдямъ, чѣмъ единой, всемірной заповѣди любви.

III.

Мудрецъ сказалъ: мое ученіе просто, и смыслъ его легко постигнуть. Оно все состоитъ въ томъ, чтобы любить ближняго, какъ самого себя.

Китайская мудрость.

Одинъ изъ книжниковъ, слыша ихъ пренія и видя, что Іисусъ хорошо имъ отвѣчалъ, подошелъ и спросилъ его: какая первая изъ всѣхъ заповѣдей? Іисусъ отвѣчалъ ему: первая изъ всѣхъ заповѣдей: слушай, Израиль! Господь Богъ нашъ есть Господь единый. И возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душою твоею, и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ, и всею крѣпостью твоей, — вотъ первая заповѣдь. Вторая подобная ей: возлюби ближняго твоего, какъ самого себя. Иной, большей сихъ, заповѣди нѣтъ.

Мрк. XII, 28—31.

«Но если и согласиться съ тѣмъ, что есть только одна истинная вѣра — вѣра въ любовь, и только одна нужная заповѣдь — заповѣдь любви, то въ чемъ же будетъ состоять вѣра и какое же будетъ богослуженіе, какія молитвы, какъ обращаться съ Богомъ?» спросятъ люди.

«Когда вѣришь въ обыкновенную установленную вѣру, то знаешь, кто твой Богъ и отъ кого все сотворилось, и кому молиться, и отъ кого ожидать милости. А если вѣрить только въ любовь, то нѣтъ настоящаго Бога и нѣтъ никакого богопочитанія. А безъ понятнаго Бога и богопочитанія никогда не жили да и нельзя жить людямъ».

Такъ скажутъ люди, когда имъ вмѣсто понятнаго Бога, которому можно молиться и служить, дадутъ только какую-то непонятную вѣру въ любовь, такъ скажутъ, да и говорятъ, люди.

И въ томъ, что люди никогда не жили и не могутъ жить безъ яснаго, понятнаго большинству предмета вѣры и безъ вытекающаго изъ вѣры яснаго и доступнаго большинству богопочитанія, они совершено правы. Неправы они только въ томъ, что любовь представляется имъ недостаточно яснымъ и понятнымъ большинству предметомъ вѣры, и дѣятельность, вытекающая изъ этой вѣры, недостаточно яснымъ и доступнымъ большинству богопочитаніемъ. Думаютъ они такъ потому только, что такъ привыкли представлять себѣ главнымъ предметомъ вѣры воображаемое, человѣкообразное, вѣчное, всемогущее существо — Творца-Промыслителя, различными сверхъестественными способами открывавшаго свою волю людямъ, и такъ привыкли къ точно опредѣленному по формѣ, времени и мѣсту богопочитанію, требующему въ извѣстное время опредѣленныхъ внѣшнихъ поступковъ, что единая вѣра въ неимѣющую никакого внѣшняго образа любовь и вытекающее изъ этой вѣры богопочитаніе, тоже не опредѣленное ни формой, ни временемъ, ни мѣстомъ, кажется имъ чѣмъ-то неяснымъ, недоступнымъ большинству и даже сомнительнымъ.

А между тѣмъ единая вѣра въ любовь и вытекающая изъ нея дѣятельность богопочитанія не только не менѣе опредѣленны, ясны и доступны для большинства простыхъ людей, чѣмъ установленныя людьми вѣры со многими предметами вѣры и заповѣдями, но имѣютъ

еще и то великое преимущество передъ другими вѣрами, что тогда какъ всѣ разныя противныя другъ другу и осуждающія другъ друга вѣры и богопочитанія, доводящія людей до ненависти, убійствъ, войнъ, раздѣляютъ людей,—только одна вѣра въ любовь и вытекающее изъ нея богопочитаніе дѣлаютъ то самое, что обѣщаютъ: соединяютъ всѣхъ людей въ одной вѣрѣ и въ одномъ богопочитаніи.

IV.

Пока человѣкъ живетъ, онъ вѣритъ. Чѣмъ ближе его вѣра къ истинѣ, тѣмъ счастливѣе его жизнь; чѣмъ дальше отъ истины, тѣмъ человѣкъ несчастнѣе.

Вѣрить можно только въ то, что несомнѣнно есть, но чего мы не можемъ обнять разумомъ.

Лучшее богопочитаніе то, которое дѣлается безъ надежды на достиженіе какой-либо цѣли; худшее—такое, которое имѣетъ въ виду опредѣленную цѣль. Тотъ, кто обожаетъ высшее существо, долженъ созерцать его во всякомъ твореніи и всякую тварь въ немъ. *Агни Пурана.*

Самое губительное невѣріе не въ томъ, что человѣкъ не вѣритъ, а въ томъ, что человѣкъ исповѣдуетъ то, во что онъ не вѣритъ. *Мартино.*

Но мало того, что вѣра въ любовь яснѣе и понятнѣе всѣхъ другихъ установленныхъ людьми вѣръ; мало того, что только одна эта вѣра соединяетъ людей, тогда какъ всѣ другія разъединяютъ ихъ, — вѣра эта имѣетъ передъ всѣми другими вѣрами еще и то преимущество, что она вмѣстѣ съ тѣмъ и самая несомнѣнная.

Какъ бы ни былъ убѣжденъ человѣкъ въ истинности своей вѣры, трудно ему не усомниться въ ней, когда онъ узнаетъ про то, какъ другіе люди точно такъ же увѣрены въ истинности своихъ вѣръ и признаютъ его вѣру ложною. Только для человѣка, признающаго одинъ общій всѣмъ людямъ предметъ вѣры—любовь, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ истинности своей вѣры.

Всякая религіозная вѣра вѣдь есть всегда только признаніе существованія такого начала, котораго человѣкъ не можетъ понять умомъ, но безъ котораго человѣкъ не можетъ понимать ни своей жизни, ни жизни міра и въ существованіе котораго онъ поэтому долженъ *вѣрить*. Существованіе такого начала признается всѣми вѣрами. Это Брама, это Іегова, это Аллахъ, это Тао таосистовъ, это Танга буддистовъ, это вещество матеріалистовъ. Такое же начало жизни признается и вѣрой въ единую заповѣдь любви, но съ тою только разницей, что тогда какъ во всѣхъ вѣрахъ—еврейской, браманской, церковно-христіанской, магометанской и другихъ—начало это называется Богомъ, болѣе или менѣе опредѣляется и представляется существомъ личнымъ, всемогущимъ, вѣчнымъ, воля и поступки котораго извѣстны людямъ по чудеснымъ, дѣланнымъ самимъ этимъ существомъ о себѣ откровеніямъ,—при вѣрѣ въ любовь начало это, также называемое Богомъ, Богомъ-любовью («Богъ есть любовь»), признается доступнымъ всѣмъ людямъ не по человѣческимъ преданіямъ, а по одинаковому для всѣхъ людей непосредственному, непрестанному откровенію Его любовью въ душѣ каждаго человѣка.

Поэтому-то и вѣра эта не можетъ не быть не только яснѣе и опредѣленнѣе всякой, какой бы то ни было другой вѣры и другого богопочитанія, основанныхъ на человѣческомъ, различномъ по разнымъ народамъ, преданіи, но не можетъ не быть и благодѣтельнѣе для человѣчества, соединяя людей вмѣсто того разъединенія, которое производятъ другія вѣры, не можетъ и не представляться наиболѣе несомнѣнной, такъ какъ утверждается не на человѣческихъ преданіяхъ, а на непосредственномъ всегдашнемъ, одинаковомъ для всѣхъ людей сознаніи Бога.

V.

Богъ непостижимъ для человѣческаго ума. Мы знаемъ только то, что Онъ есть.

Вѣрь въ Бога, служи Ему, но не старайся узнать Его,— ты ничего не получишь за свои труды, кромѣ путаницы въ мысляхъ. Не заботься даже о томъ, чтобы узнать, есть Онъ или нѣтъ Его; служи Ему, какъ будто Онъ есть всегда и во всемъ. *Филимонъ.*

Мы познаемъ существованіе Бога не столько разумомъ, сколько сознаніемъ той полной зависимости отъ Него, въ которой мы себя чувствуемъ, въ родѣ того чувства, которое испытываетъ грудной ребенокъ на рукахъ матери. Ребенокъ не знаетъ, кто держитъ, кто грѣетъ, кто кормитъ его, но знаетъ, что есть этотъ кто-то, и мало того, что знаетъ, любитъ того, во власти кого онъ находится. То же и съ человѣкомъ.

Не смущайся тѣмъ, что понятіе Бога неясно тебѣ. Чѣмъ проще и яснѣе оно, тѣмъ оно дальше отъ истины и тѣмъ ненадежнѣе, какъ опора.

Когда я говорю тебѣ о Богѣ, то ты не думай, что я говорю тебѣ о какомъ-нибудь предметѣ, сдѣланномъ изъ золота или серебра. Тотъ Богъ о которомъ я тебѣ говорю, ты Его чувствуешь въ своей душѣ, ты носишь Его въ самомъ себѣ и своими нечистыми помыслами и отвратительными поступками оскверняешь Его образъ въ своей душѣ. Передъ идоломъ золотымъ, котораго ты почитаешь за Бога, ты остерегаешься дѣлать что-либо непристойное, а передъ лицомъ Того Бога, который въ тебѣ самомъ и который все видитъ и слышитъ, ты даже не краснѣешь, когда предаешься своимъ гнуснымъ мыслямъ и поступкамъ.

Если бъ мы только постоянно помнили, что Богъ въ насъ—свидѣтель всего того, что мы дѣлаемъ и думаемъ, то мы перестали бы грѣшить и Богъ неотлучно пребывалъ бы въ насъ. Давайте же вспоминать Бога, думать и бесѣдовать о Немъ какъ можно чаще. *Эпиктетъ.*

Вѣра въ заповѣдь любви и вытекающее изъ нея богопочитаніе и яснѣе, и опредѣленнѣе, и благодѣтельнѣе, и несомнѣннѣе всякихъ другихъ вѣръ, только надо ясно понимать, въ чемъ вѣра и въ чемъ богопочитаніе.

Вѣра въ заповѣдь любви въ томъ, что Бога мы можемъ познать только въ себѣ. И познаемъ мы Его только той стороной, которой Онъ открывается намъ. Открывается же Онъ намъ любовью. Такъ что хотя и знаемъ мы Его далеко не полно, только одной стороной Его, той, которой Онъ открывается намъ, мы несомнѣнно знаемъ о Его существованіи и о томъ свойствѣ Его, которое мы сознаемъ въ себѣ, и о томъ, чего Онъ хочетъ отъ насъ.

Вѣра эта много разъ была выражаема во всѣхъ религіозныхъ ученіяхъ міра, начиная съ самыхъ древнихъ египетскихъ, индусскихъ, даже такъ называемыхъ языческихъ, и съ особенной опредѣленностью выражена въ ученіи Христа.

Такъ выражена она въ Евангеліи Марка (XII, 28—31) и съ особенной ясностью въ Евангеліи и Посланіяхъ Іоанна.

«Какъ Отецъ имѣетъ жизнь въ Самомъ Себѣ, такъ и Сыну далъ имѣть жизнь въ Самомъ Себѣ». Еванг. Іоанна, V, 26.

«Іисусъ отвѣчалъ имъ: не написано ли въ законѣ вашемъ: Я сказалъ: вы боги? (Псал. 81, 6). Если Онъ назвалъ богами тѣхъ, къ которымъ было слово Божіе, и не можетъ нарушить Писаніе,— тому ли, котораго Отецъ освятилъ и послалъ въ міръ, вы говорите: богохульствуешь, потому что я сказалъ: я сынъ Божій. Если я не творю дѣлъ Отца моего, не вѣрьте мнѣ; а если творю, то, когда не вѣрите мнѣ, вѣрьте дѣламъ моимъ, чтобы узнать и повѣрить, что Отецъ во мнѣ и я въ Немъ». X, 34—38.

«Развѣ ты не вѣришь, что я въ Отцѣ и Отецъ во мнѣ? Слова, которыя говорю я вамъ, говорю не отъ себя; Отецъ, пребывающій во мнѣ, Онъ творитъ дѣла. Вѣрьте мнѣ, что я въ Отцѣ и Отецъ во мнѣ; а если не такъ, то вѣрьте мнѣ по самымъ дѣламъ». XIV, 10—11.

«Да будутъ всѣ едино: какъ Ты, Отче, во мнѣ и я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ насъ едино, да увѣруетъ міръ, что Ты послалъ меня». XVII, 21.

«Бога никто никогда не видѣлъ. Если мы любимъ другъ друга, то Богъ въ насъ пребываетъ, и любовь Его совершенна есть въ насъ. Что мы пребываемъ въ Немъ и Онъ въ насъ, узнаемъ изъ того, что Онъ далъ намъ отъ Духа Своего. И мы познали любовь, которую имѣетъ къ намъ Богъ, и увѣровали въ нее. Богъ есть любовь, и пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ и Богъ въ немъ» (Посл. Іоанна IV, 12, 13, 16).

Вѣра въ любовь — это признаніе того, что основное начало жизни нашей есть непостижимое для насъ существо, проявляющееся въ насъ любовью.

VI.

Дурно то, что люди не знаютъ Бога, но хуже всего то, что люди признаютъ Богомъ то, что не есть Богъ.

Лактанцій.

Есть двѣ вѣры: вѣра довѣрія къ тому, что говорятъ люди,—это вѣра въ человѣка или въ людей, и такихъ вѣръ много различныхъ,— и вѣра въ свою зависимость отъ Того, Кто послалъ меня въ міръ. Эта вѣра въ Бога, и такая вѣра одна для всѣхъ людей.

Религія человѣка состоитъ не изъ тѣхъ многихъ вещей, въ которыхъ онъ сомнѣвается и которымъ старается вѣрить, но изъ тѣхъ малыхъ, въ которыхъ онъ увѣренъ и вѣра въ которыя не требуетъ отъ него никакого труда.

Карлейль.

Вѣра въ единую заповѣдь въ томъ, что Богъ живетъ въ насъ и проявляется въ насъ любовью.

Богопочитаніе же вѣры въ единую заповѣдь, какъ и во всѣхъ вѣрахъ, въ томъ, чтобы дѣлать то, что велитъ вѣра, и не дѣлать того, что она запрещаетъ. Но разница въ томъ, что тогда какъ благопочитанія всѣхъ вѣръ. . . . . требуютъ исполненія очень многихъ дѣлъ и воздержанія отъ еще бо̀льшихъ, богопочитаніе единой вѣры требуетъ исполненія только одного дѣла, а также и воздержанія только отъ одного дѣла.

. . . . . вѣра для угожденія Богу требуетъ совершенія . . . . . требуетъ признанія непогрѣшимости извѣстныхъ писаній и лицъ, требуетъ посѣщенія храмовъ, произнесенія извѣстныхъ молитвъ въ извѣстное время и исполненія еще многихъ другихъ положительныхъ заповѣдей. Отрицательныхъ же . . . . . заповѣдей еще гораздо больше. Наравнѣ съ требованіями воздержанія отъ убійства, воровства, блуда требуется воздержаніе отъ поклоненія другимъ богамъ, отъ употребленія запрещенной пищи въ извѣстное время, требуется же болѣе всего воздержаніе отъ оскорбленія предметовъ, почитаемыхъ священными. Предметовъ же такихъ огромное количество.

Богопочитаніе же единой заповѣди требуетъ отъ каждаго человѣка только одного: любви, любви къ Богу и къ себѣ и къ тому, который живетъ во всѣхъ людяхъ. Любить Бога въ себѣ—значитъ стремиться къ высшему совершенству любви, и любить Бога въ другихъ людяхъ—значитъ признавать въ каждомъ человѣкѣ того же Бога, который живетъ во мнѣ, и потому дѣлать каждому человѣку не то, чего самъ хочешь, а чего хочетъ Богъ, живущій во всѣхъ людяхъ. Въ этомъ вся заповѣдь того, что долженъ дѣлать человѣкъ по вѣрѣ въ единую заповѣдь. Также только въ одномъ запрещеніе того, чего не долженъ дѣлать человѣкъ по этой вѣрѣ. Запрещеніе все въ одномъ: въ томъ, чтобы не нарушать благоговѣнія къ Богу, живущему во мнѣ и въ каждомъ человѣкѣ. Не нарушать благоговѣнія къ Богу въ себѣ — значитъ то, чтобы помнить о присутствіи въ себѣ Бога, исправлять, уничтожать въ себѣ все то, что несовмѣстимо съ Его присутствіемъ въ душѣ человѣка; не нарушать же благоговѣнія къ Богу, живущему въ другихъ людяхъ, — значитъ то, чтобы не только не вредить ближнему, не оскорблять, не унижать никакого человѣка, какой бы онъ ни былъ, но уважать, почитать его, какъ самый священный предметъ, который только есть на свѣтѣ.

Въ сущности же какъ положительныя, такъ и отрицательныя заповѣди вѣры въ любовь сходятся въ одномъ: въ признаніи того, что Богъ живетъ въ человѣкѣ и что поэтому нужно почитать и не оскорблять Его ни въ себѣ, ни въ какомъ бы то ни было человѣкѣ.

Богопочитаніе это много разъ было выражаемо во всѣхъ религіозно-нравственныхъ ученіяхъ человѣчества: въ положительномъ смыслѣ—въ томъ, чтобы любить Бога въ себѣ и въ людяхъ, и въ отрицательномъ—въ томъ, чтобы не оскорблять Его въ себѣ и въ людяхъ.

VII.

Основа всякой государственной религіи есть насиліе, основа христіанства — любовь. Государство — это принужденіе, христіанство—убѣжденіе. Мечъ и посохъ пастуха противоположны и не могутъ быть союзниками.

Кунингамъ Гейкей.

Нельзя ни взвѣсить, ни измѣрить того вреда, который производила и производитъ ложная вѣра. Вѣра есть установленіе отношенія человѣка къ Богу и міру и вытекающее изъ этого отношенія опредѣленіе своего назначенія. Какова же должна быть жизнь человѣка, если это отношеніе и вытекающее изъ него опредѣленіе назначенія ложны?

Недостаточно откинуть ложную вѣру, т.-е. ложное отношеніе къ міру. Нужно еще установить истинное.

Несчастья и зло людей происходятъ не столько отъ того, что люди не знаютъ своихъ обязанностей, сколько отъ того, что они признаютъ своими обязанностями не то, что есть ихъ обязанность.

Любовь къ людямъ даетъ истинное внутреннее неотъемлемое благо, потому что любовь соединяетъ человѣка и съ другими и съ Богомъ.

Несмысленному мальчику натолковали, что онъ не сынъ своей честной, доброй, любящей, вскормившей его матери, а сынъ какой-то удивительно прекрасной, могущественной, совершающей всякаго рода чудеса волшебницы, могущей дать ему всякія великія блага, если онъ будетъ почитать и преклоняться передъ ней. И мальчикъ повѣрилъ и отшатнулся отъ матери, не слушаетъ ея, не пользуется тѣмъ добромъ, которое она даетъ ему, а ждетъ великихъ и необыкновенныхъ благъ отъ воображаемой волшебницы; онъ не только вѣритъ разсказамъ о всѣхъ тѣхъ необыкновенныхъ чудесахъ, которыя будто бы дѣлаетъ волшебница, но даже самъ выдумываетъ такія чудеса и вѣритъ въ нихъ, хотя никогда не видалъ никакихъ чудесъ. И что дальше, то все больше и больше онъ вѣритъ въ волшебницу, потому что разъ уже онъ отшатнулся отъ матери, вся надежда его на волшебницу. И онъ все молится и проситъ о чудесахъ, хотя никогда не видѣлъ ихъ. Но проходитъ время, чудесъ нѣтъ, и онъ начинаетъ сомнѣваться въ волшебницѣ. Но разъ уже онъ отшатнулся отъ своей матери, забылъ ее, онъ все-таки не возвращается къ любви ея, а, напротивъ, вмѣсто того, чтобы угождать своей матери, дѣлаетъ ей противное.

То же самое съ людьми, съ огромнымъ большинствомъ людей,

. . . . . .

. . . . . .

И такъ же, какъ тотъ несмысленный мальчикъ, люди эти не знаютъ, не хотятъ знать свою простую доступную имъ, всегда живущую съ ними мать, не переставая любящую ихъ и могущую дать имъ не воображаемое, но истинное благо, только бы они признали ее. Мать эта—тотъ Богъ *любви*, который далъ и даетъ намъ жизнь и одинъ можетъ дать намъ благо, истинное, ничѣмъ ненарушимое благо. И для того, чтобы вѣрить въ эту мать, въ этого единственнаго, доступнаго человѣку Бога-любовь, не нужно никакихъ чу-

десъ, и для того, чтобы получить отъ него благо, не нужно никакихъ прошеній и молитвъ, нужно только одно: какъ тому мальчику, не вѣрить въ пустяки, въ обманы, а вѣрить въ свою мать, такъ и людямъ нужно только вѣрить въ то, во что нельзя не вѣрить,—въ Бога-любовь, живущаго въ душѣ каждаго человѣка. А вѣрь человѣкъ въ этого Бога-любовь, и то благо, къ которому свойственно стремиться всякому человѣку, откроется ему и никакими средствами не можетъ быть отнято отъ него. Не можетъ быть отнято отъ него потому, что и получается-то это благо никакъ не черезъ чью-то внѣшнюю силу, а только черезъ свою собственную дѣятельность. Только отдайся человѣкъ Богу-любви, и онъ навѣрно получитъ то благо, которое свойственно душѣ его.

VIII.

Ничто не препятствуетъ такъ сильно распространенію истины, какъ упорство въ удержаніи древняго, освященнаго временемъ преданія.

Неуваженіе къ преданію не сдѣлало $^1/_{1000}$ того зла, которое производитъ это уваженіе къ обычаямъ, законамъ, учрежденіямъ, не имѣющимъ въ наше время никакого разумнаго оправданія.

Нѣтъ ничего болѣе недостойнаго разумнаго существа, какъ то, чтобы плакаться на то, что то, что наши отцы считали истиной, оказалось ложью. Не лучше ли искать новыхъ основъ единенія, которыя замѣнятъ прежнія.

Мартино.

Есть люди, которые берутъ на себя право рѣшать за другихъ ихъ отношеніе къ Богу и къ міру, и есть люди, огромное большинство людей, которые отдаютъ это право другимъ и слѣпо вѣрятъ тому, что говорятъ имъ.

Часто удивляешься на то, какъ это люди вѣрятъ въ такія странныя, глупыя, нелѣпыя преданія. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . И удивительнѣе всего то, что вѣрятъ во все это часто люди вполнѣ разумные, дѣлаютъ величайшія усилія ума для того, чтобы оправдать, объяснить всѣ эти явно ненужныя и невозможныя предположенія.

Отчего это? А оттого, что люди потеряли вѣру (потеряли потому, что имъ были внушены ложныя вѣры)—естественную, понятную, необходимую, даже не вѣру, а сознаніе своей духовной связи съ Богомъ любви. А потерявъ это сознаніе, имъ нужно было то, что могло бы замѣнить его. И вотъ для того, чтобы замѣнить это утерянное сознаніе связи съ безконечнымъ, они были неизбѣжно приведены къ выдумыванію Бога такого, существованіемъ котораго они могли бы объяснить свою связь съ міромъ. Для того же, чтобы заставить себя и людей вѣрить такому странному Богу, несогласному съ главнымъ понятіемъ о Богѣ, какъ о чемъ-то внѣпространственномъ, внѣвременномъ, неопредѣлимомъ умомъ и словомъ, для того, чтобы вѣрить въ такого личнаго

Бога, надо было представлять Его особеннымъ, превыше всѣхъ людей, дѣлающимъ дѣла, недоступныя людямъ,—чудеса. И чѣмъ больше было чудесъ, тѣмъ, казалось, крѣпче должна была быть вѣра. И мало того, что при отсутствіи того несомнѣннаго сознанія связи съ началомъ всего, которое даетъ вѣра въ любовь, нужны были чудеса . . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . все больше и больше выяснялся тотъ единственный и свойственный людямъ предметъ вѣры—любовь, которая звала и зоветъ къ себѣ людей, такъ же какъ любящая мать не переставая призываетъ къ себѣ отшатнувшагося отъ нея ребенка.

IX.

> *Различіе религій*—какое странное выраженіе! Конечно, могутъ быть различныя *вѣры* въ историческія событія, употреблявшіяся не въ религіи, а въ исторіи, для укрѣпленія религіи, и относящіяся къ области учености средства, и точно такъ же могутъ быть различныя религіозныя книги (Зендавеста, Веды, Коранъ и т. д.). Но можетъ быть только одна дѣйствительная для всѣхъ временъ *религія*. Всѣ же различныя вѣры не могутъ содержать въ себѣ ничего иного, какъ только вспомогательное средство для религіи, которое является случайно и можетъ быть различнымъ, смотря по различію времени и мѣста.
>
> *Кантъ.*

> Религія не потому истинна, что ее проповѣдывали апостолы, а апостолы проповѣдывали ее потому, что она — истина.
>
> *Лессингъ.*

> Нельзя не вѣрить такому духовному ученію, приложеніе котораго осуществляетъ самое простое практическое благо всѣхъ. Нѣтъ большей повѣрки истинности ученія. И таково христіанское ученіе.

И стоитъ только человѣку, познавшему заповѣдь любви, отрѣшиться хоть на время отъ той съ дѣтства воспитанной слѣпой вѣры. . . . . .
. . . . . для того, чтобы вѣра въ единаго для всего міра Бога любви и единую не данную, а непрестанно даваемую Имъ одну и ту же всѣмъ людямъ заповѣдь любви представилась бы одной возможной, естественной, необходимой и несомнѣнной.

Только ясно пойми человѣкъ, кто онъ такой, пойми ясно, что ему искать Бога и Его законъ можно и должно только въ себѣ, и съ какимъ недоумѣніемъ и удивленіемъ будетъ вспоминать такой человѣкъ о всѣхъ тѣхъ странныхъ предметахъ и сказаніяхъ, въ которые онъ говорилъ, что вѣрилъ, и, какъ ему казалось, какъ будто бы и въ самомъ дѣлѣ вѣрилъ. Такой человѣкъ, кромѣ удивленія тому, что онъ могъ вѣрить такимъ страннымъ, противнымъ требованіямъ разума и чувства предметамъ вѣры, испытываетъ еще особенно радостное чувство успокоенія и твердости,

въ родѣ того, которое испытываетъ человѣкъ, съ трудомъ и напряженіемъ ходившій на нетвердыхъ, выскальзывающихъ изъ-подъ ногъ и изъ рукъ ходуляхъ, когда онъ сойдетъ съ нихъ и станетъ на твердую землю и пойдетъ по ней своими ногами.

Въ сущности оно и не можетъ быть иначе.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Въ Бога же . . . . . всегда благотворящаго людямъ,

. . . . . .

а установившаго не на словахъ, а на дѣлѣ единую для всѣхъ временъ и народовъ заповѣдь любви . . . . . .

. . . . . .

непрестанно совершающаго одно только удивительнѣйшее и благодѣтельнѣйшее чудо проявленія Себя въ душѣ каждаго человѣка,—въ такого Бога нельзя не вѣрить.

X.

Истинное благо всегда въ нашихъ рукахъ. Оно, какъ тѣнь, слѣдуетъ за доброй жизнью.

Настоящихъ благъ немного. То только истинное благо и добро, что благо и добро для всѣхъ. Поэтому, чтобы не уклоняться отъ избранной цѣли, надо, чтобы эта цѣль была добро, согласное съ общимъ благомъ. Кто направитъ свою дѣятельность на такую цѣль, пріобрѣтетъ себѣ благо.

Маркъ Аврелій.

Сынъ Кеза изъ Талона пришелъ къ Буддѣ и сталъ жаловаться.

— Учитель,—сказалъ онъ,—всякій священникъ и монахъ хвалитъ свою вѣру, говоритъ, что она одна истинная, и проклинаетъ чужую вѣру, называетъ ее ложною. Сомнѣнія мучаютъ меня, и я не знаю, чьихъ словъ надо слушаться.

Будда отвѣчалъ:

— Твои сомнѣнія основательны, сынъ Кеза. Выслушай мое наставленіе. Ничему не вѣрь по слухамъ, не вѣрь преданіямъ, потому что они прошли черезъ много поколѣній, прежде чѣмъ дошли до насъ. Ничему не вѣрь на основаніи слуховъ или потому, что люди много говорятъ объ этомъ. Не вѣрь только потому, что тебѣ покажутъ свидѣтельства какого-нибудь древняго мудреца. Не вѣрь ничему потому, что тебѣ выгодно, или потому, что давнишняя привычка вовлекаетъ тебя въ признаніе этого правдой. Не вѣрь ничему на основаніи только авторитета твоихъ учителей или духовенства.

— Только то, что сходится съ твоимъ опытомъ и по твоему собственному изслѣдованію согласно съ разумомъ и ведетъ къ благу и счастію твоему и всѣхъ живыхъ существъ, только это принимай за правду и живи въ немъ.

Angittara Nikayo.

Да, только вѣрь люди такъ же, какъ они вѣрятъ теперь въ многія, считающіяся . . . . . заповѣдями: . . . . . .

. . . . . .

въ книги. . . . . содержащія будто бы непререкаемыя истины, въ . . . . . которыхъ никто не видалъ, и въ . . . . . дѣйствія которыхъ никто не знаетъ и не можетъ знать, только вѣрь люди хоть приблизительно такъ же въ ту одну заповѣдь, которая дана Богомъ всѣмъ людямъ и записана въ сердцѣ каждаго человѣка, и въ то одно всегдашнее, неперестающее чудо присутствія Бога въ душѣ человѣка и исполняй только люди богопочитаніе, вытекающее изъ этой вѣры, исполняй хоть приблизительно такъ же, какъ они исполняютъ теперь. . . . . отдѣльныхъ и общественныхъ,—и какъ скоро забыли бы люди про всѣ тѣ ужасы, которые они совершаютъ теперь другъ надъ другомъ, и какъ сама собой, безъ внѣшнихъ потрясеній, сложилась бы для людей и въ особенности людей христіанскаго міра та свойственная людямъ нашего времени и справедливая жизнь, которой хотятъ теперь достигнуть люди своими самыми противными любви дѣлами насилія и жестокости.

— Но развѣ это возможно?

Спросите лучше: возможно ли, чтобы этого не было? возможно ли, чтобы было то, что теперь? Возможно ли, чтобы люди, большинство людей, признавая высшимъ божескимъ закономъ вѣру въ Бога любви, сознавая въ своемъ сердцѣ неперестающее проявленіе этого Бога, продолжали бы исповѣдывать самое странное собраніе. . . . . . и вмѣсто единственнаго, вытекающаго изъ вѣры въ Бога любви богопочитанія, состоящаго въ дѣятельной любви къ Богу и ближнему, продолжали бы, очевидно, тщетныя, попытки улучшить свое положеніе тѣмъ самымъ, что одно сдѣлало его такимъ, какимъ оно есть?

И какъ мало нужно для того, чтобы совершилось все то, отъ отсутствія чего такъ мучительно страдаютъ люди.

Нужно только одно: вѣра, но настоящая вѣра,—не въ людей, а въ Бога. Нужно только перестать вѣрить людямъ, а вѣрить Богу, не . . . . . написаннымъ въ книгахъ, а тому Богу, который живетъ въ нашей душѣ и который не переставая говоритъ намъ о томъ, кто Онъ, кто мы и какъ надо намъ жить по Его волѣ.

Только вѣрь люди въ необходимость исполненія единой заповѣди любви такъ же, какъ они вѣрятъ теперь въ необходимость исполненія . . . . .

таніемъ любви и уваженія къ Нему,—ни одинъ человѣкъ не рѣшился бы осквернить Бога въ себѣ и въ братѣ, раздѣляясь съ нимъ враждой и совершая надъ нимъ насилія.

Скажите буддисту, магометанину . . . . . чтобы онъ осквернилъ тѣ безжизненные предметы богопочитанія, которые онъ считаетъ священными, и онъ охотнѣе перенесетъ всякія лишенія, скорѣе дастъ убить себя, чѣмъ рѣшится осквернить то, что считаетъ святыней.

То же было бы и для христіанина, воспитаннаго по-христіански, и по отношенію ко всякому человѣку. Такой человѣкъ ни ради какихъ бы то ни было выгодъ, ни вслѣдствіе какихъ бы то ни было угрозъ, наказаній, даже смерти, не совершитъ дѣла, противнаго единой заповѣди любви: не осквернитъ, не оскорбитъ Бога въ самомъ себѣ и въ ближнемъ, а тѣмъ болѣе не посягнетъ на то, что считается людьми, вѣрующими въ заповѣдь любви, высшей и единственной святыней,—на жизнь другого человѣка. И потому не могъ бы быть ни одинъ человѣкъ, вѣрующій въ единую заповѣдь, ни . . . . . .

. . . . . .

ни какимъ бы то ни было прямымъ или даже косвеннымъ участникомъ въ дѣлахъ, противныхъ любви, оскверняющихъ, оскорбляющихъ, разрушающихъ, уничтожающихъ жизнь людей. А не соглашались бы люди, все большее и большее количество людей, совершать такія дѣла и участвовать въ нихъ, и само собой установилось бы—не скажу царство Божіе (царство Божіе, полное исполненіе того, къ чему стремятся люди, никогда не установится, пока будетъ жизнь въ людяхъ), но несомнѣнно установилась бы такая жизнь, при которой стыдно бы было какъ властвовать, такъ и добровольно подчиняться власти человѣка надъ человѣкомъ. Стыдно бы было быть богатымъ, стыдно бы было владѣть земельной собственностью, стыдно бы было—не говорю уже воевать, но считать врагами людей другихъ народовъ. А было бы среди людей ясное сознаніе того, чего они не должны дѣлать, и не могла бы уже продолжаться та звѣрская, противная и разуму и чувству жизнь, которой мы живемъ теперь, и неизбѣжно и непрестанно приближались бы мы къ той разумной и благой жизни, которая одна свойственна людямъ нашего времени.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Идеалъ—это путеводная звѣзда. Безъ него нѣтъ твердаго направленія, а нѣтъ направленія — нѣтъ движенія, нѣтъ жизни.

Идеалъ только тогда идеалъ, когда осуществленіе его возможно только въ идеѣ, въ мысли, когда онъ представляется достижимымъ только въ безконечности и когда поэтому возможность приближенія къ нему безконечна.

«Но если и допустить, что заповѣдь любви есть единая заповѣдь Бога, то исполненіе этой заповѣди такое, какого требуетъ евангельское ученіе, невозможно для человѣка, — говорятъ люди, исповѣдующіе многія установленныя церковью вѣры и заповѣди. — Для полнаго исполненія заповѣди любви по требованію евангельскаго ученія надо возненавидѣть семейныхъ, бросить ихъ, надо не противиться злу насиліемъ, сдѣлаться нищимъ, отречься отъ себя и своей жизни, а этого не можетъ сдѣлать ни одинъ человѣкъ. И потому мы, не отрицая заповѣди любви и необходимости исполненія ея въ извѣстныхъ предѣлахъ, стараемся угодить Богу исполненіемъ и другихъ Его заповѣдей, тѣмъ самымъ облегчая себѣ возможность исполненія заповѣди любви и вмѣстѣ съ тѣмъ получая надежду своего прощенія за неполное исполненіе закона Бога въ этой жизни».

Такъ говорятъ люди, исповѣдующіе . . . . . Но разсужденіе это, основанное на утвержденіи того, что полное исполненіе заповѣди любви невозможно, такъ какъ требуетъ отреченія отъ своей жизни, и что поэтому необходимо признаніе другихъ исполнимыхъ заповѣдей для угожденія Богу, — разсужденіе это не только совершенно неправильно, но и умышленно обманчиво.

Христіанское ученіе не требуетъ и не можетъ требовать отъ человѣка невозможнаго—полнаго отреченія отъ своей тѣлесной жизни; оно только показываетъ людямъ тотъ высшій идеалъ, къ которому имъ свойственно стремиться, исполненіе же заповѣди полагаетъ не въ невозможномъ для человѣка въ этой жизни полномъ исполненіи всѣхъ требованій любви, но во все большемъ и большемъ приближеніи къ этому идеалу посредствомъ все большаго и большаго увеличенія въ себѣ любви и все большаго и большаго самоотреченія. Такъ что признаніе недостижимаго идеала заповѣдью есть только уловка, имѣющая цѣлью показать то, что такъ какъ исполненіе заповѣди любви въ ея полномъ совершенствѣ недоступно человѣку въ этой жизни, то заповѣдь любви и не можетъ быть единой заповѣдью, а должны быть и другія заповѣди, исполненіемъ которыхъ человѣкъ можетъ угодить Богу.

Признаніе невозможности исполненія заповѣди любви, потому что она указываетъ на недостижимый идеалъ, и вслѣдствіе

этого допущеніе возможности отступленій отъ требованій любви и замѣщеніе исполненія заповѣди любви исполненіемъ другихъ заповѣдей подобно тому, что сдѣлалъ бы путешественникъ, вооруженный компасомъ, если бы онъ, рѣшивъ, что движеніе его по прямому направленію, указываемому компасомъ, невозможно вслѣдствіе горъ и рѣкъ, находящихся на пути, пересталъ бы держаться указываемаго ему компасомъ прямого кратчайшаго направленія, а сталъ бы руководствоваться въ своемъ путешествіи другими, независимыми отъ указаній компаса, соображеніями.

Таково же и разсужденіе о томъ, что такъ какъ человѣкъ не можетъ достигнуть полнаго исполненія заповѣди любви, включающей въ себя полное самоотреченіе, то ему нужно признавать другія божескія заповѣди, исполненіе которыхъ отчасти замѣщаетъ исполненіе заповѣди любви.

Неправда это. Обманъ это,—обманъ, губящій жизнь людей тѣмъ, что отводитъ ихъ отъ истинной жизни. Исполненіе заповѣди любви, заключающееся во все большемъ и большемъ пріученіи себя къ жизни любовной въ дѣлахъ, словахъ и мысляхъ, не только возможно, но только одна такая жизнь даетъ человѣку всегда полную свободу и неперестающее благо.

Ясная Поляна.
15 іюля 1909 г.

О ЛОЖНОЙ НАУКѢ.

(Отвѣтъ крестьянину.)

I.

То, о чемъ вы пишете въ вашемъ письмѣ, такъ важно и я такъ давно и много думалъ и думаю объ этомъ самомъ, что мнѣ хочется напослѣдяхъ, зная, что мое время коротко, насколько сумѣю, ясно и правдиво высказать все, что я думаю объ этомъ самой первой важности предметѣ.

Вы спрашиваете, что надо разумѣть подъ наукой и образованіемъ; спрашиваете, не бываютъ ли наука и образованіе вредны, и, какъ образецъ того вреда, который бываетъ отъ того, что называете образованіемъ, приводите примѣръ того учителя, сына крестьянина, который стыдится выкормившаго его отца, и, когда отецъ этотъ привезъ ему свои деревенскіе гостинцы, сынъ предложилъ ему спрятаться на кухнѣ, чтобы не оконфузить своимъ мужичьимъ видомъ образованнаго сына передъ бывшими у него гостями.

Можетъ-быть, примѣръ этотъ исключителенъ, но знаменателенъ, и стоитъ вдуматься въ него, чтобы то, что у насъ называется образованіемъ, представилось бы въ иномъ, чѣмъ оно представляется большинству, значеніи.

На другой день послѣ полученія вашего письма, я провелъ вечеръ съ дамой, директоршей гимназіи, съ довольно страннымъ для дамы именемъ и отчествомъ: Акулина Тарасовна. У дамы этой тонкія бѣлыя прекрасныя руки съ перстнями, умѣренно модная одежда и пріятный видъ усталой, ласковой, умной, «образованной» женщины съ либеральными идеями. Дама эта—крестьянская, заброшенная сиротка. Помѣщица случайно разжалобилась именно надъ этой сироткой, взяла ее воспитывать и дала ей «образованіе». И вотъ, вмѣсто Акульки, которую трепала бы мать за косы за то, что она, чортова дѣвка, упустила телятъ въ овсы, а потомъ вмѣсто Акулины, которую сосваталъ бы Прохоръ Евстигнеевъ и билъ бы въ пьяномъ видѣ смертнымъ боемъ, а потомъ вмѣсто Акулины-вдовы, которая, оставшись, съ пятью дѣтьми, ходила бы съ сумой и всѣмъ, какъ горькая рѣдька, надоѣдала своими слезами и причитаніями, а потомъ вмѣсто ставшей изъ Акулины Тарасовны, которая хотя и вырастила сына и отдала его въ люди, все-таки живетъ впроголодь у зятя, терпя всякія обиды отъ брата невѣстки, вмѣсто этой зачахлой, грязной, оборванной, утромъ и вечеромъ умоляющей матушку казанскую царицу не-

бесную, чтобы она прибрала ее, вмѣсто этой Тарасовны, которая не только себѣ, но и всѣмъ тѣмъ, кто ее кормитъ, въ тягость, вмѣсто этой Тарасовны теперь любезная, умная директорша, бѣлыми руками сдающая карты, остроумно шутящая о персидскихъ дѣлахъ со стариннымъ пріятелемъ и предпочитающая чай съ лимономъ, а не со сливками, на вопросъ: «угодно ли вамъ ягодъ?» отвѣчающая «пожалуй, только немного: мой милый докторъ не велитъ, да ужъ очень хороши ягоды. Немножко, пожалуйста».

Разстояніе между этой и другой Тарасовной—какъ отъ неба до земли. А отчего? Оттого, что Акулькѣ дано было «образованіе».

Ея благодѣтельница не ошиблась въ томъ, что нужно для того, чтобы доставить своей воспитанницѣ то, что считалось ею несомнѣннымъ счастьемъ: она дала Акулькѣ образованіе. И образованіе сдѣлало то, что Акулька стала дамой, то-есть изъ мужички, которой всѣ говорятъ «ты», стала госпожей, которой всѣ говорятъ «вы» и которая сама говоритъ «ты» всѣмъ тѣмъ людямъ, которые кормятъ ее вмѣстѣ со всѣми тѣми, съ кѣмъ она теперь стоитъ на равной ногѣ, т.-е. изъ сословія подвластныхъ и угнетенныхъ перешла въ сословіе властвующихъ и угнетающихъ. То же наполовину сдѣлалъ и вашъ учитель и желаетъ сдѣлать до конца. Но у него есть еще препятствіе родства, которыхъ не было у моей дамы.

II.

За нѣсколько уже лѣтъ не проходитъ дня, чтобы я не получалъ отъ 2—4 писемъ съ просьбами о томъ, чтобы я тѣмъ или инымъ способомъ помогъ ему или ей, если это пишутъ сами желающіе, или мать, просящая за дѣтей, чтобы я помогъ дѣтямъ или молодымъ людямъ учиться — кончить образованіе, удовлетворить, какъ они пишутъ, съѣдающую ихъ съ дѣтства страсть къ просвѣщенію, т.-е. помогъ бы имъ посредствомъ диплома выйти изъ положенія людей, обязательно тяжело трудящихся, въ положеніе вашего учителя или моей дамы. Самое же странное при этомъ—я сказалъ бы: смѣшное, если бы это не было такъ жалко и гадко,— это то, что эти люди, юноши, дѣвушки, матери, всегда всѣ объясняютъ свое желаніе получить образованіе тѣмъ, чтобы имѣть возможность «служить народу, посвятить свою жизнь служенію нашему несчастному народу».

Въ родѣ того, какъ если бы одинъ изъ многихъ людей, несущихъ общими силами тяжелое бревно, вышелъ бы изъ-подъ бревна и сѣлъ бы на него въ то время, какъ другіе несутъ его, объясняя свой поступокъ тѣмъ, что онъ дѣлаетъ это изъ желанія служить несущимъ.

Все дѣло вѣдь очень просто.

Мы говоримъ, что въ Индіи существуютъ касты, а что у насъ, въ христіанскомъ мірѣ, ихъ нѣтъ. Но это неправда. У насъ въ христіанскомъ мірѣ есть также немногія, но двѣ до такой степени рѣзко раздѣленныя между собою касты, что едва ли возможна гдѣнибудь какая-либо бо̀льшая разница и отдаленность между двумя

разрядами людей, чѣмъ та, которая существуетъ между людьми съ очищенными ногтями, вставными зубами, утонченными одеждами, кушаньями, убранствами жилищъ, дорогими портнихами,—людьми, расходующими, не говорю уже ежедневно сотни рублей, по пять, три, два рубля въ день, и полуголыми полуголодными, грязными, не отдыхающими, безграмотными и въ вѣчной зависимости отъ нужды людьми, работающими по 16 часовъ въ сутки за два рубля въ недѣлю. Отношеній между этими двумя если не кастами, то разрядами людей, какъ и не можетъ быть иначе, нѣтъ никакихъ, кромѣ повелѣній, наказаній и случайныхъ для препровожденія времени игрушечныхъ благотвореній со стороны людей съ вычищенными ногтями и покорнаго исполненія, выпрашиванія и затаенной зависти и ненависти со стороны людей съ мозолистыми, грязными руками. Разница между кастами въ Индіи и этими двумя разрядами людей въ христіанскомъ мірѣ только та, что въ Индіи и закономъ и обычаями запрещается переходъ изъ одной касты въ другую, у насъ же переходы эти изъ одного разряда въ другой возможны и совершаются всегда однимъ и тѣмъ же средствомъ.

Средство это есть только одно: «образованіе». Только «образованіе» даетъ людямъ изъ рабочаго народа возможность посредствомъ поступленія или въ чиновники къ правительству, или въ служащіе къ капиталистамъ и землевладѣльцамъ выйти изъ своего сословія и сѣсть на шею его . . . . . .

. . . . . .

Если же люди изъ народа какими-либо (всегда недобрыми) путями и помимо образованія сумѣли обогатиться, то для полнаго ихъ перехода въ высшую касту нужно опять-таки «образованіе».

Такъ что стремленіе къ образованію людей рабочаго сословія, вызываемое если не исключительно, то преимущественно желаніемъ избавленія себя отъ труда рабочаго сословія, противно установившемуся мнѣнію, не заключаетъ въ себѣ не только ничего похвальнаго, но, напротивъ, есть въ большей части случаевъ стремленіе очень хорошее.

III.

Но если и допустить, что цѣль большинства людей изъ народа, стремящихся къ образованію, не заключаетъ въ себѣ ничего похвальнаго, — скажутъ люди твердо вѣрующіе въ благотворность науки,—образованіе само по себѣ все-таки есть дѣло полезное и желательное, чтобы какъ можно больше людей пользовались имъ.

Чтобы отвѣтить на это, надо отвѣтить на то самое, о чемъ вы спрашиваете: что такое то, что у насъ называется образованіемъ и наукой.

Такъ какъ образованіе есть только обладаніе тѣми знаніями, которыя признаются наукой, то буду говорить только о наукѣ.

Наука? Что такое наука? Наука, какъ это понималось всегда и понимается и теперь большинствомъ людей, есть знаніе необходимѣйшихъ и важнѣйшихъ для жизни человѣческой предметовъ знанія.

Такимъ знаніемъ, какъ это и не можетъ быть иначе, было всегда и есть теперь только одно: «знаніе того, что нужно дѣлать всякому человѣку для того, чтобы какъ можно лучше прожить въ этомъ мірѣ тотъ короткій срокъ жизни, который опредѣленъ ему Богомъ, судьбой, законами природы, — какъ хотите». Для того же, чтобы знать то, какъ наилучшимъ образомъ прожить свою жизнь въ этомъ мірѣ, надо прежде всего знать, что точно хорошо всегда и вездѣ, и всѣмъ людямъ, и что точно дурно всегда и вездѣ, и всѣмъ людямъ, т.-е. знать, что должно и чего не должно дѣлать.

Въ этомъ и только въ этомъ была и продолжаетъ быть истинная, настоящая наука.

Наука эта есть дѣйствительная наука, т.-е. собраніе знаній, которыя не могутъ сами собою открыться человѣку и которымъ надо учиться и которымъ учился и весь родъ человѣческій. Наука эта во всемъ ея объемѣ состоитъ въ томъ, чтобы знать все то, что за многія тысячи лѣтъ до насъ думали и высказывали самые хорошіе, мудрые люди изъ тѣхъ многихъ милліоновъ людей, жившихъ прежде насъ, о томъ, что надо и чего не надо дѣлать каждому человѣку для того, чтобы жизнь не для одного себя, но для всѣхъ людей была хорошая... И такъ какъ вопросъ этотъ такъ же, какъ онъ теперь стоитъ передъ нами, стоялъ всегда передъ всѣми людьми міра, то и во всѣхъ народахъ и съ самыхъ древнихъ временъ были люди, высказывавшіе свои мысли о томъ, въ чемъ должна состоять эта хорошая жизнь, т.-е. что должны и чего не должны дѣлать люди для своего блага. Такіе люди были вездѣ: въ Индіи были Кришна и Будда, въ Китаѣ—Конфуцій и Лаотсе, въ Греціи и Римѣ—Сократъ, Эпиктетъ, Маркъ Аврелій, въ Палестинѣ Христосъ, въ Аравіи — Магометъ. Такіе люди были и въ средніе вѣка, и въ новое время, какъ въ христіанскомъ, такъ и въ магометанскомъ, браминскомъ, буддійскомъ, конфуціанскомъ мірѣ.

Такъ что знать то, что говорили — въ сущности, почти всегда одно и то же — всѣ мудрые люди всѣхъ народовъ о томъ, какъ должны для ихъ истиннаго блага жить люди по отношенію ко всѣмъ главнымъ условіямъ жизни человѣческой, въ этомъ, и только въ этомъ, истинная, настоящая наука. И науку эту необходимо знать каждому человѣку для того, чтобы, пользуясь тѣмъ опытомъ, какой пріобрѣли прежде жившіе люди, не дѣлать тѣхъ ошибокъ, которыя они дѣлали.

И вотъ знать все то, къ чему одному и тому же пришли всѣ эти мудрые люди, — въ этомъ только въ этомъ одномъ истинная, настоящая наука.

IV.

Наука о томъ, какъ надо жить людямъ для того, чтобы жизнь ихъ была хорошая, касается многихъ, разныхъ сторонъ жизни человѣческой: учитъ тому, какъ надо относиться къ обществу людей, среди которыхъ живешь, какъ надо кормиться, какъ же-

ниться, какъ воспитывать дѣтей, какъ молиться, какъ учиться и многое другое. Такъ что наука эта въ ея отношеніи къ разнымъ сторонамъ жизни человѣческой можетъ казаться и длинной и многосложной, но главная основа науки, та, изъ которой каждый человѣкъ можетъ вывести отвѣты на всѣ вопросы жизни, и коротка, и проста, и доступна всякому, какъ самому ученому, такъ и самому неученому человѣку.

Оно и не могло быть иначе. Все равно, есть ли Богъ или нѣтъ Его, не могло быть того, чтобы могъ узнать самую нужную для блага всякаго человѣка науку только тотъ, кому не нужно самому кормиться, а кто можетъ на чужіе труды 12 лѣтъ учиться въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Не могло быть этого и нѣтъ этого. Настоящая наука, та, которую необходимо знать каждому, доступна и понятна каждому, потому что вся эта наука въ главной основѣ своей, изъ которой каждый можетъ вывести ея приложеніе къ частнымъ случаямъ, вся она сводится къ тому, чтобы любить Бога и ближняго, какъ говорилъ Христосъ,—любить Бога, т.-е. любить выше всего совершенство добра, и любить ближняго, т.-е. любить всякаго человѣка, какъ любишь себя. Такъ же высказывали истинную науку въ этомъ самомъ ея простомъ видѣ еще прежде Христа и браминскіе, и буддійскіе, и китайскіе мудрецы, полагая ее въ добротѣ, въ любви, въ томъ, чтобы, какъ сказалъ это китайскій мудрецъ, дѣлать другому то, чего себѣ хочешь.

Такъ что истинная, настоящая наука, нужная всѣмъ людямъ, и коротка, и проста, и понятна. И это не могло быть иначе, потому что, какъ прекрасно сказалъ это малороссійскій мудрецъ Сковорода, Богъ, желая блага людямъ, сдѣлалъ все ненужное людямъ труднымъ и легкимъ все нужное имъ.

Такова истинная наука, но не такова та наука, которая въ наше время въ христіанскомъ мірѣ считается и называется наукой. Наукой въ наше время считается и называется, какъ ни странно это сказать, знаніе всего, всего на свѣтѣ, кромѣ того одного, что нужно знать каждому человѣку для того, чтобы жить хорошей жизнью.

Люди занимающіеся теперь наукой и считающіеся учеными, изучаютъ все на свѣтѣ. И такихъ изученій, называемыхъ наукой, такое огромное количество, что едва ли есть на свѣтѣ такой человѣкъ, который не то чтобы зналъ всѣ эти такъ называемыя науки, но могъ бы хотя перечислить ихъ. Наукъ этихъ пропасть, съ каждымъ днемъ появляются новыя. И всѣ эти науки, называемыя самыми странными, выдуманными греческими и латинскими словами, считаются одинаково важными и нужными, такъ что нѣтъ никакого указанія на то, какія изъ этихъ наукъ должны считаться болѣе, какія менѣе важными и какія поэтому должны изучаться прежде и какія послѣ, какія болѣе и какія менѣе нужны.

Не только нѣтъ такого указанія, но люди, вѣрующіе въ науку, до такой степени вѣрятъ въ нее, что не только не смущаются тѣмъ, что наука ихъ не нужна, но, напротивъ, говорятъ, что

самыя важныя и полезныя науки, — это тѣ, которыя не имѣютъ никакого приложенія къ жизни, т.-е. совершенно безполезны. Въ этомъ, по ихъ понятіямъ, вѣрнѣйшій признакъ значительности науки.

Понятно, что людямъ, такъ понимающимъ науку, все одинаково нужно. Они съ одинаковымъ стараніемъ и важностью изслѣдуютъ вопросъ о томъ, сколько вѣситъ солнце и не сойдется ли оно съ такой или такой звѣздой, и какія козявки гдѣ живутъ и какъ разводятся, и что отъ нихъ можетъ сдѣлаться, и какъ земля сдѣлалась землею, и какъ стали расти на ней травы, и какіе на землѣ есть звѣри и птицы, и рыбы, и какіе были прежде, и какой царь съ какимъ воевалъ и на комъ былъ женатъ, и кто когда складывалъ стихи и пѣсни, и сказки, и какіе законы нужны, и почему нужны тюрьмы и висѣлицы, и какъ и чѣмъ замѣнить ихъ, и изъ какого состава какіе камни и какіе металлы, и какъ и какіе пары бываютъ и какъ остываютъ, и почему одна христіанская церковная религія — истинная, и какъ дѣлать электрическіе двигатели и аэропланы, и подводныя лодки, и пр., и пр., и пр. И все это науки съ самыми странными, вычурными названіями, и всѣмъ этимъ съ величайшей важностью передаваемымъ другъ другу изслѣдованіямъ конца нѣтъ и не можетъ быть, потому что дѣлу бываетъ начало и конецъ, а пустякамъ не можетъ быть и нѣтъ конца. Не можетъ быть конца особенно тогда, когда занимаются этими такъ называемыми науками люди, которые не сами кормятся, а которыхъ кормятъ другіе и которымъ поэтому отъ скуки и больше дѣлать нечего, какъ заниматься какими бы то ни было забавами. Выдумываютъ эти люди всякія игры, гулянья, зрѣлища, театры, борьбы, ристалища; въ томъ числѣ и то, что они называютъ наукой.

V.

Знаю, что эти мои слова покажутся вѣрующимъ въ науку, — а въ науку теперь больше вѣрующихъ, чѣмъ въ церковь, и вѣру эту еще никто не рѣшается назвать тѣмъ, что она есть въ дѣйствительности: простымъ и очень грубымъ суевѣріемъ,—покажутся мои слова такимъ страшнымъ кощунствомъ, что эти вѣрующіе не удостоятъ мои слова вниманія и даже не разсердятся, а только пожалѣютъ о томъ старческомъ оглупѣніи, которое явствуетъ изъ такихъ сужденій. Знаю, что такъ будутъ приняты эти мои сужденія, но все-таки скажу все то, что думаю о томъ, что называется наукой, и постараюсь объяснить, почему думаю то, что думаю.

Какъ я уже сказалъ, перечислить всѣ тѣ предметы, изученіе которыхъ называется наукой, нѣтъ никакой возможности. И потому для того, чтобы можно было судить о томъ, что называется наукой, я постараюсь, распредѣливъ всѣ знанія, называемыя науками, по тѣмъ цѣлямъ, которыя они преслѣдуютъ обсудить, насколько всѣ знанія эти соотвѣтствуютъ требованіямъ настоящей науки, а если не соотвѣтствуютъ, то достигаютъ ли хоть тѣхъ цѣлей, которыя ставятъ себѣ люди, занимающіеся ими.

Знанія, называемыя науками, сами собой распредѣляются по преслѣдуемымъ ими цѣлямъ на три главные отдѣла.

Первый отдѣлъ — это науки естественныя: біологія во всѣхъ своихъ подраздѣленіяхъ, потомъ астрономія, математика, и теоретическія, т.-е. не прикладныя: физика, химія и другія со всѣми своими подраздѣленіями. Второй отдѣлъ будетъ составлять науки прикладныя: прикладная физика, химія, механика, технологія, агрономія, медицина и другія, имѣющія цѣлью овладѣваніе силами природы для облегченія труда людского. Третій отдѣлъ будутъ составлять всѣ тѣ многочисленныя науки, цѣль которыхъ — оправданіе и утвержденіе существующаго общественнаго устройства. Таковы всѣ такъ называемыя науки богословскія, философскія, историческія, юридическія, политическія.

«Науки» перваго отдѣла: астрономія, математика, въ особенности столь любимая и восхваляемая такъ называемыми образованными людьми, біологія и теорія происхожденія организмовъ и многія другія «науки», ставящія цѣлью своей одну любознательность, не могутъ быть признаны науками въ точномъ смыслѣ этого слова по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что всѣ эти знанія не отвѣчаютъ основному требованію истинной науки: указанія людямъ того, что они должны и чего не должны дѣлать для того, чтобы жизнь ихъ была хорошая. Во-вторыхъ, не могутъ быть признаны науками еще и потому, что не удовлетворяютъ тѣмъ самымъ требованіямъ любознательности, которыя ставятъ себѣ занимающіеся ими люди. Не удовлетворяютъ же всѣ эти «науки», за исключеніемъ математики, требованіямъ любознательности потому, что, изслѣдуя явленія, происходящія въ мірѣ неодушевленномъ и въ мірѣ растительномъ и животномъ, «науки» эти строятъ всѣ свои изслѣдованія на невѣрномъ положеніи о томъ, что все то, что представляется человѣку извѣстнымъ образомъ, дѣйствительно существуетъ такъ, какъ оно ему представляется. Положеніе же это о томъ, что міръ дѣйствительно таковъ, какимъ онъ познается однимъ изъ безчисленныхъ существъ міра— человѣкомъ, тѣми внѣшними чувствами: зрѣніемъ, слухомъ, осязаніемъ, обоняніемъ, вкусомъ, которыми одарено это существо (человѣкъ), совершенно произвольно и невѣрно. Совершенно произвольно и невѣрно это положеніе потому, что для всякаго существа, одареннаго другими чувствами, какъ, напримѣръ, для рака или для микроскопическаго насѣкомаго и для многихъ и многихъ какъ извѣстныхъ, такъ и неизвѣстныхъ намъ существъ, міръ будетъ совершенно иной.

Такъ что первое положеніе, на которомъ основываются всѣ выводы этой «науки», положеніе о томъ, что міръ въ дѣйствительности таковъ, какимъ онъ представляется человѣку, произвольно и невѣрно. А потому и всѣ выводы изъ этого положенія, основаннаго на данныхъ внѣшнихъ чувствъ одного изъ существъ міра — человѣка, не содержатъ въ себѣ ничего реальнаго и не могутъ удовлетворить серьезной любознательности.

Но если и допустить, что міръ, дѣйствительно таковъ, какимъ онъ представляется одному изъ безчисленныхъ существъ, живущихъ въ мірѣ — человѣку, или то, что, не имѣя возможности познать міръ, каковъ онъ въ дѣйствительности, мы довольствуемся изученіемъ того міра, который представляется человѣку, то и тогда познаніе этого міра, не можетъ точно такъ же удовлетворить требованіямъ разумной любознательности. Не можетъ удовлетворить потому, что всѣ явленія этого міра представляются человѣку не иначе, какъ въ безконечномъ времени и безконечномъ пространствѣ. И потому какъ причины, такъ и слѣдствія каждаго явленія, также и отношенія каждаго предмета къ окружающимъ его предметамъ, никогда не могутъ быть дѣйствительно постигнуты. Причины происхожденія каждаго явленія, а также и послѣдствія его теряются въ безконечномъ прошедшемъ и будущемъ времени. Точно такъ же отношеніе какихъ бы то ни было предметовъ къ окружающимъ ихъ предметамъ не можетъ быть точно опредѣлено, такъ какъ всякій предметъ не можетъ быть представляемъ иначе, какъ веществомъ въ пространствѣ, а вещественные предметы не могутъ быть мыслимы иначе, какъ по отношенію къ безконечно великимъ и безконечно малымъ предметамъ.

Человѣкъ произошелъ отъ низшихъ животныхъ, а низшія животныя отъ кого? А сама земля какъ произошла? А какъ произошло то, отъ чего произошла земля? Гдѣ мнѣ остановиться, когда я знаю, что во времени конца нѣтъ и не можетъ быть ни впередъ, ни назадъ? Или мнѣ говорятъ, что солнце во столько-то тысячъ разъ больше земли. Но солнце — ничто въ сравненіи со звѣздами въ млечномъ пути. А въ человѣческой крови шарики, а въ шарикахъ молекулы, а въ молекулахъ что?

Такъ что хотя могутъ быть и забавны и интересны для людей, свободныхъ отъ необходимаго для жизни труда, изслѣдованія такъ называемыхъ естественныхъ наукъ о происхожденіи міровъ, или органической жизни, или о разстояніяхъ и величинѣ міровъ, или о жизни микроскопическихъ организмовъ и т. п., изслѣдованія эти не могутъ имѣть никакого значенія для серьезнаго, мыслящаго человѣка, такъ какъ составляютъ только праздную игру ума и потому ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть признаваемы науками.

Такъ это по отношенію перваго отдѣла такъ называемыхъ наукъ.

Второй отдѣлъ «наукъ» — прикладныя, т.-е. различныя знанія о томъ, какъ наилучшимъ способомъ бороться съ силами природы и какъ пользоваться ими для облегченія труда людского, еще менѣе, чѣмъ знанія перваго отдѣла, могутъ быть признаны наукой. Не могутъ такого рода знанія быть признаны наукой потому, что свойство истинной науки, такъ же какъ и цѣль ея, есть всегда благо для людей, всѣ же прикладныя «науки», какъ физика, химія, механика, даже медицина и другія, могутъ также часто служить вреду, какъ и пользѣ людей, какъ это и происходитъ теперь. Те-

перь при капиталистическомъ устройствѣ жизни, успѣхи всѣхъ прикладныхъ наукъ: физики, химіи, механики и другихъ, неизбѣжно только увеличиваютъ власть богатыхъ надъ порабощенными рабочими и усиливаютъ ужасы и злодѣйства войнъ. И потому всѣ прикладныя знанія могутъ быть признаны мастерствами или теоріями различныхъ мастерствъ; но никакъ не наукой.

Остается третій разрядъ знаній называемыхъ наукой: знаній, имѣющихъ цѣлью оправданіе существующаго устройства жизни. Знанія эти не только не отвѣчаютъ главному условію того, что составляетъ сущность науки: служенію благу людей, но преслѣдуютъ прямо обратную, вполнѣ опредѣленную цѣль: удержать большинство людей въ рабствѣ меньшинства, употребляя для этого всякаго рода софизмы, лжетолкованія, обманы, мошенничества. «Науки эти прежде всего . . . . . разныя гомилетики, патристики и пр., и пр.; потомъ лжефилософскія, какъ Гегель, Марксъ, Геккель, Ницше и т. п.; потомъ юриспруденція со всѣми своими пропедевтиками, криминалистиками, международными, финансовыми и т. п. правами; потомъ историческія науки . . . . . съ описаніемъ всякаго рода преступленій въ видѣ великихъ подвиговъ. Думаю, что излишне говорить о томъ, что всѣ эти знанія, имѣющія цѣлью зло, а не благо человѣчества, не могутъ быть названы наукой.

VI.

Такъ что въ наше время называется наукой не то, что всѣми людьми признается истиннымъ, разумнымъ и нужнымъ, а, наоборотъ, признается истиннымъ, разумнымъ и нужнымъ все то, что нѣкоторыми людьми называется наукой.

И потому на вашъ вопросъ, вредна ли наука и въ чемъ ея вредъ, отвѣтъ мой тотъ, что нѣтъ на свѣтѣ ничего нужнѣе, благотворнѣе настоящей науки и, напротивъ, нѣтъ ничего вреднѣе пустяковъ, которые называются праздными людьми нашего міра науками.

Одна изъ главныхъ причинъ того зла, отъ котораго теперь страдаютъ люди, того дѣленія людей на властвующихъ и подвластныхъ, на рабовъ и господъ, и той ненависти и злодѣяній, которое производитъ это дѣленіе, одна изъ главныхъ причинъ этого зла — лже-наука. Эта лже-наука даетъ властвующимъ возможность властвовать и лишаетъ подвластныхъ возможности освободиться отъ своего порабощенія. И тѣ, которые властвуютъ (я разумѣю не одни правительства, а всю властвующую касту), знаютъ это и хотя часто и безсознательно, но чутко, чтобы не выпустить власть изъ рукъ, слѣдятъ за наукой и всѣми силами поддерживаютъ ту, такъ называемую науку, которая имъ на руку, и всячески заглушаютъ, извращаютъ ту истинную науку, которая можетъ обличить ихъ . . . . . .

Люди эти, составляющіе правительство и властвующіе классы, хорошо знаютъ, что все дѣло въ томъ, усвоится народомъ лож-

ная или истинная наука, и потому учреждаютъ и поддерживаютъ, одобряютъ и поощряютъ всѣ тѣ пустыя, ненужныя разсужденія и изслѣдованія, праздныя умствованія, всякія теоріи разныхъ мастерствъ, приспособленія къ жизни и всякаго рода юридическіе богословскіе и философскіе софизмы, которые называются науками, настоящую же науку, науку о томъ, какъ жить доброю жизнью, признаютъ «ненаучной», принадлежащей къ чуждой наукѣ области религіи. Область же религіи признается ими — у насъ преимущественно правительствомъ, въ другихъ христіанскихъ странахъ: Англіи, Германіи, Франціи, Австріи, высшими сословіями—неподлежащей обсужденію, и всѣ данныя религіи, несмотря на явныя въ нихъ нелѣпости, выдаваемыя за священныя истины, признаются неизмѣнно такими, какими онѣ дошли до насъ. Въ области наукъ считается необходимымъ изслѣдованіе, провѣрка изучаемаго, и хотя сами по себѣ предметы лже-науки ничтожны, т.-е. исключено изъ нея все то, что касается серьезныхъ, нравственныхъ вопросовъ жизни, въ ней не допускается ничего нелѣпаго, прямо противнаго здравому смыслу. Область же религіи, къ которой отнесены всѣ серьезные, жизненные, нравственные вопросы, вся переполнена безсмысленными чудесами, догматами, прямо противными здравому смыслу, часто даже и нравственному чувству, къ устраненію которыхъ никто не смѣетъ прикоснуться. И потому естественно, что люди «науки», съ особеннымъ уваженіемъ, подобострастіемъ относясь къ своимъ пустячнымъ знаніямъ и съ снисходительнымъ презрѣніемъ къ тому соединенію глубокихъ и нужнѣйшихъ истинъ о смыслѣ и поведеніи въ жизни съ нелѣпыми и чудесами и догматами, называемому религіей, внушаютъ такія же чувства и своимъ ученикамъ.

И выходитъ то, что люди изъ народа, ищущіе просвѣщенія—а ихъ теперь милліоны, — съ первыхъ шаговъ на пути своего просвѣщенія находятъ передъ собой только двѣ дороги: религіозное, отсталое, закостенѣлое ученіе, признаваемое священной, непогрѣшимой истиной, не могущее уже удовлетворить ихъ разумнымъ требованіямъ, или тѣ пустяки, называемые наукой, которые, какъ нѣчто почти священное, восхваляются людьми властвующаго сословія. И люди изъ народа всегда почти подпадаютъ обману и, избирая то, что называется наукой, забиваютъ себѣ голову ненужными знаніями и теряютъ то свойственное уваженіе къ важнѣйшему нравственному ученію о жизни, которое, хотя въ извращенномъ видѣ, они признавали въ религіозныхъ вѣрованіяхъ. А какъ только люди изъ народа вступаютъ на этотъ путь, съ ними дѣлается то самое, чего и хотятъ властвующіе классы: они, теряя понятіе объ истинной, настоящей наукѣ, становятся покорными орудіями въ рукахъ властвующихъ классовъ для поддержанія въ рабствѣ своихъ собратьевъ.

Такъ что, какъ ни великъ вредъ ложной науки и въ томъ, что она забиваетъ головы людей самыми ненужными пустяками, и въ томъ, что посредствомъ прикладныхъ знаній даетъ возможность властвующему классу усиливать свою власть надъ рабочимъ на-

родомъ, и въ томъ что прямо обманываетъ людей изъ народа своими богословскими, квази-философскими, юридическими, историческими и военно-патріотическими лжами, главное...

Величайшій вредъ того, что называется наукой, въ той полной замѣнѣ истинной науки о томъ, что долженъ дѣлать человѣкъ для того, чтобы прожить свою жизнь наилучшимъ образомъ, заключавшейся, хотя и въ извращенномъ видѣ, въ религіозномъ ученіи, совершенно пустыми, ни на что ненужными или вредными знаніями.

Сначала кажется страннымъ, какъ могло это случиться, какъ могло сдѣлаться то, что то, что должно служить благу людей, стало одной изъ главныхъ причинъ зла среди людей. Но стоитъ только вдуматься въ тѣ условія, при которыхъ возникали и развивались тѣ знанія, которыя называются наукой, чтобы вредоносность этой «науки» не только не представлялась бы странной, но чтобы ясно было, что это и не могло быть иначе.

Вѣдь если бы то, что признается наукой, было произведеніемъ труда мысли всего человѣчества, то такая наука не могла бы быть вредной. Когда же то, что называется наукой, есть произведеніе людей, преступно, незаконно живущихъ праздной, развратной жизнью на шеѣ порабощеннаго народа, то не можетъ такая наука не быть и ложной и вредной.

Если бы живущіе грабежомъ разбойники или воровствомъ воры составили свою науку, то наука ихъ не могла бы быть не чѣмъ инымъ, какъ только знаніями о томъ, какъ наиудобнѣйшимъ способомъ грабить, обворовывать людей, какія нужно имѣть для этого орудія и какъ наипріятнѣйшимъ образомъ пользоваться награбленнымъ. То же и съ наукой людей нашего властвующаго сословія.

VII.

«Но если и согласиться, что наука одного класса людей не можетъ быть вся полезна для всѣхъ, все-таки такія знанія, какъ физика, химія, астрономія, исторія, въ особенности математика (кромѣ того, и искусство), сами по себѣ не могутъ не быть полезны людямъ и расширеніемъ ихъ міросозерцанія и своими практическими приложеніями», скажутъ люди науки. Если само по себѣ и нехорошо то, что были и есть люди, которымъ не надо самимъ кормиться, то все-таки все то, что сдѣлали эти люди, благодаря тѣмъ условіямъ, въ которыхъ они находились, не теряетъ отъ этого своей цѣнности.

Нѣтъ, не годится и эта отговорка для оправданія того, что у насъ называется наукой.

Представимъ себѣ, что на островѣ живутъ тысячи семей, съ трудомъ прокармливаясь земледѣльческимъ трудомъ, одна же семья владѣетъ большей половиной острова и, пользуясь нуждой въ землѣ остальныхъ жителей, выстроила себѣ роскошный домъ со всякими усовершенствованными приспособленіями: террасами, картинами, статуями, зеркалами, завела конюшни съ дорогими ло-

шадьми и всякаго рода экипажами и автомобилями, вывела лучшей породы скотъ, развела фруктовые сады съ теплицами, оранжереями, паркъ съ бесѣдками, прудами, фонтанами, теннисомъ и всякими играми. Что будетъ со всѣми этими прекрасными самими по себѣ предметами послѣ того, какъ власть этой одной семьи надъ ея владѣніями уничтожится и тысячи семей, которыя до этого кормились впроголодь на своей землѣ и работали на владѣльцевъ половины острова, получатъ въ свое распоряженіе дома, конюшни, лошадей, экипажи, скотъ, паркъ со всѣми его оранжереями, теплицами, фонтанами, теннисомъ?

Какъ ни хороши и домъ, и паркъ, и скотъ, и оранжереи, не могутъ всѣ обитатели острова воспользоваться всѣмъ этимъ. Домъ слишкомъ великъ даже для школы и будетъ слишкомъ дорогъ своей поддержкой и отопленіемъ, скотъ даже для породы слишкомъ тяжелъ для плохихъ кормовъ жителей, оранжереи, теплицы, бесѣдки не нужны, такъ же какъ не нужны другія сосредоточенныя въ одномъ мѣстѣ приспособленія богатыхъ владѣльцевъ. Всѣмъ жителямъ острова нужно совсѣмъ другое: нужны хорошія дороги, проведенная вода, отдѣльные сады, огороды, нужна только слѣдующая ступень благосостоянія для всѣхъ, не имѣющая ничего общаго съ террасами, статуями, автомобилями, рысаками, оранжереями, цвѣтниками, теннисами и фонтанами. Всѣ эти сами по себѣ хорошіе предметы: статуи, трюмо, оранжереи, рысаки, автомобили, какъ бы ни увеличивалось благосостояніе людей острова, ни для нихъ, ни для будущихъ поколѣній никогда не понадобятся. Увеличивающееся благосостояніе всѣхъ людей, живущихъ общею жизнью, потребуетъ совершенно другихъ предметовъ.

То же и съ знаніями, какъ теоретическими, такъ и прикладными, которыя доведены въ своемъ родѣ до большого совершенства людьми богатыхъ сословій.

Нѣтъ никакого основанія предполагать, что тѣ знанія и тѣ различныя степени ихъ развитія среди людей, живущихъ внѣ кастъ одной, общей для всѣхъ жизнью, будутъ тѣ же самыя, какъ и тѣ, которыя развились теперь среди людей, живущихъ исключительной жизнью — не своими, а трудами другихъ людей. Нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы люди, живущіе всѣ одинаковой внѣ-кастовой жизнью, занялись когда-нибудь вопросами о происхожденіи организмовъ, о величинѣ и составѣ звѣздъ, о радіи, о дѣятельности Александра Македонскаго, объ основахъ церковнаго, уголовнаго и другихъ подобныхъ правъ, объ излѣченіи болѣзней, происходящихъ отъ излишествъ, и многими другими знаніями, которыя теперь считаются науками.

Трудно предположить даже и то, чтобы люди, живущіе общей жизнью, занятые вопросами истинной науки о томъ, что надо дѣлать каждому человѣку, чтобы жить хорошо, передѣлали бы всѣ дѣла этой науки такъ, чтобы могли когда-нибудь на досугѣ заняться и аэропланами, и 30-этажными домами, и граммофонами, и подводными лодками, и всѣми тѣми чудесами, которыя даютъ

теперь прикладныя науки. Людямъ, занятымъ вопросами истинной науки, всегда будетъ слишкомъ много своего, нужнаго дѣла. Дѣло это будетъ въ томъ, чтобы уяснить каждому человѣку, что ему надо дѣлать для того, чтобы не могло быть людей голодныхъ или лишенныхъ возможности пользоваться землей, на которой они родились, чтобы не было женщинъ, отдающихъ на поруганіе свое тѣло, чтобы не было соблазновъ пьянства, алкоголя, опіума, табаку, чтобы не было дѣленія на враждебные народы, не было бы убійствъ на войнахъ людей чужихъ народовъ и своего народа на гильотинахъ и висѣлицахъ, не было религіозныхъ обмановъ и многаго другого. Мало того: людямъ, занятымъ истинной наукой, надо будетъ уяснить, что надо дѣлать каждому человѣку для того, чтобы хорошо воспитывать дѣтей, чтобы хорошо жить вмѣстѣ, чтобы хорошо питаться, чтобы хорошо воздѣлывать землю. Такъ много такихъ и много другихъ важныхъ вопросовъ будетъ стоять передъ людьми, занятыми истинною наукой, что едва ли когда-нибудь будутъ они въ состояніи и захотятъ заняться граммофонами, аэропланами, взрывчатыми веществами и подводными лодками.

Нѣтъ, не можетъ быть въ той наукѣ, которая выросла на преступленіи, на нарушеніи основного положенія настоящей науки—хоть не любви, а уваженія людей другъ къ другу, и потому равенства ихъ между собою, не могло въ такой наукѣ выработаться что-нибудь не то что полезное, но не вредное тому народу, на нарушеніи правъ котораго основывалась вся эта наука.

VIII.

Вѣдь только забыть хоть на время то, къ чему мы такъ привыкли, что мы уже не спрашиваемъ, хорошо ли это или дурно, и взглянуть на то, что дѣлается съ людьми подъ предлогомъ обученія ихъ наукѣ, т.-е. самой нужной истинѣ, чтобы ужаснуться на тѣ преступленія и противъ нравственности, и противъ здраваго смысла, которыя совершаются въ этой области.

Устраиваютъ за большія деньги, собранныя съ народа, заведенія, въ которыхъ однимъ людямъ разрѣшается, другимъ не разрѣшается учить и учиться. Опредѣляется, чему и чему должны учиться люди и сколько времени и, главное, какое они за какое ученіе получатъ въ видѣ диплома, дающаго возможность жить трудами другихъ людей, вознагражденіе.

Награжденіе и выгода за пріобрѣтеніе знаній!

Вѣдь это все равно, какъ если бы давали людямъ награжденіе за то, чтобы они ѣли приготовляемую для нихъ пищу, и запрещали бы людямъ всякую другую, кромѣ этой, пищи.

Уже одно это обѣщаніе вознагражденія и запрещенія ѣсть свою несомнѣнно доказываетъ, что пища дурная и что тѣ, кто готовитъ ее, желаетъ не кормить, а отравить потребителей.

Развѣ не то же самое съ тѣмъ, что у насъ называется наукой? Люди властвующаго класса хорошо знаютъ, что живы они только до тѣхъ поръ, пока царствуетъ ихъ ложная наука и скрыта на-

стоящая, знаютъ, что только стань на то мѣсто, на которомъ стоитъ теперь ложная наука, истинная, — и конецъ ихъ царству. А конецъ ихъ царству потому, что при истинной наукѣ не найдутъ они уже себѣ помощниковъ изъ народа для того, чтобы, какъ теперь, посредствомъ этихъ помощниковъ: всякихъ полицейскихъ, чиновниковъ, учителей, тюремщиковъ, а главное—солдатъ, держать народъ въ своей власти самымъ простымъ, стариннымъ способомъ: на . . . . . съ народа деньги набирать помощниковъ изъ народа же . . . . . .

. . . . . .

Узнай люди народа истинную науку, и не будетъ у властвующихъ помощниковъ.

И властвующіе знаютъ это и потому, не переставая, всѣми возможными средствами — приманками, подкупами — заманиваютъ людей изъ народа къ изученію ложной науки и всякаго рода запрещеніями и насиліями отпугиваютъ отъ настоящей истинной.

Обманъ явный. Что же нужно дѣлать людямъ, чтобы избавиться отъ него?

А только то, чтобы не поддаваться обману.

А не поддаваться обману — значитъ родителямъ не посылать, какъ теперь, своихъ дѣтей въ устроенныя высшими классами для ихъ развращенія школы и взрослымъ юношамъ и дѣвушкамъ, отрываясь отъ честнаго, нужнаго для жизни труда, не стремиться и не поступать въ устроенныя для ихъ развращенія учебныя заведенія.

Только перестань люди изъ народа поступать въ правительственныя школы, и сама собой не только уничтожится ложная, никому, кромѣ одного класса людей, ненужная лже-наука, и сама собой же установится всѣмъ и всегда нужная и свойственная природѣ человѣка наука о томъ, какъ ему наилучшимъ образомъ передъ своей совѣстью, передъ Богомъ прожить опредѣленный каждому срокъ жизни. И такая истинная наука, какъ ни стараются тѣ, кому она невыгодна, заглушать ее, не переставая существуетъ, какъ и не можетъ не существовать между людьми.

Такая истинная наука, какъ она ни забита усиліями людей властвующихъ классовъ, проявляется въ нашемъ мірѣ и разныхъ религіозно-нравственныхъ ученіяхъ, не признаваемыхъ ложной наукой и называемыхъ сектами, проявляется, хотя и въ неполномъ и извращенномъ видѣ, въ ученіяхъ коммунизма, соціализма, анархизма и главное—въ личныхъ словесныхъ поученіяхъ людей людямъ.

Только не вѣрь люди въ науку, вводимую насиліемъ и наградами, и не обучайся ей, а держись только той одной свободной науки, которая учитъ только тому, что дѣлать каждому человѣку для того, чтобы прожить свой срокъ жизни, какъ этого хочетъ отъ него Богъ, живущій въ его сердцѣ, и само собою уничтожится то дѣленіе людей на высшихъ, властвующихъ, и низшихъ, подвластныхъ, и большая доля тѣхъ бѣдствій, отъ которыхъ теперь страдаютъ люди.

А такая истинная и свободная, не покупаемая и не продаваемая наука, которой учатся люди не для дипломовъ, а только для того, чтобы познать истину, и которой обучаютъ люди не за деньги, а только для того, чтобы людямъ-братьямъ передать то, что знаютъ, — такая наука всегда была и есть, и научиться этой наукѣ можно всегда, не поступая за деньги въ школы, гимназіи, университеты и всякіе курсы, и изъ устныхъ поученій добрыхъ и мудрыхъ людей живущихъ и изъ такихъ же книжныхъ поученій умершихъ великихъ мудрецовъ и святыхъ людей древности.

Такъ вотъ мое мнѣніе о томъ, что такое истинная наука и что такое ложная наука, въ чемъ вредъ отъ нея и какъ отъ него избавиться

1 августа 1909 г.

ЕЩЕ О НАУКѢ.

Мысль моя о недостаткахъ того свода знаній, который принято въ нашемъ мірѣ признавать и называть наукой, состоитъ въ томъ, что истинной наукой можно признавать только такое собраніе знаній, въ которомъ всѣ знанія равномѣрно распредѣлены и равномѣрно обработаны. Въ противоположномъ же случаѣ, какъ это происходитъ теперь среди нашего христіанскаго міра, когда считается наукой, истинной, непогрѣшимой наукой, собраніе, съ одной стороны, знаній, отчасти нужныхъ для практическихъ цѣлей, отчасти совсѣмъ никому ни на что ненужныхъ, какъ естественныя, біологическія, астрономическія и т. п. науки, доведенныя до высшей степени обработки, и, съ другой стороны, различныя измышленія, оправдывающія существующій порядокъ или скорѣе безпорядокъ жизни, какъ всѣ историческія, экономическія науки и такъ называемыя науки права, и когда вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно не признаются и не изучаются третьи — самыя важныя и нужныя знанія: религіозныя и нравственныя,—то такое собраніе знаній никакъ не можетъ быть названо «наукой», т.-е. предметомъ важнымъ и заслуживающимъ довѣрія и изученія.

Я нѣсколько разъ высказывалъ эту мысль, сравнивая то, что, по моему мнѣнію, и можно, и должно считать истинной наукой, со сферой, въ которой всѣ радіусы равной длины и равномѣрно распредѣлены по своему разстоянію одинъ отъ другого. Сравненіемъ этимъ я выражалъ то, что какъ при такомъ только равномѣрномъ расположеніи радіусовъ и равной длинѣ ихъ можетъ быть опредѣлена сфера, такъ точно только при равномѣрномъ распредѣленіи одинаковой степени обработки знаній, можетъ быть опредѣлено и то, что можно считать истинной наукой; и что какъ при большей длинѣ радіусовъ одной стороны и при краткости и отсутствіи радіусовъ другихъ сторонъ не только не можетъ быть опредѣлена сфера, но теряется даже понятіе сферы, точно такъ же и въ дѣлѣ науки доведеніе до большей степени обработки одной, малой части знаній и пренебреженіе, игнорированіе всѣхъ другихъ не только не можетъ составить того, что можетъ быть признано наукой, но есть такое ложное соединеніе случайныхъ произведеній ума, которое лишаетъ людей даже самаго понятія о томъ, чѣмъ можетъ и должна быть истинная наука.

А это-то самое и случилось съ тѣмъ, что въ нашемъ европейскомъ квази-христіанскомъ мірѣ называется наукой. И случилось оттого, что (продолжая сравненіе знаній съ радіусами сферы), какъ для того, чтобы опредѣлить сферу, нужно прежде всего со-

ставить три взаимно перпендикулярные, равной длины діаметра и потомъ уже изъ образовавшихся изъ перекрещенія этихъ діаметровъ прямыхъ угловъ проводить равномѣрно отдаленные другъ отъ друга одинаковой длины діаметры, точно такъ же и въ дѣлѣ науки, вообще для опредѣленія ея, необходимо прежде всего положить главныя основы всѣхъ знаній, составляющихъ науку. А такихъ основъ, по мнѣнію не моему, а всѣхъ величайшихъ мудрецовъ и учителей жизни всего міра, такъ же какъ и діаметровъ, опредѣляющихъ сферу, тоже три: первая—ученіе о своемъ «я», отдѣленномъ отъ Всего, т.-е. ученіе о душѣ; вторая—ученіе о томъ, что такое то Все, отъ чего человѣческое «я» сознаетъ себѣ отдѣленнымъ, т.-е. ученіе о Богѣ, и третья—ученіе о томъ, каково должно быть отношеніе «я» къ тому Всему, отъ чего оно отдѣлено, т.-е. ученіе о нравственности.

И точно такъ же, какъ только при составленіи трехъ взаимно перпендикулярныхъ діаметровъ возможно проведеніе дальнѣйшихъ діаметровъ и опредѣленіе дугъ, точно такъ же, и въ дѣлѣ науки, въ ея истинномъ смыслѣ, только при постановкѣ въ основу всѣхъ знаній этихъ трехъ основныхъ ученій возможно дальнѣйшее развитіе знаній и рѣшеніе вопроса о томъ, какое изъ всѣхъ знаній должно быть выбрано прежде и какое послѣ, а также и то, до какой степени должно быть доведено каждое изъ нихъ.

Такъ что изъ этихъ ученій о душѣ, о Богѣ и нравственности не можетъ быть разумнаго знанія, т.-е. того, что можетъ быть названо наукой.

А эти-то ученія вполнѣ отсутствуютъ въ нашемъ мірѣ, и оттого (какъ это и должно быть) наукой, считающейся очень важнымъ дѣломъ, признается въ нашемъ мірѣ случайный сбродъ праздныхъ упражненій и часто вредныхъ мыслей, не только лишающихъ людей возможности разумнаго представленія о томъ, чѣмъ можетъ и должна быть наука, но и возможности какого-либо нравственнаго ученія, связаннаго съ такой наукой. Отъ этого-то и безнравственная жизнь людей нашего міра, отъ этого и ложь науки. Безнравственная жизнь поддерживается ложной наукой. Ложная же наука, въ свою очередь, поддерживаетъ безнравственную жизнь людей. И выхода изъ этого ложнаго круга нѣтъ иного, какъ только полное признаніе ложности существующей науки и попытки установленія истинной.

Истинной же наукой, по моему мнѣнію, можетъ быть и будетъ только такая наука, въ основу которой будетъ положено религіозно-нравственное ученіе о душѣ человѣка, о Богѣ и нравственности, и когда вслѣдствіе этого наука эта не будетъ, какъ теперь, средствомъ увеселенія, препровожденія времени, удовлетворенія празднаго любопытства, матеріальныхъ улучшеній одного сословія богатыхъ людей, а будетъ необходимъ для *всѣхъ*, *всѣхъ* ученіемъ о жизни и въ нравственномъ, духовномъ, и практическомъ смыслѣ и доступнымъ всѣмъ, всѣмъ людямъ, а прежде всего трудящемуся сословію, а не одному малому праздному классу людей. Вслѣдствіе чего такая наука не будетъ, какъ теперь, про-

даваться и покупаться, не будетъ мастерствомъ, не будетъ средствомъ улучшенія своего матеріальнаго положенія, а будетъ естественно, безкорыстно, радостно, какъ все духовное, передаваться отъ людей людямъ.

Какая это будетъ истинная наука, въ какихъ формахъ она проявится и много ли въ ней останется изъ того, что теперь считается наукой, мы не знаемъ и не можемъ знать; но навѣрное можно сказать, что такая наука, наука всего народа, будетъ совсѣмъ иная, чѣмъ теперешняя наука, наука одного и самаго развращеннаго сословія.

Но, можетъ-быть, люди, вѣрующіе въ науку, скажутъ, что мое опредѣленіе того, что основой всѣхъ знаній должны быть ученія о душѣ, о Богѣ и нравственности, произвольно и что человѣку нужнѣе знать о вѣсѣ солнца, и о микробахъ, и о происхожденіи животныхъ, и о 7000 видахъ мухъ и т. п., чѣмъ знать то, что онъ такое, что̀ то Все, отъ чего онъ чувствуетъ себя отдѣленнымъ, и какъ ему надо жить. Знаю, что многіе люди нашего времени, вѣрующіе въ науку такъ же, какъ люди вѣрятъ въ церковное ученіе, скажутъ или подумаютъ это. Точно такъ же, какъ вѣрующіе въ церковь совершенно искренно и наивно думаютъ и говорятъ, что утвержденіе о томъ, что вся вѣра въ томъ чтобы любить Бога и ближняго, произвольна и что гораздо важнѣе знать, какія иконы исцѣляютъ и въ какой именно моментъ совершается пресуществленіе и т. п., точно такъ же и вѣрующіе въ науку совершенно искренно убѣждены въ томъ, что утвержденіе о томъ, что сущность науки въ религіозно-нравственномъ ученіи, есть парадоксъ и отсталость, а что истинная наука въ томъ, чтобы знать какой царь и когда съ кѣмъ воевалъ, и кто какіе писалъ стихи, и какъ г. Р. опредѣляетъ государственное право совершенно противно тому, какъ его опредѣляетъ г. С., и какъ произошла обезьяна, и какая и когда придетъ комета и т. п. Люди эти такъ увѣрены въ томъ, что, посредствомъ памяти набивъ себѣ голову всякими праздными разсужденіями разныхъ господъ о самыхъ ненужныхъ людямъ предметахъ, они стоятъ на высшей точкѣ человѣческаго развитія, что доказывать что-либо такимъ людямъ совершенно безполезно. Тѣхъ же людей, у которыхъ слѣпая вѣра въ науку не загородила совершенно возможность критическаго отношенія къ тому, что они называютъ наукой, я очень прошу, понявъ сущность моихъ доводовъ, показать мнѣ, въ чемъ я ошибаюсь.

Для того, чтобы мои будущіе возражатели не отдалялись отъ сущности вопроса, я постараюсь здѣсь еще разъ, насколько могу, коротко и ясно выразить сущность моего осужденія и отрицанія того, что въ нашемъ мірѣ признается и называется наукой.

Отрицаю я то, что среди насъ называется наукой, потому, что все то, что среди насъ называется этимъ именемъ, есть случайный подборъ знаній, которыя нужны или интересны, или забавны для малаго числа людей, освободившихъ себя отъ тѣлеснаго, нуж-

наго для жизни, труда и перенесшихъ этотъ трудъ на шею народа, лишеннаго большей частью самыхъ первобытно нужныхъ для него знаній.

Отрицаю я то, что у насъ называется наукой, еще и потому, что знанія, какія въ нашемъ мірѣ считаются наукой, покупаются и продаются, какъ всякій товаръ, и потому доступны только богатымъ классамъ и немногимъ людямъ изъ народа, которымъ или особенныя способности, преимущественно память для изученія этихъ знаній, или особенныя жизненныя случайности даютъ возможность, усвоивъ эту выгодную въ житейскомъ смыслѣ науку, выйти изъ среды рабочаго народа и, благодаря «наукѣ», сѣсть на его шею.

Отрицаю я, главное, то, что у насъ называется наукой, потому, что эта «наука» не только не включаетъ въ себя самыхъ важныхъ знаній человѣчества о душѣ, о Богѣ и нравственности, но, напротивъ, умышленно игнорируетъ эти знанія, извращаетъ ихъ или проповѣдуетъ ученія, долженствующія замѣнить ихъ.

Такъ что все то, что у насъ считается и называется наукой, не только не есть нѣчто несомнѣнно истинное и благотворное для народа, для всего народа, какъ это внушаютъ жрецы «науки», но есть такой же грубый и зловредный обманъ, какъ и обманъ церковнаго закона Божія, имѣющій ту же цѣль: съ одной стороны, удовлетвореніе воображенія, ума и даже сентиментальности праздныхъ людей, съ другой стороны, оправданіе существующаго ложнаго, безнравственнаго устройства жизни.

Ясная Поляна,
9 декабря 1909 г.

ДОКЛАДЪ, ПРИГОТОВЛЕННЫЙ ДЛЯ КОНГРЕССА МИРА ВЪ СТОКГОЛЬМѢ.

Любезные братья!

Мы собрались здѣсь для того, чтобы бороться противъ войны. Войны, т.-е. того, для чего всѣ народы міра, милліоны и милліоны людей, отдаютъ въ безконтрольное распоряженіе нѣсколькихъ десятковъ лицъ, иногда одного человѣка, не только милліарды рублей, талеровъ, франковъ, іеновъ, представляющихъ большую долю ихъ труда, но и самихъ себя, свои жизни. И вотъ мы, десятокъ собравшихся съ разныхъ концовъ земли частныхъ людей, не имѣющихъ никакихъ особыхъ преимуществъ, ни, главное, никакой власти ни надъ кѣмъ, намѣреваемся бороться; а если хотимъ бороться, то надѣемся и побѣдить эту огромную силу не одного, а всѣхъ правительствъ, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи милліарды денегъ и милліоны войскъ и очень хорошо знающихъ, что то исключительное положеніе, въ которомъ находятся они, т.-е. люди, составляющіе правительства, основано только на войскѣ, — на войскѣ, имѣющемъ смыслъ и значеніе только тогда, когда есть война, та самая война, съ которой мы хотимъ бороться и которую хотимъ уничтожить.

Борьба при такихъ неравныхъ силахъ должна представляться безумiемъ. Но если вдуматься въ значеніе тѣхъ средствъ борьбы, которыя въ рукахъ тѣхъ, съ кѣмъ мы хотимъ бороться, и тѣхъ, которыя въ рукахъ нашихъ, то удивительнымъ покажется не то, что мы рѣшаемся бороться, но то, что существуетъ еще то, съ чѣмъ мы хотимъ бороться. Въ ихъ рукахъ—милліарды денегъ, милліоны покорныхъ войскъ; въ нашихъ рукахъ только одно, но зато могущественнѣйшее средство въ мірѣ—истина.

И потому, какъ ни ничтожны могутъ показаться наши силы въ сравненіи съ силами нашихъ противниковъ, побѣда наша такъ же несомнѣнна, какъ несомнѣнна побѣда свѣта восходящаго солнца надъ темнотою ночи.

Побѣда наша несомнѣнна, но только при одномъ условіи—при томъ, что, высказывая истину, мы будемъ высказывать ее всю, безъ всякихъ сдѣлокъ, уступокъ и смягченій. Истина же эта такъ проста, такъ ясна, такъ очевидна, такъ обязательна не только для христіанина, но для всякаго разумнаго человѣка, что стоитъ только высказать ее всю во всемъ ея значеніи, чтобы люди уже не могли поступать противно ей.

Истина эта во всемъ ея значеніи въ томъ, что за тысячи лѣтъ до насъ сказано въ законѣ, признаваемомъ нами Божіимъ, въ двухъ словахъ: *не убій;* и истина въ томъ, что человѣкъ не можетъ и не долженъ ни при какихъ условіяхъ, ни подъ какими предлогами убивать другого.

Истина такъ очевидна, такъ признается всѣми, такъ обязательна, что стоитъ только ясно и опредѣленно поставить ее передъ людьми, чтобы то зло, которое называется войной, стало совершенно невозможно.

И потому думаю, что если мы, собравшіеся здѣсь на конгрессѣ мира, вмѣсто того, чтобы ясно и опредѣленно высказать эту истину, будемъ, обращаясь къ правительствамъ, предлагать имъ разныя мѣры для уменьшенія зла войны или для того, чтобы войны все рѣже и рѣже возникали, то будемъ подобны людямъ, которые, имѣя въ рукахъ ключъ отъ двери, ломились бы черезъ стѣны, которыя, они знаютъ что не могутъ быть разрушены ихъ усиліями. Передъ нами милліоны вооруженныхъ, все болѣе и бо лѣе вооружаемыхъ людей, приготавливаемыхъ къ все болѣе и бо лѣе успѣшному убійству. Мы знаемъ, что всѣ эти милліоны людей не имѣютъ никакого желанія убивать себѣ подобныхъ, большею частью не знаютъ даже повода, по которому ихъ заставляютъ дѣлать это противное имъ дѣло, тяготятся своимъ положеніемъ подневольности и принужденія; знаемъ, что убійства, совершаемыя по временамъ этими людьми, совершаются по повелѣнію правительствъ; знаемъ, что существованіе правительствъ обусловливается войсками. И мы, люди, желающіе уничтоженія войны, не находимъ ничего болѣе цѣлесообразнаго для этого уничтоженія, какъ то, чтобы предлагать—кому же?—правительствамъ, существующимъ только войсками, слѣдовательно, войною, такія мѣры, которыя уничтожили бы войну, т.-е. предлагаемъ правительствамъ самоуничтоженіе.

Правительства будутъ съ удовольствіемъ слушать всѣ такія рѣчи, зная, что такія разсужденія не только не уничтожатъ войну и не подорвутъ ихъ власть, но еще больше скроютъ отъ людей то, что имъ нужно скрыть для того, чтобы могли существовать и войска, и войны, и они сами, распоряжающіяся войсками.

«Но вѣдь это анархизмъ: безъ правительствъ и государствъ никогда не жили люди. А потому правительства и государства, и военная сила, ограждающая ихъ, суть необходимыя условія жизни народовъ», скажутъ мнѣ.

Не говоря о томъ, возможна или невозможна жизнь христіанскихъ да и всѣхъ народовъ безъ войскъ и войнъ, ограждающихъ правительства и государства, допустимъ, что людямъ для своего блага необходимо рабски подчиняться состоящимъ изъ неизвѣстныхъ имъ людей учрежденіямъ, называемымъ правительствами, необходимо отдавать этимъ учрежденіямъ произведенія своего труда, необходимо исполнять всѣ требованія этихъ учрежденій, включая и убійство своихъ ближнихъ,—допустимъ все это,—остается все-таки неразрѣшимое въ нашемъ мірѣ затрудненіе. Затрудненіе это

въ невозможности согласованія той христіанской вѣры, которую съ особеннымъ подчеркиваніемъ исповѣдуютъ всѣ люди, составляющіе правительство, съ *составленными изъ христіанъ войсками, приготовляемыми къ убійству*. Какъ ни извращай христіанское ученіе, какъ ни замалчивай главныя его положенія, основной смыслъ этого ученія все-таки только въ любви къ Богу и ближнему. Къ Богу, т.-е. къ высшему совершенству добродѣтели, и къ ближнему, т.-е. ко всѣмъ людямъ безъ различія. И потому, казалось бы, неизбѣжно признать одно изъ двухъ: или христіанство съ любовью къ Богу и ближнему, или государство съ войсками и войнами.

Очень можетъ быть, что христіанство отжило, и что, выбирая одно изъ двухъ: христіанство и любовь или государство и убійство, люди нашего времени найдутъ, что существованіе государства и убійства настолько важнѣе христіанства, что надо забыть про христіанство, а держаться только того, что важнѣе для людей: государства и убійства.

Все это можетъ быть, по крайней мѣрѣ могутъ люди думать и чувствовать такъ. Но тогда такъ и надо сказать. Надо сказать, что люди въ наше время должны перестать вѣрить тому, что говоритъ совокупная мудрость всего человѣчества, что говоритъ исповѣдуемый ими законъ Бога, перестать вѣрить въ то, что записано неизгладимыми чертами въ сердцѣ каждаго человѣка, а должны вѣрить только тому, что будетъ повелѣно, включая и убійство, разными людьми, случайно, по наслѣдству ставшими императорами, королями, или по разнымъ интригамъ, по выборамъ ставшими президентами, депутатами палатъ и парламентовъ. Такъ и сказать надо.

Сказать же этого нельзя. Нельзя сказать не только этого, но нельзя сказать ни того, ни другого. Сказать, что христіанство запрещаетъ убійство,—не будетъ войска, не будетъ правительства. Сказать, что мы, правительство, признаемъ законность убійства и отрицаемъ христіанство,—никто не захочетъ повиноваться такому правительству, основывающему свою власть на убійствѣ. Да и кромѣ того, если разрѣшается убійство на войнѣ, то оно тѣмъ болѣе должно быть разрѣшено для народа, отыскивающаго свое право въ революціи. И потому правительства, не имѣя возможности сказать ни то, ни другое, стараются только о томъ, чтобы скрыть отъ своихъ подданныхъ неизбѣжность рѣшенія дилеммы.

И потому для противодѣйствія злу войны намъ, собравшимся здѣсь, если мы точно хотимъ достигнуть своей цѣли, нужно только одно: поставить эту дилемму съ полной опредѣленностью и ясностью какъ передъ людьми, составляющими правительства, такъ и передъ массами народа, составляющими войско. Для того же, чтобы это сдѣлать, мы должны ясно, открыто не только повторить ту истину, которую знаютъ и не могутъ не знать всѣ люди, о томъ, что человѣкъ не долженъ убивать человѣка, но и разъяснить то, что никакія соображенія не могутъ уничтожить для людей христіанскаго міра обязательность этой истины.

И потому я предложилъ бы нашему собранію составить и обнародовать такое воззваніе къ людямъ всѣхъ и въ особенности христіанскихъ народовъ, въ которомъ мы ясно и опредѣленно высказали бы то, что всѣ знаютъ, но никто или почти никто не говоритъ, а именно то, что война не есть, какъ это признается теперь большинствомъ людей, какое-то особенно доброе, похвальное дѣло, а есть, какъ всякое убійство, гадкое и преступное дѣло какъ для тѣхъ людей, которые свободно избираютъ военную дѣятельность, такъ и для тѣхъ, которые изъ страха наказанія или изъ корыстныхъ видовъ избираютъ ее.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Человѣчество вообще, особенно же наше христіанское человѣчество, дожило до такого рѣзкаго противорѣчія между своими нравственными требованіями и существующимъ общественнымъ устройствомъ, что неизбѣжно должно измѣниться—не то, что не можетъ измѣниться: нравственныя требованія общества, а то, что можетъ измѣниться: общественное устройство. Измѣненіе это, вызываемое внутреннимъ противорѣчіемъ, особенно рѣзко выражающееся въ приготовленіяхъ къ убійству, съ каждымъ годомъ, днемъ становится все болѣе и болѣе настоятельнымъ. Напряженіе, требующее этого измѣненія, дошло въ наше время до такой степени, что какъ для перехода жидкаго тѣла въ твердое нужно небольшое усиліе электрическаго тока, такъ точно и для перехода отъ той жестокой и неразумной жизни людей нашего времени съ ихъ раздѣленіями, вооруженіями и войсками къ жизни разумной, свойственной требованіямъ сознанія современнаго человѣчества, можетъ-быть, нужно только небольшое усиліе, иногда одно слово. Каждое такое усиліе, каждое такое слово можетъ быть тѣмъ толчкомъ въ переохлажденной жидкости, который мгновенно претворяетъ всю жидкость въ твердое тѣло. Почему наше теперешнее собраніе не было бы этимъ усиліемъ? Какъ въ сказкѣ Андерсена, когда царь шелъ въ торжественномъ шествіи по улицамъ города и весь народъ восхищался его прекрасной новой одеждой, одно слово ребенка, сказавшаго то, что всѣ знали, но не высказывали, измѣнило все. Онъ сказалъ: «На немъ нѣтъ ничего», и внушеніе исчезло, и царю стало стыдно, и всѣ люди, увѣрявшіе себя, что они видятъ на царѣ прекрасную новую одежду, увидали, что онъ голый. То же надо сказать и намъ, сказать то, что всѣ знаютъ, но только не рѣшаются высказать, сказать, что какъ бы ни называли люди убійство, убійство всегда есть убійство—преступное, позорное дѣло. И стоитъ ясно, опредѣленно и громко, какъ мы можемъ сдѣлать это здѣсь, сказать это, и люди перестанутъ видѣть то, что имъ казалось, что они видѣли, и увидятъ то, что дѣйствительно видятъ. Перестанутъ видѣть: служеніе отечеству, геройство войны, военную славу, патріотизмъ, и увидятъ то, что есть: голое, преступное дѣло убій-

ства. А если люди увидятъ это, то и сдѣлается то же, что сдѣлалось въ сказкѣ: тѣмъ, кто дѣлаютъ преступное дѣло, станетъ стыдно, а тѣ, кто увѣряли себя, что они не видятъ преступности убійства, увидятъ его и перестанутъ быть убійцами.

Но какъ будутъ защищаться народы отъ враговъ, какъ поддерживать внутренній порядокъ, какъ могутъ жить народы безъ войска?

Въ какую форму сложится жизнь людей, отказавшихся отъ убійства, мы не знаемъ и не можемъ знать. Одно несомнѣнно: то, что людямъ, одареннымъ разумомъ и совѣстью, естественнѣе жить, руководствуясь этими свойствами, чѣмъ рабски подчиняться людямъ, распоряжающимся убійствомъ другъ друга, и что поэтому та форма общественнаго устройства, въ которую сложится жизнь людей, руководствующихся въ своихъ поступкахъ не насиліемъ, основаннымъ на угрозѣ убійства, а разумомъ и совѣстью, будетъ во всякомъ случаѣ не хуже той, въ которой они живутъ теперь.

Вотъ все, что я хотѣлъ сказать. Очень буду сожалѣть, если то, что я сказалъ, оскорбитъ, огорчитъ кого-либо и вызоветъ въ немъ недоброе чувство; но мнѣ, восьмидесятилѣтнему старику, всякую минуту ожидающему смерти, стыдно и преступно бы было не сказать всю истину, какъ я понимаю ее, — истину, которая, какъ я твердо вѣрю, только одна можетъ избавить человѣчество отъ неисчислимыхъ претерпѣваемыхъ имъ бѣдствій, производимыхъ войною.

4 августа 1909 г.

О ГОГОЛѢ.

Гоголь — огромный талантъ, прекрасное сердце и небольшой, несмѣлый, робкій умъ.

Отдается онъ своему таланту — и выходятъ прекрасныя литературныя произведенія, какъ «Старосвѣтскіе помѣщики», первая частъ «Мертвыхъ душъ», «Ревизоръ» и въ особенности — верхъ совершенства въ своемъ родѣ — «Коляска». Отдается своему сердцу и религіозному чувству—и выходятъ въ его письмахъ, какъ въ письмѣ «О значеніи болѣзней», «О томъ, что такое слово», и во многихъ и многихъ другихъ, трогательныя, часто глубокія и поучительныя мысли. Но какъ только хочетъ онъ писать художественныя произведенія на религіозно-нравственныя темы или придать уже написаннымъ произведеніямъ несвойственный имъ нравственно-религіозный поучительный смыслъ — и выходитъ ужасная, отвратительная чепуха, какъ это проявляется во второй части «Мертвыхъ духъ», въ заключительной сценѣ къ «Ревизору» и во многихъ письмахъ.

Происходитъ это оттого, что, съ одной стороны, Гоголь приписываетъ искусству несвойственное ему высокое значеніе, а съ другой—еще менѣе свойственное религіи низкое значеніе церковной вѣры и хочетъ объяснить это воображаемое высокое значеніе своихъ произведеній этой церковной вѣрой. Если бы Гоголь, съ одной стороны, просто любилъ писать повѣсти и комедіи и занимался этимъ, не придавая этимъ занятіямъ особеннаго, гегельянскаго, священнослужительскаго значенія, а съ другой стороны, просто признавалъ бы церковное ученіе и государственное устройство какъ нѣчто такое, съ чѣмъ ему не зачѣмъ спорить и чего нѣтъ основанія оправдывать, то онъ продолжалъ бы писать свои очень хорошіе разсказы и комедіи и при случаѣ высказывалъ бы въ письмахъ, а можетъ-быть, и въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ, свои часто очень глубокія, изъ сердца выходящія нравственно-религіозныя мысли. Но, къ сожалѣнію, во время, какъ Гоголь вступилъ въ литературный міръ, въ особенности послѣ смерти не только огромнаго таланта, но и бодраго, яснаго, не запутаннаго Пушкина, царствовало по отношенію къ искусству—не могу иначе сказать — до невѣроятности глупое ученіе Гегеля, по которому выходило то, что строить дома, пѣть пѣсни, рисовать картины и писать повѣсти, комедіи и стихи представляетъ изъ себя нѣкое священнодѣйствіе, «служеніе красотѣ», стоящее только на одну ступень ниже религіи. Одновременно съ этимъ ученіемъ было распространено въ то время и другое, не менѣе нелѣпое и не

менѣе запутанное и напыщенное — ученіе славянофильства объ особенномъ значеніи русскаго, т.-е. того, къ которому принадлежали разсуждающіе, народа и вмѣстѣ съ тѣмъ объ особенномъ значеніи того извращенія христіанства, которое называлось православіемъ.

Гоголь, хотя и мало сознательно, усвоилъ себѣ оба ученія; ученіе объ особенномъ значеніи искусства онъ естественно усвоилъ потому, что оно приписывало великую важность его дѣятельности, другое же, славянофильское, ученіе тоже не могло не привлечь его, такъ какъ, оправдывая все существующее, успокаивало и льстило самолюбію.

И Гоголь усвоилъ себѣ оба ученія и постарался соединить ихъ въ примѣненіи къ своему писательству. Изъ этой попытки и вышли тѣ удивительныя нелѣпости, которыя такъ поражаютъ въ его письмахъ послѣдняго времени.

Мартъ 1909 г.

Помѣтки Льва Николаевича при перечитываніи „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“.

Завѣщаніе. Отмѣчены №: «Завѣщаю не ставить надо мною никакого памятника и не помышлять о такомъ пустякѣ, христіанина недостойномъ».

Женщина въ свѣтѣ. 5.

Значеніе болѣзней. 5+

О томъ, что такое слово. 5+++

О помощи бѣднымъ. 2.

Объ Одиссеѣ. 1.

Нѣсколько словъ о нашей церкви и духовенствѣ. 0.

О томъ же. 0.

О лиризмѣ нашихъ поэтовъ. 1.

Отмѣчены №: «...у меня напыщенно, темно и невразумительно».

Споры. 4.

Христіанинъ идетъ впередъ. 5.

Карамзинъ. 1.

*О театрѣ.*5.

Предметы для лирическаго поэта. 5.

Совѣты. 5+

Просвѣщеніе. 0+

Четере письма къ разнымъ лицамъ по поводу «Мертвыхъ душъ». Отмѣчены № начало (первый абзацъ) перваго письма; изъ третьяго слова: «Онъ поселилъ мнѣ... постепенно и понемногу»; изъ четвертаго: «Рожденъ я... прочное дѣло жизни».

Нужно любить Россію. 1.

Поставлено 5: «Одинъ Христосъ... любовь къ братьямъ».

Нужно проѣздиться по Россіи. 1.

Что такое губернаторша. 0+

Русскій помѣщикъ. 0.

Историческій живописецъ Ивановъ. 1.

Чѣмъ можетъ быть жена для мужа. 1.

Страхи и ужасы Россіи. 4.

Отмѣчены № 1) «панесешъ журналами... палатахъ и камерахъ». 2) «Дѣло идетъ... мудрецы жизненнаго дѣла».

Близорукому пріятелю. 5.

Занимающему важное мѣсто. 1.

Чей удѣлъ на землѣ выше. 5 за начало до словъ «послѣдній нищій».

Напутствіе. 1.

Въ чемъ существо русской поэзіи. 2.

Свѣтлое воскресеніе 1.

Письмо къ Россети. 3.

О «Современникѣ». 2.

Авторская исповѣдь. 1.

Письмо Жуковскому. Отмѣчены № 1) «не мое дѣло... разсужденіями»; 2) «могъ ли бы я выставить... душа человѣческая»; 3) «что пользы... отвѣта».

Мартъ 1909 г.

НОМЕРЪ ГАЗЕТЫ.

Было время, когда мой взглядъ на жизнь представлялся мнѣ самому чѣмъ-то исключительнымъ и мнѣ странно и страшно было выражать его: такъ онъ былъ несогласенъ со всѣмъ окружающимъ. Но въ послѣднее время я испытываю совершенно обратное: мнѣ странно и дико уже не мое пониманіе жизни, а то, царствующее среди всего (страшно сказать) человѣчества, устройство жизни, противоположное и разуму, и чувству, и самымъ простымъ матеріальнымъ выгодамъ, удобствамъ всѣхъ людей.

Въ продолженіе десятковъ лѣтъ съ разныхъ сторонъ пытался я выражать это противорѣчіе, эту безсмысленность существующей жизни и, несмотря на очевидную тщету этихъ усилій, не могу не продолжать дѣлать то же самое.

Вчера, при чтеніи газеты, эта безсмысленность нашей жизни особенно ярко и живо поразила меня.

Въ первой статьѣ газеты говорится о томъ, что нѣсколько людей, называющихъ себя австрійскимъ правительствомъ, желаютъ присоединить къ тому, что они называютъ Австрійской имперіей, нѣсколько милліоновъ людей, другія же, тоже небольшія, количества людей, называющихъ себя — одни сербскимъ, другіе — турецкимъ, третьи—болгарскимъ правительствомъ, не желаютъ этого. И вотъ какъ тѣ нѣсколько людей, которые желаютъ этого присоединенія, такъ и тѣ, которые не желаютъ этого, хотятъ, для того чтобы разрѣшить несогласіе, заставить нѣсколько сотъ тысячъ людей разныхъ народностей идти убивать другъ друга, или, какъ предлагаютъ нѣкоторые, вмѣсто этого однимъ получить, а другимъ заплатить нѣсколько милліоновъ рублей, собранныхъ съ людей, живущихъ на земляхъ, называемыхъ Австріей, Сербіей, Болгаріей, и Турціей. Небольшое же количество людей, называющихъ себя русскимъ правительствомъ, заявляетъ при этомъ, что они тоже пошлютъ десятки, а можетъ быть и сотни тысячъ людей убивать людей, повинующихся людямъ, называющимъ себя австрійскимъ или турецкимъ правительствами, если эти правительства не согласятся на предлагаемое русскимъ правительствомъ распредѣленіе земель.

Все это на французскомъ языкѣ, въ самыхъ утонченныхъ формахъ, безъ упоминанія о тѣхъ приготовленіяхъ къ убійству, на которыхъ все это основано, передается черезъ посланниковъ отъ одного правительства другому, и печатается въ тысячахъ газетъ, и читается милліонами людей, находящими все это вполнѣ естественнымъ.

Такъ, въ газетѣ, которую я читаю, такъ же какъ и въ тысячахъ другихъ, съ серьезнѣйшимъ видомъ пишется о томъ, какъ «обновляемой Турціи легко мнится, что полная жизни и прогресса Болгарія, не переставшая смотрѣть въ сторону Македоніи, можетъ угрожать цѣлости и безопасности европейскихъ владѣній оттомановъ», и о томъ, что «слѣдуетъ поэтому привѣтствовать циркулярную депешу русскаго министра правительствамъ всѣхъ великихъ державъ, въ которой имъ предлагается сдѣлать, по общему уговору, какъ въ Софіи, такъ и въ Константинополѣ представленія въ томъ смыслѣ, что, относясь сочувственно ко всякимъ комбинаціямъ, могущимъ привести къ соглашенію между спорящими сторонами, державы считаютъ, однако, необходимымъ устранить изъ переговоровъ вопросъ объ измѣненіи границы, какъ угрожающій неблагопріятно отразиться на общемъ положеніи дѣлъ». И т. д., и т. д., все въ томъ же духѣ, т.-е. въ полной увѣренности, что все то, что рѣшатъ между собой нѣсколько недобрыхъ людей, называемыхъ дипломатами и правительствами, о томъ, кому распоряжаться какимъ народомъ, кому кого убивать, что все это такъ же точно и совершится, какъ рѣшатъ эти нѣсколько недобрыхъ людей.

Казалось бы ясно, что милліоны людей, т.-е. существъ, одаренныхъ разумомъ и нравственнымъ чувствомъ, не могутъ, не зная зачѣмъ и для чего, съ готовностью на величайшія лишенія всего дорогого людямъ, идти убивать тѣхъ неизвѣстныхъ имъ людей, которыхъ велятъ имъ убивать недобрые люди, называемые правительствомъ, и что поэтому никакъ нельзя разсчитывать на то, что все то, что рѣшатъ правительства съ своими дипломатами, такъ точно и совершится. Но удивительное дѣло: никто ни на минуту не сомнѣвается, что все предрѣшенное этими людьми такъ же вѣрно совершится, какъ и то, что если человѣкъ пошлетъ деньги въ мясную лавку для покупки говядины, то онъ навѣрно получитъ за свои деньги нужную ему говядину. И какъ для покупающаго говядину вопросъ только въ томъ, сколько и какого сорта ему нужна говядина и сколько надо послать денегъ, такъ и для всѣхъ разсуждающихъ въ министерствахъ и газетахъ о присоединеніи Босніи и Герцеговины вопросъ только въ томъ, сколько людей надо приготовить къ убійству или уже послать убивать другъ друга и какихъ именно людей и въ какихъ соединеніяхъ.

Такова поразившая меня первая статья. Читаю вторую статью подъ заглавіемъ: «Работа и историческая преемственность».

Въ первой статьѣ шла рѣчь о распоряженіяхъ международныхъ, о томъ, какъ разныя правительства заставляютъ вслѣдствіе несогласія между собой повинующихся имъ людей убивать другъ друга для какихъ-то чуждыхъ убивающимъ и убиваемымъ людямъ цѣлей; въ этой же статьѣ идетъ рѣчь уже не объ отношеніяхъ между собой разныхъ правительствъ, а объ отношеніяхъ нѣсколькихъ людей, тѣхъ, которые считаютъ себя въ настоящее время русскимъ правительствомъ и распоряжаются жизнью десятковъ

милліоновъ, и тѣхъ—тоже нѣсколькихъ—людей, которые желали бы быть правительствомъ и поэтому считаютъ всѣ распоряженія сущѣствующаго правительства нехорошими.

Такъ, правительство, защищая себя, говоритъ, что «въ настоящее время понятно только одно дѣленіе людей на группы: тѣ, кто напрягаетъ свои усилія въ пользу роста и развитія русской государственности, и тѣ, кто борется противъ ея основъ». Авторъ же статьи газеты, возражая противъ этого, говоритъ, что «для того, чтобы можно было дѣйствовать въ пользу роста и развитія русской *государственности*, надобно, чтобы тѣмъ, кто иначе понимаетъ развитіе и ростъ русской *государственности*, была бы дана та же свобода дѣйствовать, какъ и та, которой обладаетъ партія правительственная, и что этого нѣтъ, т.-е. что люди, иначе понимающіе ростъ *государственности*, стѣснены въ своей дѣятельности», и т. д.

И опять, удивительное дѣло: и тѣ люди, которые считаютъ себя въ правѣ распоряжаться милліонами, и тѣ, которые хотятъ быть и надѣются, при своей неперестающей борьбѣ, стать на мѣсто первыхъ, такъ же увѣрены въ томъ, что они могутъ распоряжаться жизнью *десятковъ милліоновъ* народа, какъ мы увѣрены въ томъ, что каждый день взойдетъ солнце. И споры и разсужденія идутъ только о томъ, какъ велѣть жить всѣмъ этимъ милліонамъ, а что жить они будутъ по предписаннымъ имъ законамъ нѣсколькими людьми, называемыми правительствомъ, въ этомъ никто не сомнѣвается. И еще болѣе удивительно то, что и въ самомъ дѣлѣ милліоны людей, т.-е. разумныхъ, нравственныхъ существъ, живущихъ своимъ трудомъ и потому не только не нуждающихся ни въ чьей помощи, но и содержащихъ своимъ трудомъ много тысячъ праздныхъ людей, рабски подчиняются волѣ этихъ спорящихъ между собой праздныхъ людей, руководимыхъ самыми мелкими, дурными страстями, но только не тѣмъ, что они всегда лицемѣрно выставляютъ своей главной цѣлью, — благомъ народа.

За этой статьей идетъ третья длинная статья—«Конституціонный бюджетъ», въ которой разсуждается о томъ, сколько у каждаго человѣка, трудящагося для себя и своей семьи, слѣдуетъ ежегодно отнимать произведеній его труда, отдавая ихъ въ распоряженіе людей, называемыхъ правительствомъ. Казалось бы, очевидно то, что такъ какъ работающимъ милліонамъ нѣтъ никакой не только надобности, но и повода отдавать произведенія своего труда людямъ, до сихъ поръ всегда употреблявшимъ эти деньги на самыя дурныя и безнравственныя дѣла: на изготовленіе орудій убійства, на тюрьмы, крѣпости, поставку водки, на развращеніе народа посредствомъ солдатства или ложной вѣры, то, казалось бы, очевидно, что и не будетъ никакого бюджета, и нечего разсуждать о томъ, какъ собирать и употреблять его. Такъ казалось бы, а между тѣмъ правительственные люди и тѣ, которые хотятъ быть правительствомъ, съ полной увѣренностью въ томъ, что деньги эти будутъ въ ихъ рукахъ, разсуждаютъ о томъ, какъ

побольше собрать ихъ и какъ распредѣлить ихъ между собой. И—удивительное дѣло!—деньги эти собираются и распредѣляются: нуждающіеся же въ самомъ необходимомъ, часто голодные, трудящіеся люди отдаютъ свои сбереженія праздным, безумно роскошествующимъ людямъ.

Слѣдующая статья — «Вопросъ о государственныхъ преступленіяхъ на московскомъ съѣздѣ криминалистовъ». Въ этой статьѣ описывается то, какъ собравшіеся въ Москвѣ люди разсуждали о томъ, по какимъ статьямъ можно лишать свободы, грабить (штрафы), мучить, убивать людей и по какимъ этого нельзя дѣлать, какъ лучше примѣнять эти статьи и т. п. Сначала представляется удивительнымъ, для чего эти люди, очевидно несогласные съ правительствомъ и противные ему, не высказываютъ прямо того, что само собой представляется всякому неодуренному человѣку: что, не говоря уже о христіанствѣ, которое будто бы мы исповѣдуемъ, съ какой бы то ни было самой низкой нравственной точки зрѣнія совершенно ясно, что никакой человѣкъ, во имя какихъ бы то ни было соображеній, не имѣетъ права и не долженъ ни грабить, ни мучить, ни лишать свободы, ни жизни другихъ людей. И потому, казалось бы, ясно, что собравшіеся люди, враждебные правительству, должны бы были прямо сказать то, что само собой разумѣется для всякаго неодуреннаго человѣка: то, что одинъ человѣкъ не можетъ насиловать другого, не можетъ потому, что если допустить, что могутъ быть такія соображенія, по которымъ одни люди могутъ насиловать другихъ, то всегда — какъ это и было и есть — найдутся такія соображенія, по которымъ другіе люди могутъ и будутъ употреблять насиліе и противъ тѣхъ, которые ихъ насиловали.

Но собравшіеся ученые люди не дѣлаютъ этого, а старательно приводятъ хитроумныя соображенія о томъ, какія «ужасныя послѣдствія происходятъ отъ отступленій по дѣламъ о политическихъ преступленіяхъ отъ общаго порядка судопроизводства»; о «необходимости изученія государственныхъ преступленій съ *соціологической* точки зрѣнія»; о томъ, какъ «основная *проблема* все болѣе и болѣ развивалась на собраніи *группы* и все болѣе и болѣе становилась ясной невозможность ограничиться какими-либо краткими *тезисами* по такому сложному вопросу».

И опять то же удивленіе и недоумѣніе: почему то правительство, которое теперь дѣйствуетъ, или то, которое составится изъ тѣхъ людей, которые спорятъ съ нимъ въ надеждѣ самимъ стать правительствомъ, почему эти люди такъ несомнѣнно увѣрены, что тотъ народъ, который не знаетъ и знать не хочетъ эти всѣ 120, 117 и т. п. статьи, но, къ счастью, еще знаетъ другія статьи о томъ, что не надо дѣлать другому, чего не хочешь себѣ, что лучше простить не семь, а семью семь разъ, чѣмъ мстить, — почему народъ этотъ подчинится ихъ статьямъ, 120-й, 117-й и еще какой-нибудь, и будетъ изъ повиновенія этимъ статьямъ совершать самъ надъ собой тѣ преступленія всѣхъ законовъ — божескихъ и человѣческихъ, которыя предписываются ему. И что удивительнѣе всего—

это то, что народъ не только подчиняется всѣмъ этимъ статьямъ, но и въ положеніи солдатъ, стражниковъ, присяжныхъ, тюремщиковъ, палачей совершаетъ самъ надъ собой всѣ эти, противныя его совѣсти и исповѣдуемому имъ, признаваемому божескимъ, закону преступленія.

Слѣдующая, четвертая, статья заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о томъ, какъ выражено было желаніе о томъ, чтобы умершій, жившій въ Кронштадтѣ, добрый старичокъ былъ признанъ святымъ человѣкомъ, и какъ синодъ, т.-е. собраніе людей, которые вполнѣ увѣрены, что они имѣютъ право и возможность предписывать милліонамъ народа ту вѣру, которую они должны исповѣдовать, рѣшилъ всенародно праздновать годовщину смерти этого старичка, съ тѣмъ чтобы сдѣлать изъ трупа этого старичка предметъ народнаго поклоненія. Еще понятно, хотя и съ бо́льшимъ усиліемъ, то, что люди могутъ быть такъ обмануты, чтобы вѣрить, что они не столько люди, сколько подданные извѣстнаго государства, и во имя идола государства отступать отъ своихъ человѣческихъ обязанностей, какъ это дѣлается при принужденіи людей къ участію въ солдатствѣ и войнахъ. Можно понять и то, какъ люди могутъ быть доведены до того, чтобы отдавать на завѣдомо дурныя дѣла свои сбереженія . . . . . Какъ ни странно, но можно понять даже и то, какъ долгое и усиленное воспитаніе дурного чувства мести можетъ довести людей до того, что они подчиняются требованіямъ совершенія всякаго рода насилій, даже убійствъ надъ братьями, подъ предлогомъ наказанія. Но, казалось бы, невозможно уже заставить людей XX вѣка, знающихъ Евангеліе, понимать превратно назначеніе своей жизни, вѣрить въ необходимость и благотворность идолопоклонническаго поклоненія неодушевленнымъ предметамъ.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

И—удивительное дѣло! . . . . . они спокойно принимаются, освящаются древностью преданія и замѣняютъ для людей спасительныя истины извѣстнаго имъ христіанства и губятъ ихъ жизнь, отдавая ее и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ во власть обманывающихъ.

Да, какъ ни ужасны всѣ тѣ обманы, подъ гнетомъ которыхъ страдаетъ человѣчество, этотъ наименѣе замѣчаемый людьми обманъ вѣры ужаснѣе всѣхъ. Ужасенъ онъ потому, что на этомъ обманѣ зиждутся всѣ другіе обманы и всѣ вытекающія изъ нихъ бѣдствія.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Зачѣмъ въ самомъ важномъ для души дѣлѣ: въ признаніи того, что свято, т.-е. высшее добро, и что не свято, т.-е. что зло, люди подчиняются требованіямъ чуждыхъ имъ людей?

На всѣ эти вопросы есть только одинъ отвѣтъ: все это только оттого, что люди *сѣрятъ*,—*вѣрятъ* не въ тотъ духовный законъ, который проповѣданъ и Христомъ, и всѣми величайшими людьми міра и который вложенъ въ сердце каждаго человѣка, а *вѣрятъ* или въ тотъ законъ, которому учатъ ихъ обманщики религіозные, какъ бы они ни называли себя . . . . . .
. . . . . или также *вѣрятъ* въ тѣ законы мнимые, которымъ учатъ ихъ обманщики научные, не признающіе ничего вѣчнаго, духовнаго, а одну временную тѣлесную жизнь.

Да, если властители людей, какъ въ Австріи, такъ и въ Россіи, Сербіи, Турціи, Болгаріи, безъ малѣйшаго сомнѣнія и колебанія разсчитываютъ на то, что всѣ эти милліоны людей безпрекословно исполнятъ все то, что отъ нихъ потребуется, и отдадутъ свои сбереженія и сами пойдутъ убивать, кого имъ велятъ, и будутъ запирать, казнить людей по волѣ властвующихъ, и будутъ считать истиной то, что имъ предпишутъ въ синодахъ, консисторіяхъ, академіяхъ и университетахъ, то происходитъ это только оттого, что люди эти потеряли сознаніе своего духовнаго «я», сознаніе своего человѣческаго достоинства. Вѣдь стоитъ только людямъ вспомнить о томъ, кто они, и перестать вѣрить обманщикамъ, съ дѣтства, а потомъ и въ полномъ возрастѣ внушающимъ ложныя ученія церкви, государства, отечества, науки, а признать за единую несомнѣнную истину вложенное въ сердце каждаго человѣка сознаніе добра и зла, просто и ясно выраженное во всѣхъ великихъ ученіяхъ и въ особенности въ христіанствѣ, и тотчасъ же само собой прекратятся всѣ тѣ бѣдствія, отъ которыхъ такъ страдаютъ теперь люди нашего времени и на которыя такъ безпомощно жалуются.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Ясная Поляна.
22 февраля 1909 г.

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО.

(Послѣдняя статья.)

Само собою разумѣется, что очень радъ бы былъ сдѣлать все, что могу, для противодѣйствія тому злу, которое такъ сильно и болѣзненно чувствуется всѣми лучшими людьми нашего времени.

Но думаю, что въ наше время для дѣйствительной борьбы съ смертной казнью нужны не проламыванія раскрытыхъ дверей, не выраженія негодованія противъ безнравственности, жестокости и безсмысленности смертной казни (всякій искренній и мыслящій человѣкъ, и, кромѣ того, еще и знающій съ дѣтства шестую заповѣдь, не нуждается въ разъясненіяхъ безсмысленности и безнравственности смертной казни), не нужны также и описанія ужасовъ самаго совершенія казней,—такія описанія могутъ только успѣшно подѣйствовать на самихъ палачей, такъ что люди будутъ менѣе охотно поступать на эти должности и исполнять ихъ, и правительству придется дороже оплачивать ихъ услуги.

И потому думаю, что, главнымъ образомъ, нужно не выраженіе негодованія противъ убійства себѣ подобныхъ, не внушеніе ужаса совершаемыхъ казней, а нѣчто совсѣмъ другое.

Какъ прекрасно говоритъ Кантъ: «Есть такія заблужденія, которыя нельзя опровергнуть. Нужно сообщить заблуждающемуся уму такія знанія, которыя его просвѣтятъ, тогда заблужденіе исчезнетъ само собою».

Какія же знанія нужно сообщать заблуждающемуся уму человѣческому о необходимости, полезности, справедливости смертной казни для того, чтобы заблужденіе это уничтожилось само собой?

Такое знаніе, по моему мнѣнію, есть только одно: знаніе того, что такое человѣкъ, каково его отношеніе къ окружающему его міру, или, что одно и то же, въ чемъ его назначеніе, и потому, что можетъ и долженъ дѣлать человѣкъ, а главное, что не можетъ и не долженъ дѣлать.

И потому, если ужъ бороться съ смертной казнью, то бороться только тѣмъ, чтобы внушать всѣмъ людямъ, въ особенности же распорядителямъ палачей и одобрителямъ ихъ, ошибочно думающимъ, что они только благодаря смертной казни удерживаютъ свое положеніе, внушать этимъ людямъ то знаніе, которое одно можетъ освободить ихъ отъ ихъ заблужденія.

Знаю, что дѣло это нелегкое. Наемщики и одобрители палачей инстинктомъ самосохраненія чувствуютъ, что знанія эти сдѣлаютъ

для нихъ невозможнымъ удержаніе того положенія, которымъ они дорожатъ, и потому не только сами не усваиваютъ этого знанія, но всѣми средствами... стараются скрыть отъ людей эти знанія, извращая ихъ и подвергая распространителей ихъ всякаго рода лишеніямъ и страданіямъ.

И потому, если мы точно хотимъ уничтожить заблужденіе смертной казни и, главное, если имѣемъ то знаніе, которое уничтожаетъ это заблужденіе, то давайте же будемъ, несмотря ни на какія угрозы, лишенія и страданія, сообщать людямъ это знаніе, потому что это единственное дѣйствительное средство борьбы

Оптина пустынь.
29 октября 1910 г.

ЗЕЛЕНАЯ ПАЛОЧКА.

I.

Если бы человѣкъ послѣ долгаго сна, во время котораго онъ забылъ все, что было прежде, проснулся въ новомъ незнакомомъ ему жилищѣ, обитаемомъ такими же, какъ и онъ, существами, людьми и животными, суетящимися, хлопочущими, что-то, не переставая, дѣлающими, то первое, что, сдѣлалъ бы такой человѣкъ,—постарался бы понять, кто и зачѣмъ помѣстилъ его въ это новое странное мѣсто и что ему дѣлать въ этомъ мѣстѣ, какъ употребить тѣ силы, ту потребность дѣятельности, которыя онъ чувствуетъ въ себѣ. Отвѣтъ на эти вопросы и есть то, что называется религіей. И безъ этихъ отвѣтовъ нельзя хорошо жить на свѣтѣ разумному человѣку.

Кто помѣстилъ меня въ это странное мѣсто?

Не знаю и не могу знать, но навѣрное знаю, что этотъ кто-то есть и что онъ и помѣстилъ меня въ этомъ мірѣ. Знаю это навѣрное, потому что я не могъ по своей волѣ явиться въ этотъ міръ, потому что я никогда не хотѣлъ этого, да и не могъ хотѣть, потому что меня до появленія въ этотъ міръ какъ будто бы не было, или, по крайней мѣрѣ, я ничего не помню о томъ, чтобы я былъ когда-нибудь прежде. Если я спрошу, когда начался я, настоящій я, то я получу еще менѣе удовлетворительный отвѣтъ. Мнѣ говорятъ, что я появился нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ утробы моей матери. Но то, что появилось изъ утробы моей матери, есть мое тѣло, — то тѣло, которое очень много времени не знало и не знаетъ о своемъ существованіи и которое очень скоро, можетъ-быть, завтра, будетъ зарыто въ землю и станетъ землею. То же, что я сознаю своимъ *я*, появилось не одновременно съ моимъ тѣломъ. Это мое *я* началось не въ утробѣ матери и не по выходѣ изъ нея, когда отрѣзали пуповину, и не тогда, когда отняли отъ груди, и не тогда, когда я началъ говорить. Я знаю, что это *я* началось когда-то и вмѣстѣ съ тѣмъ я знаю, что это *я* всегда было. Такъ что я во времени не могу найти своего настоящаго *я*, буду ли я искать его совсѣмъ близко или безконечно далеко. Я какъ будто никогда не появлялся, а всегда былъ и есть и только забылъ свою прежнюю жизнь.

Такъ что я рѣшительно не могу сказать, что я такое. Знаю только то, что я и мое тѣло не одно и то же.

Второй вопросъ: что такое тотъ міръ, въ которомъ, входя въ разумъ, застаю себя?

Міръ этотъ—не моя семья и мой дворъ, Ермилиныхъ или Толстыхъ въ Ясной Полянѣ, и не домъ и дворъ Бауэровъ въ Баваріи, или Шмитовъ въ Англіи, или Робинзоновъ въ Огайо, Америкѣ, или Феханчи въ китайской деревнѣ или въ Пекинѣ, а это весь огромный міръ всѣхъ людей, населяющихъ планету землю и въ Сіамѣ, и въ Исландіи, и Мадагаскарѣ, и во всѣхъ мѣстахъ, которыя я знаю и о которыхъ не знаю. И міръ этотъ составляетъ не только тѣ 1.500 милліоновъ людей, которые, какъ я слыхалъ, населяютъ теперь землю, но еще и всѣ тѣ милліарды людей, которые жили до меня во времена, извѣстныя мнѣ, и въ продолженіе еще многихъ тысячъ лѣтъ, во времена, неизвѣстныя мнѣ, а также и тѣ люди, которые теперь рождаются, растутъ и будутъ жить еще безконечное количество лѣтъ, когда отъ моихъ костей не останется никакого признака. Вотъ эти-то всѣ люди, кромѣ того, еще безконечное количество разнообразныхъ породъ животныхъ, отъ микроскопической козявки до слона и бегемотовъ, и такое же безконечное количество растеній и безжизненныхъ существъ не только на планетѣ землѣ, но и внѣ ея, на другихъ планетахъ и на солнцахъ и милліонахъ звѣздъ, на безконечныхъ разстояніяхъ, окружающихъ землю и распространяющихся безъ конца во времени,—вотъ это-то составляетъ тотъ міръ, въ которомъ я появился и который я увидалъ, когда во мнѣ пробудился разумъ.

Въ этомъ безконечномъ со всѣхъ сторонъ, и по времени и пространству, мірѣ я появился вчера или, по нашему счету, 10, 20, 30, 40, 50 лѣтъ тому назадъ, какъ я слышалъ отъ людей. Поводомъ моего появленія былъ бракъ моего отца съ моей матерью, и, какъ я знаю отъ другихъ людей, я былъ сначала зародышемъ, потомъ младенцемъ, потомъ ребенкомъ, юношей, мужчиной. Появился же я, тотъ я, котораго я сознаю собою, я не могу сказать когда. Мнѣ кажется, что я всегда былъ. Кончусь же—тоже не знаю когда. По наблюденію надъ людьми и по тому, что случается со всѣми, я знаю, что умру, навѣрное, черезъ 70, 80 лѣтъ, знаю, что каждый день, каждый часъ приближаюсь къ смерти, знаю, что могу умереть всякую минуту. Но, несмотря на то, что знаю это, вижу это на всѣхъ людяхъ, не вѣрю этому, не вѣрю тому, чтобы мое *я* могло кончиться.

Но если и такъ, то въ этомъ-то мірѣ я не всегда былъ. Зачѣмъ же я явился въ этотъ міръ? И что мнѣ въ немъ дѣлать?

Что мнѣ со своимъ крошечнымъ тѣломъ и крошечнымъ опредѣленнымъ срокомъ жизни дѣлать въ этомъ безконечномъ по пространству и времени мірѣ?

Самый обыкновенный отвѣтъ на этотъ вопросъ, представляющійся человѣку, жившему до пробужденія своего разума животной жизнью, въ томъ, что живетъ онъ за тѣмъ, чтобы ѣсть, пить, спать, веселиться, затѣмъ вообще, чтобы наслаждаться всѣми тѣми плотскими наслажденіями, которыя даетъ жизнь. Но стоитъ человѣку только оглянуться вокругъ себя и подумать о томъ, что ожидаетъ его, чтобы убѣдиться въ томъ, что назначеніемъ жизни

не можетъ быть плотское счастье, потому что такого счастья не можетъ быть для существа, обреченнаго на борьбу, всякаго рода бѣдствія, болѣзни и неотвратимую смерть. Какое же можетъ быть счастье при жизни, неизбѣжно ведущей къ слабости, старости, смерти?! И потому ни наслажденіе, ни совершенствованіе своихъ способностей, ни совершеніе великаго дѣла, ни даже содѣйствіе благу общества—не можетъ быть назначеніемъ жизни. Все это могло бы быть, если бы не было безконечнаго по времени и пространству міра и не было бы смерти. При той же ограниченности и краткости моей жизни среди безконечнаго міра по времени и пространству нѣтъ и не можетъ быть никакого смысла въ дѣлахъ человѣческихъ. Для чего человѣку трудиться ради улучшенія жизни, когда вся его дѣятельность есть незамѣтная точка среди безконечнаго міра, и когда самая жизнь—только мгновеніе между двухъ вѣчностей? И зачѣмъ трудиться для улучшенія жизни другихъ людей, когда онъ навѣрное умретъ и не увидитъ ни этой лучшей жизни, ни благодарности за то, что онъ сдѣлалъ для людей? Да и тѣ, для которыхъ онъ дѣлалъ благо, исчезнутъ такъ же безслѣдно.

Такъ что отвѣты на мои вопросы, если я серьезно буду спрашивать и серьезно будутъ отвѣчать на нихъ,—такіе:

1) На первый вопросъ, что такая я, отвѣтъ тотъ, что это что-то такое, какъ будто недавно начавшееся, временное, уничтожающееся и долженствующее совсѣмъ скоро уничтожиться, а между тѣмъ одно, несомнѣнно, существующее, одно то, безъ чего ничего не существовало бы. И выходитъ, что я не знаю, что такое я, и вмѣстѣ съ тѣмъ это одно, что я несомнѣнно и лучше всего знаю.

2) Отвѣтъ на второй вопросъ: что такое тотъ міръ, въ которомъ я застаю себя живущимъ? Что-то безсмысленное по своей безконечности и во времени и въ пространствѣ, что-то такое, что непремѣнно по времени когда-нибудь да началось и когда-нибудь кончится, а между тѣмъ никогда не могло начаться и никогда не можетъ кончиться, и при этомъ по мѣсту тоже непремѣнно гдѣ-нибудь кончается, а вмѣстѣ съ тѣмъ нигдѣ не можетъ кончиться. Однимъ словомъ, что-то или безсмысленное, или для меня недопустимое, т.-е. я совершенно не знаю, что такое міръ, а между тѣмъ окруженъ имъ, живу въ немъ и въ немъ долженъ дѣйствовать. Это на второй вопросъ.

3) На третій вопросъ, что мнѣ дѣлать, отвѣтъ тотъ, что все, что мнѣ хочется дѣлать для блага того, начавшагося въ этомъ мірѣ и имѣющаго кончиться въ немъ, существа, которое я считаю собою, — все это напрасно и не имѣетъ никакого смысла. Для того же существа, которое никогда не начиналось и всегда есть и не одно и то же съ моимъ тѣломъ, съ которымъ оно связано, для этого существа ничего не нужно. Такъ что жизнь моя для меня — для того, что я считаю своимъ *я*, не имѣетъ и не можетъ имѣть никакого смысла; не можетъ имѣть смысла и для того міра, въ которомъ я живу, и дѣлать мнѣ ни для себя ни для міра ничего не нужно и нельзя сдѣлать ничего полезнаго.

Вѣдь если только забыть свое званіе царя, работника, судьи, фабриканта, профессора, ученаго, художника, члена семейства, а помнить одно, что я человѣкъ, недавно появившійся въ этомъ непонятномъ мірѣ и очень скоро долженствующій изъ него исчезнуть, то нѣтъ никакой разумной цѣли въ этой жизни, и не стоитъ ничего дѣлать. Все ничтожно, все ненужно. Все, что будешь дѣлать, все будетъ безсмысленно, а между тѣмъ пока живъ, необходимо нужно что-то дѣлать. Вся жизнь есть дѣятельность человѣка въ мірѣ, какъ лошади на колесѣ. Лошади нельзя не идти, этимъ самымъ ходомъ не двигать колеса. И человѣку нельзя не дѣлать чего-нибудь и этой самой дѣятельностью не участвовать въ движеніи всего міра. Такъ что, несмотря на то, что для меня, для человѣка, и для всего міра, какъ ни поверни, жизнь моя безсмысленна, мнѣ все-таки надо дѣйствовать. Какая-то сила поставила меня въ такое положеніе, что я долженъ дѣйствовать не для себя и не для міра, а для чего-то мнѣ непонятнаго. Въ этомъ сознаніи сущность всякой истинной религіи.

Сознаніе это говоритъ то, что есть какая-то сила, пославшая меня въ міръ. Въ этомъ сущность истинной религіи. И вотъ это-то признаніе той силы, которая послала меня въ міръ и которую называютъ Богомъ, и распутываетъ все дѣло и даетъ смыслъ человѣческой жизни. Жизнь моя сама по себѣ непонятна, также непонятна мнѣ и жизнь всего міра. Но я живу и долженъ дѣйствовать по волѣ какой-то высшей силы. И если для меня жизнь моя непонятна, и всѣ цѣли, которыя я могу ставить себѣ или міру, для меня безсмысленны, то жизнь моя и того міра, въ которомъ я живу, не можетъ и не должна быть безсмысленна для той высшей силы, которая послала непонятнаго себѣ меня въ міръ и руководитъ непонятной мнѣ жизнью міра.

Стоитъ только признать эту высшую силу, и все становится ясно: конечныя цѣли моей жизни и жизни міра скрыты отъ меня, недоступны мнѣ (онѣ не могутъ быть доступны ограниченному существу). Я и весь міръ суть только орудія достиженія недоступныхъ мнѣ цѣлей. И смыслъ моей жизни уже не въ конечныхъ, недоступныхъ мнѣ цѣляхъ, а въ исполненіи той неизвѣстной мнѣ цѣли, для которой я существую: въ признаніи этой высшей силы и въ служеніи ей. Въ признаніи Бога и въ исполненіи воли Его.

II.

Въ чемъ исполненіе воли Бога? Учатъ, что Богъ открылся людямъ или черезъ Моисея или черезъ Христа, черезъ Будду.

. . . . . .

Богъ нигдѣ сразу не открывалъ Своей воли, Своего закона одному человѣку или собранію людей. Богъ открывается всегда всѣмъ людямъ, всѣмъ тѣмъ, которые ищутъ Его. Онъ открывается каждому человѣку въ его сердцѣ. Всякій человѣкъ чувствуетъ въ себѣ Бога, то начало жизни, которое не есть тѣло, но живетъ въ тѣлѣ человѣка и которое не имѣетъ ни вѣса, ни мѣры, ни цвѣта,

ни вкуса, ни запаха и которое никогда не начиналось и никогда не кончится. Это начало жизни въ человѣкѣ ограничено его тѣломъ и есть только часть всего. Но по этой части человѣкъ можетъ знать все. Все это и есть Богъ. Человѣкъ чувствуетъ въ себѣ часть этого Всего, и потому знаетъ Бога, не можетъ не знать Его.

Ежели же знаетъ Бога, то знаетъ и законъ Его. Законъ Бога написанъ не въ книгѣ какой-нибудь, а въ самой жизни, въ судьбѣ человѣка. Людямъ кажется, что они не знаютъ закона или ошибаются въ знаніи закона Бога (одни считаютъ одно, другіе другое закономъ Бога), и только потому, что люди закрываютъ глаза на свое положеніе, не хотятъ видѣть его или хотятъ видѣть его не такимъ, какое оно есть. Если человѣкъ придетъ на станцію желѣзной дороги и, увидавъ стоящій вагонъ, войдетъ въ него и, вообразивъ, что это его домъ, станетъ устраивать его для удобнаго жилья, намѣреваясь провести въ немъ жизнь, то онъ, навѣрное, будетъ удивленъ и огорченъ, когда вагонъ тронется и доѣдетъ до слѣдующей станціи и ему велятъ выйти со всѣмъ его устройствомъ и вещами. Человѣкъ могъ видѣть и знать, что вагонъ не домъ, а только средство для переѣзда, и что за переѣздъ надо исполнять положенныя условія: платить и вести себя соотвѣтственно правиламъ желѣзной дороги. Большинство людей такъ же ложно или совсѣмъ не понимаетъ своего положенія въ жизни. И все дѣло въ томъ, что люди не понимаютъ своего положенія.

Въ Евангеліи есть притча о виноградаряхъ, въ которой разсказывается о томъ, что одинъ хозяинъ насадилъ садъ и огородилъ его, вырылъ въ немъ колодецъ, построилъ башню, отдалъ садъ виноградарямъ (садовникамъ) съ тѣмъ, чтобы они давали ему плоды сада. Садовники же, владѣя садомъ, вообразили себѣ, что садъ ихъ собственность и они ни передъ кѣмъ ничѣмъ не обязаны, и выгнали и даже убили тѣхъ пословъ, которыхъ хозяинъ послалъ за плодами. Когда хозяинъ узналъ объ этомъ, онъ выгналъ садовниковъ, такъ что садовники погубили свою жизнь тѣмъ, что не поняли своего положенія. То же и съ людьми. Только не кто-либо другой, а они сами губятъ себя, только ясное пониманіе своего положенія въ жизни открываетъ людямъ законъ Бога. Человѣкъ можетъ сказать, что онъ не знаетъ Бога, но не можетъ сказать, что онъ не знаетъ закона Бога, потому что законъ Бога управляетъ его жизнью, какъ жизнью всякаго существа, и человѣкъ, если и можетъ умомъ не знать этого закона, не можетъ не чувствовать его.

III.

Всѣмъ людямъ хочется жить радостно, въ любви и согласіи, не болѣть, не страдать, не умирать, и всѣ живутъ въ раздѣленіи, во враждѣ другъ съ другомъ, всѣ болѣютъ, всѣ страдаютъ и умираютъ. Отчего это? Зачѣмъ Богъ сотворилъ людей такъ, что всѣ они желаютъ добра, а всѣ мучатся? Отчего это?

Ученіе Христа отвѣчаетъ на это: Христосъ говорилъ, что Ему жалко людей за то, что они изнурены и разъединены, какъ овцы безъ пастуха, и Онъ призываетъ ихъ къ себѣ, и всѣмъ обѣщаетъ благо. Онъ говоритъ: «Пріидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ. Возьмите иго Мое на себя и научитесь отъ Меня всѣ, что Я кротокъ и смиренъ сердцемъ, и найдете покой душамъ вашимъ». Христосъ говоритъ людямъ, что всѣ ихъ бѣдствія отъ того, что они не понимаютъ своего положенія, воображаютъ себѣ не то, что есть, забываютъ, кто они такіе, и что если бы они понимали свое положеніе и помнили его, то жизнь ихъ была бы не мученіе, а радость.

Это высказано въ Евангеліи много разъ, это сказано особенно ясно въ притчѣ о виноградаряхъ: хозяинъ насадилъ садъ, все устроилъ въ немъ (садъ—это міръ, хозяинъ — это Богъ) и отдалъ садъ виноградарямъ съ тѣмъ, чтобы они, работая въ саду, отдавали ему плоды. Но виноградари забыли то, что садъ не ихъ собственный, и что они могутъ пользоваться плодами его только съ тѣмъ, чтобы отдавать уговоренное хозяину. И когда хозяинъ потребовалъ плодовъ сада, виноградари не дали плодовъ, а выгнали пословъ. Тогда хозяинъ выгналъ ихъ. И они стали несчастны.

Такъ же несчастны становятся люди, когда они вообразятъ себѣ, что жизнь ихъ собственность, и каждый можетъ дѣлать съ ней, что хочетъ, не исполняя того, что отъ него хотѣлъ Богъ, давшій ему жизнь.

Таланты такъ же, какъ и жизнь, даны только за тѣмъ, чтобы на нихъ работать. Тотъ, кто не работаетъ въ жизни, лишается всего того, что хочетъ хозяинъ; тотъ же, кто работаетъ для Бога, тотъ получаетъ все больше и больше.

То же сказано въ притчѣ объ управляющемъ, котораго хозяинъ оставилъ въ своемъ домѣ. Управляющій вмѣсто того, чтобы заботиться о домѣ хозяина, сталъ веселиться и тратить на себя хозяйское добро. И хозяинъ наказалъ и выгналъ его.

Въ этихъ притчахъ сказано то, чѣмъ не должно понимать себя человѣку; въ притчѣ же о рабѣ, вернувшемся съ поля, показано, какъ и чѣмъ долженъ себя понимать всякій человѣкъ въ мірѣ.

Кто изъ васъ,—сказано въ этой притчѣ,—имѣя раба, пашущаго или пасущаго, по возвращеніи его съ поля скажетъ ему: «Пойди скорѣе, садись за столъ»?

Напротивъ, не скажетъ ли ему: «Приготовь мнѣ поужинать и, подпоясавшись, служи мнѣ, пока буду ѣсть и пить, и потомъ ѣшь и пей самъ».

Станетъ ли онъ благодарить раба сего за то, что онъ исполнилъ приказаніе?—Не думаю.

Такъ и вы, когда исполните все повелѣнное вамъ, говорите: «Мы рабы, ничего не стоящіе, потому что сдѣлали, что должны были сдѣлать» (Лука XVII, 7, 8, 9, 10).

Все ученіе Христа въ томъ, чтобы человѣкъ понималъ свое положеніе.

Не понимаетъ его человѣкъ, и чтобы онъ ни дѣлалъ, какъ бы ни старался устроить свое счастье, ему не можетъ быть хорошо, такъ же, какъ не можетъ быть хорошо работнику, не исполняющему условій своего найма.

Только когда человѣкъ понимаетъ свое положеніе, понимаетъ, что онъ не хозяинъ своей жизни, а и рабъ и сынъ Божій, и потому долженъ исполнять свои обязанности передъ Богомъ, ему можетъ быть хорошо и въ жизни.

Это же самое сказано въ словахъ Евангелія: «Ищите царствія Божія и правды Его (т.-е. того, чего хочетъ Богъ) и все остальное приложится вамъ» (т.-е. все то, что нужно людямъ для блага ихъ, все получится ими).

Для того, чтобы человѣкъ получилъ то благо, которое возможно для него, нужно, чтобы человѣкъ не обманывалъ самъ себя и понималъ бы свое положеніе.

Въ чемъ же истинное положеніе человѣка въ мірѣ и въ чемъ тотъ обманъ, который дѣлаетъ человѣка несчастнымъ?

Обманъ въ томъ, что люди забываютъ о смерти, о томъ, что они въ этомъ мірѣ не живутъ, а проходятъ. Въ этомъ обманѣ находятся дѣти и очень часто взрослые люди. Очень часто взрослые люди даже до старости не думаютъ о смерти, живутъ такъ, какъ будто нѣтъ смерти, какъ будто увѣрены, что будутъ жить вѣчно.

Единственный смыслъ, который можетъ придать жизни человѣкъ, не забывающій свою смертность, — тотъ, что онъ не самостоятельное существо, а только орудіе воли Бога. По волѣ Его появился въ этотъ міръ съ его безпечностью во времени и пространствѣ и долженъ пробыть въ немъ нѣкоторое время и навсегда исчезнуть. Если же это такъ, то очевидно, что жить для устройства своей жизни безумно, и имѣетъ смыслъ только одно— исполнять волю Того, Кто послалъ въ этотъ міръ для цѣлей этой воли. Какая же это цѣль? Конечной цѣли я знать не могу, такъ какъ она скрывается отъ меня въ безконечности, но средство достиженія ея я могу знать. Средство достиженія есть то самое стремленіе къ благу, которое составляетъ сущность моей жизни, но благо не мое, а благо всего міра. Цѣль, доступная мнѣ, есть благо всего міра, мое же стремленіе къ благу есть только указаніе того, что я долженъ искать для міра.

Такъ что только ясное пониманіе положенія человѣка въ мірѣ и открываетъ ему истинную вѣру въ Бога и въ законъ Его. Изъ этого сознанія своего положенія само собою вытекаетъ покорность волѣ Бога, признаніе равенства всѣхъ людей, любовь къ нимъ и служеніе имъ и основные законы жизни: дѣланіе другимъ того, что хочешь, чтобы тебѣ дѣлали.

Весь законъ Бога, вытекающій изъ сознанія своего положенія, въ покорности волѣ Божіей и въ любви къ ближнему и служеніи ему. Въ этомъ основа всякой вѣры. Это не значитъ то, что не можетъ быть другихъ, многихъ нужныхъ религіозныхъ правилъ, которыя опредѣляютъ приложеніе этого закона къ разнымъ случаямъ жизни. Такія правила есть въ книгахъ Ведъ и въ буд-

дизмѣ, и въ древне-еврейскихъ, и въ Евангеліи, и въ послѣдующихъ нравственныхъ ученіяхъ. Таковы заповѣди и Моисея, не всѣ, а заповѣди: не убій, не прелюбодѣйствуй; таковы заповѣди Ману: не лги, не предавайся пьянству; таковы заповѣди буддизма о состраданіи къ животнымъ; таковы великія пять заповѣдей Христа, охватывающія всю жизнь людей: 1) не гнѣвайся, 2) не предавайся похоти, 3) не клянись, 4) не дѣлай насилія, 5) люби враговъ.

Приложеніе заповѣдей, вытекающихъ изъ основного закона покорности волѣ Божьей и любви къ ближнему, можетъ быть большое, постоянно увеличивающееся по обстоятельствамъ количество. Тотъ, кто понялъ свое положеніе и усвоилъ основной законъ, вытекающій изъ этого положенія, владѣетъ ключомъ къ религіозно-нравственной истинѣ и самъ будетъ выводить изъ этого начала нужныя ему для его жизни правила заповѣди.

Все дѣло въ томъ, чтобы не обманывать себя, а знать свое положеніе въ мірѣ. Если только знаешь, понимаешь это положеніе, знаешь, что нельзя жить для своего блага, а жизнь есть жизнь только, когда принимаешь ее, какъ данную тебѣ отъ Бога, для служенія Ему, что ты слуга, рабъ, орудіе Бога и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сынъ Его, то жизнь перестаетъ быть безсмысленной, перестаетъ быть страданіемъ, а становится благомъ и для себя и для всего міра. Все въ этомъ признаніи своего положенія. Изъ него и покорность волѣ Бога, и признаніе равенства, братства, и любви къ ближнимъ, и служеніе имъ, и взаимная помощь и радость.

Только бы поняли люди, что смыслъ ихъ жизни—въ служеніи Богу, и вмѣсто ужаса и страданій теперешней жизни людей установилась бы радость и благо наступающаго царства Божія. И все только оттого, что люди перестали заблуждаться и поняли свое настоящее положеніе.

Братья и сестры, ради своей жизни (важнѣе ея вѣдь нѣтъ ничего) подумайте объ этомъ. Остановитесь жить. Подумайте о томъ, что вы, гдѣ вы и что васъ ожидаетъ. Вѣдь жизнь, какую мы знаемъ,—одна: за что же, зачѣмъ же погубить ее. Поймите, что все, что представляется намъ важнымъ: удовольствія, радости и богатства, отечество, приличія, привычки, слава,—все это ничто въ сравненіи съ главнымъ, истиннымъ назначеніемъ жизни, съ исполненіемъ воли Бога. Измѣните свою жизнь и не потому, что это велитъ кто-нибудь, а потому, что въ этомъ благо ваше и всего міра.

И не вѣрьте ни тѣмъ, которые будутъ говорить вамъ, что это невозможно, что люди неисправимы, потому что они пали, ни тѣмъ, еще худшимъ обманщикамъ, которые скажутъ, что это невозможно, что люди измѣняются и улучшаютъ свою жизнь по законамъ историческимъ, соціологическимъ, которые они знаютъ или изучаютъ. Не вѣрьте ни тѣмъ, ни другимъ, а живите во всю силу своей жизни и своего разума, а остальное предоставьте Богу.

Я жилъ дурно, безумно, такъ, какъ всѣ; но потомъ почти 30 лѣтъ тому назадъ мнѣ открылась истина, и съ тѣхъ поръ жизнь моя стала другая, спокойная, счастливая, радостная, и что дальше, что ближе къ смерти, то лучше.

И повѣрьте, что то же будетъ и съ вами. Не можетъ не быть, потому что жить трудно только противно закону жизни, закону Бога. Жизнь же, согласная съ нимъ, есть неперестающая радость до самой смерти, и въ самой смерти, какъ Онъ и хочетъ этого. Смерть страшна вѣдь только тому, кто не вѣритъ въ Бога или вѣритъ въ злого Бога, что́ то же самое. Для того же, кто вѣритъ въ Бога, въ благость Его и живетъ въ этой жизни по Его закону, кто испыталъ благость Его, для того смерть есть только переходъ изъ одного опредѣленнаго Имъ состоянія (оказавшагося благомъ) въ другое, неизвѣстное состояніе, но Имъ же опредѣленное, и потому долженствующее быть такимъ же благомъ.

БЛАГО ЛЮБВИ.

(Обращеніе къ людямъ-братьямъ).

Милые братья, особенно тѣ, кто теперь у насъ въ Россіи борется за такое или иное никому ненужное государственное устройство. Нужно тебѣ, милый братъ, кто бы ты ни былъ: царь, министръ, работникъ, крестьянинъ,—нужно тебѣ одно. Это одно—прожить тотъ неопредѣленно короткій мигъ жизни такъ, какъ этого хочетъ отъ тебя Тотъ, Кто послалъ тебя въ жизнь.

Мы всѣ знаемъ, и я всегда смутно чувствовалъ это, и чѣмъ дальше въ жизни, тѣмъ яснѣе: теперь же, съ нынѣшняго дня, когда я въ первый разъ ясно почувствовалъ такую же, какъ для живого человѣка близость завтрашняго дня, естественную близость смерти, не только не страшной, но такой переходъ, который такъ же естественъ и благъ, какъ переходъ къ завтрашнему дню—теперь почувствовавъ это, мнѣ и страшно и, главное, странно думать о той ужасной, ненавистнической жизни, которой живетъ теперь большинство изъ насъ, людей рожденныхъ для любви и блага.

Кто мы, что мы? Вѣдь только ничтожныя, всякую минуту могущія исчезнуть, слабыя существа, выскочившія на мгновеніе изъ небытія въ жизнь прекрасную, радостную, съ небомъ, солнцемъ, лѣсами, лугами, рѣками, птицами, животными, блаженствомъ любви и къ близкимъ, и къ своей душѣ, къ добру и ко всему живому... И что же? Мы, существа эти, не находимъ ничего лучшаго, какъ то, чтобы этотъ короткій, неопредѣленный, каждую минуту могущій прерваться мигъ жизни отдавать на то, чтобы, изуродовавъ [его] двадцатиэтажными домами, мостовыми, дымомъ, копотью, зарыться въ эти трущобы, лѣзть подъ землю добывать камни, желѣзо для того, чтобы строить желѣзныя дороги, развозящія по всему міру ненужныхъ никому людей и ненужные товары и, главное, вмѣсто радостной жизни, жизни любви, ненавидѣть, бояться, мучить, мучиться, убивать, запирать казнить, учиться убивать и убивать другъ друга.

Вѣдь это ужасно!

Тѣ, кто дѣлаютъ это, говорятъ, что все это они дѣлаютъ для того, чтобы избавиться отъ всего дурного, и,—что еще лживѣе,—говорятъ, что они дѣлаютъ это для того, чтобы избавить людей отъ зла, что они, дѣлая это, руководятся любовью къ людямъ.

Милые братья, опомнитесь, оглянитесь, подумайте о своей слабости, мгновенности, о томъ, что въ этотъ неопредѣленный корот-

кій срокъ жизни между двумя вѣчностями, или, скорѣе, безвременностями,—жизни, не знающей высшаго блага, чѣмъ любовь,—подумайте о томъ, какъ безумно не дѣлать, что вамъ свойственно дѣлать, а дѣлать то, что вы дѣлаете.

Вамъ въ вашемъ невольномъ, поддерживаемомъ общественнымъ мнѣніемъ затемнѣніи кажется, что все то, что вы дѣлаете, есть неизбѣжное условіе жизни людей нашего времени, что то, что вы дѣлаете, это—участіе въ всемірной жизни человѣчества; что вы не можете не дѣлать того, что всѣ дѣлали и дѣлаютъ и считаютъ необходимымъ дѣлать.

Но вѣдь хорошо было бы думать такъ, если бы то, что вы дѣлаете, совпадало съ требованіями вашей души, если бы это давало благо вамъ и другимъ людямъ. Да этого нѣтъ. Жизнь міра, человѣчества всего, какъ она идетъ теперь, требуетъ отъ васъ злобы, участія въ дѣлахъ нелюбви къ однимъ братьямъ ради другихъ, не даетъ блага ни другимъ, ни вамъ.

«Но мы работаемъ для будущаго», говорятъ на это.—Но почему жизнью любви въ настоящемъ, сейчасъ жертвовать ради неизвѣстной намъ жизни будущей?

Развѣ не очевидно, какое это странное, губительное суевѣріе. Я знаю, несомнѣнно знаю, что жизнь—въ любви и законѣ Бога и требованіи моего сердца, и даетъ благо мнѣ и другимъ, и вдругъ какія-то отвлеченныя разсужденія заставятъ меня отказаться отъ вѣрнаго, несомнѣннаго блага моего, обязанности, закона моего... ради чего? Ничего. Ради обычая, привычки, подражанія.

Пусть только борецъ за «свободу» или «порядокъ» положитъ одну сотую тѣхъ усилій, тѣхъ жертвъ, которыя онъ полагаетъ на борьбу ради своихъ цѣлей, на увеличеніе любви въ себѣ и другихъ, и онъ—не такъ, какъ при дѣятельности борьбы, гдѣ не видны послѣдствія, а только ожидаются, а тотчасъ же и увидитъ плоды своей любовной дѣятельности не только въ себѣ: въ великой радости любви, но и въ слѣдахъ, которые неизмѣнно на другихъ людяхъ оставляетъ эта дѣятельность.

Милые братья, опомнитесь, освободитесь отъ ужасной инерціи этого заблужденія (заблужденія что борьба, животная борьба, можетъ быть свойственна и не губительна человѣку) и вы узнаете радость, благо, святость жизни, ненарушимыя ничѣмъ: ни нападками другихъ людей, потому что нападки эти будутъ только поводомъ усиленія любви, ни страхомъ смерти, потому что для любви нѣтъ смерти,

Милые братья, не смѣю говорить: «Повѣрьте, повѣрьте мнѣ»,—не вѣрьте, но провѣрьте то, что я говорю, провѣрьте хоть одинъ день. Хоть одинъ день, оставаясь въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ засталъ васъ день, поставьте себѣ задачей во всякомъ дѣлѣ этого дня руководиться одной любовью. И я знаю, что сдѣлай это вы, вы ужъ не вернетесь къ старому, ужасному, губительному заблужденію.

Объ одномъ прошу васъ, милые братья, усомнитесь въ томъ, что та жизнь, которая сложилась среди насъ, есть та, какая должна

быть (жизнь эта есть извращеніе жизни), и повѣрьте, что любовь, только любовь выше всего; любовь есть назначеніе, сущность, благо нашей жизни: что то стремленіе къ благу, которое живетъ въ каждомъ сердцѣ, та обида за то, что нѣтъ того, что должно быть: блага,—что это законное чувство должно быть удовлетворено и удовлетворяется легко, только бы люди не считали, какъ теперь, жизнью то, что есть извращеніе ея.

Милые братья, ради вашего блага, сдѣлайте это: усомнитесь въ той кажущейся вамъ столь важной внѣшней жизни, которой вы живете, поймите, что, не говоря уже о личныхъ славѣ, богатствѣ и т. п., всѣ тѣ воображаемыя вами устройства общественной жизни милліоновъ и милліоновъ людей, все это—ничтожные и жалкіе пустяки въ сравненіи съ той душой, которую вы сознаете въ себѣ въ этотъ короткій мигъ жизни между рожденіемъ и смертью и которая, не переставая, заявляетъ вамъ свои требованія. Живите только для нея и ею, тою любовью, къ которой она зоветъ васъ,—и всѣ тѣ блага и вамъ и всѣмъ людямъ, о которыхъ вы только можете мечтать, въ безчисленное число разъ больше приложатся вамъ.

Только повѣрьте открытому и зовущему васъ къ себѣ благу любви.

21 августа 1908 г.
Ясная Поляна.

Я думалъ, что умираю, въ тотъ день, когда писалъ это. Я не умеръ, но вѣра моя въ то, что я высказалъ здѣсь, остается та же, и я знаю, что не измѣнится до моей смерти, которая, во всякомъ случаѣ, должна наступить очень скоро.

ПИСЬМА.

Графу С. Н. Толстому [1]).

Сережа!

Я пишу тебѣ это письмо изъ Петербурга, гдѣ я и намѣренъ остаться *навѣки*. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . [2]) Я рѣшился здѣсь остаться держать экзаменъ и потомъ служить; ежели же не выдержу (все можетъ случиться), то и съ 14-го класса начну служить, я много знаю чиновниковъ 2-го разряда, которые не хуже и васъ перворазрядныхъ служатъ. Короче тебѣ скажу, что петербургская жизнь на меня имѣетъ большое и доброе вліяніе: она меня пріучаетъ къ дѣятельности и замѣняетъ для меня невольно расписаніе; какъ-то нельзя ничего не дѣлать, всѣ заняты, всѣ хлопочутъ, да и не найдешь человѣка, съ которымъ бы можно было вести безпутную жизнь— одному нельзя же.

Я знаю, что ты никакъ не повѣришь, чтобы я перемѣнился, скажешь: «Это ужъ въ двадцатый разъ и все пути изъ тебя нѣтъ», «самый пустяшный малый»,—нѣтъ, я теперь совсѣмъ иначе перемѣнился, чѣмъ прежде мѣнялся; прежде я скажу себѣ: «дай-ка я перемѣнюсь», а теперь я вижу, что я перемѣнился, и говорю: «я перемѣнился».

Главное то, что я вполнѣ убѣжденъ теперь, что умозрѣніемъ и философіей жить нельзя, а надо жить положительно, т.-е. быть практическимъ человѣкомъ. Это большой шагъ и большая перемѣна, еще этого со мной ни разу не было. Ежели же кто хочетъ жить и молодъ, то въ Россіи нѣтъ другого мѣста, какъ Петербургъ; какое бы направленіе кто ни имѣлъ, всему можно удовлетворить, все можно развить, и легко, безъ всякаго труда. Что же касается до средствъ къ жизни, то для холостого жизнь здѣсь вовсе не дорогая, и напротивъ, дешевле и лучше московской, исключая квартиръ.

---

[1]) Старшій братъ Л. Н.

[2]) Точки, помѣщенныя въ письмахъ, не обозначаютъ цензурныхъ выпусковъ, онѣ обозначаютъ лишь то, что въ распоряженіи редакціи не было цѣлаго оригинала письма, а лишь отрывки, большею частью использованные П. И. Бирюковымъ въ его книгѣ «Біографія Л. Н. Толстого», т. I и II. Въ тѣхъ мѣстахъ писемъ, гдѣ явилась необходимость сдѣлать пропускъ по цензурнымъ соображеніямъ, эти пропуски замѣнены не точками, а прерывистой чертой — — — — — *Ред.*

Сейчасъ пріѣзжалъ ко мнѣ Оболенскій и привозилъ письмо, только что полученное имъ отъ брата Дмитрія.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Всѣмъ нашимъ передай, что я всѣхъ цѣлую и кланяюсь, и что лѣтомъ въ деревнѣ можетъ буду, можетъ нѣтъ, мнѣ хочется лѣтомъ взять отпускъ и поѣздить по окрестностямъ Петербурга, въ Гельсингфорсъ и въ Ревель тоже хочу съѣздить.

Напиши мнѣ, ради Бога, хоть разъ въ жизни; мнѣ хочется знать, какъ ты и всѣ наши эту новость примутъ; проси ихъ отъ меня писать, я же писать къ нимъ боюсь, такъ давно не писалъ я къ нимъ, что они вѣрно сердятся, особенно передъ тетенькой Татьяной Александровной мнѣ совѣстно, попроси у нея отъ меня прощенія.

Оболенскій тебѣ кланяется. Можешь себѣ представить, что Алеша Пушкинъ здѣсь. Однако я его еще не видѣлъ.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Петербургъ, 1848 г., февр 13.

Ему же.

Читай это письмо одинъ.

Сережа, ты, я думаю, уже говоришь, что я *самый пустяшный малый*, и говоришь правду. Богъ знаетъ, что я надѣлалъ? Поѣхалъ безъ всякой причины въ Петербургъ, ничего тамъ нужнаго не сдѣлалъ, только прожилъ пропасть денегъ и задолжалъ. Глупо! Невыносимо глупо! Ты не повѣришь, какъ это меня мучаетъ. Главное долги, которые мнѣ нужно заплатить и какъ можно скорѣе; потому что ежели я ихъ заплачу не скоро, то я сверхъ денегъ потеряю и репутацію.

Ради Бога, сдѣлай вотъ что. Не говоря теткамъ и Андрею, почему и зачѣмъ—продай Воротынку Уварову или Селезневу. Это моя послѣдняя рессурса, но безъ которой я не обойдусь, какъ для того, чтобы прожить, такъ и для того, чтобъ въ опекунскій совѣтъ заплатить.

Мнѣ до новаго дохода необходимо 3500 р. сер. 1200 въ Опекунскій Совѣтъ, 1600 заплатить долги, 700 р. на прожитокъ. Я знаю, ты будешь ахать, но что же дѣлать? глупость дѣлаютъ разъ въ жизни. Надо мнѣ было поплатиться за свою свободу (Некому было сѣчь. Это главное несчастіе) и философію, вотъ я и поплатился. Сдѣлай милость, похлопочи, чтобы вывести меня изъ фаль-

шиваго и гадкаго положенія, въ которомъ я теперь — безъ гроша денегъ и кругомъ долженъ.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Ты знаешь вѣрно, что наши войска всѣ идутъ въ походъ, и что часть (2 корпуса) перешли границу и, говорятъ, уже въ Вѣнѣ.

Я началъ было держать экзаменъ на кандидата и выдержалъ два хорошо, но теперь перемѣнилъ намѣреніе и хочу вступить юнкеромъ въ конно-гвардейскій полкъ. Мнѣ совѣстно писать это тебѣ, потому что я знаю, что ты меня любишь, и тебя огорчатъ всѣ мои глупости и безосновательность. Я даже нѣсколько разъ вставалъ и краснѣлъ отъ этого письма, что и ты будешь дѣлать, читая его, но что дѣлать, прошедшаго не перемѣнишь, а будущее зависитъ отъ меня.

Богъ дастъ я исправлюсь и сдѣлаюсь когда-нибудь порядочнымъ человѣкомъ; больше всего я надѣюсь на юнкерскую службу, она меня пріучитъ къ практической жизни и volens nolens мнѣ надо будетъ служить до офицерскаго чина. Съ счастіемъ, т.-е. ежели гвардія будетъ въ дѣлѣ, я могу быть произведенъ и прежде 2-лѣтняго срока. Гвардія идетъ въ походъ въ концѣ мая. Я теперь ничего не могу дѣлать, потому что, во-первыхъ, нѣтъ денегъ, которыхъ мнѣ нужно, немного (все, кажется), а во-вторыхъ, два метрическія свидѣтельства въ Ясной; вели ихъ прислать, какъ можно скорѣе. Не сердись на меня, пожалуйста, а то я теперь слишкомъ чувствую свое ничтожество, и исполни поскорѣе мои порученія. Прощай, не показывай письма этого тетенькѣ, я не хочу ее огорчать.

Петербургъ, 1848 г., май 1.

Т. А. Ергольской.

(По-французски).

Chère tante!

Мое воспаленіе идетъ лучше, но я еще не выхожу изъ комнаты, разсчитываю сдѣлать это завтра, т.-е. въ воскресенье. Я пойду къ графу Закревскому, къ Крюкову, къ старикамъ Перфильевымъ, къ обоимъ князьямъ Горчаковымъ, Андрею и Сергѣю; однимъ словомъ я употреблю завтрашній день на дѣловые визиты и визиты по обязанности. Третьяго дня я послалъ сказать князю Львову, что я пріѣхалъ и хвораю. Онъ сейчасъ же пріѣхалъ ко мнѣ, и, хотя онъ во многомъ измѣнился, я нашелъ его все такимъ же превосходнымъ другомъ. Я послалъ также сказать

Огареву, что я пріѣхалъ и хотѣлъ бы его повидать. Онъ сейчасъ же пріѣхалъ и привезъ два мои векселя, много извинялся, но денегъ, которыя онъ мнѣ долженъ, не отдалъ. Онъ совсѣмъ испортилъ себѣ репутацію въ Москвѣ. Жена его беременна, и онъ со дня на день ждетъ ея разрѣшенія отъ бремени. Мнѣ больше нечего разсказать вамъ; сидя постоянно дома, не дѣлаешься интереснѣй. За то я много читаю; я абонировался у Готье, и уже прочелъ «Конецъ виконта Бражелона», книгу о Людовикѣ XIV и его вѣкѣ, одинъ романъ Александра Дюма довольно пустой, но очень интересный, и еще новый его романъ: «Тысяча и одинъ призракъ» — такое собраніе глупостей, что просто ни на что не похоже.

Нѣтъ худа безъ добра—говорю это къ тому, что въ одномъ отношеніи я даже доволенъ, что хворалъ и долженъ былъ сидѣть дома около недѣли. По крайней мѣрѣ, успѣлъ устроиться, оглядѣться, — иначе я рисковалъ поступить какъ Максъ въ Пироговѣ.

Я вамъ говорилъ, что моя квартира очень славная.

Она состоитъ изъ четырехъ комнатъ—столовая, гдѣ у меня уже есть роялино, которое я взялъ на прокатъ, гостиная съ диваномъ, стульями и столами орѣховаго дерева, покрытыми краснымъ сукномъ, и украшенная тремя большими зеркалами; кабинетъ, гдѣ стоитъ мой письменный столъ, бюро и диванъ, который напоминаетъ мнѣ всѣ наши споры объ этой мебели, и еще комната, довольно большая, чтобы служить спальней и уборной и, сверхъ того, маленькая передняя.

Я обѣдаю дома щами и кашей, чѣмъ я вполнѣ довольствуюсь. Жду только варенье и наливку, чтобы имѣть все, къ чему я привыкъ въ деревнѣ.

У меня есть сани за сорокъ рублей, это пошевни, родъ саней, теперь очень модныхъ. Сережа долженъ знать, что это такое. Я купилъ всю упряжь, и она у меня теперь очень изящна.

Что касается Сережи, то скажите ему, что я еще не былъ у Крюкова, потому что нигдѣ не былъ, что проценты въ банкъ заплачены и что все, что онъ хотѣлъ знать о своихъ дѣлахъ, выяснено въ прилагаемой бумагѣ, которую мнѣ далъ Петръ послѣ моего приказанія еще разъ сходить въ банкъ и разузнать все подробно. Скажите ему еще, что когда онъ получитъ это письмо, будетъ уже десятое число, предѣльный срокъ, къ которому онъ обѣщалъ мнѣ заплатить. Кромѣ того, напомните ему, чтобъ онъ прислалъ мнѣ оба аттестата и отвѣтъ князя Еникеева; я хотѣлъ бы, чтобы онъ ему сказалъ, если увидитъ его, что я недоволенъ его часами и согласенъ вымѣнять ихъ. Копыловъ тоже сыгралъ со мной скверную шутку; онъ далъ мнѣ расписку на предъявителя къ своему московскому комиссіонеру, чтобы тотъ заплатилъ мнѣ за 80 четвертей ржи, которыя я ему продалъ, и я до сихъ поръ не могу получить этихъ денегъ, что мнѣ очень непріятно, потому что я скинулъ по 50 к. съ четверти, чтобъ получить деньги впередъ.

Прощайте, цѣлую ваши ручки. Я очень удивленъ, что до сихъ поръ не получилъ отъ васъ письма.

Въ моемъ послѣднемъ письмѣ я, правда, забылъ о Николаѣ Сергѣевичѣ, но я увѣренъ, что вы загладили мою забывчивость своей деликатностью, сказавъ, что я и ему напишу словечко. Скажите ему что у меня еще не было времени приложиться къ мощамъ, но что я не премину сдѣлать это, какъ только поправлюсь.

Въ многолюдствѣ не разсѣиваюсь и игрокамъ не поддаюсь. Николая Сергѣевича помню. Имѣете ли вы вѣсти о братьяхъ, о Машенькѣ?

Москва, 1850 г., декабрь 9.

Ей же.

(По-французски).

Chère tante!

Удивляюсь и не перестаю удивляться вашему молчанію, хотя и получилъ вчера ваше письмо отъ 16 декабря, отвѣтъ на мое первое; но это уже четвертое, которое я вамъ пишу. Здоровье мое великолѣпно, но зато мои денежныя дѣла далеко не въ блестящемъ положеніи.

- И если теперь деньги, которыхъ я жду отъ Сережи и изъ Ясной, еще не высланы, то и не надо посылать ихъ, такъ какъ они меня уже не застанутъ. Надо было вамъ видѣть Петра и повтореніе той же комедіи; я ни простилъ его, ни потребовалъ отчета въ этихъ деньгахъ, такъ какъ дѣло это меня не касалось. Не имѣете ли вѣстей отъ Николеньки? Я начинаю очень безпокоиться за него. Исторія съ г-жей Симонъ еще не окончена. Еще вчера мнѣ разсказывали, какъ приказчикъ г-жи Симонъ, придя къ г-ну Кобылину, чтобы объясниться съ нимъ, упалъ мертвымъ въ его комнатѣ. Никто еще не знаетъ, чему приписать эту внезапную смерть.

Почему вы такъ возмущены Исленевымъ, если это съ цѣлью, чтобы меня отъ него отвратить то это безполезно, потому что его нѣтъ въ Москвѣ. Все, что вы говорите о развращающемъ вліяніи игры— вѣрно и часто мнѣ приходитъ на умъ, вотъ почему я думаю, что я больше играть не буду. «Я думаю», но надѣюсь скоро сказать навѣрно.

Знаете, очень трудно бываетъ разстаться съ мыслью, къ которой давно привыкъ. Недавно я встрѣтилъ въ банкѣ Чулкова, а вчера онъ сдѣлалъ мнѣ визитъ и увѣряетъ, что устроилъ всѣ свои дѣла въ банкѣ. Но я думаю, что онъ лжетъ. Онъ очень звалъ меня къ себѣ, но вы понимаете, что ни его общество, ни

общество его жены нисколько для меня не привлекательно; поэтому я къ нему не пойду.

Все, что вы говорите объ обществѣ, вѣрно, такъ же, какъ и все, что вы говорите, особенно въ письмахъ: во-первыхъ, потому, что вы пишете какъ м-мъ де-Севинье, и во-вторыхъ, потому, что я не могу, по моимъ привычкамъ, спорить. Вы также говорите много хорошаго обо мнѣ. Я убѣжденъ, что похвалы приносятъ столько же пользы, сколько и вреда. Онѣ полезны, потому что удерживаютъ человѣка въ тѣхъ хорошихъ качествахъ, которыя хвалятъ, и вредны, потому что увеличиваютъ самолюбіе. Я увѣренъ, что ваши похвалы мнѣ будутъ только полезны, потому что онѣ продиктованы искреннимъ дружескимъ чувствомъ, но, конечно, настолько, насколько я ихъ заслуживаю.

Мнѣ кажется, что я ихъ заслужилъ: во все время моего пребыванія въ Москвѣ я доволенъ собой.

Болѣзнь тети Лизы очень огорчаетъ меня, но это огорченіе компенсируется, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что Машенька и мужъ ея здоровы. Когда она должна родить?

Скажите Сергѣю, что я его обнимаю, что всѣ его порученія исполнены, и добросовѣстно исполнены. Прощайте, цѣлую ваши руки. До свиданія. Привѣтъ монаху.

Москва, 1850 г., декабрь 24.

Ей же.

(По-французски).

Chère tante!

Изъ вашего молчанія я заключаю, что вы на меня сердитесь; дѣйствительно, я уже давно не писалъ вамъ, но вы знаете, что если я и бываю виноватъ передъ вами, то случается это помимо моей воли. Вы знаете также, что чѣмъ дольше я не вижу васъ, тѣмъ сильнѣе чувство, которое я къ вамъ питаю. Я клеветалъ на себя, говоря, что для меня отсутствующіе всегда неправы.

Въ одномъ сочиненіи, которое я читалъ на-дняхъ, авторъ говоритъ, что первые признаки весны дѣйствуютъ обыкновенно на нравственную природу человѣка. Съ возрождающейся природой хочется чувствовать и себя рождающимся, жалѣешь о прошломъ, дурно потраченномъ времени, каешься въ слабости, и будущее представляется, какъ свѣтлая точка впереди насъ, и становишься лучше, нравственно лучше. Относительно меня это совершенно вѣрно; съ тѣхъ поръ, какъ я началъ жить самостоятельно, весна всегда приводила меня въ хорошее настроеніе, въ которомъ я держался болѣе или менѣе долго; но вотъ зима всегда была для меня камнемъ преткновенія—всегда собьюсь.

Впрочемъ, сопоставляя съ прошлыми зимами, эта, несомнѣнно, самая пріятная и самая разумная изъ всѣхъ проведенныхъ мною. Я веселился, я ѣздилъ въ свѣтъ, остались пріятныя воспоминанія, и при всемъ томъ, я не разстроилъ свои финансы — и не устроилъ—правда.

Только что я подсчиталъ свои долги, и сумма ихъ оказалась та же, что и въ прошломъ году. Прощайте, милая, дорогая тетенька, тысячу разъ цѣлую ваши ручки и надѣюсь скоро сдѣлать это въ дѣйствительности.

Скажите Валерьяну, что я ничего не могу ему отвѣтить, потому что уже давно не видѣлъ князя. У него только что умерла дочь, но я все-таки сегодня уже обѣдаю у него, и поговорю съ нимъ.

Москва, 1851 г., мартъ 8.

Ей же.

(По-французски).

Chère tante!

Вотъ и опять эти два слова стоятъ на заголовкѣ листа бумаги, и снова я въ затрудненіи: что писать вамъ? А между тѣмъ мнѣ надо столько сказать вамъ.

Наше путешествіе было очень удачно въ смыслѣ погоды и дороги. Мы провели два дня въ Москвѣ.

Я былъ тамъ у Горчаковыхъ, Андрея и Сергѣя, у Волконскихъ. Я видѣлъ Львова, Калошина, Костеньку и всѣхъ, съ кѣмъ я люблю встрѣчаться.

Я былъ на гуляньи въ Сокольникахъ въ отвратительную погоду и потому не встрѣтилъ ни одну изъ дамъ, которыхъ я хотѣлъ видѣть. Такъ какъ, по-вашему, я человѣкъ испытующій себя, я пошелъ въ народъ, въ цыганскій таборъ. Вы легко можете себѣ представить, какая поднялась тамъ во мнѣ внутренняя борьба за и противъ. Впрочемъ, я вышелъ побѣдителемъ, то-есть ничего не далъ этимъ веселымъ потомкамъ знаменитыхъ фараоновъ, кромѣ моего благословенія. Николай [1]) находитъ, что я очень пріятный спутникъ, если бы не моя опрятность. Онъ сердится на то, что, какъ онъ говоритъ, я 12 разъ въ день мѣняю бѣлье. Я нахожу, что онъ тоже очень пріятный спутникъ, если бы не его неопрятность. Не знаю, кто изъ насъ правъ.

Изъ Москвы написалъ Валерьяну, что выигралъ 400 р. Боюсь, какъ бы это васъ не встревожило. Вы подумаете, что я играю и опять буду играть. Успокойтесь, это исключеніе, которое я позволилъ себѣ только съ г-номъ Зубковымъ.

---

[1]) Старшій, любимый братъ Л. Н.

Только пріѣхавъ въ Казань, я опять начинаю приходить въ хорошее настроеніе, которымъ и пользуюсь, чтобы писать вамъ. Все это время я не то что былъ въ плохомъ настроеніи, но мнѣ было невесело. Вы легко разгадаете причину...

Вы старались не казаться опечаленной при нашемъ отъѣздѣ, я это замѣтилъ и благодаренъ вамъ за это.

Получили ли вы карточки и довольны ли вы ими? Я совсѣмъ забылъ о портмонэ для m-elle Vergani.

Казань, 1851 г., апрѣль.

Ей же.

(По-французски).

Chère tante!

Мы въ Астрахани и уже на отъѣздѣ въ Кизляръ, такъ что намъ еще остается сдѣлать 400 верстъ. Въ Казани я провелъ очень пріятно недѣлю. Путешествіе до Саратова было непріятно, но зато оттуда путешествіе въ небольшой лодкѣ до Астрахани было очень поэтично и полно очарованія для меня, по новизнѣ мѣстъ и по самому способу путешествія. Вчера я написалъ Машенькѣ [1]) длинное письмо, въ которомъ я ей разсказываю о моемъ пребываніи въ Казани. Я ничего вамъ не говорю объ этомъ, изъ опасенія повторяться, хотя я и увѣренъ, что вы не смѣшали бы оба письма. Пока я очень доволенъ моей поѣздкой. Многое заставляетъ меня задумываться и потомъ самая перемѣна мѣста мнѣ пріятна. Проѣздомъ черезъ Москву я абонировался, такъ что у меня много чтенія, которымъ я занимаюсь даже въ тарантасѣ. Затѣмъ, какъ вы понимаете, общество Николая много содѣйствуетъ моему довольному настроенію. Я не перестаю думать о васъ и о всѣхъ моихъ. Я даже иногда упрекаю себя за то, что оставилъ эту жизнь, которую такъ смягчала ваша любовь ко мнѣ; но это только отсрочка, и я еще съ большей радостью увижу васъ. Если бы я не спѣшилъ, я бы написалъ Сережѣ, но я откладываю это до того времени, когда я устроюсь и буду спокойнѣе. Поцѣлуйте же его отъ меня и скажите ему, что я очень раскаиваюсь въ той холодности, которая была между нами передъ отъѣздомъ и въ которой я обвиняю только себя.

Прощайте, тетенька, тысячу разъ цѣлую ваши руки.

Астрахань, 1851 г., май.

---

[1]) Сестра Л. Н.

Ей же.

(По-французски).

Chère tante!

Давно я не писалъ вамъ, и отъ васъ получилъ всего нѣсколько словъ въ письмѣ Валерьяна. Позвольте вамъ за это сдѣлать выговоръ.

Я пріѣхалъ живъ и здоровъ, но немного грустный, къ концу мая въ Старогладовскую. Я увидалъ вблизи образъ жизни, который ведетъ Николай и познакомился съ офицерами, которые составляютъ общество. Этотъ образъ жизни не очень привлекателенъ, какъ мнѣ показалось сперва, потому что и самый край, который я предполагалъ очень красивымъ, вовсе не таковъ. Такъ какъ станица расположена въ низинѣ, — нѣтъ красиваго вида; квартира плохая, а также и все, что составляетъ удобство жизни. Насчетъ офицеровъ, какъ вы сами можете себѣ представить, это люди безъ образованія, но люди славные и, что главное, очень любящіе Николеньку.

Алексѣевъ, его начальникъ, это маленькій бѣлокуренькій рыжеватый человѣчекъ съ усиками и бакенбардами, говорящій пронзительнымъ голосомъ, но добрый христіанинъ, напоминающій немного А. С. Волкова, но не такой ханжа, какъ онъ. Потомъ Б., молодой офицеръ, ребенокъ, напоминающій Петрушу. Потомъ старый капитанъ Билковскій, изъ уральскихъ казаковъ — старый, простой солдатъ, но благородный, храбрый и добрый. Признаюсь, сначала многое въ этомъ обществѣ коробило меня, но я привыкъ, хотя и не сдружился съ этими господами. Я нашелъ счастливое средство общенія, въ которомъ нѣтъ ни гордости ни запанибратства. Впрочемъ, въ этомъ мнѣ оставалось только слѣдовать примѣру Николеньки.

Едва пріѣхавъ, Николенька получилъ приказъ отправиться въ Староюртовское укрѣпленіе для прикрытія больныхъ въ Горячеводскомъ лагерѣ. Недавно здѣсь открыли горячіе минеральные источники, разнаго качества, которые, говорятъ, очень благотворно дѣйствуютъ на всѣхъ больныхъ простудой, раненыхъ, и въ особенности на больныхъ... Говорятъ даже, что эти воды лучше по качеству, чѣмъ Пятигорскія.

Николенька уѣхалъ черезъ недѣлю послѣ своего пріѣзда, и я послѣдовалъ за нимъ, такъ что мы почти три недѣли здѣсь живемъ въ палаткѣ. Погода хорошая, и такъ какъ я привыкъ немного къ такому образу жизни, то мнѣ очень хорошо. Здѣсь чудные виды. Начну съ того мѣста, гдѣ источники. Это большая гора изъ нагроможденныхъ другъ на друга камней. Одни изъ нихъ оборвались и, упавъ, образовали нѣчто въ родѣ гротовъ, другіе нависли на страшной высотѣ. Всѣ они перерѣзаны потоками горячей воды, которые падаютъ съ шумомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ

и закрываютъ, особенно по утрамъ верхнюю часть скалы бѣлымъ паромъ, который поднимается отъ этой кипящей воды. Вода такъ горяча, что въ ней можно сварить яйцо вкрутую въ три минуты. Въ срединѣ этого оврага, на главномъ потокѣ, есть три мельницы, одна надъ другой, построенныя совсѣмъ особеннымъ образомъ и очень красиво. Весь день татарскія женщины то и дѣло приходятъ выше и ниже мельницъ, чтобы мыть бѣлье. Нужно вамъ сказать, что онѣ моютъ ногами. Это, какъ муравейникъ, вѣчно кишащій. Женщины большей частью красивы и хорошо сложены. Одежды восточныхъ женщинъ, несмотря на ихъ бѣдность, изящны. Красивыя группы женщинъ, дикая красота мѣстности—все это представляетъ очаровательную картину. Я часто часами стою и любуюсь пейзажемъ. Затѣмъ видъ съ вершины горы еще лучше и совершенно въ другомъ родѣ. Но я боюсь надоѣсть вамъ своими описаніями.

Я очень радъ быть на водахъ, я пользуюсь этимъ. Я беру желѣзистыя ванны и болѣе не чувствую боли въ ногахъ. У меня всегда были ревматизмы, но во время нашего путешествія по водѣ, я думаю, я еще простудился. Рѣдко я такъ хорошо себя чувствовалъ, какъ теперь, и, несмотря на сильныя жары, я дѣлаю много движеній.

Офицеры здѣсь такіе же, какъ и тѣ, о которыхъ я вамъ писалъ. Ихъ тутъ много. Я всѣхъ ихъ знаю, и мои отношенія съ ними тѣ же.

Скажите Сергѣю, что я его обнимаю, и что я пишу вамъ то же самое, что писалъ ему, и что жду отъ него письма. Онъ прекрасно знаетъ, что можетъ интересовать меня, слѣдовательно, ему не трудно будетъ заполнить свое письмо. Прощайте, тетенька, цѣлую ваши руки.

Старый Юртъ, 1851 г., іюль 5.

Ей же.

(По-французски).

Chère et excellente tante!

Вы мнѣ много разъ говорили, что у васъ нѣтъ привычки писать черновики для вашихъ писемъ; я слѣдую вашему примѣру, но у меня это не выходитъ такъ хорошо, какъ у васъ, такъ какъ мнѣ часто приходится рвать письма, послѣ того, какъ я ихъ перечитаю. И я дѣлаю это не изъ ложнаго стыда. Орѳографическая ошибка, клякса, неловкое выраженіе не стѣсняютъ меня; но дѣло въ томъ, что мнѣ не дается умѣніе управлять своимъ перомъ и мыслями. Я только что разорвалъ письмо, которое написалъ вамъ, потому что я наговорилъ тамъ много такого, чего я не хотѣлъ вамъ говорить, и не сказалъ того, что хотѣлъ. Быть-можетъ, вы думаете, что это скрытность, и скажете, что не хорошо быть

скрытнымъ съ людьми, которыхъ любишь и которыми чувствуешь себя любимымъ. Я согласенъ. Но согласитесь и вы, что безразличному человѣку можно все сказать, но, чѣмъ ближе вамъ человѣкъ, тѣмъ больше есть вещей, которыя хотѣлось бы скрыть отъ него...

Написалъ эту страницу и раскаиваюсь. Не думайте, что это предисловіе (приготовленіе къ чему-нибудь), не пугайтесь. Просто-напросто эта мысль пришла мнѣ въ голову, и я ее вамъ передаю. Третьяго дня получилъ вашъ отвѣтъ на мое первое письмо, написанное мною съ Кавказа. Получить отвѣтъ черезъ два мѣсяца— это ужасно, особенно, когда хочется постоянно разговаривать съ вами. Вы говорите: боюсь, что мое письмо покажется тебѣ очень длиннымъ; — говорю безъ всякой риторики, ваши письма, хотя я перечитываю каждое изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, разъ десять, кажутся мнѣ такими короткими, что я удивляюсь, какъ это вы ухитряетесь писать такъ мало, когда о столькомъ надо поговорить.

Вы должны были получить мое письмо, въ которомъ я вамъ говорю о рояли. Добрыя вѣсти, которыя вы мнѣ сообщаете о добромъ расположеніи Сережи по отношенію къ султаншѣ, кажутся мнѣ сомнительными. Простите, дорогая тетенька, но я не вѣрю вамъ слѣпо въ томъ, что насъ касается. Ваша слишкомъ большая любовь къ намъ часто заставляетъ васъ превратно видѣть настоящее положеніе вещей, но я очень хотѣлъ бы знать, что мнѣ думать по отношенію къ Сережѣ. Какъ младшій братъ, я долженъ написать ему первый; я сдѣлаю это, и буду судить обо всемъ по его отвѣту.

Вотъ уже двѣ недѣли, какъ я разстался съ Николенькой. Онъ въ лагерѣ на горячихъ водахъ, а я въ его главной квартирѣ. Въ сентябрѣ онъ вернется. Многія лица уговариваютъ меня поступить на службу здѣсь, въ особенности къ князю Барятинскому, у котораго большія связи.

Совѣтуете ли вы мнѣ это? Прощайте, цѣлую ваши руки.

Старогладовская, 1851 г., сент. 16.

Ей же.

(По-французски).

Chère tante!

Черезъ недѣлю будетъ ровно 4 мѣсяца, какъ я не получаю вѣстей отъ васъ, но теперь у меня есть, по крайней мѣрѣ, надежда, что ваши письма находятся въ Старогладовской... и что только мое отсутствіе было причиной того, что случилось наканунѣ нашего отъѣзда въ Тифлисъ.

Мы въ дѣйствительности выѣхали 25-го и послѣ семи дней путешествія, очень скучнаго по недостатку лошадей на каждой станціи и очень пріятнаго вслѣдствіе красоты мѣстъ, по которымъ проѣзжаешь. 1-го числа этого мѣсяца мы пріѣхали.

На слѣдующій день я пошелъ къ генералу Бриммеру, чтобы представить ему бумаги, полученныя мною въ Тулѣ, а также и собственную особу. Несмотря на свою нѣмецкую услужливость и все свое желаніе, онъ принужденъ былъ отказать мнѣ, такъ какъ мои бумаги не въ исправности, и мнѣ не хватаетъ документовъ, которые въ данную минуту находятся въ П. и я долженъ ждать. И такъ я рѣшилъ дожидаться этихъ бумагъ въ Тифлисѣ, но такъ какъ срокъ отпуска Николеньки уже кончился, но онъ уѣхалъ три дня тому назадъ. Вы легко представите себѣ, дорогая тетенька, что это досадное обстоятельство непріятно мнѣ во многихъ отношеніяхъ. Во-первыхъ:

Если мои бумаги не придутъ черезъ мѣсяцъ, я отказываюсь отъ военной службы, такъ какъ не смогу въ этомъ году участвовать въ зимней экспедиціи, что было моимъ единственнымъ желаніемъ при поступленіи на службу.

Во-вторыхъ: такъ какъ жизнь здѣсь очень дорога, пребываніе въ теченіе мѣсяца (а можетъ быть и больше) въ этомъ городѣ и обратная дорога будутъ стоить мнѣ не малыхъ денегъ, и въ-третьихъ: я такъ привыкъ быть все время съ Николенькой, что эта разлука съ нимъ, хотя и на очень короткое время, была мнѣ тяжела. Теперь только — признаюсь въ этомъ къ стыду моему — я научился цѣнить, уважать и любить этого прекраснаго брата такъ, какъ онъ того заслуживаетъ. Ваши добрые совѣты, дорогая тетенька, каждую минуту приходятъ мнѣ на память. Сколько разъ вы меня останавливали, когда я легкомысленно отзывался о Николенькѣ, и вы были совершенно правы. Я безъ всякой ложной скромности говорю, что Николенька во всѣхъ отношеніяхъ лучше насъ всѣхъ.

Сверхъ ожиданія, я нашелъ въ Тифлисѣ хорошаго петербургскаго знакомаго, князя Багратіона; онъ для меня большая помощь. Это умный и образованный человѣкъ.

Тифлисъ очень цивилизованный городъ, очень подражающій Петербургу, и это ему удается. Избранное многолюдное общество. Есть русскій театръ и итальянская опера, которыми я пользуюсь настолько, насколько мнѣ позволяютъ мои маленькія средства. Я живу въ нѣмецкой колоніи: это предмѣстіе, но оно представляетъ для меня двѣ большія выгоды. Во-первыхъ, это прелестное мѣстечко, окруженное садами и виноградниками, такъ что здѣсь чувствуешь себя болѣе въ деревнѣ, чѣмъ въ городѣ. (Здѣсь еще очень жарко и ясно, не было ни снѣга, ни мороза до сихъ поръ). Второе преимущество—это то, что я плачу здѣсь за двѣ довольно чистыя комнаты пять рублей серебромъ въ мѣсяцъ, тогда какъ въ городѣ нельзя бы было нанять такую квартиру меньше, чѣмъ за 40 рублей въ мѣсяцъ. Сверхъ того, у меня безплатная практика нѣмецкаго языка, у меня есть книги, занятія

и досугъ, потому что никто не приходитъ безпокоить меня, такъ что въ общемъ я не скучаю.

Помните, добрая тетенька, совѣтъ, который вы разъ мнѣ дали—писать романы. Такъ вотъ, я слѣдую вашему совѣту, и занятія, о которыхъ я вамъ писалъ, состоятъ въ литературѣ. Я еще не знаю, появится ли когда-нибудь въ свѣтъ то, что я пишу; но эта работа, которая меня занимаетъ, и въ которой я уже слишкомъ далеко зашелъ, чтобы ее оставить.

Вотъ точный отчетъ о моихъ занятіяхъ, что же касается моихъ плановъ, если я не поступлю на военную службу, я постараюсь найти какую-нибудь штатскую должность. Здѣсь, а не въ Россіи, чтобы не говорили, что я баклуши бью. Во всякомъ случаѣ, я никогда не раскаюсь въ томъ, что пріѣхалъ на Кавказъ; это была мысль, которая принесетъ мнѣ пользу.

Прощайте, цѣлую ваши руки и жду вашихъ писемъ. Адресуйте прямо—Въ Грузію, въ г. Тифлисъ.

Тифлисъ, 1851 г., ноябрь 12.

Графу С. Н. Толстому.

Милый другъ Сережа. Какъ жалко, что мы съ тобой не переписываемся. Что значитъ 20 или 30 гривенниковъ въ годъ и нѣсколько часовъ, посвященныхъ на то, чтобы писать другъ другу? А сколько бы было удовольствія. Я въ настоящую минуту до такой степени жажду поболтать съ тобой про всякую дребедень, что ежели бы конвертъ стоилъ не 10 коп., а 30 рублей, я отдалъ бы послѣдніе. Я пишу и завидую удовольствію, которое ты получишь, читая мое письмо.

На-дняхъ давно желанный мною приказъ о зачисленіи меня фейерверкеромъ въ 4-ую батарею долженъ состояться, и я буду имѣть удовольствіе дѣлать фрунтъ и провожать глазами мимо ѣдущихъ офицеровъ и генераловъ. Даже теперь, когда я прогуливаюсь по улицамъ въ своемъ шармеровскомъ пальто и въ складной шляпѣ, за которую я заплатилъ здѣсь 10 рублей, несмотря на всю свою величавость въ этой одеждѣ, я такъ привыкъ къ мысли скоро надѣть сѣрую шинель, что невольно правая рука хочетъ схватить за пружины складную шляпу и опустить ее внизъ.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Впрочемъ, ежели мое желаніе исполнится, то я въ день же своего опредѣленія уѣзжаю въ Старогладовскую, а оттуда тотчасъ же въ походъ, гдѣ буду ходить и ѣздить въ тулупѣ или черкескѣ, и тоже по мѣрѣ силъ моихъ буду способствовать

съ помощью пушки къ истребленію хищниковъ и непокорныхъ азіатовъ.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Сережка, ты видишь по письму моему, что я въ Тифлисѣ, куда пріѣхалъ еще 9 ноября, такъ что немного успѣлъ поохотиться съ собаками, которыхъ тамъ купилъ (въ Старогладовской), а присланныхъ собакъ вовсе не видалъ. Охота здѣсь — чудо! Чистыя поля, болотца, набитыя русаками, и острова—не изъ лѣса, а изъ камыша, въ которомъ держатся лисицы. Я всего девять разъ былъ въ полѣ, отъ станицы въ 10—15 верстахъ, и съ двумя собаками, изъ которыхъ одна отличная, а другая дрянь; затравилъ двухъ лисицъ и русаковъ съ 60. Какъ пріѣду, такъ попробую травить козъ.

На охотахъ съ ружьями на кабановъ, оленей я присутствовалъ неоднократно, но ничего самъ не убилъ. Охота эта тоже очень пріятна, но, привыкнувъ охотиться съ борзыми, нельзя полюбить эту. Такъ же, какъ ежели кто привыкнулъ курить турецкій табакъ, нельзя полюбить Жуковъ, хотя и можно спорить, что этотъ лучше.

Я знаю твою слабость: ты вѣрно пожелаешь знать, кто здѣсь были и есть мои знакомые, и въ какихъ я съ ними отношеніяхъ. Долженъ тебѣ сказать, что этотъ пунктъ нисколько меня здѣсь не занимаетъ, но спѣшу удовлетворить тебя. Въ батареѣ офицеровъ немного; поэтому я со всѣми знакомъ, но очень поверхностно, хотя и пользуюсь общимъ расположеніемъ, потому что у насъ съ Николенькой всегда есть для посѣтителей водка, вино и закуска; на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ составилось и поддерживается мое знакомство съ другими полковыми офицерами, съ которыми я имѣлъ случай познакомиться въ Старомъ Юртѣ (на водахъ, гдѣ я жилъ лѣто) и въ набѣгѣ, въ которомъ я былъ. Хотя есть болѣе или менѣе порядочные люди, но такъ какъ я и безъ офицерскихъ бесѣдъ всегда имѣю болѣе интересныя занятія, я остаюсь со всѣми въ одинаковыхъ отношеніяхъ.

Подполковникъ Алексѣевъ, командиръ батареи, въ которую я поступаю, человѣкъ очень добрый и тщеславный. Послѣднимъ его недостаткомъ я, признаюсь, пользовался и пускалъ ему нѣкоторую пыль въ глаза—онъ мнѣ нуженъ. Но и это я дѣлаю невольно, въ чемъ и раскаиваюсь. Съ людьми тщеславными самъ дѣлаешься тщеславенъ.

Здѣсь, въ Тифлисѣ, у меня 3 человѣка знакомыхъ. Больше я не пріобрѣлъ знакомствъ, во-первыхъ, потому, что не желалъ, а во-вторыхъ, потому, что не имѣлъ къ тому случая,—я почти все время былъ боленъ и недѣлю только, что выхожу. Первый знакомый мой — Багратіонъ, петербургскій (товарищъ Ферзена). Второй—князь Барятинскій. Я познакомился съ нимъ въ набѣгѣ, въ которомъ подъ его командой участвовалъ, и потомъ провелъ съ нимъ одинъ день въ одномъ укрѣпленіи вмѣстѣ съ Ильей Толстымъ, котораго я здѣсь встрѣтилъ. Знакомство это, безъ со-

мнѣнія, не доставляетъ мнѣ большого развлеченія, потому что, ты понимаешь, на какой ногѣ можетъ быть знакомъ юнкеръ съ генераломъ. Третій знакомый мой — помощникъ аптекаря, разжалованный полякъ, презабавное созданіе. Я увѣренъ, что князь Барятинскій никогда не воображалъ, въ какомъ бы то ни было спискѣ, стоять рядомъ съ помощникомъ аптекаря, но вотъ же случилось. Николенька здѣсь на отличной ногѣ; какъ начальники, такъ и офицеры-товарищи, всѣ его любятъ и уважаютъ. Онъ пользуется, сверхъ того, репутаціей храбраго офицера. Я его люблю больше, чѣмъ когда-либо, и когда съ нимъ, то совершенно счастливъ, а безъ него скучно.

Ежели хочешь щегольнуть извѣстіями съ Кавказа, то можешь разсказывать, что второе лицо послѣ Шамиля, нѣкто Хаджи-Муратъ, на-дняхъ передался русскому правительству. Это былъ первый лихачъ (джигитъ) и молодецъ во всей Чечнѣ, а сдѣлалъ подлость. Еще можешь съ прискорбіемъ разсказывать о томъ, что на-дняхъ убитъ извѣстный храбрый и умный генералъ Слѣпцовъ. Ежели ты захочешь знать больно ли ему было, то этого не могу сказать.

. . . . . .

Тифлисъ, 1851 г., декабрь 23.

Т. А. Ергольской.

(По-французски).

Chère tante!

Я только что получилъ ваше письмо отъ 24 ноября и тотчасъ же отвѣчаю (я установилъ такой обычай). Послѣдній разъ я вамъ писалъ, что ваше письмо заставило меня плакать и я полагалъ, что причиной этой слабости была моя болѣзнь. Я былъ не правъ. Всѣ ваши письма съ нѣкотораго времени дѣйствуютъ на меня такъ же. Я всегда былъ Лева-рева. Сначала я стыдился этой слабости, но слезы, которыя я проливаю, думая о васъ и о вашей любви къ намъ, такъ радостны, что я имъ позволяю течь безъ всякаго ложнаго стыда. Ваше письмо слишкомъ полно грусти и потому не могло не произвести подобнаго же дѣйствія. Вы мнѣ всегда давали совѣты, и хотя я, къ сожалѣнію, не всегда слѣдовалъ имъ, я хотѣлъ бы всю мою жизнь лишь слѣдовать вашимъ указаніямъ. Позвольте мнѣ теперь сказать вамъ о томъ дѣйствіи, которое произвело на меня ваше письмо, и о мысляхъ, которыя возникли во мнѣ за чтеніемъ его. Если я говорю вамъ слишкомъ откровенно, вы простите меня ради моей любви къ вамъ. Говоря, что теперь ваша очередь оставить насъ и соединиться съ тѣми, которыхъ уже нѣтъ и которыхъ вы такъ любили, говоря, что вы

просите Бога положить предѣлъ вашему существованію, которое кажется вамъ столь невыносимымъ и одинокимъ,—извините, дорогая тетенька, но мнѣ кажется, что, говоря это, вы ропщете на Бога и обижаете меня и всѣхъ насъ, которые такъ васъ любятъ. Вы просите у Бога смерти, т.-е. самаго большаго несчастія, которое бы могло произойти для меня (это не фраза, но Богъ свидѣтель, что два самыя большія несчастія, которыя могутъ произойти для меня, это смерть ваша и Николеньки, двухъ людей, которыхъ я люблю больше самого себя. Что осталось бы для меня, если бы Богъ услыхалъ вашу молитву? Ради кого старался бы я стать лучше, имѣть хорошія качества, составить о себѣ хорошее мнѣніе въ свѣтѣ? Когда я строю планы личнаго счастія, мысль о томъ, что вы раздѣлите его со мной и будете пользоваться имъ, никогда не покидаетъ меня. Когда я дѣлаю что-нибудь хорошее, я доволенъ собой, потому что знаю, что вы будете довольны мной. Когда я поступаю дурно—чего я больше всего опасаюсь, это вамъ причинить огорченіе. Ваша любовь для меня все, а вы просите Бога, чтобы Онъ насъ разлучилъ. Я не могу вамъ выразить того чувства, которое я питаю къ вамъ, словъ недостаточно для этого, я боюсь, чтобы вы не подумали, что я преувеличиваю, а между тѣмъ я плачу горючими слезами пока пишу вамъ. Этой тяжелой разлукѣ я обязанъ сознаніемъ того, какой вы для меня другъ и какъ я васъ люблю. Но я развѣ одинъ, питающій къ вамъ эти чувства—а вы просите у Бога смерти. Вы говорите, что вы одиноки; хотя я и отдѣленъ отъ васъ, но если вы вѣрите моей любви и такая мысль можетъ послужить противовѣсомъ вашему горю, что касается до меня, я никогда не чувствую себя одинокимъ, пока я знаю, что я любимъ вами такъ, какъ оно есть.

Чувствую, тѣмъ не менѣе, что дурное чувство диктуетъ эти слова,—я ревную васъ къ вашему горю.

Сегодня произошелъ случай, который могъ бы меня заставить повѣрить въ Бога, если бы я уже не вѣрилъ въ него съ нѣкоторыхъ поръ.

Лѣтомъ въ Старомъ Юрiѣ всѣ офицеры были исключительно заняты игрой и довольно большой. Такъ какъ, живя въ лагерѣ, нельзя не видѣться часто, я нерѣдко присутствовалъ при игрѣ и, несмотря на упрашиванія, которыя мнѣ дѣлали, я держался съ мѣсяцъ. Но въ одинъ прекрасный день, шутя я поставилъ немного, проигралъ, снова поставилъ, опять проигралъ, мнѣ не повезло, игорная страсть поднялась во мнѣ, и въ два дня я проигралъ все, что у меня было деньгами, что мнѣ далъ Николенька (около 250 р.) и, сверхъ того, еще 500 р. серебромъ, на которые я далъ вексель срокомъ по январь 1852 г.

Надо вамъ сказать, что подлѣ лагеря есть аулъ, въ которомъ живутъ чеченцы. Одинъ молодой чеченецъ Садо, пріѣзжалъ въ лагерь и игралъ; но такъ какъ онъ не умѣлъ считать и записывать, то были такіе негодяи, которые его обманывали. По этому самому я никогда не хотѣлъ играть противъ Садо и ему даже

говорилъ, чтобъ онъ не игралъ, потому что его надуваютъ и предложилъ ему играть за него по довѣренности. Онъ былъ мнѣ очень благодаренъ за это и подарилъ мнѣ кошелекъ, а такъ какъ въ обычаѣ этого народа дарить другъ другу, то я ему подарилъ плохонькое ружье, которое купилъ за 8 рублей. Надо вамъ сказать, что для того, чтобы стать *кунакомъ*, т.-е. другомъ, нужно дѣлать подарки и потомъ обѣдать въ домѣ кунака. Послѣ этого по старинному обычаю этого народа (который сохраняется едва ли только не въ преданіи) становятся друзьями на жизнь и на смерть, т.-е. что если я у него спрошу всѣ деньги, его жену, его оружіе и все, что у него есть самаго драгоцѣннаго, онъ долженъ мнѣ отдать и я тоже ни въ чемъ не долженъ ему отказывать. Садо пригласилъ меня къ себѣ въ домъ, предложивъ быть его кунакомъ. Я пошелъ къ нему. Угостивъ меня по-своему, онъ предложилъ мнѣ выбрать, что я хочу въ его домѣ: оружіе, лошадь, все... Я хотѣлъ выбрать самое дешевое и взялъ уздечку, отдѣланную въ серебро; но онъ сказалъ мнѣ, что я его этимъ обижу, и заставилъ меня взять шашку, стоящую по меньшей мѣрѣ сто рублей серебромъ.

Отецъ его былъ человѣкъ богатый, но у него деньги закопаны въ землѣ, и онъ не даетъ сыну ни копейки. Сынъ, чтобы выручить денегъ, ѣздитъ къ непріятелю красть лошадей, коровъ. Иной разъ онъ подвергаетъ 20 разъ опасности свою жизнь изъ-за вещи, стоящей не болѣе 10 р., но это онъ дѣлаетъ не изъ жадности, а по натурѣ. Самый ловкій воръ очень уважаемъ и его называютъ «джигитъ», молодецъ. У Садо то бываетъ 1000 р., то ни копейки. Послѣ одного изъ моихъ посѣщеній его дома я подарилъ ему Николенькины серебряные часы, и мы стали самыми большими друзьями. Много разъ онъ доказалъ мнѣ свою преданность, подвергая изъ-за меня свою жизнь опасности,—но это для него ничего не значитъ, это для него обычай и удовольствіе.

Когда я уѣхалъ изъ Стараго Юрта, а Николенька остался тамъ, Садо каждый день приходилъ къ нему и говорилъ, что онъ не знаетъ, что ему безъ меня дѣлать и что онъ страшно скучаетъ. Я писалъ Николенькѣ, что такъ какъ моя лошадь заболѣла, то я прошу его найти мнѣ какую-нибудь въ Старомъ Юртѣ. Садо, узнавъ объ этомъ, ничего не нашелъ лучшаго, какъ явиться ко мнѣ въ станицу и подарить мнѣ свою лошадь, несмотря на всѣ мои усилія отказать ему.

Послѣ глупости, которую я сдѣлалъ, проигравъ въ Старомъ Юртѣ, я больше не бралъ въ руки картъ и читалъ наставленія Садо, который страстный игрокъ и хотя не знаетъ игры, всегда бываетъ очень счастливъ въ игрѣ.

Вчера вечеромъ я былъ занятъ мыслями о моихъ денежныхъ дѣлахъ и моихъ долгахъ. Я думаю о томъ, какъ я расплачусь. Долго размышляя объ этомъ, я увидалъ, что если я не буду много тратить, долги не будутъ мнѣ обременительны и я смогу расплатиться въ два или 3 года; но 500 рублей, которые я долженъ былъ заплатить въ этомъ мѣсяцѣ, приводили меня въ отчаяніе.

Я совсѣмъ не могъ уплатить ихъ и въ эту минуту они безпокоили меня больше, чѣмъ 4.000 Огарева. Я былъ въ отчаяніи отъ этой глупости, что, дѣлавши долги въ Россіи, пріѣхалъ ихъ снова дѣлать сюда. Вечеромъ молясь, я просилъ Бога, чтобы Онъ избавилъ меня отъ этого тяжелаго положенія, и я молился очень горячо.—«Но какъ же я могу выпутаться изъ этого дѣла?» думалъ я, ложась спать. Ничего не можетъ случиться такого, что бы дало мнѣ возможность расплатиться съ этимъ долгомъ. Я уже представлялъ себѣ всѣ непріятности, которыя мнѣ пришлось бы перенести изъ-за этого.

Какъ онъ подастъ ко взысканію, какъ по начальству отъ меня будутъ требовать отзыва, почему я не плачу и т. д. Помоги мнѣ, Господи, сказалъ я и заснулъ.

На другой день я получилъ письмо отъ Николеньки съ приложеніемъ вашего и многихъ другихъ писемъ. Онъ мнѣ пишетъ:

На-дняхъ былъ у меня Садо, онъ выигралъ у Кнорринга твои векселя и привезъ ихъ мнѣ. Онъ такъ былъ доволенъ этому выигрышу, такъ счастливъ и такъ много меня спрашивалъ: «Какъ думаешь, братъ радъ будетъ, что я это сдѣлалъ?» что я его очень за это полюбилъ. Этотъ человѣкъ дѣйствительно къ тебѣ привязанъ.

Не правда ли, удивительно видѣть свою просьбу услышанной на другой же день, т.-е. удивительна больше всего милость Божія къ существу, столь мало заслужившему ее, какимъ былъ я. И не правда ли, эта черта преданности Садо прелестна. Онъ знаетъ, что у меня есть братъ Сергѣй, который любитъ лошадей, и такъ какъ я обѣщалъ Садо взять его съ собою въ Россію, когда я туда поѣду, онъ сказалъ мнѣ, что хоть бы это ему стоило сто жизней, онъ украдетъ самую лучшую лошадь, какая есть въ горахъ и приведетъ ему.

Пожалуйста, прикажите купить въ Тулѣ шестиствольный пистолетъ и послать его мнѣ и коробочку съ музыкой, если это не слишкомъ дорого стоитъ. Это вещи, которыя ему очень понравятся.

Я все въ Тифлисѣ, сижу у моря и жду погоды, т.-е. денегъ. Прощайте, тетенька. Левушка тысячу разъ цѣлуетъ ваши руки.

Тифлисъ, 1852 г., январь 6.

Ей же.

(По-французски).

Chère tante!

Вотъ мысли, которыя пришли мнѣ на умъ. Я постараюсь передать ихъ вамъ, потому что я думалъ о васъ. Я очень перемѣнился нравственно и это со мной уже было столько разъ. Впрочемъ, думаю, что это со всѣми такъ бываетъ. Чѣмъ болѣе жи-

вешь, тѣмъ болѣе мѣняешься; вы человѣкъ опытный, скажите, вѣдь это правда? Я думаю, что недостатки и качества, основы характера остаются тѣ же, но взгляды на жизнь, на счастіе должны измѣняться съ годами. Годъ тому назадъ я думалъ найти счастіе въ удовольствіяхъ, въ движеніяхъ; теперь же, напротивъ, отдыхъ физическій и моральный это то, чего я желаю. Но я представляю себѣ состояніе покоя безъ скуки, съ тихой радостью любви и дружбы,—это для меня верхъ счастья. Впрочемъ, очарованіе покоя чувствуешь только послѣ усталости и радости любви только послѣ ея лишенія. И вотъ я лишенъ теперь и того и другого и потому-то я такъ стремлюсь къ нимъ. Мнѣ *нужно* быть лишеннымъ ихъ еще на сколько времени? Богъ знаетъ. Не знаю почему, но я чувствую, что это нужно. Религія и опытъ жизни, какъ бы малъ онъ ни былъ, научили меня, что жизнь есть испытаніе. Для меня она больше, чѣмъ испытаніе, она есть искупленіе моихъ грѣховъ.

Мнѣ кажется, что сумасбродная мысль поѣхать на Кавказъ внушена мнѣ свыше. Это рука Божія ведетъ меня, и я непрестанно благодарю Его. Я чувствую, что здѣсь я сталъ лучше (это еще не много, потому что я былъ очень дуренъ), и я твердо увѣренъ, что все, что можетъ со мной случиться здѣсь, будетъ мнѣ на пользу, потому что самъ Богъ этого хочетъ. Быть-можетъ, это слишкомъ смѣлая мысль, но я въ этомъ убѣжденъ. Поэтому-то я переношу невзгоды и лишенія физическія, о которыхъ я говорю (какія могутъ быть физическія лишенія для здороваго малаго 23 лѣтъ), какъ бы не чувствуя ихъ, даже съ нѣкоторымъ наслажденіемъ думая о счастіи, которое меня ожидаетъ. Вотъ какъ я его себѣ представляю:

Послѣ нѣкотораго количества лѣтъ, не молодой, не старый я въ Ясной Полянѣ, дѣла мои въ порядкѣ, у меня нѣтъ ни безпокойства, ни непріятностей. Вы также живете въ Ясной. Вы немного постарѣли, но еще свѣжи и здоровы. Мы ведемъ жизнь, которую вели раньше,—я работаю по утрамъ, но мы видимся почти цѣлый день. Мы обѣдаемъ. Вечеромъ я вамъ читаю что-нибудь интересное для васъ. Потомъ мы бесѣдуемъ, я разсказываю вамъ про кавказскую жизнь, вы мнѣ разсказываете ваши воспоминанія о моемъ отцѣ, матери; вы мнѣ разсказываете «страшныя», которыя мы прежде слушали съ испуганными глазами и разинутыми ртами. Мы вспоминаемъ людей, которые намъ были дороги, и которыхъ больше нѣтъ. Вы станете плакать и я тоже, но эти слезы будутъ успокоительны; мы будемъ говорить о братьяхъ, которые будутъ къ намъ пріѣзжать время отъ времени. О дорогой Машѣ, которая также будетъ проводить нѣсколько мѣсяцевъ въ году въ Ясной, которую она такъ любитъ, со всѣми своими дѣтьми. У насъ не будетъ знакомыхъ, никто не придетъ намъ надоѣдать и сплетничать. Это чудный сонъ. Но это еще не все, о чемъ я себѣ позволяю мечтать. Я женатъ, моя жена тихая, добрая, любящая; васъ она любитъ такъ же, какъ и я; у насъ дѣти, которыя васъ зовутъ бабушкой; вы живете въ большомъ

домѣ наверху, въ той же комнатѣ, которую прежде занимала бабушка. Весь домъ содержится въ томъ же порядкѣ, какой былъ при отцѣ, и мы начинаемъ ту же жизнь, только перемѣнившись ролями. Вы замѣняете бабушку, но вы еще лучше ея, я замѣняю отца, хотя я не надѣюсь никогда заслужить эту честь. Жена моя замѣняетъ мать, дѣти—насъ. Маша беретъ на себя роль двухъ тетокъ, исключая ихъ горе; даже Гаша замѣняетъ Прасковью Ильинишну. Не будетъ хватать только лица, которое взяло бы на себя вашу роль въ жизни нашей семьи. Никогда не найдется столь прекрасная душа, столь любящая, какъ ваша. У васъ нѣтъ преемниковъ. Будетъ три новыхъ лица, которыя будутъ иногда появляться среди насъ—это братья, особенно одинъ, который часто будетъ съ нами, Николенька, старый холостякъ, лысый, въ отставкѣ, всегда такой же добрый, благородный.

Я воображаю, какъ онъ будетъ, какъ въ старину разсказывать дѣтямъ своего сочиненія сказки, какъ дѣти будутъ у него цѣловать сальныя руки (но которыя стоятъ того), какъ онъ будетъ съ ними играть, какъ же ла моя будетъ хлопотать, чтобы сдѣлать ему любимое кушанье, какъ мы съ нимъ будемъ перебирать общія воспоминанія о давно прошедшемъ времени, какъ вы будете сидѣть на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ и съ удовольствіемъ слушать насъ; какъ вы насъ, старыхъ, будете называть попрежнему Левочка, Николенька, и будете бранить меня за то, что я руками ѣмъ, а его за то, что у него руки не чисты.

Если бы меня сдѣлали русскимъ императоромъ, если бы мнѣ дали Пэру, однимъ словомъ, если бы волшебница пришла ко мнѣ съ своей палочкой и спросила меня, чего я желаю, я, положа руку на сердце, отвѣтилъ бы, что желаю, чтобы эти мечты могли стать дѣйствительностью.

Знаю, вы не любите загадывать, но что же тутъ дурного? А это такъ пріятно. Я боюсь, что это слишкомъ эгоистично и что я вамъ удѣлилъ мало мѣста въ этомъ счастіи. Я опасаюсь, что прошлыя горя оставили слишкомъ чувствительный слѣдъ въ вашемъ сердцѣ и это помѣшаетъ вамъ отдаться этому будущему, которое составило бы мое счастіе. Дорогая тетенька, скажите, были бы вы счастливы? Все это можетъ случиться, и надежда такъ утѣшительна!

Опять я плачу. Зачѣмъ я плачу, думая о васъ? Это слезы радости; я счастливъ отъ сознанія моей любви къ вамъ; какія бы несчастія ни случились, я не сочту себя вполнѣ несчастнымъ, пока вы живы. Помните ли вы нашу разлуку у Иверской часовни, когда мы уѣзжали въ Казань. Тогда, какъ бы по вдохновенію, въ самую минуту разлуки, я понялъ, кѣмъ вы были для меня, и хотя еще ребенокъ, слезами и нѣсколькими отрывочными словами я сумѣлъ дать вамъ понять, что я чувствовалъ. Я никогда не переставалъ васъ любить; но чувство, которое я испыталъ у Иверской и теперешнее совсѣмъ иныя, теперешнее гораздо сильнѣе, болѣе возвышенное, чѣмъ въ какое-либо другое время.

Сознаюсь вамъ въ одномъ, чего стыжусь, но долженъ сказать вамъ это, чтобы освободить мою совѣсть. Раньше, читая ваши письма, въ которыхъ вы говорили о вашихъ чувствахъ къ намъ, мнѣ казалось, что вы преувеличиваете. Но только теперь, перечитывая ихъ, я понимаю васъ, вашу безграничную любовь къ намъ и вашу возвышенную душу. Я увѣренъ, что всякій другой, кромѣ васъ, читая это письмо и предыдущее, сдѣлалъ бы мнѣ тотъ же упрекъ. Но я не опасаюсь этого отъ васъ, вы меня слишкомъ хорошо знаете и вы знаете, что, быть-можетъ, единственное мое доброе качество—это чувствительность. Этому качеству я обязанъ счастливѣйшими минутами моей жизни. Во всякомъ случаѣ, это послѣднее письмо, въ которомъ я позволяю себѣ выразить столь напыщенныя чувства. Напыщенныя для равнодушныхъ, но вы сумѣете ихъ оцѣнить.

Прощайте, дорогая тетя, черезъ нѣсколько дней надѣюсь снова увидѣть Николеньку, тогда напишу вамъ.

Станція Моздокъ, на полдорогѣ къ Тифлису, 1852 г., январь 12.

Ей же.

(По-французски).

Chère tante!

У меня нѣтъ никакой законной причины, чтобы оправдать свое молчаніе, поэтому я начинаю съ того, что прошу у васъ прощенія. Возвратившись съ экспедиціи, я провелъ съ Николенькой 2 мѣсяца въ Старогладовской. Мы вели тамъ нашъ обычный образъ жизни—охота, чтеніе, разговоры, шахматы. За это время я совершилъ поѣздку къ Каспійскому морю, очень интересную и пріятную. Я былъ бы вполнѣ доволенъ этими двумя мѣсяцами, если бы не хворалъ. А въ общемъ нѣтъ худа безъ добра, моя болѣзнь дала мнѣ предлогъ отправиться на лѣто въ Пятигорскъ, откуда я вамъ и пишу. Я здѣсь уже двѣ недѣли и веду образъ жизни очень правильный и уединенный, благодаря чему доволенъ, какъ своимъ здоровьемъ, такъ и поведеніемъ. Встаю въ 4 часа, чтобы пойти пить воды, что продолжается до 6. Въ 6 беру ванну и возвращаюсь домой. Читаю или разговариваю за чаемъ съ однимъ изъ нашихъ офицеровъ, который живетъ рядомъ со мной и съ которымъ мы столуемся вмѣстѣ: затѣмъ пишу до 12—часъ нашего обѣда. Ванюшка, которымъ я вполнѣ доволенъ, готовитъ намъ очень дешево и довольно сносно. Сплю до 4, играю въ шахматы или читаю, снова отправляюсь къ источнику, а, возвратившись, если погода хороша, велю подавать чай въ садъ, гдѣ провожу цѣлые часы, мечтая о Ясной, о чудныхъ мгновеніяхъ, проведенныхъ тамъ, а главное о тетенькѣ, которую я съ каждымъ

днемъ люблю все больше и больше. Чѣмъ дальше отходятъ эти воспоминанія, тѣмъ больше я люблю ихъ и тѣмъ лучше научаюсь цѣнить ихъ. Хотя и грустно размышлять о прошедшемъ счастьѣ, а главное о счастьѣ, которое мы пропустили, не сумѣвъ воспользоваться имъ, но я люблю этого рода грусть и черпаю въ ней порою много сладостныхъ мгновеній.

Со времени моего путешествія и пребыванія въ Тифлисѣ мой образъ жизни не измѣнился, я стараюсь заводить какъ можно меньше знакомыхъ и воздерживаться отъ интимности въ тѣхъ знакомствахъ, которыя я уже сдѣлалъ. Къ этому уже привыкли, меня не безпокоятъ, и я увѣренъ, что про меня говорятъ, что я *гордецъ* и *чудакъ*.

Не изъ гордости я такъ веду себя, это вышло само собой; слишкомъ велика разница въ воспитаніи, въ чувствахъ, во взглядахъ у тѣхъ, кого я встрѣчаю здѣсь, чтобы я могъ находить какое-нибудь удовлетвореніе съ ними. Только Николенька имѣетъ способность, несмотря на огромную разницу, какая есть между нимъ и этими господами, проводить съ ними пріятно время и быть любимымъ всѣми. Я завидую ему, но чувствую, что не могу такъ поступать.

Правда и то, что такой образъ жизни не влечетъ за собой удовольствій; но я уже давно не думаю объ удовольствіяхъ, я думаю о томъ, чтобы быть спокойнымъ и удовлетвореннымъ. Съ нѣкоторыхъ поръ я вошелъ во вкусъ историческаго чтенія (это былъ предметъ нашего спора и насчетъ этого теперь я вполнѣ съ вами согласенъ). Мои литературныя работы также подвигаются понемногу, хотя я еще не думаю ничего печатать. Я три раза передѣлалъ работу, которую началъ уже давно, и я разсчитываю еще разъ передѣлать ее, чтобы быть довольнымъ. Быть-можетъ, это будетъ работой Пенелопы, но это не отталкиваетъ меня; я пишу не изъ тщеславія, но по влеченію, мнѣ пріятно и полезно работать и я работаю. Хотя я не веселюсь, какъ я вамъ писалъ, но и не скучаю, потому что я занятъ; но, кромѣ того, я вкушаю еще болѣе высокое, болѣе сильное удовольствіе, чѣмъ то, которое могло бы мнѣ дать общество — это сознаніе спокойной совѣсти, сознаніе высшей оцѣнки самого себя, сознаніе движенія во мнѣ добрыхъ великодушныхъ чувствъ.

А вы въ своемъ послѣднемъ письмѣ говорите мнѣ о благодарности. Увѣряю васъ, дорогая тетенька, что, несмотря на все мое довѣріе къ вамъ, мнѣ на минуту пришла мысль, что вы смѣетесь надо мной. Это оттого, что было бы слишкомъ смѣшно, если бы я принялъ всерьезъ отъ васъ, которой мы всѣ обязаны, слова благодарности за такія вещи, которыя не стоили мнѣ ни малѣйшей жертвы.

Прощайте, до свиданія, дорогая тетенька. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, если Богъ не разстроитъ моихъ плановъ, я буду у васъ и своими заботами и любовью смогу доказать вамъ, что хотъ немного заслужилъ все то, что вы для меня сдѣлали. Память о васъ такъ жива во мнѣ, что, написавъ это, я нѣсколько минутъ

просидѣлъ надъ письмомъ, стараясь представить себѣ ту счастливую минуту, когда снова увижу васъ, когда вы заплачете отъ радости при видѣ меня, когда и я расплачусь, какъ ребенокъ, цѣлуя ваши руки.

Не преувеличивая, я во всю свою жизнь ничего не ждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ и надеждой, какъ жду теперь этой счастливой минуты.

Я хотѣлъ адресовать это письмо Сережѣ, но, независимо отъ моего желанія, я отдался удовольствію говорить вамъ о моихъ чувствахъ, и такъ какъ его насмѣшки по этому поводу слишкомъ огорчили бы меня, я адресую его лучше вамъ, и попрошу васъ показать ему только первый листъ. Я увѣренъ, что его сердце не менѣе чувствительно, чѣмъ мое, но у него есть извѣстный ложный стыдъ, мѣшающій ему говорить о своихъ чувствахъ и лишающій его того нравственнаго удовлетворенія, которое я испытываю въ этотъ моментъ, когда пишу вамъ и думаю о васъ.

Меня совершенно не безпокоитъ мысль, что то, что я вамъ пишу, можетъ показаться напыщеннымъ и смѣшнымъ въ глазахъ чужого человѣка, я такъ увѣренъ, что вы всегда поймете меня.

Было время, когда я тщеславился моимъ умомъ, моимъ положеніемъ въ свѣтѣ, моимъ именемъ, но теперь я знаю, я чувствую, что если есть во мнѣ что-нибудь хорошаго, и что если есть за что благодарить Провидѣніе, это за доброе сердце, чувствительное и способное любить, которое оно даровало и сохранило мнѣ. Ему одному я обязанъ лучшими пережитыми минутами и тѣмъ, что хотя у меня и нѣтъ удовольствій и общества, я не только доволенъ, но часто бываю счастливъ.

Скоро пять мѣсяцевъ, какъ я служу, слѣдовательно, черезъ мѣсяцъ мнѣ слѣдовало бы дать повышеніе, но я знаю, что пройдетъ еще 6 мѣсяцевъ, а можетъ быть и больше, прежде чѣмъ я получу чинъ. Положа руку на сердце, я отношусь къ этому совершенно безразлично; единственное, что меня безпокоитъ, это моя поѣздка въ Петербургъ, которую мнѣ нужно совершить и на которую у меня нѣтъ средствъ. Вспоминаю ваше правило, что не надо загадывать, какъ-нибудь да сдѣлается.

Прощайте, дорогая тетенька, кончаю письмо, потому что уже поздно; но такъ какъ почта идетъ только черезъ два дня, и не проходитъ дня, чтобы я не думалъ о васъ, я, вѣроятно, буду продолжать его. Итакъ, до свиданія. Что дѣлаетъ тетя Поля? Здорова ли она? Все такъ же ли довольна своимъ образомъ жизни? Я часто думаю о ней, о ея странной жизни, которая, въ сущности, должна быть очень печальной; я говорю самому себѣ, что очень скверно было съ моей стороны порвать съ ней всякія отношенія, хотя это случилось невольно, и обѣщаю себѣ написать ей; но такъ трудно начать или возобновить прерванную переписку.

Пятигорскъ, 1852 г., май 30.

Ей же.

(По-французски).

Зачѣмъ вы меня обидѣли, chère tante! Вы начинаете ваше письмо, говоря, по всей вѣроятности, ваши письма для меня скучны, разъ я такъ долго не пишу. Развѣ это только одна причина могла помѣшать мнѣ писать вамъ? Если вы выбрали именно эту, вѣроятно, вы не вѣрите ни одному слову изъ того, что я вамъ пишу, и считаете меня за лицемѣра, хвастающагося чувствами, которыхъ у него нѣтъ.

Я не заслужилъ отъ васъ этого недовѣрія. Если я не могу объяснить вамъ всѣ основанія моихъ поступковъ, какъ сдѣлалъ бы это въ разговорѣ, надо винить не меня, а нашу разлуку. Я думаю, тетенька, почта далеко не лучшее средство, чтобы сдѣлать разлуку менѣе тягостной. Лучшее средство—взаимное довѣріе, а его-то у васъ и нѣтъ ко мнѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ я васъ покинулъ, никогда ни малѣйшее сомнѣніе въ вашихъ чувствахъ ко мнѣ не смущало меня. А вы, дорогая тетенька, вы сомнѣваетесь во мнѣ, и вы не можете себѣ представить, какъ это меня огорчаетъ. Впрочемъ, я говорю вздоръ, развѣ я имѣю право сомнѣваться въ вашихъ чувствахъ? Вы доказали ихъ цѣлой жизнью, полной любви и постоянства, тогда какъ я—что я для этого сдѣлалъ? Я причинялъ вамъ горе, я пренебрегалъ вашими совѣтами, я не умѣлъ цѣнить вашей любви. Да, вы имѣете право считать меня лицемѣромъ и лжецомъ, но у васъ нѣтъ основаній дѣлать это. Ничего не скрывать изъ моихъ поступковъ—каковы бы они ни были и отъ кого бы то ни было—всегда было для меня вопросомъ чести. Надо поступать дурно, чтобы желать скрыть свои поступки отъ глазъ постороннихъ. Надо, чтобы на душѣ было что-нибудь гнусное, чтобъ скрыться отъ человѣка, котораго любишь.

Богъ, видящій сокровенную глубину моей души и направляющій ее, знаетъ, что, благодаря Ему, я никогда не жилъ болѣе безупречно и не чувствовалъ себя нравственно болѣе удовлетвореннымъ, чѣмъ за эти 8 мѣсяцевъ—со времени моей поѣздки въ Тифлисъ и до сего дня. Я говорю это вовсе не для того, чтобы удовлетворить свое самолюбіе, но потому, что я знаю, что, если вы повѣрите мнѣ, вамъ будетъ пріятно узнать это. Да, дорогая тетенька, вы меня жестоко обидѣли тѣмъ, что считаете меня лицемѣромъ. Мнѣ нечего скрывать отъ кого бы то ни было, а тѣмъ болѣе отъ васъ. Я постараюсь объяснить вамъ то, что вамъ кажется путаницей въ моихъ служебныхъ дѣлахъ, а также причины, которыя помѣшали мнѣ сдѣлать это раньше.

Я писалъ вамъ изъ Тифлиса, что отставка моя была еще не получена, но что, несмотря на это, я надѣлъ мундиръ и отправился въ батарею. Вотъ какъ это устроилъ генералъ Вольфъ. Онъ приказалъ написать бумагу въ батарею, въ которой было сказано,

что графъ Толстой изъявилъ желаніе поступить на службу, но такъ какъ отставки его еще нѣтъ и онъ не можетъ быть зачисленъ юнкеромъ, то предписываю вамъ употребить его на службу съ тѣмъ, чтобы, по полученіи отставки, зачислить его на дѣйствительную службу со старшинствомъ со дня употребленія на службу въ батареѣ. Итакъ, я положилъ эту бумагу въ карманъ и отправился въ Старогладовскую. Я не нашелъ тамъ Николая; онъ былъ въ экспедиціи. Я облекся въ форму и отправился слѣдомъ за нимъ, т.-е. меня употребили на службу, но я не былъ еще зачисленъ. Бумага, которой не доставало, прибыла въ Тифлисъ въ январѣ мѣсяцѣ, а въ Старогладовской ее получили только въ мартѣ, т.-е. уже послѣ нашего возвращенія изъ экспедиціи. Я писалъ, что мы уже вернулись изъ экспедиціи, только для того, чтобъ успокоить васъ на нашъ счетъ, такъ какъ раньше поступилъ неосторожно, написавъ Сережѣ, что я разсчитывалъ принять въ ней участіе. Я написалъ, что былъ въ ней добровольцемъ, чтобы вы поняли, что я не могу надѣяться ни на крестъ, ни на повышеніе.

Я вамъ объ этомъ не говорилъ въ моемъ предпослѣднемъ письмѣ, чтобы не повторять то, что одинаково непріятно какъ вамъ, такъ и мнѣ: дѣло въ томъ, что меня преслѣдуетъ постоянное несчастіе во всемъ, что я предпринимаю. Во время этой кампаніи я имѣлъ случай быть представленъ два раза георгіевскому кресту, и я не могъ его получить изъ-за опозданія въ нѣсколько дней этой проклятой бумаги. Я былъ представленъ къ 17 февраля (мои именины), но были принуждены отказать за отсутствіемъ этой бумаги.

Списокъ съ представленіями былъ посланъ 19-го, а бумага пришла 20-го. Я вамъ откровенно признаюсь, что изъ всѣхъ воинскихъ почестей мое честолюбіе заставляло меня желать получить только одинъ этотъ маленькій крестикъ. И это запозданіе во мнѣ вызвало страшную досаду, тѣмъ болѣе, что для полученія его существуетъ мнѣ одинъ извѣстный срокъ, а теперь онъ для меня упущенъ [1]). Вы понимаете, что я скрылъ не только отъ посторонникъ, но даже отъ Николая ту досаду, которую это причинило мнѣ. По той же причинѣ я не говорилъ объ этомъ и вамъ, но теперь мнѣ надо было сказать это, потому что вы принимаете мою скрытность за лицемѣріе. Я писалъ Валерьяну, дорогая тетенька, что 12 іюля исполнится полгода, что я служу, и что это предѣльный срокъ моей службы въ качествѣ юнкера, но это еще не доказываетъ того, чтобъ я разсчитывалъ въ іюлѣ быть въ Россіи. Я уже испыталъ, сколько времени продолжаются всѣ эти

---

[1]) Но въ жизни Л. Н. было еще два случая, когда онъ могъ получить георгіевскій крестъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ П. И. Бирюкову (1906 г.) Л. Н. пишетъ: «Второй случай былъ, когда послѣ движенія 18 февраля въ нашу батарею были присланы два креста, и я съ удовольствіемъ вспоминаю, что я—не самъ, а по намеку милаго Алексѣева—согласился уступить крестъ ящичному рядовому Андрееву, старому добродушному солдату. Третій случай былъ, когда Левинъ, нашъ бригадный командиръ, посадилъ меня подъ арестъ за то, что я не былъ въ караулѣ, и сказалъ Алексѣеву дать мнѣ крестъ. Я былъ очень огорченъ».

«переписки», и больше не обманываю себя. Во всякомъ случаѣ я буду имѣть счастье обнять васъ не раньше какъ въ 53 году. Сережѣ я написалъ два дня тому назадъ, но посылаю оба письма вмѣстѣ. Ванюшкѣ лучше, но теперь моя очередь. Сегодня я весь день мучился зубами и лихорадкой. Третьяго дня я встрѣтилъ Протасова, и, хотя я почти не знакомъ съ нимъ, былъ очень радъ его видѣть. Онъ сказалъ мнѣ, что Сухотинъ здѣсь, но я его еще не видалъ, потому что почти не выхожу. Хотя глупая, но все живая грамота.

Прощайте, цѣлую ваши руки. Какъ жаль, что I томъ «Новой Элоизы» затерянъ. Пошлите, пожалуйста, Сережу поискать его у себя и у Чулковыхъ.

Пятигорскъ, 1852 г., іюнь 26.

Ей же.

(По-французски).

Chère tante!

Давно уже не получаю вашихъ милыхъ писемъ. Дай Богъ, чтобы это молчаніе, какъ я надѣюсь, не было вызвано ничѣмъ серьезнымъ. Можетъ-быть, причина задержки только неаккуратность почты, но я чувствую потребность писать вамъ—это меня успокоитъ.

Возвратившись съ водъ [1]), я провелъ мѣсяцъ довольно непріятно по причинѣ смотра, который долженъ былъ дѣлать генералъ. Маршированье и разное стрѣлянье изъ пушекъ не очень пріятно, особенно потому, что это разстроивало регулярность моей жизни.

Къ счастью, это продолжалось недолго, и я снова началъ свой образъ жизни, который состоитъ въ охотѣ, писаніи, чтеніи и бесѣдахъ съ Николенькой. Я полюбилъ ружейную охоту и такъ какъ оказалось, что я стрѣляю порядочно, то это занятіе беретъ у меня два—три часа въ день. Въ Россіи не знаютъ, сколько и какая великолѣпная дичь здѣсь. Въ ста шагахъ отъ моего дома я нахожу фазановъ и за какія-нибудь полчаса я убиваю 2—3, 4. Кромѣ удовольствія, это упражненіе прекрасно для моего здоровья, которое, несмотря на воды, не въ очень хорошемъ состояніи. Я не боленъ, но я часто страдаю простудой, то болью въ горлѣ, то зубами, которые все не проходятъ, то ревматизмомъ, такъ что, по крайней мѣрѣ, два дня въ недѣлю я не выхожу. Не думайте, что я отъ васъ скрываю что-нибудь. Я какъ всегда былъ сильнаго сложенія, но слабаго здоровья. Я думаю слѣдующее лѣто опять провести на водахъ. Если онѣ не поправили меня совсѣмъ, то

---

[1]) Кавказскихъ минеральныхъ водъ.

все-таки мнѣ помогли. Нѣтъ худа безъ добра: когда я нездоровъ, я болѣе усидчиво занимаюсь писаніемъ другого романа, который я началъ. Тотъ, который я отослалъ въ Петербургъ, напечатанъ въ сентябрьской книжкѣ «Современника» 1852 г. подъ названіемъ «Дѣтство» [1]). Я подписалъ его Л. Н. и никто, кромѣ Николеньки, не знаетъ, кто авторъ. И я не хотѣлъ бы, чтобы это узнали.

Мое повышеніе не подвигается впередъ. Буду ли я офицеромъ, поѣду ли въ Петербургъ въ этомъ году? Этого я не знаю—можетъ-быть, да, можетъ-быть, нѣтъ. Долго объяснять вамъ причины, но чистая правда та, что это зависитъ отъ обстоятельствъ. Увѣряю васъ, что отношусь къ этому равнодушно, я не строилъ честолюбивыхъ плановъ, отправляясь на Кавказъ, и не строю ихъ, и вы не стройте ихъ за меня. Я даже не знаю, гдѣ вы, но, адресуя въ Ясную, я увѣренъ, что письмо дойдетъ до васъ. Если вы съ Сережей, скажите ему, что я чувствую себя виноватымъ передъ нимъ и что со слѣдующей почтой я исправлю свою небрежность—напишу ему длинное письмо. Состояніе его денежныхъ и любовныхъ дѣлъ очень интересуетъ меня. Если вы съ Машей, поцѣлуйте ее за меня и скажите Валерьяну, что я его люблю и благодарю отъ всего сердца.

Прощайте, дорогая тетенька, цѣлую ваши руки. Николай тоже. Ему очень хочется написать вамъ, но вы знаете его бѣду. Можетъ-быть, это оставшееся пустое мѣсто соблазнитъ его.

Старогладовская, 1852 г., окт. 20.

Графу С. Н. Толстому.

Пишу второпяхъ, поэтому извини за то, что письмо будетъ коротко и безтолково. «Дѣтство» было испорчено, а «Набѣгъ» такъ и пропалъ отъ цензуры. Все, что было хорошаго, все выкинуто или изуродовано. Я подалъ въ отставку и на-дняхъ, т.-е. мѣсяца черезъ полтора, надѣюсь свободнымъ человѣкомъ ѣхать въ Пятигорскъ, а оттуда въ Россію.

Если представленіе мое пойдетъ, то я и въ отставкѣ получу чинъ, слѣдовательно, ничего не потеряю... Не помню, кому я писалъ о высылкѣ мнѣ 100 руб., которые я не получилъ еще. Узнай про это и вели мнѣ ихъ выслать, и ежели возможно, еще 200 руб. Будь покоенъ, я въ карты не играю, но такъ какъ задумалъ уѣзжать, многимъ бы, почти необходимымъ, хотѣлъ заплатить здѣсь.

Кавказъ, 1853 г., май.

---

[1]) «Исторія моего дѣтства». «Современникъ», 1852, сент.

Ему же.

Сережа!

Я уже писалъ тебѣ, кажется, что я подалъ въ отставку. Богъ знаетъ, однако, выйдетъ ли и когда она выйдетъ теперь, по случаю войны съ Турціей. Это очень безпокоитъ меня, потому что я теперь уже такъ привыкъ къ счастливой мысли поселиться скоро въ деревнѣ, что вернуться опять въ Старогладовскую и ожидать до безконечности—такъ, какъ я ожидаю всего, касающагося моей службы,—очень непріятно.

Все пишу, но мало и дурно; для того, чтобы писать хорошо, нужно душевное спокойствіе, котораго у меня нѣтъ.

Пятигорскъ, 1853 г., іюль 20.

Ему же.

Сережа. Необходимо, чтобъ кто-нибудь похлопоталъ о моихъ бумагахъ въ герольдіи, но такъ какъ я уже потерялъ изъ вида своихъ петербургскихъ знакомыхъ, то напиши ты кому-нибудь, чтобы освѣдомиться: «почему на отношеніе инспекторскаго департамента военнаго министерства въ департаментѣ герольдіи отъ 24-го іюля 1852 г. за № 8190, при которомъ (отношеніи) прилагаешь бумаги графа Льва Толстого на разсмотрѣніе, не сдѣлано никакого распоряженія?» И постараться ускорить это разсмотрѣніе.

Мнѣ писать некогда, потому что я пью чай. Но, впрочемъ, я живъ и здоровъ, чего и вамъ желаю.

Л. Толстой.

Изъ скромности долженъ прибавить, что до составленія такого рода писемъ дошелъ я не собственнымъ размышленіемъ, а примѣромъ старшихъ братьевъ...

Старогладовская станица, 1853 г., ноябрь 26.

Ему же.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Пожалуйста, о бумагахъ моихъ напиши скорѣе. Это нужно. Когда я пріѣду? Знаетъ одинъ Богъ, потому что вотъ уже годъ скоро какъ я только о томъ и думаю, какъ бы положить въ

ножны свой мечъ, и не могу. Но такъ какъ я принужденъ воевать гдѣ бы то ни было, то нахожу болѣе пріятнымъ воевать въ Турціи, чѣмъ здѣсь, о чемъ и просилъ князя Сергѣя Дмитріевича, который писалъ мнѣ, что онъ уже писалъ своему брату, но, что будетъ, не знаетъ.

Во всякомъ случаѣ къ новому году я ожидаю перемѣны въ своемъ образѣ жизни, который, признаюсь, невыносимо надоѣлъ мнѣ. Глупые офицеры, глупые разговоры, больше ничего. Хоть бы былъ одинъ человѣкъ, съ которымъ бы можно было поговорить отъ души. Тургеневъ правъ, «что за иронія въ одиночку»,— самъ становишься ощутительно глупъ. Несмотря на то, что Николенька увезъ, Богъ знаетъ зачѣмъ, гончихъ собакъ (мы съ Епишкой часто называемъ его «швиньей» за это), я по цѣлымъ днямъ, съ утра до вечера, хожу на охоту одинъ съ легавой собакой. И это одно удовольствіе, и не удовольствіе, а одурманивающее средство. Измучаешься, проголодаешься и уснешь, какъ убитый, и день прошелъ. Если будетъ случай, или самъ будешь въ Москвѣ, то купи мнѣ Диккенса (Давидъ Коперфильдъ) на англійскомъ языкѣ и лексиконъ англійскій Садлера, который есть въ моихъ книгахъ.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

То, что будутъ стоить мои покупки, вычитай изъ моего двухтысячнаго оклада.

Декабря 1853 г., ст. Старогладовская.

Т. А. Ергольской.

(По-французски).

Chère tante!

Жимбу правду сказалъ, что я далеко пойду. Дѣйствительно я ушелъ очень далеко.

Изъ Курска сдѣлалъ 2000 [1]) верстъ вмѣсто тысячи, какъ я думалъ; я поѣхалъ черезъ Полтаву, Балту, Кишиневъ, а не черезъ Кіевъ, что было бы крюкомъ. До Херсонской губерніи былъ хорошій санный путь, но тамъ я долженъ былъ бросить сани и сдѣлалъ 1000 верстъ на перекладныхъ по ужасной дорогѣ до границы, отъ границы до Бухареста. Эта дорога не поддающаяся описанію; надо ее попробовать, чтобы понять удовольствіе сдѣлать 1000 верстъ въ телѣжкѣ меньше и хуже нашей навозной. Не понимая ни слова по-молдавски и не находя никого, кто бы

[1]) По дорогѣ въ Румынію.

понималъ по-русски, при этомъ платя за восемь лошадей вмѣсто двухъ! Хотя мое путешествіе длилось девять дней, я истратилъ больше двухсотъ рублей и пріѣхалъ почти больной отъ усталости.

17 марта. Не продолжалъ письма, такъ какъ не зналъ, что сказать о себѣ. Князя не было здѣсь. Вчера онъ только что пріѣхалъ, и я сейчасъ былъ у него. Онъ принялъ меня лучше, чѣмъ я думалъ, совсѣмъ по-родственному. Онъ обнялъ меня, приглашалъ меня каждый день приходить обѣдать къ нему и хочетъ оставить меня при себѣ; хотя это еще не рѣшено. Какъ только рѣшится, я вамъ напишу.

Простите, дорогая тетенька, я вамъ пишу мало, у меня еще голова не на мѣстѣ. Этотъ большой, красивый городъ, всѣ эти представленія по начальству, итальянская опера, французскій театръ, два молодые Горчакова, славные ребята... однимъ словомъ, я 2-хъ часовъ не сидѣлъ дома и не думалъ о своихъ занятіяхъ.

Прощайте, дорогая тетенька, цѣлую ваши ручки. Былъ уже 4 раза на почтѣ, надѣясь найти тамъ письмо отъ васъ.

22 марта. Вчера я узналъ, что я не остаюсь при князѣ, но отправляюсь въ Ольтеницу къ своей батареѣ.

Бухарестъ, 1854 г., мартъ 13.

Ей же.

(По-французски).

Представьте, chère tante, что до сихъ поръ, въ теченіе почти трехъ мѣсяцевъ, которые я здѣсь живу, я не получилъ отъ васъ ни одного письма. Хотя я увѣренъ, что вы писали мнѣ, и что ваше письмо или ваши письма, должно-быть, затерялись, это необычное молчаніе очень удивляетъ и огорчаетъ меня. Если бы оказалось, что письмо, которое я написалъ вамъ, пріѣхавъ сюда, подверглось той же участи, это было бы еще болѣе непріятно.

Хотя я и долженъ былъ, несмотря на ваше молчаніе, написать вамъ еще, я этого не сдѣлалъ, отчасти потому, что ждалъ со дня на день вѣстей отъ васъ, отчасти потому, что я подлецъ, въ чемъ откровенно признаюсь и прошу у васъ прощенія. Представляю себѣ, какъ васъ тревожитъ мое молчаніе, особенно если вы еще въ Щербачевкѣ, потому что я довольно часто писалъ Мари и Валерьяну (единственные отъ кого я получалъ вѣсточки) и мнѣ очень неловко, что въ то время, какъ вы думаете, что я испытываю всѣ опасности войны, а я еще не нюхалъ турецкаго пороху и спокойно гуляю по Бухаресту, занимаюсь музыкой и ѣмъ мороженое. Въ самомъ дѣлѣ, все это время, за исключеніемъ двухъ недѣль, которыя я провелъ въ Ольтеницѣ, гдѣ я былъ прикомандированъ къ батареѣ, и одной недѣли, которую я провелъ въ

разъѣздахъ по Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи, по приказанію генерала Сержпутовскаго, при которомъ я состою теперь по особымъ порученіямъ, остальное время я оставался въ Бухарестѣ, и долженъ вамъ откровенно сознаться, этотъ разсѣянный образъ жизни, совершенно праздный, очень дорого стоящій, который я веду здѣсь, мнѣ очень не нравится. Сначала меня задерживала здѣсь служба, а теперь я остался на три недѣли изъ-за лихорадки, которую я схватилъ въ дорогѣ, но отъ которой, благодаря Бога, я достаточно освободился, чтобы дня черезъ 2 или 3 явиться къ своему генералу, который въ лагерѣ подъ Силистріей. О моемъ генералѣ скажу, что онъ хорошій человѣкъ и, кажется, хотя мы и мало знакомы, хорошо расположенъ ко мнѣ. Что еще пріятно, это то, что его штабъ состоитъ большей частью изъ людей comme il faut: два сына князя Сергѣя (Горчаковы), которыхъ я встрѣтилъ здѣсь, славные ребята, особенно младшій, у котораго, хотя онъ и не выдумалъ пороха, много благородства въ характерѣ и прекрасное сердце. Я его очень люблю.

Что касается стараго князя, я давно уже не видалъ его. Вы прекрасно понимаете, что у него не только дѣла, что думать о моей особѣ, и что я, какъ вы знаете, не слишкомъ-то пользовался его приглашеніемъ навѣщать его каждый день. Я не люблю втираться къ такимъ людямъ, какъ онъ, и постоянно напоминать имъ о себѣ. Хотя онъ былъ такъ добръ ко мнѣ, и, кромѣ того, внушилъ мнѣ такое большое уваженіе къ себѣ, что если когда-нибудь мнѣ понадобится покровитель, я обращусь прямо къ нему.

Вообще я во всѣхъ отношеніяхъ чувствую себя въ довольно хорошемъ положеніи... и отъ меня зависитъ чувствовать себя совсѣмъ хорошо: для этого надо вести себя хорошо, т.-е. не лѣниться, какъ я лѣнился все это время.

Единственными непріятностями до сихъ поръ были тѣ, что я хворалъ, а также недостатокъ денегъ; теперь же этихъ непріятностей нѣтъ, такъ какъ я вполнѣ здоровъ, а деньги, присланныя Валерьяномъ, вывели меня изъ затрудненія. Я не хочу извиняться за то, что истратилъ много денегъ (такъ какъ, кромѣ денегъ, которыя остались у меня отъ дороги, и тѣхъ, которыя мнѣ прислалъ Валерьянъ, я получилъ уже болѣе 300 рублей серебромъ жалованья). И такъ, я признаю, что не былъ особенно экономнымъ, но дѣло въ томъ, что жизнь здѣсь ужасно дорога. Если вы уже въ Ясной, какъ я предполагаю, и если тамъ извѣстны мои распоряженія относительно высылки лошадей и людей, помогите мнѣ, дорогая тетенька, вашими совѣтами, въ особенности относительно повара. Кого надо послать? Мнѣ совѣстно разлучать Николая съ его семьей, и потомъ онъ дѣйствительно слабъ здоровьемъ, но я рѣшительно не знаю, кто бы могъ его замѣнить. Хотя, въ крайнемъ случаѣ, мнѣ не нужно хорошаго повара, да и вообще не нужно повара, но непремѣнно нужно кого-нибудь, кто бы помогъ Дмитрію ходить за лошадьми во время пути; и надо, чтобы этотъ кто-нибудь смогъ и здѣсь

быть мнѣ полезнымъ. Если бы не это, я попросилъ бы послать одного только Дмитрія. Что вы подѣлываете, дорогая и безцѣнная тетенька? Какъ вы провели все это время у Митеньки! Нашли ли вы, что онъ перемѣнился? Какіе у него планы? Хотя, судя по тому благотворному вліянію, которое не только ваше присутствіе, но и ваши письма всегда оказывали на меня, я увѣренъ, что ваше пребываніе у него не останется для него безплоднымъ. Если бы даже я не писалъ вамъ (что могло бы быть только въ самомъ исключительномъ случаѣ), не наказывайте меня, дорогая тетенька, вашимъ молчаніемъ, вы не повѣрите, какъ оно тяготитъ меня, какъ часто я хожу на почту, чтобы справиться, нѣтъ ли для меня письмеца съ адресомъ, *написаннымъ старческимъ почеркомъ*.

Прощайте, тетенька, цѣлую ваши руки, желаю вамъ много счастья и жду отъ васъ длиннаго письма.

Бухарестъ, 1854 г., май 24.

Ей же.

(По-французски).

Chère et excellente tante!

Представте, только вчера я получилъ письма ваши и Митеньки отъ 14 апрѣля, написанныя еще изъ Курска. Отвѣчать на всѣ получаемыя письма вошло у меня въ привычку, а отвѣчать на ваши, т.-е. думать о васъ, говорить съ вами, для меня одно изъ самыхъ большихъ удовольствій. Какъ я вамъ, кажется, уже написалъ въ послѣднемъ письмѣ, я въ настоящее время нахожусь въ Бухарестѣ, гдѣ веду тихую и пріятную жизнь.

И такъ я вамъ буду говорить о прошломъ, о моихъ воспоминаніяхъ о Силистріи. Я видѣлъ тамъ столько интереснаго, поэтическаго и трогательнаго, что время, проведенное мною тамъ, никогда не изгладится изъ моей памяти. Нашъ лагерь былъ расположенъ по ту сторону Дуная, т.-е. на правомъ берегу, на возвышенномъ мѣстѣ, среди превосходныхъ садовъ, принадлежащихъ Мустафѣ-пашѣ, губернатору Силистріи. Видъ съ этого мѣста не только великолѣпенъ, но для всѣхъ насъ большой важности. Не говоря уже о Дунаѣ, объ его островахъ и берегахъ, изъ которыхъ одни заняты нами, другіе турками, съ этой высоты былъ виденъ городъ, крѣпость, мелкіе форты Силистріи, какъ на ладони. Слышны были пушечные и ружейные выстрѣлы, не перестававшіе ни днемъ, ни ночью; съ помощью зрительной трубы можно было различать турецкихъ солдатъ. Правда, что это странное удовольствіе смотрѣть, какъ люди убиваютъ другъ друга, но, тѣмъ не менѣе, всякій вечеръ и всякое утро я садился на свою повозку и цѣлыми часами смотрѣлъ, и это дѣлалъ не я одинъ. Зрѣлище

было поистинѣ великолѣпное, особенно ночью. По ночамъ обыкновенно мои солдаты принимаются за траншейныя работы и турки бросаются на нихъ, чтобы помѣшать имъ, и тогда надо видѣть и слышать эту пальбу. Первую ночь, которую я провелъ въ лагерѣ, этотъ ужасный шумъ разбудилъ и напугалъ меня, я думалъ, что пошли на приступъ, и я поскорѣе велѣлъ осѣдлать мою лошадь, но тѣ, кто провели въ лагерѣ уже нѣсколько времени, сказали мнѣ, чтобы я былъ спокоенъ, что эта канонада и ружейная пальба вещь обыкновенная, и это шутя называется «Аллахъ». Тогда я снова легъ спать, но, не будучи въ состояніи заснуть, я забавлялся, съ часами въ рукахъ, считая пушечные удары, и я насчиталъ 110 ударовъ въ минуту. А между тѣмъ вблизи все это не было такъ страшно, какъ казалось. Ночью, когда ничего не видно, это былъ переводъ пороха, и тысячами выстрѣловъ убивали десятка три съ каждой стороны.

Позвольте мнѣ, дорогая тетенька, дальше въ этомъ письмѣ обращаться къ Николенькѣ: такъ какъ я заговорилъ о подробностяхъ войны, я хотѣлъ бы продолжать это, обращаясь къ человѣку, который бы меня понималъ и могъ объяснить вамъ то, что для васъ будетъ не ясно.

И такъ это было обыкновеннымъ представленіемъ, которое мы видѣли каждый день и въ которомъ я принималъ иногда участіе, когда меня посылали съ приказаніями въ траншеи. Но бывали также и необыкновенныя представленія, какъ то, которое было наканунѣ приступа, когда была взорвана мина въ 240 пудовъ пороха подъ однимъ изъ непріятельскихъ бастіоновъ. Утромъ этого дня князь былъ на траншеяхъ со всѣмъ своимъ штабомъ (такъ какъ генералъ, при которомъ я состою, находился въ его штабѣ, то и я тамъ былъ), чтобы дѣлать окончательныя распоряженія въ виду штурма слѣдующаго дня. Планъ штурма, слишкомъ длинный, чтобы я могъ здѣсь его объяснить, былъ такъ хорошо сдѣланъ, все было такъ хорошо предвидѣно, что никто не сомнѣвался въ успѣхѣ. По поводу этого, я долженъ вамъ сказать, я начинаю восхищаться княземъ (впрочемъ, стоитъ только послушать, что говорятъ о немъ офицеры и солдаты: я не только никогда не слыхалъ плохого про него, но онъ большей частью обожаемъ).

Я видѣлъ его подъ огнемъ въ первый разъ въ это утро. Надо было видѣть эту немного комичную фигуру высокаго роста, руки за спиной, фуражка на затылкѣ, въ очкахъ, съ говоромъ, напоминающимъ индюка. Видно, что онъ такъ занятъ общимъ ходомъ дѣлъ, что пули и ядра не существуютъ для него; онъ выставляетъ себя на опасность съ такой простотой, что можно подумать, что онъ и не знаетъ о ней, и невольно боишься за него больше, чѣмъ за себя. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ даетъ приказанія съ ясностью и точностью и въ то же время внимателенъ со всякимъ. Это великій человѣкъ, т.-е. человѣкъ способный и честный, какъ я понимаю это слово, человѣкъ, который всю жизнь отдалъ на служеніе родинѣ и не ради тщеславія, а ради долга. Я вамъ раз-

скажу одну черту его характера, которая связана съ исторіей штурма, о которомъ я началъ разсказывать. Послѣ обѣда того же дня взорвали мину, и около 600 орудій открыли огонь противъ форта, который хотѣли взять, и этотъ огонь продолжался всю ночь. Это было зрѣлище и ощущеніе, которое никогда не забудешь. Вечеромъ при всемъ этомъ громѣ князь снова пришелъ, чтобы залечь въ траншеи и самому руководить штурмомъ, который долженъ былъ начаться въ три часа ночи.

Мы были всѣ тамъ же, и какъ всегда наканунѣ сраженія, всѣ мы дѣлали видъ, что о слѣдующемъ днѣ мы не думаемъ больше, чѣмъ о самомъ обыкновенномъ, и у всѣхъ, я въ этомъ увѣренъ, въ глубинѣ души немного сжималось сердце, а можетъ-быть, даже очень, при мысли о штурмѣ. Какъ ты знаешь, Николенька, время, предшествующее дѣлу, — самое непріятное, единственное, когда есть время бояться, а боязнь — одно изъ самыхъ непріятныхъ чувствъ. Къ утру, чѣмъ ближе рѣшительный моментъ, тѣмъ меньше становилось чувства страха и около трехъ часовъ, когда мы всѣ ожидали увидѣть букетъ пущенныхъ ракетъ, что было сигналомъ атаки, я пришелъ въ такое хорошее настроеніе, что если бы пришли и сказали мнѣ, что штурма не будетъ, мнѣ было бы жалко. И вотъ ровно за часъ до начала штурма пріѣзжаетъ адъютантъ фельдмаршала съ приказаніемъ снять осаду Силистріи. Я могу, не боясь обмануться, сказать, что это извѣстіе было принято всѣми: солдатами, офицерами и генералами, какъ истинное несчастіе, тѣмъ болѣе, что знали черезъ лазутчиковъ, которые часто приходили изъ Силистріи и съ которыми мнѣ часто приходилось самому разговаривать, знали, что когда будетъ взятъ этотъ фортъ, въ чемъ никто не сомнѣвался, Силистрія не могла бы держаться болѣе 2-хъ, 3-хъ дней. Не правда ли, что если кому-нибудь это извѣстіе могло доставить горе, такъ это князю, который во всю эту кампанію, стараясь все дѣлать къ лучшему, въ серединѣ своей дѣятельности видитъ, что фельдмаршалъ вмѣшивается въ его дѣла, чтобы все испортить. Имѣя единственную возможность загладить этимъ штурмомъ прежнія неудачи, онъ получаетъ отмѣну въ моментъ начала этого дѣла. И вотъ князь ни на минуту не смутился, онъ, такой впечатлительный, былъ доволенъ, что могъ избѣжать эту рѣзню, которая лежала бы на его отвѣтственности, и во все время отступленія, которымъ онъ руководилъ самъ, желая уйти съ послѣднимъ солдатомъ, и которое было произведено въ замѣчательномъ порядкѣ и точности,—въ этомъ отступленіи онъ былъ веселѣе, чѣмъ когда-либо. Что много содѣйствовало его хорошему расположенію духа,—это эмиграція около семи тысячъ семействъ болгаръ, которыхъ мы взяли съ собой въ память звѣрства турокъ, которому я, несмотря на свою недовѣрчивость, долженъ былъ повѣрить. Какъ только мы оставили нѣсколько болгарскихъ деревень, которыя занимали раньше, турки пришли туда, и, исключая молодыхъ женщинъ, годныхъ для гарема, уничтожили все, что тамъ было. Я знаю деревню, въ которую я ходилъ изъ лагеря за молокомъ и фруктами, кото-

рая была такимъ образамъ разорена. Такъ что, какъ только князь далъ знать болгарамъ, что кто желаетъ можетъ перейти съ арміей Дунай и стать русскими подданными, весь край поднимается, и всѣ съ женами, дѣтьми, лошадьми, скотиной подъѣзжаютъ къ мосту. Но такъ какъ было невозможно взять ихъ всѣхъ, князь былъ принужденъ отказать пришедшимъ послѣдними и надо было видѣть, какъ это ему было тяжело. Онъ принималъ всѣ депутаціи, которыя приходили отъ этихъ несчастныхъ, разговаривалъ съ каждымъ, старался объяснить имъ невозможность этого, предлагалъ переправиться безъ повозокъ и скотины, беря на себя заботу о ихъ пропитаніи, пока они не пріѣдутъ въ Россію, платилъ изъ собственныхъ средствъ за частныя суда для ихъ перевоза, однимъ словомъ, дѣлалъ все, что только возможно, для блага этихъ людей.

Да, дорогая тетенька, я желалъ бы очень, чтобы ваше пророчество сбылось. О чемъ я больше всего мечтаю, это быть адъютантомъ такого человѣка, какъ онъ, котораго я люблю и уважаю отъ всей глубины моего сердца. Прощайте, дорогая и добрая тетенька, цѣлую ваши ручки.

Бухарестъ, 1854 г., іюль 4.

Графу С. Н. Толстому.

Любезный другъ Сережа, я, Богъ знаетъ, какъ виноватъ передъ всѣми вами съ самаго начала своего отъѣзда, и отчего это случилось, самъ не знаю; то разсѣянная жизнь, то скучное положеніе и расположеніе, то война, то кто-нибудь помѣшаетъ и т. д. и т. д. Главная же причина—разсѣянная и обильная впечатлѣніями жизнь. Столько я переузналъ, переиспыталъ, перечувствовалъ въ этотъ годъ, что рѣшительно не знаешь съ чего начать описывать, да и сумѣешь ли описать, какъ хочется. Вѣдь я тетенькѣ написалъ про Силистрію, а тебѣ и Николенькѣ я не напишу такъ,—я бы хотѣлъ вамъ передать такъ, чтобы вы меня поняли, какъ я хочу. Теперь Силистрія—старая пѣснь, теперь Севастополь, про который, я думаю, и вы читаете съ замираніемъ сердца, и въ которомъ я былъ 4 дня тому назадъ. Ну, какъ тебѣ разсказать все, что я тамъ видѣлъ и гдѣ я былъ, и что дѣлалъ, и что говорятъ плѣнные и раненые французы и англичане и *больно ли имъ и очень ли больно*, и какіе герои наши моряки и наши солдаты, и какіе герои наши враги, особенно англичане. Разсказывать это все будемъ въ Ясной послѣ или Пироговѣ, а про многое ты отъ меня же узнаешь въ печати. Какимъ это образомъ, разскажу послѣ, теперь же дамъ тебѣ понятіе о томъ, въ какомъ положеніи наши дѣла въ Севастополѣ. Городъ осажденъ съ одной стороны, съ южной, на которой у насъ не было никакихъ укрѣпленій, когда непріятель подо-

шелъ къ нему. Теперь у насъ на этой сторонѣ болѣе 500 орудій огромнаго калибра и нѣсколько рядовъ земляныхъ укрѣпленій, рѣшительно неприступныхъ. Я провелъ недѣлю въ крѣпости и до послѣдняго дня блудилъ, какъ въ лѣсу, между этими лабиринтами батарей. Непріятель уже болѣе трехъ недѣль подошелъ въ одномъ мѣстѣ на 80 саженъ и не идетъ впередъ; при малѣйшемъ движеніи его впередъ, его засыпаютъ градомъ снарядовъ.

Духъ въ войскахъ выше всякаго описанія. Во времена древней Греціи не было столько геройства. Корниловъ, объѣзжая войска вмѣсто: «Здорово, ребята!», говорилъ: «Нужно умирать, ребята, умрете?» и войска кричали: «Умремъ, ваше превосходительство, ура!» И это былъ не эффектъ, а на лицѣ каждаго видно было, что не шутя, а *взаправду*, и уже 22.000 исполнили это обѣщаніе.

Раненый солдатъ, почти умирающій, разсказывалъ мнѣ, какъ они брали 24-ую французскую батарею и ихъ не подкрѣпили; онъ плакалъ навзрыдъ. Рота моряковъ чуть не взбунтовалась за то, что ихъ хотѣли смѣнить съ батареи, на которой они простояли 30 дней подъ бомбами. Солдаты вырываютъ трубки изъ бомбъ. Женщины носятъ воду на бастіоны для солдатъ. Многія убиты и ранены. Священники съ крестами ходятъ на бастіоны и подъ огнемъ читаютъ молитвы. Въ одной бригадѣ, 24-го, было 100 человѣкъ, которые раненые не вышли изъ фронта. Чудное время! Теперь, впрочемъ, послѣ 24-го, мы поуспокоились, — въ Севастополѣ стало прекрасно. Непріятель почти не стрѣляетъ, и всѣ убѣждены, что онъ не возьметъ города, и это дѣйствительно невозможно. Есть три предположенія: или онъ пойдетъ на приступъ, или занимаетъ насъ фальшивыми работами, чтобы прикрыть отступленіе, или укрѣпляется, чтобы зимовать. Первое менѣе, а второе болѣе всего вѣроятно. Мнѣ не удалось ни одного раза быть въ дѣлѣ; но я благодарю Бога за то, что я видѣлъ этихъ людей и живу въ это славное время. Бомбардированіе 5-го числа останется самымъ блестящимъ, славнымъ подвигомъ не только въ русской, но и во всемірной исторіи. Болѣе 1500 орудій два дня дѣйствовали по городу и не только не дали сдаться ему, но не заставили замолчать и $\frac{1}{200}$ нашихъ батарей. Ежели, какъ мнѣ кажется, въ Россіи невыгодно смотрятъ на эту кампанію, то потомство поставитъ ее выше всѣхъ другихъ; не забудь, что мы съ равными, даже меньшими силами, съ одними штыками и съ худшими войсками въ русской арміи (какъ 6-й корпусъ), деремся съ непріятелемъ многочисленнѣйшимъ и имѣющимъ флотъ, вооруженнымъ 3000 орудіями, отлично вооруженнымъ штуцерами и съ лучшими его войсками. Ужъ я не говорю о преимуществѣ ихъ генераловъ.

Только наше войско можетъ стоять и побѣждать (мы еще побѣдимъ, въ этомъ я убѣжденъ) при такихъ условіяхъ. Надо видѣть плѣнныхъ французовъ и англичанъ (особенно послѣднихъ): это молодецъ къ молодцу, именно морально и физически, народъ

бравый. Казаки говорятъ, что даже рубить жалко, и рядомъ съ ними надо видѣть нашего какого-нибудь егеря: маленькій, вшивый, морщеный какой-то.

Теперь разскажу, какимъ образомъ ты въ печати будешь отъ меня же узнавать о подвигахъ этихъ вшивыхъ и морщеныхъ героевъ. Въ нашемъ артиллерійскомъ штабѣ, состоящемъ, какъ, кажется, я писалъ вамъ, изъ людей очень хорошихъ и порядочныхъ, родилась мысль издавать военный журналъ, съ цѣлью поддерживать хорошій духъ въ войскѣ, журналъ дешевый (по 3 р.) и популярный, чтобы его читали солдаты. Мы написали проектъ журнала и представили его князю. Ему очень понравилась эта мысль, и онъ представилъ проектъ и пробный листокъ, который мы тоже составили, на разрѣшеніе Государя. Деньги на изданіе авансируемъ я и Столыпинъ. Я избранъ редакторомъ вмѣстѣ съ однимъ господиномъ Константиновымъ, который издавалъ «Кавказъ» и человѣкъ опытный въ этомъ дѣлѣ. Въ журналѣ будутъ помѣщаться описанія сраженій, не такія сухія и лживыя, какъ въ другихъ журналахъ. Подвиги храбрости, біографіи и некрологи хорошихъ людей и преимущественно изъ темненькихъ; военные разсказы, солдатскія пѣсни, популярныя статьи объ инженерномъ и артиллерійскомъ искусствѣ и т. д. Штука эта мнѣ очень нравится: во-первыхъ, я люблю это занятіе, а во-вторыхъ, надѣюсь, что журналъ будетъ полезный и не совсѣмъ скверный. — Все это еще предположенія до тѣхъ поръ, пока не узнаемъ отвѣта Государя, а я, признаюсь, боюсь за него: въ пробномъ листкѣ, который посланъ въ Петербургъ, мы неосторожно помѣстили двѣ статьи, одна моя, другая Ростовцева, не совсѣмъ православныя. Для этой же штуки мнѣ нужны 1500 руб., которые лежатъ въ приказѣ и которые я просилъ Валерьяна [1]) прислать мнѣ. Такъ какъ я уже проболтался тебѣ объ этомъ, то передай и ему.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Я, слава Богу, здоровъ, живу весело и пріятно съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ пришелъ изъ-за границы. Вообще все мое пребываніе въ арміи раздѣляется на два періода, за границей скверный,—я былъ и боленъ, и бѣденъ, и одинокъ,—въ границахъ пріятный: я здоровъ, имѣю хорошихъ пріятелей, но все-таки бѣденъ, деньги такъ и лѣзутъ.

Писать не пишу, но зато *испытываю*, какъ меня дразнитъ тетенька. Одно безпокоитъ меня: я четвертый годъ живу безъ женскаго общества, я могу совсѣмъ загрубѣть и не быть способнымъ къ семейной жизни, которую я такъ люблю.

Прощай же, Богъ знаетъ, когда мы увидимся, ежели вы съ Николенькой не вздумаете отъѣзжимъ полемъ завернуть какъ-нибудь изъ Тамбова въ главную квартиру.

---

[1]) В. И. Толстой, мужъ сестры Л-а Н-а, гр. Маріи Николаевны Толстой, много лѣтъ монашествующей въ женской обители Шамардино.

А война, кажется, затянулась надолго. За Силистрію я, какъ и слѣдовало, не представленъ, а по линіи получилъ подпоручика, чему очень доволенъ, а то у меня было слишкомъ старое отличіе для прапорщика, стыдно было...

На батареѣ, около Севастополя, 1854 г., ноябрь 20.

Т. А. Ергольской.

(По-французски).

Chère et excellente tante!

Я знаю, что въ глубинѣ души вы не можете сомнѣваться въ любви, которую я питаю, и, несмотря ни на какія обстоятельства, не перестаю питать къ вамъ. Знаю, что только горе вызвало у васъ такія жестокія слова, будто вы сомнѣваетесь въ моей любви, которая не только не уменьшается по мѣрѣ того, какъ длится наша разлука и чѣмъ старше я становлюсь, а увеличивается съ каждымъ днемъ. Ваше письмо отъ 23 октября, которое я получилъ 3 января, очень огорчило меня. Прошлымъ лѣтомъ я написалъ вамъ болѣе пяти писемъ, изъ которыхъ вы, какъ я вижу, болѣе половины не получили.

Ради Бога, тетенька, никогда не истолковывайте моего молчанія равнодушіемъ, вы лучше, чѣмъ кто-либо знаете, что для меня оно невозможно; вы знаете, что самая большая любовь, жившая въ моемъ сердцѣ, была и будетъ всегда любовь къ вамъ, не дѣлайте же мнѣ больно говоря, что вы сомнѣваетесь въ ней—что ваши письма, вѣроятно, не доставляютъ мнѣ удовольствія. Я вамъ говорилъ и изъ глубины души повторяю (я слишкомъ почитаю васъ, чтобы испортить мое чувство къ вамъ ложью), что ваши письма доставляютъ мнѣ не удовольствіе, они для меня величайшее благо, я становлюсь совсѣмъ другимъ, становлюсь лучше, когда получаю одно изъ вашихъ писемъ, которыя перечитываю разъ 100; я такъ счастливъ, получивъ ихъ, что мнѣ не сидится на мѣстѣ, мнѣ хочется прочесть ихъ всѣмъ; и если я передъ тѣмъ далъ увлечь себя на что-нибудь дурное—я останавливаюсь, снова строю планы, какъ стать лучше. Ради Бога, дорогая тетенька, разъ навсегда: объясняйте себѣ мое молчаніе или неисправностью почты (которая необыкновенно усилилась въ послѣднее время) или тѣмъ, что я не хочу заставлять васъ понапрасну безпокоиться обо мнѣ, и не наказывайте меня вашимъ молчаніемъ.

Я не принималъ участья въ двухъ кровавыхъ сраженіяхъ, бывшихъ въ Крыму, но я былъ въ Севастополѣ тотчасъ послѣ сраженія 24-го и провелъ тамъ мѣсяцъ. Больше не дерутся въ открытомъ полѣ по причинѣ зимы, которая очень сурова, особенно теперь, но осада продолжается. Каковъ будетъ исходъ этой

войны, Богъ знаетъ, но, во всякомъ случаѣ, Крымская кампанія должна кончиться черезъ 3 или 4 мѣсяца. Но—увы! конецъ Крымской кампаніи не означаетъ конца войны; напротивъ, кажется, что она затянется надолго. Я, кажется, говорилъ въ моихъ письмахъ къ Сережѣ и Валерьяну объ одномъ занятіи, которое у меня было въ виду, и которое мнѣ очень улыбалось? Теперь, когда это уже дѣло рѣшенное, я могу сказать. У меня была мысль создать военный журналъ. Этотъ проектъ, надъ которымъ я работалъ въ сотрудничествѣ со многими выдающимися людьми, былъ одобренъ княземъ и былъ посланъ на усмотрѣніе Его Величества; но такъ какъ у насъ противъ всего интригуютъ, нашлись люди, которые побоялись конкуренціи этого журнала и затѣмъ, быть-можетъ, идея этого журнала не была въ видахъ правительства, и государь отказалъ.

Эта неудача, признаюсь вамъ, мнѣ доставила большое горе и много измѣнила мои планы. Если, Богъ дастъ, Крымская кампанія хорошо кончится и если я не получу мѣста, которымъ бы я былъ доволенъ, и если не будетъ войны въ Россіи, я оставляю военную службу и ѣду въ Петербургъ въ военную академію. Этотъ планъ пришелъ мнѣ въ голову, во-первыхъ, потому, что я не хотѣлъ бы бросать литературныя занятія, которыми мнѣ невозможно заниматься въ этой лагерной жизни, во-вторыхъ, потому, что мнѣ кажется, что я становлюсь тщеславенъ, не то, что тщеславенъ, но мнѣ хочется дѣлать хорошее, а для этого мало быть подпоручикомъ. Въ-третьихъ, потому, что тогда я увижу всѣхъ васъ и всѣхъ моихъ друзей. Николенька пишетъ мнѣ, что Тургеневъ познакомился съ Машенькой [1]), я отъ этого въ восторгѣ; если вы его увидите у нихъ, скажите Варенькѣ, что поручаю ей обнять его отъ меня и сказать ему, что хотя я его знаю только по писаніямъ, у меня многое есть, что ему сказать.

Прощайте, тетенька; къ новому году,—съ которымъ я васъ поздравляю,—я, какъ всегда, строю массу плановъ, между прочимъ, надѣюсь увидѣть васъ черезъ пять или шесть мѣсяцевъ, и этотъ планъ мнѣ, конечно, наиболѣе улыбается.

Не знаю, что случится со мною въ этомъ году, но новый годъ началъ для меня хорошими предзнаменованіями. Я здоровъ, какъ
я въ хорошемъ расположеніи духа, я получилъ письма отъ васъ и отъ братьевъ...

Вы знаете, я немного суевѣренъ... надѣюсь и жду почти каждую минуту, что случится что-нибудь хорошее. Но такъ какъ счастье не можетъ прійти для меня безъ васъ, то я предполагаю, что скоро увижусь съ вами.

Симферополь, 1855 г., январь 6

---

[1]) Сестра Л. Н.

Н. А. Некрасову.

Милостивый государь Николай Алексѣевичъ!

Вы уже должны были получить статью мою: Севастополь въ декабрѣ» и обѣщаніе статьи Столыпина [1]). Вотъ она. Несмотря на дикую орѳографію этой рукописи, которую вы уже сами распорядитесь исправить, ежели она будетъ напечатана безъ цензурныхъ вырѣзокъ, чего старался всѣми силами избѣжать авторъ, вы согласитесь, я надѣюсь, что статей такихъ военныхъ или очень мало или вовсе не печатается у насъ, къ несчастью. Можетъ-быть, съ этимъ же курьеромъ пошлется статья Сакена, о которой ничего не говорю и которую, надѣюсь, вы не напечатаете. Поправки въ статьѣ Столыпина сдѣланы черными чернилами Хрулевымъ, лѣвой рукой, потому что правая ранена. Столыпинъ проситъ помѣстить ихъ въ выноскахъ. Пожалуйста, ежели можно помѣстить, какъ мою, такъ и Столыпинскую въ іюльской книжкѣ. Теперь мы всѣ собрались, и литературное общество падшаго журнала начинаетъ организоваться и, какъ я вамъ писалъ, ежемѣсячно вы будете получать отъ меня двѣ, 3 или 4 статьи современнаго военнаго содержанія. Лучшіе два сотрудника Бакунинъ и Ростовцевъ еще не успѣли кончить своихъ статей. Будьте такъ добры, отвѣчайте мнѣ и пишите вообще съ этимъ курьеромъ, адъютантомъ Горчакова, и съ будущими, которые безпрестанно снуютъ отъ васъ и сюда. Затѣмъ съ совершеннымъ уваженіемъ имѣю честь быть покорный слуга.

Севастополь, 1855 г., апр. 30.

И. И. Панаеву.

Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ!

Повѣрите ли, что я долженъ переломить стыдъ, который испытываю, чтобы взяться за перо и писать вамъ. Мнѣ стыдно, что я живъ и здоровъ, что только одно, ежели бы было наоборотъ, могло бы служить извиненіемъ молчанію на 3 письма вашихъ и на письма, столь любезныя, волнующія меня и иногда, въ минуты самолюбиваго заблужденія, заставляющія вѣрить въ талантъ и значеніе мое въ литературѣ, которые, признаюсь, мнѣ бы очень хотѣлось имѣть. На вопросы ваши въ предыдущемъ письмѣ отвѣчаю по пунктамъ. 1) Деньги за «Отрочество» я получилъ. 2) Присылать мнѣ и деньги и книги по старому адресу въ Главный Штабъ, 3) и за каждую статью отдѣльно.—На мое несчастье я обѣщалъ

---

[1]) Полковой товарищъ и другъ Л. Н-ча, отецъ покойнаго премьера П. А. Столыпина.

вамъ слишкомъ много—сотрудники мои лѣнились, когда я былъ въ Севастополѣ; теперь же съ мѣсяцъ какъ я уѣхалъ; ничего не знаю о ихъ статьяхъ. Самъ я былъ боленъ, но, несмотря на то, надѣюсь, что дня черезъ 3 пошлю вамъ «Разсказъ Юнкера»— довольно большую статью, но не Севастопольскую, а Кавказскую, которая поспѣетъ къ VII книжкѣ. Вѣрьте, что мысль о военныхъ статьяхъ занимаетъ меня теперь столько же, сколько и прежде, и я на-дняхъ поѣду въ Севастополь съ тѣмъ, чтобы подгонять Ростовцева и Бакунина и взять у нихъ статьи, ежели онѣ готовы; но дѣйствительность слишкомъ богата событіями, чтобы у кого-нибудь оставалось время для мысли. За себя я все-таки вамъ отвѣчаю—по статьѣ каждый мѣсяцъ—за другихъ не навѣрное. Адресъ мой все тотъ же и все-таки черезъ курьеровъ, ежели вы устроили это.—Ежели Тургеневъ въ Петербургѣ, то спросите у него позволенія на статьѣ Разсказъ Юнкера надписать: посвящается И. Тургеневу. Эта мысль пришла мнѣ потому, что когда я перечелъ статью, я нашелъ въ ней много невольнаго подражанія его разсказамъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть вашъ покорный слуга.

Бельбекъ, 1855 г., іюня 14.

Графу С. Н. Толстому.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Господину Поручику Стрѣлковаго Императорской фамиліи Полка Графу Толстому.

Начальникъ Горной Артиллеріи Южной Арміи и Морскихъ и Сухопутныхъ силъ въ Крыму расположенныхъ, Артиллеріи Подпоручика и Кавалера Графа Толстого.

Рапортъ.

Вслѣдствіе продолжительнаго молчанія Вашего и моего сіятельства, имѣю честь почтительнѣйше донести, что сіе обоюдно было весьмо глупо и что я съ своей стороны намѣренъ исправить сію ошибку и впредь не впадать въ оную; о чемъ покорнѣйше прошу и Ваше Сіятельство.

Начальникъ Горной Артиллеріи Подпоручикъ Графъ Толстой.

Позиція при рѣкѣ Бельбекъ, № 54.

Хотѣлъ бы не писать больше ничего съ тѣмъ, чтобы только узнать, гдѣ ты, (хотя я знаю, что ты былъ въ Суздалѣ, но долженъ былъ перейти въ Петербургъ, а самъ хотѣлъ ѣхать въ Пирогово), но потомъ вообразилъ себѣ, какъ ты бы разозлился и нѣсколько разъ назвалъ бы меня «самымъ пустяшнымъ малымъ»,

но главное что самому захотѣлось разсказать и разспросить кое-что, хотя я сильно сомнѣваюсь, дойдетъ ли и когда къ тебѣ это письмо.

Хотя ты вѣрно знаешь черезъ нашихъ, гдѣ и что я дѣлалъ, повторяю тебѣ свои похожденія съ Кишинева, тѣмъ болѣе, что, можетъ-быть, для тебя будетъ интересно же, какъ я ихъ разсказываю, и поэтому ты узнаешь, въ какой я фазѣ нахожусь—такъ какъ ужъ, видно, моя судьба всегда находится въ какой-нибудь фазѣ. Изъ Кишинева 1 ноября я просился въ Крымъ отчасти для того, чтобы видѣть эту войну, отчасти для того, чтобы вырваться изъ штаба Сержпутовскаго, который мнѣ не нравился, а больше всего изъ патріотизма, который въ то время, признаюсь, сильно напалъ на меня. Я никуда не просился, а предоставилъ начальству распоряжаться моей судьбой. Въ Крыму прикомандировали къ батареѣ въ самый Севастополь, гдѣ я пробылъ мѣсяцъ весьма пріятно, въ кругу простыхъ, добрыхъ товарищей, которые бываютъ всегда особенно хороши во время настоящей войны и опасности. Въ декабрѣ нашу батарею отвели къ Симферополю, и тамъ я прожилъ $1^1/_2$ мѣсяца въ удобномъ помѣщичьемъ домѣ, ѣздилъ въ Симферополь танцовать и играть на фортепіано съ барышнями и охотиться на Чатырдагѣ съ чиновниками за дикими козами. Въ январѣ опять была тасовка офицеровъ, и меня перевели въ батарею, которая стояла лагеремъ въ 10 верстахъ отъ Севастополя на Бельбекѣ. Тамъ j'ai fait la connaissance de la mère de Кузьма—самый гадкій кружокъ . . . . . въ батареѣ, командиръ хотя и доброе, но сильное и грубое созданіе, никакихъ удобствъ, холодъ въ землянкахъ. Ни одной книги, ни одного человѣка, съ которымъ бы можно поговорить. И тутъ-то я получилъ 1500 рублей на журналъ, который уже былъ отказанъ и тутъ-то я проигралъ 2500 р. и тѣмъ доказалъ всему міру, что я все-таки *пустяшный малый*, хотя предыдущія обстоятельства и могутъ быть приняты comme circonstances atténuantes, все-таки очень, очень скверно. Въ мартѣ стало теплѣе и пріѣхалъ въ батарею милый, отличнѣйшій человѣкъ Бреневскій: я сталъ опоминаться, а 1-го апрѣля батарея во время самаго бомбардированія пошла въ Севастополь, и я совсѣмъ опомнился. Тамъ до 15 мая, хотя и въ серьезной опасности, т.-е. по 4 дня черезъ 8 дней дежурнымъ на батареѣ 4-го бастіона, но весна и погода отличныя; впечатлѣній и народа пропасть, всѣ удобства жизни, и насъ собрался прекрасный кружокъ порядочныхъ людей, такъ что эти полтора мѣсяца останутся однимъ изъ самыхъ моихъ пріятныхъ воспоминаній. 15 мая Горчакову или начальнику артиллеріи вздумалось поручить мнѣ сформировать и командовать горнымъ взводомъ на Бельбекѣ — 20 верстъ отъ Севастополя, чѣмъ я чрезвычайно до сихъ поръ доволенъ во многихъ отношеніяхъ [1]). Вотъ тебѣ

---

[1]) П. И. Бирюковъ говоритъ, что переводъ былъ произведенъ по распоряженію Государя Александра II, прочитавшаго въ корректурѣ разсказъ «Севастополь въ декабрѣ 1854 г.». Разсказъ этотъ произвелъ силь-

общее описаніе; въ слѣдующемъ письмѣ напишу подробнѣе о настоящемъ.

Адресомъ моимъ, пожалуйста, никогда не затрудняйся—всегда въ главный штабъ Крымской арміи и больше ничего.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Позиція при рѣкѣ Бельбекъ № 54, 1855 г., іюль 3.

Т. А. Ергольской.

(По-французски).

Дорогая и безцѣнная тетушка!

27-го въ Севастополѣ произошло большое и славное дѣло. Я имѣлъ несчастье и счастье прибыть въ городъ какъ разъ въ день осады, такъ что я могъ быть свидѣтелемъ его и даже принять нѣкоторое участіе въ качествѣ волонтера. Не пугайтесь, я почти не подвергался никакой опасности. 28-е, день моего рожденія, во второй разъ въ моей жизни, было для меня печальнымъ и памятнымъ днемъ: въ первый разъ это было восемнадцать лѣтъ тому назадъ. То была смерть тетушки Александры Ильинишны. А теперь потеря Севастополя. Я плакалъ, когда увидалъ городъ, объятый пламенемъ, французскія знамена и даже французскаго генерала въ нашихъ бастіонахъ. Валентинъ Калошинъ, котораго я здѣсь очень полюбилъ, пропалъ, и никто не знаетъ, что съ нимъ стало. Я не пишу его родителямъ, потому что надѣюсь еще, что онъ попалъ въ плѣнъ. На запросъ, который я послалъ въ непріятельскій лагерь, не пришло еще отвѣта. Дорогая тетушка, я не могу объяснить себѣ молчанія всѣхъ, кому я пишу постоянно. Ваше, Валеріана, Маши, Николая, Сергѣя. Въ эти послѣдніе дни мысль бросить армію совсѣмъ приходитъ мнѣ въ голову все чаще и настойчивѣе. Я вижу, что сдѣлать это мнѣ будетъ легко. Но чтобы рѣшиться на этотъ шагъ, я хотѣлъ бы имѣть ваше одобреніе. И вотъ, кромѣ желанья сдѣлать вамъ удовольствіе и успокоить васъ на мой счетъ, главная цѣль этого короткаго и несообразнаго письма. До свиданія, дорогая тетушка, добрая и безцѣнная тетушка. Тысячу и тысячу разъ цѣлую ваши руки—вѣрьте мнѣ, что я не перестаю о васъ думать.

Вашъ

Позиція при Бельбекѣ, 1855 г., сент. 4.

ное впечатлѣніе на Государя, и онъ приказалъ беречь молодого офицера и удалить его изъ опаснаго мѣста.

Ей же.

(По-французски)

Chère tante! Я получилъ мой заграничный паспортъ и пріѣхалъ въ Москву, чтобы провести нѣсколько дней съ Машенькой, потомъ съѣздить въ Ясную, устроить свои дѣла и проститься съ вами. Но теперь я раздумалъ, особенно по совѣту Машеньки, и рѣшился пробыть съ ней здѣсь недѣлю или двѣ и потомъ ѣхать прямо черезъ Варшаву въ Парижъ. Вы, вѣрно, понимаете, chère tante, почему мнѣ не хочется, даже не слѣдуетъ пріѣзжать теперь въ Ясную или скорѣе въ Судаково. Я, кажется, поступилъ очень дурно въ отношеніи В..., но ежели я бы теперь свидѣлся съ ней, я поступилъ бы еще хуже. Какъ я вамъ писалъ, я къ ней болѣе чѣмъ равнодушенъ, и чувствую, что не могу болѣе обманывать ни себя ни ее. А пріѣзжай я, можетъ-быть, отъ слабости характера и опять сталъ бы надувать себя. Помните ли вы, дорогая тетенька, какъ вы смѣялись надо мной, когда я вамъ сказалъ, что я уѣзжаю въ Петербургъ, чтобы испытать себя, а между тѣмъ этому рѣшенію я обязанъ тѣмъ, что не сдѣлалъ несчастія молодой особы и себя: не подумайте, чтобы это было непостоянство или невѣрность; никто не понравился мнѣ въ теченіе этихъ двухъ мѣсяцевъ, просто я увидѣлъ, что я самъ себя обманывалъ, что у меня не только не было, но и никогда не будетъ по отношенію В. малѣйшаго чувства настоящей любви. Единственно, что меня безпокоитъ, это то, что я причинилъ огорченіе дѣвушкѣ и что мнѣ не удается проститься съ вами передъ отъѣздомъ. Я надѣюсь вернуться въ Россію въ іюлѣ, но если вы пожелаете, я пріѣду въ Ясную, чтобы обнять васъ; еще есть время получить вашъ отвѣтъ въ Москвѣ.

Во всякомъ случаѣ, прощайте, цѣлую ваши руки и прошу (это не фраза) никогда не вѣрить, что я измѣнился или могу когда-нибудь измѣниться по отношенію къ вамъ и не любить васъ, какъ всегда, изо всѣхъ силъ.

Москва, 1856 г., январь 12.

Графу С. Н. Толстому.

Я тронусь за границу на 8 мѣсяцевъ; ежели пустятъ, то поѣду. Я писалъ объ этомъ Николенькѣ и звалъ его ѣхать. Ежели бы мы всѣ трое устроились ѣхать вмѣстѣ, это было бы отлично. Ежели каждый возьметъ по тысячѣ рублей, то можно съѣздить отлично.—Пиши, пожалуйста, мнѣ. Какъ понравилось тебѣ «Метель»? Я ею недоволенъ—серьезно. А теперь писать многое хочется, но рѣшительно некогда въ этомъ проклятомъ

Петербургѣ. Во всякомъ случаѣ, пустятъ ли меня или нѣтъ (за границу), я въ апрѣлѣ намѣренъ взять отпускъ и быть въ деревнѣ.

Петербургъ, 1856 г., мартъ 25.

Ему же.

Я пишу нѣсколько словъ изъ Ясной Поляны, куда пріѣхалъ вчера . . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Я получилъ и то посредствомъ разныхъ ухищреній отпускъ въ половинѣ мая, несмотря на то, что мнѣ его обѣщали каждый день. Въ Москвѣ же я пробылъ 10 дней ужъ по своей винѣ, но зато чрезвычайно пріятно, безъ шампанскаго и цыганъ, а немножко влюбленный, въ кого, разскажу тебѣ послѣ. Я пробуду въ Ясной до августа, слѣдовательно, встрѣчу и провожу тебя. Въ августѣ же (ежели будутъ деньги), отпускъ вышелъ уже, поѣду за границу . . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Хотѣлъ я хоть отъ тетеньки узнать твое мнѣніе о моихъ «Гусарахъ», но, говорятъ, ты не читалъ еще. Напиши, сколько ты мнѣ ставишь за это: 1, 2, 3, 4 или 5. Я нынче поѣду къ Машѣ и вернусь къ Троицыну дню и безвыѣздно два мѣсяца сижу въ Ясной...

Пожалуйста, отвѣчай. До свиданія, милый другъ.

Ясная Поляна, 1856 г., май 29. Твой

Ему же.

Теперь только, въ 9 часовъ вечера, понедѣльникъ, могу дать тебѣ хорошій отвѣтъ, а то все было хуже и хуже; привозили двухъ докторовъ, пускали еще сорокъ піявокъ, но сію минуту только я заснулъ, и, проснувшись, почувствовалъ себя значительно лучше. Раньше дней 5—6 все-таки и думать нельзя мнѣ ѣхать. Такъ до свиданія, пожалуйста, увѣдомь, когда ты уѣдешь и точно ли есть большія упущенія у тебя въ хозяйствѣ, и не очень безъ меня выбивай мѣста. Собакъ, можетъ-быть, пошлю завтра.

Твой *гр. Л. Толстой*

Ясная Поляна, 1856 г. Начало сент.

Ему же.

Любезный другъ Сережа! Здоровье мое и поправилось и нѣтъ. Боли-то нѣтъ и воспаленія нѣтъ, но какая-то тяжесть въ груди, покалываетъ и къ вечеру болитъ. Можетъ-быть, оно и пройдетъ понемногу само собой, но я не скоро рѣшусь ѣхать въ Курскъ и ежели не скоро, то и совсѣмъ нечего ѣхать. Скорѣе, ежели недѣли двѣ не будетъ лучше, я съѣзжу въ Москву.

Пожалуйста, не сердись на меня и не думай, чтобы я желалъ тебѣ измѣнить. Мнѣ, напротивъ, страшно хотѣлось ѣхать и собакъ я вернулъ почти съ дороги . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Я еще не выхожу изъ комнаты. Тетенька здорова и цѣлуетъ тебя. Прощай, будь здоровъ и затрави тамъ 10 лисицъ и пріѣзжай къ намъ.

Отвѣчай пожалуйста.

Ясная Поляна, 1856 г., сентябрь 15.

Ему же.

Извини, любезный другъ Сережа, что пишу два слова, все некогда. Мнѣ все неудача съ моего отъѣзда: никого нѣтъ здѣсь, кого я люблю. Въ «Отечественныхъ Запискахъ», говорятъ, обругали меня за военные разсказы, я еще не читалъ, но, главное, Константиновъ объявилъ мнѣ, только что я пріѣхалъ, что великій князь Михаилъ, узнавъ, что я будто бы сочинилъ пѣсню, недоволенъ особенно тѣмъ, что будто бы я училъ ей солдатъ. Это гнусно. Я объяснялся по этому случаю съ начальникомъ штаба. Хорошо только то, что здоровье мое хорошо и что Шипулинскій сказалъ, что у меня грудь здоровешенька.

Тетенькѣ цѣлую ручки.

Гр. Л. Толстой. Твой другъ и братъ.

Книги идутъ плохо. Продано и тѣхъ и другихъ экземпляровъ 900.

Петербургъ, 1856 г., ноябрь 10.

Т. А. Ергольской.

(По-французски).

Chère tante!

Виноватъ, что дня три не отвѣчалъ на ваше письмо. Я ужасно былъ занятъ все это время. Я написалъ въ одинъ мѣсяцъ совершенно новый разсказъ для «Библіотеки для Чтенія», и передѣлалъ старое для «О. З.» Я вамъ пришлю ихъ. Зато этотъ мѣсяцъ я провелъ прекрасно, какъ то время передъ болѣзнью, когда я писалъ «Юность», съ утра до вечера. Кромѣ того, у меня фортепьяно и ноты, новыя книги и изрѣдка—Дружининъ, Боткинъ, Анненковъ, съ которыми мы иногда проводили вечера, часовъ 6 болтая о пустякахъ и разсуждая о дѣлѣ, такъ что не видишь, какъ летитъ время. О свѣтскихъ моихъ знакомыхъ—я ни у кого не былъ, и желаю быть какъ можно меньше, такъ мнѣ хорошо одному дома. Здоровье мое хорошо, чему я обязанъ, какъ мнѣ кажется, не столько Шипулинскому, сколько гимнастикѣ, которую я дѣлаю каждый день, только продолжаются безсонницы, никакъ не могу спать больше 6—7 часовъ въ день.

Вы мнѣ пишете про В. опять въ томъ же тонѣ, въ которомъ вы всегда мнѣ говорили про нее, и я отвѣчаю опять такъ же, какъ и всегда. Только что я уѣхалъ и недѣлю послѣ этого мнѣ кажется, что я былъ влюбленъ, что называется, но съ моимъ воображеніемъ это не трудно. Теперь же и послѣ этого, особенно какъ я пристально занялся работой, я бы желалъ и очень желалъ мочь сказать, что я влюбленъ или просто люблю ее, но этого нѣтъ. Одно чувство, которое я имѣю къ ней,—это благодарность за ея любовь и еще мысль, что изъ всѣхъ дѣвушекъ, которыхъ я зналъ и знаю, она лучше всѣхъ была бы для меня женой, какъ я думаю о семейной жизни. Вотъ въ этомъ-то я и желалъ бы знать ваше откровенное мнѣніе—ошибаюсь ли я или нѣтъ, и желалъ бы слышать ваши совѣты, во-первыхъ, потому, что вы знаете и ее и меня, и, главное, потому, что вы меня любите, а люди, которые любятъ, никогда не ошибаются. Правда, я очень дурно поиспытывалъ себя, потому что съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ, велъ жизнь скорѣе уединенную, чѣмъ разсѣянную, и видѣлъ мало женщинъ, но, несмотря на это, часто мнѣ приходили минуты досады на себя, что я сошелся съ ней, и что я раскаивался въ этомъ. Все-таки я говорю, что если бы я убѣдился, что она—натура постоянная и будетъ любить меня всегда, хоть не такъ, какъ теперь, а больше, чѣмъ всѣхъ, то я бы ни минуты не задумался жениться на ней. Я увѣренъ, что тогда бы моя любовь къ ней все увеличивалась бы и увеличивалась и что посредствомъ этого чувства изъ нея бы можно было бы сдѣлать хорошую женщину.

Прощайте, chère tante, цѣлую ваши руки. Сережѣ я напишу съ этой же почтой.

Москва, 1856 г., декабря 5.

Ей же.

(По-французски).

Пріѣхалъ вчера въ Парижъ, дорогая тетенька, и спѣшу, хотя бы въ нѣсколькихъ словахъ, сообщить о себѣ.

На поѣздку изъ Москвы въ Парижъ, почти безъ остановокъ, я употребилъ 11 дней. Хотя я еще очень усталъ, но вполнѣ здоровъ. Нашелъ здѣсь Некрасова и Тургенева и разсчитываю провести здѣсь мѣсяцъ, чтобы весною отправиться въ Италію. Ни путешествіе, ни здѣшняя жизнь не дороги, но я истратилъ много денегъ въ Москвѣ, гдѣ мы провели, какъ вамъ разскажетъ Сергѣй, три недѣли, для меня, по крайней мѣрѣ, очень пріятныя.

Судя по вашему письму, дорогая тетенька, я вижу, что мы не понимаемъ другъ друга по вопросу о С. Хотя я и признаю, что я виновенъ въ непослѣдовательности, и что все могло произойти совсѣмъ иначе, я считаю, что я дѣйствовалъ вполнѣ честно. Я не переставалъ говорить, что я не знаю, каково то чувство, которое я испытываю къ молодой особѣ, но что это не любовь и что я самъ желаю испытать себя. Испытаніе показало мнѣ, что я ошибался, и я написалъ это В., какъ только могъ искренно.

Послѣ этого мои отношенія къ ней были настолько чисты, что я увѣренъ, что воспоминаніе о нихъ никогда не будетъ ей непріятно, если она выйдетъ замужъ. Поэтому-то я и написалъ ей, что я хотѣлъ бы, чтобы она мнѣ писала. Я не вижу, почему молодой человѣкъ долженъ быть влюбленнымъ въ молодую особу и жениться на ней, а не имѣть съ ней дружественныхъ отношеній; что касается дружбы и интереса, я навсегда сохраню ихъ по отношенію къ ней.

Если бы m-lle V., написавшая мнѣ такое смѣшное письмо, припомнила бы мое поведеніе по отношенію къ В.[1]), какъ я старался приходить какъ можно рѣже и какъ она звала меня бывать чаще и входить въ болѣе близкія отношенія. Я понимаю, что она сердится, такъ какъ то, чего она такъ желала, не сдѣлалось (я, быть-можетъ, жалѣю объ этомъ больше ея), но это еще не причина говорить человѣку, который старался поступать наилучшимъ образомъ, который пожертвовалъ многимъ изъ страха сдѣлать несчастіе другихъ, говорить ему, что онъ свинья, и стараться увѣрить въ этомъ всѣхъ. Я увѣренъ, что въ Тулѣ убѣждены, что я самое страшное чудовище.

Прощайте, дорогая тетенька, цѣлую ваши руки. Пишите мнѣ: France, Paris, Rue de Rivoli, Hôtel Maurice, № 149. Ежели Сережа съ вами, поздравьте его съ рожденіемъ, обнимаю и прошу не раздумывать ѣхать за границу. Я пробуду въ Парижѣ до 22 марта.

Парижъ, 1857 г., февраль 22.

---

[1]) У Л. Н. былъ романъ съ дѣвушкой В. А., и близкіе думали, что онъ на ней женится.

Ей же.

(По-французски).

Chère tante!

Если бы Сергѣй не сообщилъ мнѣ о васъ, меня бы сильно безпокоило ваше молчаніе. Со времени отъѣзда я написалъ вамъ 2 письма, одно съ пути, другое изъ Парижа, а отъ васъ ни одного не получилъ. Я думаю, что мои письма не дошли до васъ. Это было бы очень досадно, потому что я увѣренъ, что это заставило бы васъ очень безпокоиться и бояться за меня.

Провелъ полтора мѣсяца въ Парижѣ и такъ пріятно, что каждый день я говорилъ себѣ, что я хорошо сдѣлалъ, что поѣхалъ за границу. Я очень мало посѣщалъ общества и литературный міръ, а также кафе и публичные балы, но, несмотря на это, я здѣсь нашелъ столько новаго и интереснаго для меня, что каждый день, ложась спать, я говорю себѣ: какая жалость, что день прошелъ такъ скоро, и я не успѣлъ сдѣлать всего того, что хотѣлъ.

Представьте, встрѣтилъ въ Парижѣ массу родственниковъ— Трубецкихъ — маминыхъ кузеновъ, Мансуровыхъ и Мещерскую— тоже маминыхъ кузинъ, потомъ Хлюстиныхъ, и во всѣхъ этихъ семьяхъ есть барышни, которыя оказались моими кузинами. Но я былъ такъ занятъ, что, хотя нѣкоторыя изъ этихъ кузинъ прелестны, я очень рѣдко навѣщалъ ихъ.

Бѣдный Тургеневъ очень боленъ физически и еще болѣе морально. Его несчастная связь съ m-me V. и ея дочерью держитъ его здѣсь въ климатѣ, который вреденъ ему и на него жалко смотрѣть. Я никогда не думалъ, чтобы онъ могъ такъ любить.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на удовольствіе, доставленное мнѣ жизнью въ Парижѣ, на меня безъ всякой причины напала невыразимая тоска, и хотя я положилъ выѣхать изъ Парижа въ маѣ мѣсяцѣ, я рѣшился поѣхать на нѣкоторое время въ Швейцарію, въ Женеву. Здѣсь я уже 3 дня, но красивая мѣстность и прелестная жизнь въ деревнѣ, въ окрестностяхъ Женевы, такъ понравились мнѣ, что я думаю остаться здѣсь довольно долго.

Я здѣсь не знаю никого, за исключеніемъ Толстыхъ и Строгонова — мужа великой княгини, но постараюсь бывать у нихъ возможно рѣже и не заводить новыхъ знакомствъ. Мнѣ здѣсь очень хорошо, спокойно, среди чудной природы, почти въ полномъ одиночествѣ. Разсчитываю много работать здѣсь и пока не строю другихъ плановъ относительно путешествія. Все, что я знаю—это то, что осенью вернусь въ Ясную, гдѣ буду имѣть счастье обнять васъ. Наташу обнимаю. Что дѣлаютъ сосѣдки? Простили ли онѣ великаго преступника?

Прощайте, дорогая тетенька, цѣлую ваши руки. Я рѣшилъ писать вамъ каждыя двѣ недѣли, и мнѣ стыдно, что до сихъ поръ я этого не дѣлалъ.

Скажите, тетенька, пожалуйста, Василью, чтобы онъ непремѣнно писалъ мнѣ каждый мѣсяцъ и написалъ бы подробно, сколько въ Ясной и Грецовкѣ душъ—крестьянскихъ и дворовыхъ, сколько тяголъ, сколько земли пахотной крестьянской, пахотной господской, сколько луговъ, сколько подъ усадьбой, сколько всего земли. Это мнѣ нужно для соображенія. Адресъ мой такъ: Suisse, Génève, Comte Léon Tolstoi. Hôtel Bergues.

Женева, 1857 г., апрѣль 4.

Ей же.

(По-французски).

Дорогая тетенька!

Сегодня я началъ говѣть здѣсь, въ Женевѣ, а вчера получилъ ваше письмо, адресованное въ Парижъ.

Мнѣ не зачѣмъ говорить вамъ, какъ для меня всегда пріятны ваши письма, и какое удовольствіе доставило мнѣ это письмо, полученное въ тотъ вечеръ, когда я долженъ былъ исповѣдоваться.

Надѣюсь, вы мнѣ прощаете всѣ мои прегрѣшенія передъ вами. Я знаю, что ихъ у меня много, и молю Бога помочь мнѣ не впадать въ нихъ больше. Какъ я хотѣлъ бы, чтобы Валерія и Вергани простили мнѣ то горе, которое я имъ причинилъ, простили бы совсѣмъ, такъ, чтобы уже и не вспоминать объ этомъ.

Вы говорите, дорогая тетенька, что давно ужъ перестали понимать меня. Это не моя вина, увѣряю васъ, въ этомъ дѣлѣ я самъ себя понялъ только позже, но клянусь вамъ, что слишкомъ люблю васъ, чтобы когда-нибудь скрыть что-нибудь отъ васъ, и что надѣюсь всегда жить такъ, чтобы не имѣть отъ васъ тайнъ.

Что касается В., я никогда не любилъ ее настоящей любовью; я увлекся нехорошимъ желаніемъ внушить любовь. Это доставляло мнѣ никогда еще неиспытанное наслажденіе. Но время, которое я провелъ вдали отъ нея, доказало мнѣ, что у меня даже не было желанія увидать ее, а не только жениться на ней. Мнѣ было страшно подумать объ обязанностяхъ, которыя долженъ буду выполнять по отношенію къ ней, не любя ея; и это заставило меня уѣхать раньше, чѣмъ я думалъ. Я очень плохо поступилъ, я просилъ Бога простить меня и прошу этого у всѣхъ, кому причинилъ огорченіе; но поправить это дѣло невозможно, и теперь ничто въ мірѣ не можетъ возобновить этого.

Я желаю много счастья О., я въ восторгѣ отъ ея замужества, но я признаюсь вамъ, дорогая тетенька, что если что можетъ мнѣ доставить наибольшую радость, такъ это узнать, что В. выходитъ

замужъ за человѣка, котораго она любитъ и который ея стоитъ; потому что, хотя въ глубинѣ души у меня нѣтъ ни малѣйшей любви къ ней, я все-таки нахожу, что она добрая и достойная дѣвушка.

Поздравляю васъ, тетенька, съ причастіемъ и съ праздникомъ Пасхи. Христосъ воскресе! Я прошлаго года встрѣтилъ этотъ праздникъ съ Толстыми въ Петербургѣ, и нынче вечеромъ встрѣчу съ ними въ Женевѣ. Онѣ очень добрыя и хорошія госпожи, просили меня кланяться вамъ.

Это второе письмо, которое я вамъ пишу изъ Женевы, я говорю это на тотъ случай, что если одно изъ нихъ пропадетъ, вы все-таки не должны сомнѣваться во мнѣ.

Мѣстность чудная, чувствую себя здѣсь такъ хорошо во всѣхъ отношеніяхъ, что не знаю, не останусь ли здѣсь до сентября, т.-е. до моего возвращенія въ Россію. Я началъ здѣсь лѣченіе сѣрными ваннами и чувствую себя прекрасно,—занимаюсь, читаю, любуюсь природой, наблюдаю здѣшній свободный, милый народъ и надѣюсь, что все это мнѣ долго не наскучитъ и принесетъ пользу. Ежели Сержа пріѣхалъ, скажите, чтобы онъ затравилъ за меня 2-хъ лисицъ, а осенью я самъ затравлю. Вотъ бы они посмотрѣли здѣшнюю жизнь, ужъ они бы не могли не согласиться, что здѣсь лучше нашего.

Ежели Николенька пріѣдетъ, велите ему, пожалуйста, написать мнѣ хоть строчку. Я ему напишу уже въ Тулу, а не на Кавказъ, куда письма ходятъ 2 мѣсяца, а оттуда въ Тулу въ 2 недѣли. «Сильфотонтень слданеи турбалъ онъ... Это Николаю Сергѣевичу. Желаю ему всего лучшаго—физическаго и нравственнаго здоровья и очень радъ, что онъ нашелся и я его увижу. Нат. Петр. обнимаю. Ванечка ея мнѣ пишетъ, мы съ нимъ очень сошлись послѣднее время, и онъ точно—золотой человѣкъ. Я воображаю, какъ Наташа за пасьянсомъ иногда обсуживаетъ меня и ругаетъ. Наташа! не суди, да не осужденъ будеши.

Прощайте, тетенька, цѣлую ваши руки и желаю вамъ всякаго, вполнѣ заслуженнаго вами, счастья, какого вы себѣ сами пожелаете.

C. Léon Tolstoi.

Адресъ мой: Suisse, Génève, Hôtel de Bergues.

Женева, 1857 г., апрѣль 17.

М. Н. Толстой.

Пишу тебѣ нѣсколько словъ, милый другъ Маша, во-первыхъ, чтобы выговорить, за что ты мнѣ ни словечка не отвѣчала на мои письма, во-вторыхъ, чтобы разсказать тебѣ про себя, что я послѣ двухъ мѣсяцевъ парижской жизни такъ усталъ отъ изуче-

нія всего новаго и интереснаго, что̀ я нашелъ тамъ, что почувствовалъ потребность отдохнуть, особенно послѣ ужаснаго зрѣлища гильотинированія, которое мнѣ пришлось видѣть и которое такъ подѣйствовало на меня, что я ночи не спалъ [1]). Я рѣшился уѣхать куда-нибудь въ уединенное мѣсто. В. К. Марья Николаевна въ Женевѣ, слѣдовательно, тамъ и Толстые, которыхъ я люблю, и тамъ чудный край,—и я рѣшился поѣхать туда.

Въ Женеву я пріѣхалъ на 6-й недѣлѣ поста, тамъ говѣлъ, потомъ переѣхалъ въ Clarens, въ Canton de Vaud. Это—деревня на берегу Женевскаго озера, въ прелестномъ мѣстоположеніи, и живу тутъ вотъ скоро мѣсяцъ (т.-е. вообще въ Швейцаріи).

Природа прелестна, жизнь дешева, есть кое-кто русскіе, добрые люди, между прочимъ М. Рябининъ, который проситъ тебѣ кланяться; уединеніе и занятія идутъ порядочно.

Третье же, главное дѣло, зачѣмъ я тебѣ пишу, это—средство, которое мнѣ разсказывали въ Парижѣ для твоей руки. Взять молодыхъ березовыхъ листьевъ, насыпать въ мѣшокъ и изъ мѣшка этого сдѣлать муфту на всю руку и такъ спать въ этой муфтѣ каждую ночь. Средство это не можетъ повредить, но, говорятъ, помогаетъ удивительно противъ всякаго рода мѣстныхъ страданій, противъ простудъ, онѣмѣній, даже вывиховъ и ранъ.

Тургеневъ бѣдный боленъ и нравственно боленъ [2]). Теперь Некрасовъ долженъ быть въ Парижѣ. Я же пробуду здѣсь, думаю, долго, тѣмъ болѣе, что и не могу ѣхать, пока не получу денегъ; поэтому скажи Валерьяну, что ежели ему изъ деревни и отъ Сережи пришлютъ деньги для доставленія мнѣ черезъ банкира, чтобы онъ это сдѣлалъ какъ можно скорѣе, а то ужасно страшно остаться здѣсь безъ средствъ, а у меня ужъ очень тонко. Что твое здоровье, твое расположеніе духа, твои занятія, музыка, что...? Пожалуйста, пиши, милый дружокъ, я буду, особенно отсюда, отвѣчать очень аккуратно. Обнимаю Валерьяна и дѣтей.

Прощайте, милые друзья, до свиданія. Планы моего путешествія могутъ измѣниться, но ежели Богъ дастъ буду живъ и здоровъ, то въ сентябрѣ все-таки буду въ Покровскомъ.

Вашъ другъ и братъ *графъ Л. Толстой.*

Адресъ: Suisse, Canton de Vaud, Clarens, Pension Ketterer.

1857 г. 2-го мая.

---

[1]) Это было 6-го апрѣля; Толстой тогда же внесъ свои впечатлѣнія въ дневникъ (см. Бирюковъ I, 317).

[2]) О причинѣ разстройства Тургенева Т—ой тогда же писалъ подробнѣе Т. А. Ергольской (Бирюковъ, I, 318). Въ этотъ моментъ Тургеневъ переживалъ, быть-можетъ, самый острый кризисъ своихъ отношеній къ Віардо.

Т. А. Ергольской.

(По-французски).

Я только что получилъ ваше письмо, дорогая тетушка, которое застало меня, какъ вы должны знать изъ моего послѣдняго письма, въ окрестностяхъ Женевы, въ Кларанѣ, въ томъ самомъ мѣстечкѣ, гдѣ жила Юлія Руссо... Не буду пытаться описывать вамъ всю красоту этого края, особенно теперь, когда все въ зелени и цвѣтахъ. Я вамъ скажу только, что буквально невозможно оторваться отъ этого озера, отъ этихъ береговъ и что я провожу большую часть моего времени въ созерцаніи и восхищеніи, гуляя или просто стоя у окна моей комнаты. Я не перестаю радоваться пришедшей мнѣ мысли оставить Парижъ и пріѣхать сюда провести здѣсь весну, хотя я этимъ и заслужилъ отъ васъ упрекъ въ непостоянствѣ. Право, я счастливъ и начинаю чувствовать выгоды въ рубашечкѣ родиться.

Здѣсь прелестное русское общество. Пущины, Карамзины, Мещерскіе, и всѣ Богъ знаетъ за что меня полюбили, я это чувствую и мнѣ такъ было тутъ мило и хорошо, тепло этотъ мѣсяцъ, что я провелъ, что грустно думать объ отъѣздѣ.

Всѣ эти семьи уѣзжаютъ черезъ недѣлю, и если мои друзья Боткины и Дружинины не пріѣдутъ сюда, я поѣду къ нимъ во Флоренцію. Жду отъ нихъ отвѣта.

Прощайте, тетенька, цѣлую ваши руки. Мнѣ кажется, какъ будто вы мною недовольны по вашему письму, и мнѣ это было грустно. Ежели я виноватъ (и во многомъ я виноватъ передъ вами), то простите меня за то, что я васъ всегда и теперь особенно люблю изо всѣхъ силъ, какъ вы говорите. Я ничего не получаю отъ старосты, и это меня, признаюсь, огорчаетъ и злитъ. Пожалуйста, прикажите ему, ma tante. Что ему трудно каждый мѣсяцъ писать одно письмо? Да еще велите ему поскорѣе выслать деньги, о которыхъ я писалъ. Ежели Валерьяна нѣтъ въ Москвѣ, то можно передать ихъ банкиру черезъ Рябинина, т.-е. адресовать деньги А. А. Рябинину въ Москву, въ Уланскій пер., домъ, бывшій Тургенева, съ просьбой взять на нихъ вексель у Бранденбурга и выслать мнѣ въ Женеву. Ему, кромѣ того, объ этомъ писано и онъ знаетъ.

Кларанъ, 1857 г., май 18.

Ей же.

(По-французски).

Кажется, я писалъ вамъ, дорогая тетушка, что я уѣхалъ изъ Кларана съ намѣреніемъ предпринять довольно большое путешествіе черезъ Сѣверную Швейцарію, Рейнъ, Голландію и оттуда въ Англію. Оттуда я снова разсчитываю проѣхать черезъ Францію, и

Парижъ и въ августѣ провести нѣсколько времени въ Римѣ и Неаполѣ. Если я буду въ состояніи перенести морскія путешествія, что я увижу на моемъ переѣздѣ изъ Гаги въ Лондонъ, я думаю вернуться черезъ Средиземное море, Константинополь и Черное море, и Одессу. Но все это только планы, которые я, быть-можетъ, не осуществлю по причинѣ моего измѣнчиваго настроенія, за которое вы меня справедливо упрекаете, дорогая тетушка. Я пріѣхалъ въ Люцернъ. Это городъ въ Сѣверной Швейцаріи, недалеко отъ Рейна, и я уже задерживаюсь въ пути, чтобы провести нѣсколько дней въ этомъ очаровательномъ городкѣ. Во всякомъ случаѣ, черезъ мѣсяцъ или самое большее полтора, я думаю быть въ Парижѣ, гдѣ я назначилъ свиданіе нѣсколькимъ друзьямъ, и куда просилъ адресовать мнѣ письма. Если Машенька отвѣтитъ мнѣ въ Парижъ и приметъ мое предложеніе, я могу отложить поѣздку въ Италію и сейчасъ же, черезъ шесть дней по полученіи ея письма, буду въ Ясной или въ Покровскомъ. Я опять совсѣмъ одинъ и, признаюсь вамъ, уединеніе часто бываетъ очень тяжело мнѣ, такъ какъ знакомства, которыя дѣлаешь въ отеляхъ и по желѣзной дорогѣ, не удовлетворяютъ. Но въ этомъ уединеніи есть и хорошая сторона, оно заставляетъ меня работать. Я немного работаю, но дѣло идетъ плохо, какъ обыкновенно лѣтомъ.

Здоровье мое не плохое, но и не совсѣмъ хорошее. Благодаря сильной жарѣ и постояннымъ моимъ путешествіямъ, у меня головныя боли и приливы крови, но съ тѣхъ поръ, какъ я пересталъ пить вино, чай и кофе и ѣмъ меньше мяса, чувствую себя хорошо. Право, это тутъ Троицкій славный докторъ, все, что онъ мнѣ говорилъ,—правда, даже Зейдлицкіе порошки его я снова сталъ пить.

Одно у меня осталось—непріятная вещь—расширеніе жилъ въ ногахъ, которыя я натрудилъ длинными походами по горамъ и въ жаръ. Что мнѣ еще сказать вамъ, дорогая тетенька, о моемъ физическомъ и нравственномъ состояніи,—если бы я не чувствовалъ, что путешествія во многихъ отношеніяхъ полезны мнѣ и что я здѣсь не теряю времени—я уже мѣсяцъ тому назадъ вернулся бы въ Россію.

Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше, особенно уже въ мои годы, такъ и тянетъ домой къ вамъ подъ крылышко.

Но ужъ такъ какъ я здѣсь и положилъ себѣ до осени ѣздить, и деньги есть, то хочу воспользоваться, сколько можно.

Прощайте, дорогая тетенька, тысячу разъ цѣлую ваши ручки и жду писемъ отъ васъ въ Парижъ, до востребованія. Разумѣется, обнимаю Сережу; когда онъ мнѣ не пишетъ долго, мнѣ все кажется, что онъ дѣлаетъ мутные глаза и язвительно трунитъ надо мной за что-нибудь, тѣмъ болѣе, что я нерѣдко подаю поводъ къ тому. *Пустяшный малый.* Что Николенька? Его лѣнь писать сначала была забавна, потомъ стало досадно, а теперь просто становится горько и грустно. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, оба любимъ другъ друга, хотѣли бы быть вмѣстѣ, и года проходятъ, что мы даже вѣсти другъ о другѣ не получаемъ. Наташа! Gu!

Люцернъ, 1857 г., іюль 8.

Графинѣ А. А. Толстой [1]).

Бабушка! Весна!

Отлично жить на свѣтѣ хорошимъ людямъ; даже и такимъ, какъ я, хорошо бываетъ. Въ природѣ, въ воздухѣ, во всемъ—надежда, будущность — и прелестная будущность... Иногда ошибешься — и думаешь, что не одну природу ждетъ будущность и счастье, а и тебя тоже,—и хорошо бываетъ. Я теперь въ такомъ состояніи, и съ свойственнымъ мнѣ эгоизмомъ тороплюсь писать вамъ о предметахъ только для меня интересныхъ. Я очень хорошо знаю, когда обсужу здраво, что я старая, промерзлая, гнилая и еще подъ соусомъ сваренная картофелина; но весна такъ дѣйствуетъ на меня, что иногда застаю себя въ полномъ разгарѣ мечтаній о томъ, что я — растеніе, которое распустится вотъ только теперь, вмѣстѣ съ другими, и станетъ просто, спокойно и радостно расти на свѣтѣ Божіемъ. По этому случаю къ этому времени идетъ такая внутренняя переборка, очищеніе и порядокъ, какой никто, не испытавши этого чувства, не можетъ себѣ представить. Все старое — прочь Всѣ условія свѣта, всю лѣнь, весь эгоизмъ, всѣ пороки, всѣ запутанныя неясныя привязанности, всѣ сожалѣнія, даже раскаянія—все прочь!.. Дайте мѣсто необыкновенному цвѣтку, который надуваетъ почки и вырастетъ вмѣстѣ съ весной . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Прощайте, милая бабушка! Не сердитесь на меня за этотъ вздоръ, а отвѣтьте умное и пропитанное добротой—и христіанской добротой! — словечко. Я давно хотѣлъ написать вамъ, что вамъ удобнѣе писать по-французски, а мнѣ женская мысль понятнѣе по-французски.

Ясная Поляна, 1858 г., апр.

А. А. Фету.

Драгоцѣнный дяденька! Пишу два слова только, чтобы сказать, что обнимаю васъ изо всѣхъ силъ, что письмо ваше получилъ, что М. П. [2]) цѣлую руки, всѣмъ вашимъ кланяюсь. Тетенька очень благодарна за память и кланяется; и сестра кланяется. Что за весна была и есть чудная! Я въ одиночествѣ смаковалъ ее чудесно. Братъ Николай долженъ быть въ Никольскомъ (Вяземскомъ); поймайте его и не пускайте, я въ этомъ мѣсяцѣ хочу придти къ вамъ.

---

[1]) Гр. А. А. Толстая, фрейлина Двора, дальняя родственница Л. Н., приходившаяся ему теткой, но въ шутку онъ называлъ ее иногда «бабушкой».

[2]) Марія Петровна, жена А. А. Фета, урожденная Боткина.

Тургеневъ поѣхалъ въ Винцигъ до августа, лѣчить свой пузырь. Чортъ его возьми. Надоѣло любить его. Пузыря не вылѣчитъ, а насъ лишитъ. Затѣмъ прощайте, любезный другъ; ежели до моего прихода не будетъ стихотворенія, ужъ я изъ васъ его в ы ж м у.

Вашъ *графъ Л. Толстой.*

Какой Троицынъ день былъ вчера! Какая обѣдня, съ вянущей черемухой, сѣдыми волосами и ярко-краснымъ кумачомъ и горячее солнце.

Ясная Поляна, 1858 г., май 12.

Ему же.

Ау! Дяденька! Ауу! Во-первыхъ, сами не отзоветесь ничѣмъ, когда весна, и знаете, что всѣ о васъ думаютъ, и что я, какъ Прометей, прицѣпленъ къ скалѣ и все-таки алкаю васъ видѣть и слышать. Или бы пріѣхали, или хоть позвали бы къ себѣ хорошенько. А во-вторыхъ, зажилили брата [1]), и очень хорошаго брата, по прозвищу Фирдуси. Главная тутъ преступница, я думаю, Марья Петровна, которой очень кланяюсь и прошу возвратить собственнаго нашего брата. Безъ шутокъ, онъ велѣлъ сказать, что на той недѣлѣ будетъ; Дружининъ тоже будетъ. Пріѣзжайте и вы, голубчикъ дяденька. Право, а потомъ ужъ и въ Козюлькино (Новоселки). Ив. П. и Над. Аф. душевный поклонъ и до свиданія.

Ясная Поляна, 1858 г., май 16. Вашъ

Ему же.

Душенька, дяденька Фетинька. Ей-Богу, душенька, и я васъ ужасно, ужасно люблю. Вотъ-те и все. Повѣсти писать глупо, стыдно. Стихи писать... Пожалуй, пишите; но любить хорошаго человѣка очень пріятно. А можетъ-быть, противъ моей воли и сознанія не я, а сидящая во мнѣ еще не назрѣвшая повѣсть заставляетъ любить васъ. Что-то иногда такъ кажется. Что ни дѣлай, а между навозомъ и коростой нѣтъ-нѣтъ да возьмешь и сочинишь. Спасибо, что еще писать себѣ не позволяю и не позволю. Изо всѣхъ силъ благодарю васъ за хлопоты о ветеринарѣ и пр. Нашелъ я тульскаго и началъ лѣченье. Что будетъ,—не знаю. Да и чортъ съ ними со всѣми. Дружининъ проситъ по дружбѣ сочинить повѣсть. Я, право, хочу сочинить. Такую сочиню, что ужъ ничего не будетъ. Шахъ персидскій куритъ табакъ, а я тебя

---

[1]) Графа Николая Николаевича Толстого.

люблю. Вотъ она штука-то. Безъ шутокъ, что вашъ Гафизъ? Вѣдь какъ ни вертись, а верхъ мудрости и твердости для меня, это только радоваться чужой поэзіей, а свою собственную не пускать въ люди въ уродливомъ нарядѣ, а свою самому ѣсть съ хлѣбомъ насущнымъ. А иногда такъ вдругъ захочется быть великимъ человѣкомъ и такъ досадно, что до сихъ поръ еще это не сдѣлалось. Даже поскорѣе торопишься вставать или доѣдать обѣдъ, чтобы начинать. Всѣхъ такъ называемыхъ глупостей не переговоришь, но пріятно хоть одну сказать такому дяденькѣ, какъ вы, который живетъ только однѣми такъ называемыми глупостями «закурдалами». Пришлите мнѣ одно самое здоровое переведенное вами стихотвореніе Гафиза me faire venir l'eau à la bouche, а я вамъ пришлю образчикъ пшеницы. Охота надоѣла смерть. Погода стоитъ прелестная, но я одинъ не ѣзжу. Гончія ваши, Иванъ Петровичъ, живы и здоровы, равно Прокофій и сѣрый меринъ. Очень благодарю васъ за разрѣшеніе и воспользуюсь имъ до порошъ. Тогда отправлю Прокофія съ гончими. Еще краснаго звѣря, съ тѣхъ поръ какъ съ вами разстался, травилъ и затравилъ одну лисицу около себя въ поляхъ и самъ. На-дняхъ напишу вамъ, а теперь только благодарю за хлопоты и крѣпко обнимаю. Энциклопедію пришлите. Тетенька очень благодаритъ за память; и это не фраза, а всякій разъ, какъ я ей прочту вашу приписку, она улыбнется, наклонитъ голову и скажетъ: «Однако (почему однако?) какой славный человѣкъ этотъ Фетъ». А я знаю за что славный — за то, что она думаетъ, что онъ меня очень любитъ. Ну-съ, прощайте. Пописывайте мнѣ иногда безъ возбудителя ветеринара.

Ясная Поляна, 1858 г., окт. 24.

Т. А. Ергольской.

(По-французски).

Во-первыхъ, поздравляю васъ, во-вторыхъ, я боюсь, что до васъ дойдетъ какъ-нибудь съ прибавленіями мое приключеніе, и потому самъ спѣшу извѣстить васъ о немъ.

Мы были съ Николенькой на медвѣжьей охотѣ, 21-го я убилъ медвѣдя, 22-го мы снова пошли и со мной случилось нѣчто самое необыкновенное. Медвѣдь, не видя меня, бросился на меня, я выстрѣлилъ въ него съ 6-ти шаговъ, первый разъ промахнулся, со второго выстрѣла въ 2-хъ шагахъ я его смертельно ранилъ, но онъ бросился на меня, повалилъ на землю и, пока ко мнѣ бѣжали, онъ укусилъ меня два раза въ лобъ надъ и подъ глазомъ. По счастію, это продолжалось не болѣе 10 или 15 секундъ; медвѣдь убѣжалъ и я поднялся съ небольшой раной, которая не уродуетъ меня и не причиняетъ мнѣ страданій. Ни кость черепа, ни глазъ

не повреждены, я отдѣлался небольшимъ шрамомъ, который останется на лбу.

Теперь я въ Москвѣ и чувствую себя совсѣмъ хорошо. Я пишу Вамъ чистую правду, ничего не скрывая, чтобы вы не безпокоились. Теперь все прошло и остается только благодарить Бога, который меня спасъ столь необычайнымъ образомъ.

Прощайте, дорогая тетенька, цѣлую ваши ручки, Маша, братья и дѣти тоже. Всѣ здоровы. Сергѣй, Слава Богу, еще не проигралъ то, что выигралъ, и надо надѣяться, не будетъ больше играть, такъ какъ у него больше нѣтъ денегъ.

Если маленькая записочка, которую я послалъ вамъ въ письмѣ къ Якову, у васъ, то уничтожьте ее пожалуйста. Наташѣ поклонъ.

1858 г., декабрь 25.

А. А. Фету.

Ваше письмо ужасно обрадовало меня, любезный другъ Аѳанасій Аѳанасьевичъ. Нашему полку прибудетъ, и прибудетъ отличный солдатъ. Я увѣренъ, что вы будете отличный хозяинъ. Но дѣло въ томъ, что̀ вамъ купить? Ферма, о которой я говорилъ подъ Мценскомъ, далеко отъ меня и, сколько я помню, продавалась за 16 тысячъ. Больше ничего о ней не знаю. А есть рядомъ со мною, межа съ межой, продававшееся имѣніе въ 400 дес. хорошей земли, и, къ несчастью, еще семидесятью душами сквернихъ крестьянъ. Но это не бѣда, крестьяне охотно будутъ платить оброкъ, какъ у меня, 30 рублей съ тягла; съ 23 тысячъ—660 и не менѣе ежели не болѣе должно получиться при освобожденіи, и у васъ останется 40 дес. въ полѣ, въ четырехъ поляхъ неистощенной земли и луговъ около 20 дес., что должно давать около 2000 рублей дохода, итого 2500 руб., а за имѣніе просятъ 24 тысячи безъ вычета долга, котораго должно быть около 5000. Мѣстоположеніе и по живописности и по близости шоссе и Тулы очень хорошо, грунтъ—хорошій суглинокъ. Имѣніе разстроенное, т.-е. усадьба старая, разломанная, однако есть домъ и садъ. Все это надо сдѣлать заново. Во всякомъ случаѣ, купить за 20 тысячъ это имѣніе выгодно. Для васъ же выгода особенная та, что у васъ есть во мнѣ вѣчный надсмотрщикъ. Объ остальномъ не говорю. Ежели же вамъ это не понравится, я вамъ своей земли продамъ десятинъ сто, или спросите у брата Николая, не продастъ ли онъ Александровку. Но, право, стараясь забыть совершенно личныя выгоды, лучше всего вамъ купить Телятники (это что продается рядомъ со мною). Продавецъ—розорившійся старикъ, который хочетъ продать поскорѣе, чтобъ избавиться отъ зятя, и два раза присылалъ ко мнѣ. Расчетъ, который я сдѣлалъ вначалѣ, есть расчетъ того, что дастъ это имѣніе, ежели положить на него тысячъ пять капитала и года два труда; но въ теперешъ-

немъ положеніи все-таки можно отвѣчать за 1500 рублей, слѣдовательно, болѣе семи процентовъ. Есть еще мой хуторъ въ 10 верстахъ отъ меня, 120 дес., но тамъ жить нехорошо: нѣтъ воды и лѣса. Отвѣчайте мнѣ поскорѣе и подробнѣе, сколько денегъ вы намѣрены употребить на имѣніе. Это главное.

Прочелъ я Наканунѣ. Вотъ мое мнѣніе: писать повѣсти вообще напрасно, а еще болѣе такимъ людямъ, которымъ грустно и которые не знаютъ хорошенько, чего они хотятъ отъ жизни. Впрочемъ, Наканунѣ много лучше Дворянскаго гнѣзда, и есть въ немъ отрицательныя лица превосходныя: художникъ и отецъ. Другія же не только не типы, но даже замыселъ ихъ, положеніе ихъ не типическое, или ужъ они совсѣмъ пошлы. Впрочемъ, это всегдашняя ошибка Тургенева. Дѣвица изъ рукъ вонъ плоха: Ахъ, какъ я тебя люблю... у нея рѣсницы были длинныя.

Вообще меня всегда удивляетъ въ Тургеневѣ, какъ онъ со своимъ умомъ и поэтическимъ чутьемъ не умѣетъ удержаться отъ банальности даже до пріемовъ. Больше всего этой банальности въ отрицательныхъ пріемахъ, напоминающихъ Гоголя. Нѣтъ человѣчности и участія къ лицамъ, а представляются уроды, которыхъ авторъ бранитъ, а не жалѣетъ. Это какъ-то больно журируетъ съ тономъ и смысломъ либерализма всего остального. Это хорошо было при царѣ Горохѣ и при Гоголѣ (да еще надо сказать, что ежели не жалѣть своихъ самыхъ ничтожныхъ лицъ, надо ихъ ужъ ругать такъ, чтобы небу жарко было, или смѣяться надъ ними такъ, чтобы животики подвело), а не такъ, какъ одержимый хандрой и диспепсіей Тургеневъ. Вообще же сказать, никому не написать теперь такой повѣсти, несмотря на то, что она успѣха имѣть не будетъ.

Гроза Островскаго есть, по-моему, плачевное сочиненіе, а будетъ имѣть успѣхъ. Не Островскій и не Тургеневъ виноваты, а время; теперь долго не родится тотъ человѣкъ, который бы сдѣлалъ въ поэтическомъ мірѣ то, что сдѣлалъ Булгаринъ. А любителямъ антиковъ, къ которымъ и я принадлежу, никто не мѣшаетъ читать серьезно стихи и повѣсти и серьезно толковать о нихъ. Другое теперь нужно. Не намъ нужно учиться, а намъ нужно Марѳутку и Тараску выучить хоть немножко тому, что мы знаемъ. Прощайте, любезный другъ. Милліонъ просьбъ. Забылъ я, какъ зовутъ нѣмецкаго libraire на Кузнецкомъ Мосту, налѣво (отправляясь снизу) наверху. Онъ мнѣ посылаетъ книги; зайдите къ нему и спросите: 1) что я ему долженъ? 2) отчего онъ давно не посылаетъ мнѣ ничего новаго? — и выберите у него и пришлите мнѣ, посовѣтовавшись съ Пикулинымъ, что есть хорошаго изъ лѣчебниковъ людскихъ для невѣждъ и еще лѣчебниковъ ветеринарныхъ (до 10 руб.). Спросите у брата Сергѣя, заказалъ ли онъ мнѣ плуги? Ежели нѣтъ, то зайдите къ машинисту Вильсону и спросите, есть ли или когда могутъ быть готовы шесть плуговъ Старбука? Спросите въ магазинѣ сѣменномъ Мейера на Лубянкѣ, почемъ сѣмена клевера и тимофеевской травы. Я хочу продать.

Что стоитъ коновальскій лучшій инструментъ? Что стоитъ пара ланцетовъ людскихъ и банки? — Кое-что изъ этого, можетъ, возьметъ на себя трудъ сдѣлать милѣйшій Иванъ Петровичъ, котораго обнимаю. Марьѣ Петровнѣ цѣлую руку. Тетушка благодаритъ за память и кланяется.

Ясная Поляна, 1860 г., фев. 23.

Ему же.

Не только не обрадовался и не возгордился вашимъ письмомъ, любезный другъ Аѳ. Аѳ., но ежели бы повѣрилъ ему совсѣмъ, то очень бы огорчился. Это безъ фразы. Писатель вы, писатель и есть, и дай Богъ вамъ и намъ. Но что вы, сверхъ того, хотите найти мѣсто и на немъ копаться, какъ муравей, эта мысль не только должна была придти вамъ, но вы и должны осуществить ее лучше, чѣмъ я. Должны вы это сдѣлать потому, что вы и хорошій и здраво смотрящій на жизнь человѣкъ. Впрочемъ, не мнѣ и теперь докторальнымъ тономъ одобрять или не одобрять васъ: я въ большомъ разладѣ самъ съ собою. Хозяйство въ томъ размѣрѣ, въ какомъ оно ведется у меня, давитъ меня, юфанство гдѣ-то вдали виднѣется только мнѣ; семейныя дѣла, болѣзнь Николеньки, отъ котораго изъ-за границы нѣтъ еще извѣстій, и отъѣздъ сестры (она уѣзжаетъ отъ меня черезъ три дня)—съ другой стороны, давятъ и требуютъ меня. Холостая жизнь, т.-е. отсутствіе жены, и мысль, что ужъ становится поздно, — съ третьей стороны, мучаетъ. Вообще все мнѣ нескладно теперь. По причинѣ безпомощности сестры и желанія видѣть Николая я завтра на всякій случай беру паспортъ за границу и, можетъ-быть, поѣду съ ними; особенно ежели не получу или получу дурныя вѣсти отъ Николая. Какъ бы я дорого далъ, чтобы видѣть васъ передъ отъѣздомъ, сколько бы хотѣлось вамъ сказать и отъ васъ узнать; но теперь это едва ли возможно. Однако, ежели бы письмо это пришло рано, то знайте, что мы поѣдемъ изъ Ясной въ четвергъ, а скорѣе въ пятницу.—Теперь о хозяйствѣ: цѣна, которую съ васъ просятъ, недорога, и ежели мѣсто вамъ по душѣ, то надо купить. Одно, зачѣмъ такъ много земли? Я трехлѣтнимъ опытомъ дошелъ, что со всевозможною дѣятельностью невозможно вести хлѣбопашество успѣшно и пріятно болѣе чѣмъ на 60-ти, 70-ти десятинахъ, т.-е. десятинахъ по 10-ти, 15-ти въ полѣ (въ 4-хъ). Только при этихъ условіяхъ можно не дрожать за всякій огрѣхъ, потому что вспашешь не два, а три и четыре раза, за всякій пропущенный работникомъ часъ, за лишній рубль въ мѣсяцъ работнику, потому что можно довести 15 десятинъ до того, чтобы онѣ давали 30—40% съ капитала основного и оборотнаго, а 80—100 десятинъ—нельзя. Пожалуйста, не пропустите этого совѣта мимо ушей, это не такъ себѣ болтовня, а выводъ, до котораго я

дошелъ «боками». Кто вамъ скажетъ противное, тотъ или лжетъ, или не знаетъ. Мало того, и съ 15-ю десятинами нужна дѣятельность, поглощающая всего. Но тогда можетъ быть награда, одна изъ самыхъ пріятныхъ въ жизни, а съ 90 десятинами есть трудъ почтовой лошади, и не можетъ быть успѣха. Не нахожу словъ обругать себя, что я раньше не написалъ вамъ, тогда бы вы, вѣрно, пріѣхали. Теперь прощайте. Душевный поклонъ Марьѣ Петровнѣ и Борисову.

Ясная Поляна, 1860 г., іюнь 20.

Т. А. Ергольской.

(По-французски).

Не писалъ я вамъ такъ долго, дорогая тетенька, потому что хотѣлось сообщить вамъ извѣстія не объ одномъ себѣ, но и о всѣхъ нашихъ. Но вотъ уже 10 дней напрасно жду отъ нихъ писемъ. Мы съ Машенькой доѣхали благополучно до Берлина. Покачало и порвало насъ только одинъ день.

Въ Берлинѣ мы съ Машенькой и Варенькой были у знаменитаго доктора Траубе. Онъ здоровье Маши нашелъ хорошимъ и послалъ ее только для руки въ Соденъ. Варенькѣ велѣлъ морскія купанія и тоже нашелъ, что ея сердце и легкія невредимы. Мнѣ посовѣтовалъ Киссингенъ, гдѣ я нахожусь. Въ Берлинѣ у меня сдѣлалась страшная зубная боль, такъ что Маша, пробывъ 4 дня, поѣхала въ Соденъ, а я остался. Въ Берлинѣ мы имѣли письмо отъ братьевъ, въ которомъ Николай пишетъ, что ему Соденъ, кажется, помогъ. Вотъ все, что я о нихъ знаю. Въ Берлинѣ я пробылъ дней 10 очень пріятно и полезно для себя. Зубная боль промучила меня 4 дня. Киссингенъ, какъ можно судить по 9 днямъ, кажется мнѣ очень поможетъ отъ моихъ мигреней и геморроидальныхъ припадковъ. Здѣсь я нашелъ Ауербаха съ страшными глазами, которому я очень радъ, и его пискливую жену, которой я не радъ. Адресъ мой: En Boviere Kissingen. Надѣюсь, что вы напишете мнѣ. Прощайте, цѣлую ваши ручки. Старостѣ велите мнѣ наиподробнѣйшимъ образомъ написать о работахъ, уборкѣ и о лошадяхъ и болѣзни. Учителю велите написать о школѣ, сколько учениковъ ходятъ и хорошо ли учатся. Я вернусь осенью непремѣнно и болѣе, чѣмъ когда-либо, займусь школой, поэтому желалъ бы, чтобы безъ меня не пропала репутація школы и чтобы побольше съ разныхъ сторонъ было школьниковъ.

Я забылъ у себя бумаги, мною писанныя о школахъ—это листовъ 6 сѣрой бумаги во весь листъ. Ежели бы было возможно ихъ найти и прислать мнѣ или по почтѣ или черезъ кого-нибудь, отъѣзжающаго за границу.

Киссингенъ, 1860 г., августъ 5.

Ей же.

(По-французски).

Дорогая тетенька!

Вотъ уже три дня, какъ мы пріѣхали въ Гіеру. Я вамъ не писалъ потому, что мы еще не устроились, а также и потому, что ни во время путешествія, ни всѣ эти дни, мнѣ дѣйств. не было времени. Гіера не островъ, а городъ на южномъ берегу Франціи на юго-востокъ отъ Тулона. Море, которое виднѣется изъ нашихъ оконъ, находится за 4 версты отъ города. Я и Николенька поселились въ самомъ городѣ въ пансіонѣ за 18 фр. въ день у одной очень доброй старушки—M-me Sénéquier. Вотъ значитъ нашъ адресъ: France, Hyères chez M-me Sénéquier.

Климатъ здѣсь чудный. Лимонныя, апельсинныя деревья, лавры, пальмы всю зиму покрыты цвѣтами, листьями и плодами.

Состояніе здоровья Николеньки все то же, но только здѣсь можно ожидать улучшенія здоровья, потому что образъ жизни, который онъ велъ въ Соденѣ, путешествіе и плохая погода должны были, напротивъ, принести ему вредъ. Здѣсь погода превосходна въ эти три дня и здѣсь говорятъ, что погода все время была прекрасная. Здѣсь есть княгиня Голицына, которая живетъ здѣсь уже 9 лѣтъ. Машенька познакомилась съ ней, и эта княгиня говоритъ, что она пріѣхала сюда въ еще худшемъ состояніи, чѣмъ Николенька, а теперь это сильная женщина и вполнѣ здоровая.

Дорога обошлась намъ очень дорого, и жизнь здѣсь также не дешева, такъ что намъ всѣмъ черезъ мѣсяцъ очень понадобятся деньги. Ежели Сергѣй еще съ вами, скажите ему, чтобы прислалъ денегъ какъ можно скорѣе. Я увѣренъ, что сегодня, по случаю дня моего рожденія, вы думали обо мнѣ больше обыкновеннаго. Я тоже начинаю этотъ день съ того, что пишу вамъ.

Что моя школа? Во всякомъ случаѣ я буду къ зимѣ съ новыми книгами и инструментами.

Пусть Петръ Васильевичъ [1]) не зѣваетъ.

Скажите старостѣ, что я очень интересуюсь хозяйствомъ, но, по правдѣ сказать, если только нѣтъ ничего особенно непріятнаго, мнѣ ни до чего нѣтъ дѣла. Вы всегда правы, chére tante; недавно мы съ Николенькой говорили объ этомъ; и когда вы мнѣ говорили, что напрасно я все живу въ деревнѣ, вы были правы. Мое путешествіе принесло мнѣ большую пользу во многихъ отношеніяхъ.

Гіера, 1860 г., августъ 28.

---

[1]) Учитель въ Ясной Полянѣ

Графу С. Н. Толстому.

Ты, я думаю, получилъ извѣстіе о смерти Николеньки. Мнѣ жаль тебя, что ты не былъ тутъ; какъ это ни тяжело, мнѣ хорошо, что все это было при мнѣ, и что все это подѣйствовало на меня, какъ должно было. Не такъ, какъ смерть Митеньки [1]), о которой я узналъ, вовсе не думая о немъ. Впрочемъ, это совсѣмъ другое дѣло. Съ Митенькой были связаны воспоминанія дѣтства и родственное чувство только: а это былъ положительно человѣкъ для тебя и для меня, котораго мы любили и уважали положительно больше всѣхъ на свѣтѣ. Ты это знаешь, эгоистическое чувство, которое послѣднее время приходило, что чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; а теперь страшно это писать и вспоминать, что это думалъ. До послѣдняго дня онъ со своей необычайной силой характера и сосредоточенностью дѣлалъ все, чтобы мнѣ не быть въ тягость. Въ день своей смерти онъ самъ одѣлся и умылся, и утромъ я его засталъ одѣтаго на креслѣ. Это было часовъ за 9 до смерти, что онъ покорился болѣзни и попросилъ себя раздѣть. Первое было въ нужникѣ. Я вышелъ внизъ и слышу дверь его отворилась; я вернулся, его нѣтъ нигдѣ. Сначала я боялся войти, онъ не любилъ, но тутъ онъ мнѣ самъ сказалъ: «помоги мнѣ».

И онъ покорился и сталъ другой: кроткій, добрый этотъ день; не стоналъ, ни про кого не говорилъ, всѣхъ хвалилъ и мнѣ говорилъ: «благодарствуй, мой другъ». Понимаешь, что это значитъ въ нашихъ отношеніяхъ. Я сказалъ ему, что слышалъ, какъ онъ кашлялъ утромъ, но не вошелъ изъ-за fausse honte. «Напрасно, это бы меня утѣшило». Страдать — онъ страдалъ, но онъ только разъ сказалъ дня за два до смерти: «Что за ужасныя ночи безъ сна. Къ утру давитъ кашель мѣсяцъ! и что грезится—Богъ знаетъ. Еще такія ночи двѣ—это ужасно». Ни разу ясно онъ не сказалъ, что чувствуетъ приближеніе смерти. Но онъ только не говорилъ. Въ день смерти онъ заказалъ комнатное платье и вмѣстѣ съ тѣмъ, когда я сказалъ, что если не будетъ лучше, то мы съ Машенькой не поѣдемъ въ Швейцарію, онъ сказалъ: «Развѣ ты думаешь, что мнѣ будетъ лучше?» такимъ голосомъ, что видно онъ чувствовалъ, но для меня не говорилъ, а я для него не показывалъ; однако съ утра я зналъ какъ-будто и все былъ у него. Онъ умеръ совсѣмъ безъ страданій наружныхъ, по крайней мѣрѣ. Рѣже, рѣже дышалъ и кончилось. На другой день я сошелъ къ нему и боялся открыть лицо. Мнѣ казалось, что оно будетъ еще страдальческѣе, страшнѣе, чѣмъ во время болѣзни, и ты не можешь себѣ вообразить, что это было за прелестное лицо съ его лучшимъ веселымъ спокойнымъ выраженіемъ.

Вчера его похоронили тутъ. Я одно время думалъ перевести, телеграфировать тебѣ, да раздумалъ. Нечего ковырять рану. Мнѣ

---

[1]) Братъ Л. Н-ча.

жалко тебя, что тебя извѣстіе это застанетъ на охотѣ, въ разсѣянности, и не прохватитъ такъ, какъ насъ. Это здорово. Я чувствую теперь то, что слыхалъ часто, что какъ потеряешь такого человѣка, какъ онъ для насъ, такъ много легче самому становится думать о смерти.

Твое письмо пришло въ самую минуту, какъ его отпѣвали. Да, ужъ не будешь полевать съ нимъ.

Два дня до смерти читалъ онъ мнѣ свои записки объ охотѣ и много говорилъ о тебѣ. Онъ говорилъ о тебѣ, что ты всѣмъ отъ Бога сдѣланъ счастливымъ человѣкомъ и самъ себя мучаешь. Я только на второй день хватился сдѣлать его портретъ и маску. Портретъ уже не засталъ его удивительнаго выраженія, но маска прелестна.

Гіера, 1860 г., сент.

Т. А. Ергольской.

(По-французски).

Дорогая тетенька!

Черная печать вамъ все скажетъ. То, чего я ждалъ двѣ недѣли съ часу на часъ, случилось нынче въ 9 часовъ вечера. Только со вчерашняго дня онъ позволилъ мнѣ помочь ему раздѣться, нынче первый день, что онъ рѣшительно легъ и раздѣлся и потребовалъ сидѣлку. Все время онъ былъ въ памяти, за четверть часа до смерти онъ выпилъ молока и сказалъ мнѣ, что ему хорошо. Нынче еще онъ шутилъ и интересовался моими дѣлами о воспитаніи. Только за нѣсколько минутъ до смерти онъ прошепталъ нѣсколько разъ: «Боже мой, Боже мой!» Мнѣ кажется, что онъ чувствовалъ свое положеніе, но обманывалъ насъ и себя. Машенька нынче только часа за четыре уѣхала отъ насъ, т.-е. изъ Гіеры, за 4 версты, гдѣ она живетъ. Она никакъ не ожидала этого такъ скоро Я только что закрылъ ему глаза. Я скоро теперь буду къ вамъ и разскажу изустно все. Тѣло его я не думаю перевозить. Похороны устроитъ княгиня Голицына, которая взялась за все.

Прощайте, дорогая тетенька. Утѣшать васъ не могу. Воля Божія—вотъ одно. Сережѣ я теперь не пишу. Онъ, должно-быть, на охотѣ, вы знаете гдѣ. Поэтому и извѣстите его или пошлите это письмо.

Гіера, 1860 г., сент. 25.

А. А. Фету.

Мнѣ думается, что вы уже знаете то, что случилось. 20 сентября онъ умеръ, буквально на моихъ рукахъ. Ничто въ жизни не дѣлало на меня такого впечатлѣнія. Правду онъ говаривалъ,

что хуже смерти ничего нѣтъ. А какъ хорошенько подумать, что она все-таки конецъ всего, такъ и хуже жизни ничего нѣтъ. Для чего хлопотать, стараться, коли отъ того, что былъ Никол. Никол. Толстой, для него ничего не осталось. Онъ не говорилъ, что чувствуетъ приближеніе смерти, но я знаю, что онъ за каждымъ шагомъ ея слѣдилъ и вѣрно зналъ, что еще остается. За нѣсколько минутъ передъ смертью онъ задремалъ и вдругъ очнулся и съ ужасомъ прошепталъ: «Да что жъ это такое?» Это онъ ее увидалъ, это поглощеніе себя въ ничто. А ужъ ежели онъ ничего не нашелъ, за что ухватиться, что же я найду? Еще меньше. И ужъ вѣрно ни я и никто такъ не будетъ до послѣдней минуты бороться съ нею, какъ онъ. Дня за два я ему говорю: «нужно бы тебѣ удобство въ комнату поставить». «Нѣтъ, говоритъ, я слабъ, но еще не такъ; еще мы поломаемся».

До послѣдней минуты онъ не отдавался ей, все самъ дѣлалъ, все старался заниматься, писалъ, меня спрашивалъ о моихъ писаньяхъ, совѣтовалъ. Но все это, мнѣ казалось, онъ дѣлалъ уже не по внутреннему стремленію, а по принципу. Одно — природа, это осталось до конца. Наканунѣ онъ пошелъ въ свою спальню и упалъ отъ слабости на постель у открытаго окна. Я пришелъ, онъ говоритъ со слезами на глазахъ: «какъ я наслаждался теперь часъ цѣлый». — Изъ земли взятъ и въ землю пойдешь. Осталось одно, смутная надежда, что тамъ, въ природѣ, которой частью сдѣлаешься въ землѣ, останется и найдется что-нибудь. Всѣ, кто знали и видѣли его послѣднія минуты, говорятъ: «какъ удивительно спокойно, тихо онъ умеръ»; а я знаю, какъ страшно мучительно, потому что ни одно чувство не ускользнуло отъ меня. Тысячу разъ я говорю себѣ: «оставьте мертвымъ хоронить мертвыхъ», но надо же куда-нибудь дѣвать силы, которыя еще есть. Нельзя уговорить камень, чтобы онъ падалъ кверху, а не книзу, куда его тянетъ. Нельзя смѣяться шуткѣ, которая наскучила. Нельзя ѣсть, когда не хочется. Къ чему все, когда завтра начнутся муки смерти со всей мерзостью лжи, самообмана, и кончится ничтожествомъ, нулемъ для себя. Забавная штучка. Будь полезенъ, будь добродѣтеленъ, счастливъ, покуда живъ, говорятъ люди другъ другу; а ты, и счастье, и добродѣтель, и польза состоятъ въ правдѣ. А правда, которую я вынесъ изъ тридцати двухъ лѣтъ, есть та, что положеніе, въ которое мы поставлены, ужасно. «Берите жизнь, какая она есть; вы сами поставили себя въ это положеніе». Какъ же. Я беру жизнь, какъ она есть. Какъ только дойдетъ человѣкъ до высшей степени развитія, такъ онъ увидитъ ясно, что все дичь, обманъ, и что правда, которую все-таки онъ любитъ лучше всего, что эта правда ужасна. Что какъ увидишь ее хорошенько, ясно, такъ очнешься и съ ужасомъ скажешь, какъ братъ: «да что жъ это такое?» Но, разумѣется, покуда есть желаніе знать и говорить правду, стараешься знать и говорить. Это одно, что осталось у меня изъ моральнаго міра, выше чего я не могу стать. Это одно я и буду дѣлать, только не въ формѣ вашего искусства. Искусство есть ложь, а я уже

не могу любить прекрасную ложь... Я зиму проживу здѣсь по той причинѣ, что и здѣсь, и все равно жить гдѣ бы то ни было.

Пишите мнѣ, пожалуйста. Я васъ люблю такъ же, какъ братъ васъ любилъ и помнилъ до послѣдней минуты...

Изъ-за границы, 1860 г., окт. 17.

Д. А. Дьякову [1]).

Благодарствуй за каталоги и за письмо, любезный другъ. Все прекрасно. Списокъ журналамъ я самъ составлю. Душевно радуемся мы съ сестрой, что жену твою мучили не напрасно. Богъ дастъ я увижу ее здоровой, а то ужъ это слишкомъ бы было скверно. Я все подумываю о поѣздкѣ въ Парижъ и Лондонъ, но кашель не проходитъ и задерживаетъ меня. Машенька тебѣ очень кланяется. Здоровье ея кажется получше, но едва ли она пріѣдетъ въ Парижъ. Чего ты, можетъ-быть, не знаешь и что мнѣ хочется сказать тебѣ, это, что отличный человѣкъ и что ты только послушался своего сердца пріѣхалъ къ намъ, а ничего бы нельзя было выдумать для насъ лучше. Я по Машенькѣ вижу и по себѣ чувствую, какъ ты — и никто бы другой не могъ этого сдѣлать — поднялъ насъ.

Прощай, душа моя, всегда мысленно обнимаю тебя.

Изъ-за границы, 1860 г., осень.

Т. А. Ергольской.

(По-французски).

Я только что получилъ ваше письмо, дорогая тетенька, здѣсь, въ Дрезденѣ, куда я пріѣхалъ сегодня утромъ. Я думаю, что вы должны были уже получить нѣсколько писемъ отъ меня, и что теперь вы успокоились на мой счетъ.

Я здоровъ и горю желаніемъ вернуться въ Россію. Но разъ я въ Европѣ, и не зная, когда снова попаду сюда, вы понимаете, что я хотѣлъ какъ можно больше воспользоваться моимъ путешествіемъ. И кажется я это сдѣлалъ. Я везу такое количество впечатлѣній, знаній, что я долженъ бы долго работать, прежде чѣмъ уложить все это въ моей головѣ. Я разсчитываю остаться въ Дрезденѣ до 10/22 и къ Пасхѣ, во всякомъ случаѣ, предполагаю быть въ Ясной. Отсюда, если къ 25-му не откроется навига-

---

[1]) Одинъ изъ самыхъ близкихъ друзей Л. Н-ча въ его молодости.

ція, я ѣду черезъ Варшаву въ Петербургъ, гдѣ мнѣ нужно быть, чтобы получить разрѣшеніе на журналъ, который я намѣренъ издавать при Яснополянской школѣ.

Напишите мнѣ, пожалуйста, словечко въ Петербургъ (Давыдову, въ книжный магазинъ, на Невскомъ) и скажите, какъ поживаете вы и тетя Поля (цѣлую ея руки) и Сережа, и какъ идетъ все въ Ясной, чтобы я могъ съ веселымъ и спокойнымъ духомъ возвращаться. Прощайте, цѣлую ваши руки. Я везу съ собой нѣмца изъ университета,—учителя и приказчика, очень милаго и образованнаго, но еще очень молодого и непрактическаго человѣка.

Дрезденъ, 1861 г., апрѣль.

А. А. Фету.

Обнимаю васъ отъ души, любезный другъ Аѳан. Аѳан., за ваше письмо и за вашу дружбу и за то, что вы есть Фетъ. Ивана Сергѣевича[1]) мнѣ хочется видѣть, а васъ въ десять разъ больше. Такъ давно мы не видались, и такъ много съ нами обоими случилось съ тѣхъ поръ. Вашей хозяйственной дѣятельности я не нарадуюсь, когда слышу и думаю про нее. И немножко горжусь, что и я хоть немного содѣйствовалъ ей. Не мнѣ бы говорить, не вамъ бы слушать. Другъ — хорошо, но онъ умретъ, онъ уйдетъ какъ-нибудь, не поспѣешь какъ-нибудь за нимъ; а природа, на которой женился посредствомъ купчей крѣпости, или отъ которой родился по наслѣдству, еще лучше. Своя собственная природа. И холодная она, и несговорчивая, и важная, и требовательная, да зато ужъ это такой другъ, котораго не потеряешь до смерти, а и умрешь—все въ нее же уйдешь. Я, впрочемъ, теперь меньше предаюсь этому другу, у меня другія дѣла, втянувшія меня; но все безъ этого сознанія, что она тутъ, какъ повихнулся — есть за кого ухватиться, — плохо бы было жить.

Дай вамъ Богъ успѣха, успѣха, чтобы радовала васъ ваша Степановка. Что вы пишете и будете писать, въ этомъ я не сомнѣваюсь. Марьѣ Петровнѣ жму руку и прошу меня не забывать. Особенное будетъ несчастье, ежели я не побываю у васъ нынче лѣтомъ, а когда, не знаю.

Ясная Поляна, 1861 г., май 19.

---

[1]) Тургенева.

Тульскому губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію [1]).

На предъявленное мнѣ отношеніе губернскаго присутствія отъ 10 октября, за № 1801, имѣю честь объяснить, что увольнительные акты мною выданы дворовымъ людямъ с. Никольскаго не въ зимнее время, но еще въ іюлѣ мѣсяцѣ,—но за отсутствіемъ подписи свидѣтелей возвращены мнѣ. Вторично посланы тридцатаго августа, но почему не переданы дворовымъ людямъ, мнѣ неизвѣстно. Что же касается до мнимаго оставленія мною безъ крова и средствъ къ жизни дворовыхъ людей, то хотя свѣдѣніе это и несправедливо, я имѣю честь увѣдомить, что не считаю нужнымъ давать въ отношеніи помѣщенія дворовыхъ людей никакого обязательства, предоставляя это дѣло, какъ зависящее отъ частной благотворительности и потому не подлежащее сужденію мировыхъ учрежденій, — своему личному усмотрѣнію. Вмѣстѣ съ тѣмъ покорно прошу губернское присутствіе принять необходимыя мѣры для выдачи увольнительныхъ актовъ, ибо ежели въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ увольнительные акты могли быть не выданы дворовымъ людямъ, нѣтъ причины предполагать, чтобы выдача эта не оттянулась и до будущей зимы.

1861 г., декабря 30.

Н. Г. Чернышевскому.

Милостивый государь, Николай Гавриловичъ. Вчера вышелъ 1-й № моего журнала [2]). Я васъ очень прошу внимательно прочесть его и сказать о немъ искренно и серьезно ваше мнѣніе въ «Современникѣ». Я имѣлъ несчастье писать повѣсти, и публика, не читая, будетъ говорить: «Да... дѣтство очень мило, но жур-

---

[1]) Въ Тульское губернское по крест. дѣламъ присутствіе поступило заявленіе, что дворовые графа Л. Н. Толстого, с. Никольскаго (Вяземскаго тожъ), Чернскаго уѣзда, въ числѣ 25 человѣкъ, отказались принять выданные имъ увольнительные акты, заявляя, что нѣкоторые изъ нихъ были у барина и онъ, будто бы, обѣщался прибыть въ с. Никольское и отвести имъ усадебныя мѣста для поселка, и что если онъ откажетъ имъ въ семъ, то они никакъ не рѣшатся принять тѣхъ актовъ и переселяться съ ихъ семействами въ другое мѣстожительство, по неимѣнію къ тому средствъ и по случаю приближающейся зимы.

Губернское присутствіе, затребовавъ отъ Л. Н. Толстого объясненія по настоящему дѣлу, признало присланное Толстымъ объясненіе основательнымъ и сдѣлало распоряженіе согласно его просьбѣ.

[2]) «Ясная Поляна».

налъ?..» А журналъ и все дѣло [1]) составляетъ для меня все. Отвѣтьте мнѣ въ Тулу.

Ясная Поляна, 1862 г., февр. 3.

Тульскому губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію [2]).

Такъ какъ представленныя на меня въ губернское присутствіе жалобы: г. Костомарова — о перечисленіи его людей въ крестьяне, г. Заслонина — о не введеніи въ дѣйствіе его уставныхъ грамотъ, г. Брандъ и г-жи Артюховой—о магазейномъ хлѣбѣ и купца Берхунова— о проданномъ быкѣ и другія—не имѣютъ никакого законнаго основанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ дѣла эти и многія другія продолжаютъ быть рѣшенными противно моимъ постановленіямъ, такъ что почти каждое постановленіе во ввѣренномъ мнѣ участкѣ отмѣняется и даже старшины смѣняются мировымъ съѣздомъ,—и такъ какъ, при такихъ условіяхъ, возбуждающихъ недовѣріе къ мировому посреднику, какъ крестьянъ, такъ и помѣщиковъ, дѣятельность мирового посредника не только не можетъ быть успѣшна, но становится невозможна, я покорно прошу губернское присутствіе поспѣшить произведеніемъ дознанія черезъ одного изъ своихъ членовъ о вышеупомянутыхъ жалобахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ считаю нужнымъ увѣдомить губернское присутствіе, что до произведенія такового дознанія я не считаю удобнымъ вступать въ исправленіе сданной старшему кандидату должности.

1862 г., февраля 12.

А. П. Артюховой [3]).

Милостивая государыня Александра Павловна! Статья 232 мнѣ давно извѣстна: она говоритъ о тягольныхъ,—заглавіе ея: Объ особыхъ видахъ издѣльной повинности (барщины)—и потому не относится къ Маркѣ. Къ Маркѣ же и его женѣ относится слѣ-

---

[1]) Народныя школы.

[2]) Когда Л. Н. исполнялъ должность мирового посредника, помѣщики были недовольны имъ, такъ какъ онъ держалъ сторону обиженныхъ крестьянъ, и заваливали мировой съѣздъ и губернское присутствіе жалобами на него.

[3]) Будучи мировымъ посредникомъ въ 1862 году, Л. Н. оштрафовалъ поручицу А. П. Артюхову за незаконное удержаніе у себя бывшаго дворовaго и нанесеніе побоевъ его женѣ. Помѣщица упирала на неправильное толкованіе Толстымъ статьи 232-й Положенія и вызвала этимъ письмо Л. Н.

дующее: Маркъ немедленно, по моему приказанію, уйдетъ съ женою куда ему угодно. Васъ же я покорнѣйше прошу: 1) удовлетворить его за прослуженные у васъ противозаконно со времени объявленія Положенія три мѣсяца съ половиной, и 2) за побои, нанесенные его женѣ еще болѣе противозаконно. Ежели вамъ не нравится мое рѣшеніе, то вы имѣете право жаловаться на мировой съѣздъ и въ губернское присутствіе. Я же по этому предмету болѣе объясняться не буду. Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть вашъ покорный слуга гр. Л. Толстой.

1862 г., февраль.

Т. А. Ергольской.

Chère tante!

Я нынче ѣду изъ Самары за 130 верстъ въ Каралыкъ, Николаевскаго уѣзда. Адресъ мой—въ Самару, Юрію Ѳедоровичу Самарину, для передачи Л. Н. Т.

Путешествіе я сдѣлалъ прекрасное, мѣсто мнѣ очень нравится, здоровье лучше, т.-е. меньше кашляю. Алексѣй [1]) и ребята [2]) живы и здоровы, что можете сообщить ихъ роднымъ. Пожалуйста, напишите мнѣ о Сережѣ [3]) или онъ самъ. Всѣмъ дорогимъ товарищамъ поклонъ и прошу ихъ писать мнѣ, что и какъ у нихъ дѣлается и живется. Влад. Ив. молодцомъ еще. Съ мѣста напишу вамъ поподробнѣе.

Цѣлую ваши руки. *Л. Толстой.*

Разумѣется, извѣстія о Машенькѣ вы мнѣ сообщите.

Самара, 1862 г., май 27.

Ей же.

Chère tante!

Вотъ уже мѣсяцъ, какъ я безъ всякихъ извѣстій о васъ и изъ дома, пожалуйста напишите мнѣ о всѣхъ, во 1) родныхъ, во 2) студентахъ и т. д. Вы, вѣрно, получили мои 2 письма. Мы съ Алексѣемъ потолстѣли, въ особенности онъ, но кашляемъ немного, тоже въ особенности онъ. Живемъ мы въ кибиткѣ, я нашелъ пріятеля Столыпина—атаманомъ въ Уральскѣ и ѣздилъ къ нему

---

[1]) Слуга.
[2]) Два крестьянскихъ мальчика, взятыхъ Л. Н. изъ Ясной Поляны.
[3]) Братъ Л-а Н-ча.

и привезъ оттуда писаря, но диктую и пишу мало. Лѣнь одолѣваетъ при кумысѣ. Черезъ двѣ недѣли я намѣренъ отсюда выѣхать, и потому къ Ильину дню думаю быть дома. Меня мучаетъ неизвѣстность въ этой глуши и еще мысль о томъ, что я безобразно отсталъ въ изданіи журнала[1]). Цѣлую ваши ручки. Пожалуйста, пишите подробно о Сережѣ, Машѣ[2]), студентахъ[3]), которымъ кланяюсь.

При семъ письма ребятъ родителямъ.

Изъ Самарской губ. Каралыкъ, 1862 г., іюнь 28.

Графинѣ А. А. Толстой.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Дѣла этого[4]) оставить я никакъ не хочу и не могу. Вся моя дѣятельность, въ которой я нашелъ счастіе и успокоеніе, испорчена. Тетенька больна такъ, что не встанетъ. Народъ смотритъ на меня ужъ не какъ на честнаго человѣка, мнѣніе котораго я заслуживалъ годами, а какъ на преступника, поджигателя или дѣлателя фальшивой монеты, который только по плутоватости увернулся.

— «Что, братъ? Попался. Будетъ тебѣ толковать намъ объ честности, справедливости,—самого чуть не заковали».

О помѣщикахъ—что и говорить: это стонъ восторга. Напишите мнѣ, пожалуйста, поскорѣй, посовѣтовавшись съ Перовскимъ или А. Толстымъ, или съ кѣмъ хотите, — какъ мнѣ написать и какъ передать письмо Государю. Выхода мнѣ нѣтъ другого—какъ получить такое же гласное удовлетвореніе, какъ и оскорбленіе (поправить дѣло уже невозможно), или экспатріироваться, на что я твердо рѣшился. Къ Герцену я не поѣду; Герценъ самъ по себѣ— и я самъ по себѣ. Я и прятаться не стану, я громко объявлю, что продаю имѣніе, чтобы уѣхать изъ Россіи, гдѣ нельзя знать минутой впередъ, что меня и сестру, и жену, и мать не скуютъ и не высѣкутъ,—и уѣду...

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

---

1) «Ясная Поляна».
2) Сестра.
3) Учителя, приглашенные Л. Н. для занятій въ школахъ.
4) Въ Ясной Полянѣ, во время отсутствія Льва Николаевича, былъ сдѣланъ грубый обыскъ со взломомъ письменнаго стола, прочтеніемъ интимныхъ писемъ и проч.

Я часто говорю себѣ—какое огромное счастье, что меня не было дома: ежели бы я былъ, то теперь, навѣрно бы, уже судился, какъ убійца...

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Ясная Поляна, 1862 г., авг.

А. А. Фету.

Фетушка, дяденька и просто милый другъ Аѳанасій Аѳанасьевичъ. Я двѣ недѣли женатъ и счастливъ и новый, совсѣмъ новый человѣкъ. Хотѣлъ я самъ быть у васъ, но не удается. Когда я васъ увижу? Опомнившись, я дорожу вами очень и очень, и между нами слишкомъ много близкаго, незабываемаго—Николенька, да и кромѣ того. Заѣзжайте познакомиться со мной. Цѣлую руку Марьи Петровны. Прощайте, милый другъ. Обнимаю васъ отъ всей души.

Ясная Поляна, 1862 г., окт. 9.

Гр. С. Н. Толстому.

Нынче мы съ женой гуляя дѣлали планы, какъ взять да изъ Никольскаго пріѣхать къ тебѣ. О насъ тебѣ скажу, что мы рѣшили, что со вчерашняго дня у насъ начался только медовый мѣсяцъ и намъ такъ хорошо жить...

На журналъ чуть-чуть тянется подписка, но по общему счету, который я сдѣлалъ на-дняхъ, журналъ принесетъ 3000 убытку. Къ несчастью, получилъ я на-дняхъ двѣ статьи недурныя, которыя можно напечатать, такъ что съ небольшимъ трудомъ я дотяну до 63 года, но подписки на будущій годъ не дѣлаю и продолжать не буду журнала, а ежели будутъ набираться матеріалы, то буду издавать сборникомъ, просто книжками, безъ всякаго обязательства...

Вообще дѣла свои я, самъ не замѣчая того, привожу ежели еще не въ порядокъ, то въ ясность... Самъ я не пришелъ еще въ столь ненормальное положеніе, чтобы писать, но статьи приготовилъ на 8-й и 9-й номера. Вышелъ же теперь только 7-й. Писать мнѣ хочется романъ. Но отъ Каткова, которому я писалъ, не получилъ отвѣта. Отвѣтъ долженъ рѣшить дѣло... Натрави намъ на солопъ лисицъ. Прощай, напиши и ты пожалуйста.

Ясная Поляна, 1862 г., окт. 18.

А. А. Фету.

Ваши оба письма одинаково были мнѣ важны, значительны и пріятны, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ. Я живу въ мірѣ столь далекомъ отъ литературы и ея критики, что, получая такое письмо, какъ ваше, первое чувство мое—удивленіе. Да кто же такой написалъ «Казаковъ» и «Поликушку»? Да и что разсуждать о нихъ? Бумага все терпитъ, а редакторъ за все платитъ и печатаетъ. Но это только первое впечатлѣніе, а потомъ вникнешь въ смыслъ рѣчей, покопаешься въ головѣ и найдешь тамъ, гдѣ-нибудь въ углу, между старымъ, забытымъ хламомъ, найдешь что-то такое неопредѣленное, подъ заглавіемъ художественное. И, сличая съ тѣмъ, что вы говорите, согласишься, что вы правы, и даже удовольствіе найдешь покопаться въ этомъ старомъ хламѣ и въ этомъ когда-то любимомъ запахѣ. И даже писать захочется. Вы правы, разумѣется. Да вѣдь такихъ читателей, какъ вы, мало. «Поликушка»—болтовня на первую попавшуюся тему человѣка, который «и владѣетъ перомъ», а «Казаки» «съ сукровицей», хотя и плохо. Теперь я пишу исторію пѣгаго мерина[1]), къ осени, я думаю, напечатаю. Впрочемъ, теперь какъ писать? Теперь незримыя усилія даже зримыя, и притомъ я въ «юхванствѣ»[2]) опять по уши. И Соня[3]) со мной. Управляющаго у насъ нѣтъ, есть помощники по полевому хозяйству и постройкамъ, а она одна ведетъ контору и кассу. У меня и пчелы, и овцы, и новый садъ, и винокурня. И все идетъ понемножку, хотя, разумѣется, плохо сравнительно съ идеаломъ. Что вы думаете о польскихъ дѣлахъ? Вѣдь дѣло-то плохо, не придется ли намъ съ вами и съ Борисовымъ снимать опять мечъ съ заржавленнаго гвоздя?..

Что, ежели мы пріѣдемъ въ Никольское, — увидимъ мы васъ? Когда вы будете у Борисовыхъ? Не пригонимъ ли мы такъ, чтобы вмѣстѣ съѣхаться? Прощайте. Марьѣ Петровнѣ мой душевный поклонъ. Соня и тетенька кланяются.

Ясная Поляна, 1863 г., апр.

— —

Ему же.

Чуть-чуть мы съ вами не увидались, и такъ мнѣ грустно, что чуть-чуть; столько съ вами хотѣлось переговорить. Нѣтъ дня, чтобы мы о васъ нѣсколько разъ не вспоминали. Жена моя со-

---

[1]) Повѣсть «Холстомѣръ».

[2]) «Юхванствомъ» или «юфанствомъ» въ шутку называли увлеченіе Л. Н-ча земледѣльческими работами. Слово «юфанство» отъ имени рабочаго Юфана, пріемамъ котораго подражалъ Л. Н.

[3]) Жена Л. Н.

всѣмъ не играетъ въ куклы. Вы ее не обижайте. Она мнѣ серьезный помощникъ. Да еще съ тяжестью, отъ которой надѣется освободиться въ началѣ іюля. Что же будетъ послѣ? Мы ю х в а н с т в у е м ъ понемножку. Я сдѣлалъ важное открытіе, которое спѣшу вамъ сообщить. Приказчики и управляющіе и старосты есть только помѣха въ хозяйствѣ. Попробуйте прогнать все начальство и спать до десяти часовъ, и все пойдетъ, навѣрное, н е х у ж е. Я сдѣлалъ этотъ опытъ и остался имъ вполнѣ доволенъ. Какъ бы, какъ бы намъ съ вами свидѣться? Ежели вы поѣдете въ Москву и не заѣдете къ намъ съ Марьей Петровной, то это будетъ дюже обидно.

Эту фразу подсказала мнѣ жена, читавшая письмо. Некогда. Хотѣлось много писать. Обнимаю васъ отъ всей души, жена очень кланяется, и я очень кланяюсь вашей женѣ.

Дѣло: когда будете въ Орлѣ, купите мнѣ пудовъ 20 разныхъ веревокъ, вожжей, тяжей и пришлите мнѣ съ извозчиками, ежели съ провозомъ обойдется дешевле двухъ рублей тридцати копеекъ за пудъ. Деньги немедленно вышлю.

Вашъ

Ясная Поляна, 1863 г., май 15.

Графинѣ С. А. Толстой [1]).

. . . . . .

...Ты говоришь, я забуду. Ни минуты, особенно съ людьми. На охотѣ, я забываю, помню объ одномъ дупелѣ, но съ людьми, при всякомъ столкновеніи, словѣ, я вспоминаю о тебѣ, и все мнѣ хочется сказать тебѣ то, что я никому, кромѣ тебя, не могу сказать.

. . . . . .

Село Никольское, 1864 г., авг.

Ей ж е.

. . . . . .

Страшный тамъ случай, поразившій меня ужасно. Баба-скотница упустила бадью въ колодецъ на конномъ дворѣ. Колодецъ всего 12 аршинъ. Сѣла на палку и велѣла себя спустить мужику. Мужикъ, староста-пчеловодъ, единственный мнѣ знакомый и милый въ Никольскомъ; баба слѣзла внизъ и упала съ палки. Мужикъ-староста велѣлъ себя спустить, долѣзъ до половины, упалъ съ палки внизъ. Побѣжали за народомъ, вытащили черезъ полчаса—оба мертвые. Въ колодцѣ было всего три четверти воды, вчера хоронили.

Село Никольское, 1864 г., авг.

---

[1]) Жена Л. Н-ча.

А. А. Фету.

Жду я и жена васъ и Марью Петровну къ 20-му. Неудобства къ 20-му никакого не предвидится, а предвидится только великое удовольствіе отъ вашего пріѣзда. Такъ и велѣла сказать жена Марьѣ Петровнѣ.

Интересенъ мнѣ очень Заяцъ. Посмотримъ, въ состояніи ли будетъ все понять хотя не мой Сережа, а 11-лѣтній мальчикъ. Еще интереснѣе велосипедъ [1]). Изъ вашего письма вижу, что вы бодры и весело дѣятельны. И я вамъ завидую. Я тоскую и ничего не пишу, а работаю мучительно. Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ трудна эта предварительная работа глубокой пахоты того поля, на которомъ я принужденъ сѣять. Обдумать и передумать все, что можетъ случиться со всѣми будущими людьми предстоящаго сочиненія, очень большого, и обдумать милліоны возможныхъ сочетаній, для того чтобы выбрать изъ нихъ $^1/_{1000000}$— ужасно трудно. И этимъ я занятъ. Попался мнѣ на-дняхъ Беранже послѣдній томъ. И я нашелъ тамъ новое для меня: «Le bonheur». Я надѣюсь, что вы его переведете.

Тоскую тоже отъ погоды. Дома же у меня все прекрасно, всѣ здоровы. До свиданія.

Вашъ

1864 г., ноябрь 17.

Ему же.

Все собираюсь, собираюсь писать вамъ, любезный другъ Аѳанасій Аѳанасьевичъ и откладываю, оттого, что хочется много написать. А кромѣ многаго надо написать малое нужное. Вотъ что: получивъ ваше письмо, мы ахнули.

Вотъ какъ онъ хорошо про собачій воротникъ, проѣденный молью, говоритъ, а ѣдетъ-таки въ Москву.

Я, какъ болѣе опытный человѣкъ, не удивился и не ахнулъ. Одно, что насъ обоихъ занимаетъ, это то, когда вы ѣдете въ Москву? И главное, когда вы будете у насъ? Надѣемся, что поѣздка въ Москву не измѣнитъ плана погостить у насъ. Мы васъ обоихъ еще разъ оба очень объ этомъ просимъ. Мы сами ѣдемъ въ Москву послѣ праздниковъ, т.-е. въ половинѣ января и пробудемъ до февраля. Когда же вы будете у насъ: до или послѣ? Пожалуйста напишите. Что вы подѣлываете? Какъ хозяйство? Не пишете ли что? У насъ все хорошо. Дѣти и жена здоровы. Хозяйствомъ я передъ вами похвастаюсь, когда вы пріѣдете. И я довольно много написалъ нынѣшнюю осень своего романа. «Ars longa, vita brevis»,—думаю я всякій день. Коли можно бы было успѣть $\frac{1}{100}$ до-

[1]) А. А. Фетъ придумывалъ неудавшійся велосипедъ.

лю исполнить того, что понимаешь, но выходитъ только $\frac{1}{10000}$ часть. Все-таки это сознаніе, что могу,—составляетъ счастье нашего брата. Вы знаете это чувство. Я нынѣшній годъ съ особенной силой его испытываю. Ну и прощайте. Обнимаю васъ, кланяюсь вашей женѣ. Напишите же, пожалуйста, когда навѣрное вы будете у насъ. Мы хотимъ васъ помѣстить получше, чтобы вы подольше у насъ погостили. Не говорите: «ничего не нужно» и т. п.—вы лишите насъ огромнаго удовольствія, на которое мы съ осени разсчитывали, — подольше побыть съ вами. У насъ теперь гости: сестра съ дочерьми, на праздникъ пріѣдутъ Д-ы и Феты, и всѣмъ будетъ хорошо, ежели вы напишете навѣрное.

Ясная Поляна, 1864 г., конецъ ноября.

Ему же.

Какъ вамъ не совѣстно, милый мой Фетъ, такъ жить со мной, какъ будто вы меня не любите, или какъ будто всѣ мы проживемъ Маѳусаиловы года. Зачѣмъ вы никогда не заѣзжаете ко мнѣ? И не заѣзжаете такъ, чтобы прожить два, три дня, спокойно пожить. Такъ хорошо поступать съ другими. Ну не увидались въ Ясной, встрѣтимся гдѣ-нибудь на Подновинскомъ; а со мной не встрѣтитесь на Подновинскомъ. Я тѣмъ счастливъ, что прикованъ къ Ясной Полянѣ. А вы человѣкъ свободный. А глядишь, умретъ кто-нибудь изъ насъ, вотъ какъ умеръ на-дняхъ Вал. Петр. [1]), сестринъ мужъ, тогда и скажетъ: «что это я дуракъ, все объ мельницѣ хлопоталъ, къ Толстому не заѣхалъ. Мы бы съ нимъ поговорили». Право, это не шутка. Вы писали «и оплеуха тутъ была» и вѣрно написали уже. Мнѣ страшно хочется прочесть, но страшно боюсь, что вы многимъ значительнымъ пренебрегли и многимъ незначительнымъ увлеклись. Мнѣ очень интересно.

А знаете, какой я вамъ про себя скажу сюрпризъ: какъ меня стукнула объ землю лошадь и сломала руку, когда я послѣ дурмана очнулся, я сказалъ себѣ, что я литераторъ. И я литераторъ, но уединенный, потихонечку литераторъ. На-дняхъ выйдетъ первая половина 1-й части 1805 года. Пожалуйста, подробнѣе напишите свое мнѣніе. Ваше мнѣніе да еще мнѣніе человѣка, котораго я не люблю тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе я вырастаю большой,—мнѣ дорого — Тургенева. Онъ пойметъ. Печатанное мною прежде я считаю только пробой пера; печатаемое теперь мнѣ хотя и нравится болѣе прежняго, но слабо кажется, безъ чего не можетъ быть вступленіе. Но что дальше будетъ—бѣда!!! Напишите, что будутъ говорить въ знакомыхъ вамъ различныхъ мѣстахъ и, главное, какъ на массу. Вѣрно, пройдетъ незамѣченно. Я жду этого и желаю; только бы не ругали, а то ругательства разстраиваютъ...

---

[1]) Гр. В. П. Толстой.

Прощайте, бывайте у нашихъ. Васъ отъ души любятъ. Марьѣ Петровнѣ мой поклонъ.

Я радъ, что вы любите мою жену; хотя я ее меньше люблю моего романа, а все-таки, вы знаете, жена. Пріѣзжайте же ко мнѣ. А ежели не заѣдете изъ Москвы съ Марьей Петровной, право, безъ шутокъ, это будетъ очень глупо.

Ясная Поляна, 1865 г., янв. 23.

Т. А. Берсъ [1]).

. . . . . .

...Да, вотъ я разсуждаю ужъ 2-й день, что очень грустно, оттого что на свѣтѣ всѣ эгоисты, изъ которыхъ первый я самъ. Я не упрекаю никого, но думаю, что это очень скверно и что нѣтъ эгоизма только между мужемъ и женой, когда они любятъ другъ друга. Мы живемъ теперь два мѣсяца одни одинешеньки съ дѣтьми, которыя первые эгоисты, и никому до насъ дѣла нѣтъ. Въ Пироговѣ насъ забыли и въ Москвѣ, думаемъ, тоже. И самъ понемножку забываешь. Я не могу разсказать, что я хочу, но ты очень молода и потому, можетъ-быть, поймешь, а мнѣ два дня все это одно въ головѣ. И особенно Феты навели меня на эту мысль. Какъ хорошо тому жить и съ тѣмъ жить, кто умѣетъ любить. Ты, пожалуйста, напиши (все равно, правда ли, не правда ли), что ты насъ любишь—для насъ. Я Дорку (собачку) полюбилъ за то, что она не эгоистка. Какъ бы это выучиться такъ жить, чтобы всегда радоваться другому счастью. Ты никому не читай, что я пишу, а то подумаютъ, что я съ ума сошелъ. Я только проснулся, и въ головѣ сумбуръ и раздраженіе, какъ будто бы мнѣ 15 лѣтъ и все хочется понять, чего нельзя понять, и ко всѣмъ чувствуешь нѣжность и раздраженіе. Мы тебя скоро увидимъ. Это очень хорошо. Прощай, напиши намъ подробнѣе о себѣ. Хотя это моя дичь и не стоитъ того...

. . . . . .

Ясная Поляна, 1865 г., февр.

Т. А. Ергольской.

(По-французски).

Chère tante.

Мы все живемъ по-старому. Соня и дѣти, слава Богу, здоровы. У Берсовъ тоже все хорошо. Мы видаемся съ ними каждый день и каждый день кто-нибудь у насъ или мы у кого-нибудь быва-

---

[1]) Своячница Л. Н.

емъ—Перфильевы, Горчаковы, Оболенскій маленькій съ женою. Нынче у меня будетъ Чичеринъ, котораго вы такъ любите и который все такой же. Я думаю, Соня вамъ припишетъ еще, я же, признаюсь, тороплюсь и пишу съ тѣмъ, чтобы попросить васъ о милости. Я послалъ вчера на ваше имя сѣмянъ. Будьте такъ добры, отдайте ихъ садовнику и скажите, чтобы сѣмена оранжерейныхъ растеній, какъ-то: азалій, камелій, акацій и т. п., не сѣялъ до моего пріѣзда, ежели онъ не знаетъ вѣрно, въ какой землѣ и какъ ихъ надо сѣять. Мы еще не получали отъ васъ ничего; пожалуйста, напишите намъ два слова, чтобы только мы знали, что вы здоровы. Что Сережа и Машенька съ дѣтьми?

Москва, 1865 г., мартъ 8.

Княгинѣ В.

Очень радъ, любезная княгиня, тому случаю, который заставилъ васъ вспомнить обо мнѣ, и въ доказательство того, спѣшу сдѣлать для васъ невозможное, т.-е. отвѣтить на вашъ вопросъ. Андрей Болконскій никто, какъ и всякое лицо романиста, а не писателя личностей или мемуаровъ. Я бы стыдился печататься, ежели бы весь мой трудъ состоялъ въ томъ, чтобы списать портретъ, разузнать, запомнить. Я постараюсь сказать, кто такой мой Андрей. Въ Аустерлицкомъ сраженіи, которое будетъ описано, но съ котораго я началъ романъ, мнѣ нужно было, чтобы былъ убитъ блестящій молодой человѣкъ; въ дальнѣйшемъ ходѣ самого романа мнѣ нужно было только старика Болконскаго съ дочерью, но такъ какъ неловко описывать ничѣмъ не связанное съ романомъ лицо, я рѣшилъ сдѣлать блестящаго молодого человѣка сыномъ стараго Болконскаго. Потомъ онъ меня заинтересовалъ, для него представилась роль въ дальнѣйшемъ ходѣ романа, и я его помиловалъ, только сильно ранивъ вмѣсто смерти. Такъ вотъ мое, княгиня, совершенно правдивое и хотя отъ этого самаго и неясное объясненіе того, кто такой Болконскій.

1865 г., май 3. Вашъ

А. А. Фету.

Простите меня, любезный другъ Аѳанасій Аѳанасьевичъ, за то, что долго не отвѣчалъ вамъ. Не знаю, какъ это случилось. Правда, въ это время было больно одно изъ дѣтей, и я самъ едва удержался отъ сильной горячки и лежалъ три дня въ постели. Теперь у насъ все хорошо и даже очень весело. У насъ Таня, потомъ сестра съ своими дѣтьми, и наши дѣти здоровы и цѣлый день на

воздухѣ. Я все пишу понемножку и доволенъ своей работой. Вальдшнепы все еще тянутъ, и я каждый вечеръ стрѣляю *по нимъ*, т.-е. преимущественно мимо. Хозяйство мое идетъ хорошо, т.-е. мало тревожитъ меня,—все, что я отъ него требую. Вотъ все про меня. На вашъ вопросъ, упомянуть о Ясной Полянѣ-школѣ, я отвѣчаю отрицательно. Хотя ваши доводы и справедливы, но про нее (Я. П.) журналы забыли, и мнѣ не хочется напоминать, не потому, чтобы я отрекался отъ выраженнаго тамъ, но, напротивъ, потому, что не перестаю думать объ этомъ и, ежели Богъ дастъ жизни, надѣюсь еще изъ всего этого составить книгу, съ тѣмъ заключеніемъ, которое вышло для меня изъ моего 3-хлѣтняго страстнаго увлеченія этимъ дѣломъ. Я не понялъ вполнѣ то, что вы хотите сказать въ статьѣ, которую вы пишете; тѣмъ интереснѣе будетъ услышать отъ васъ, когда свидимся. Наше дѣло землевладѣльческое теперь подобно дѣламъ акціонера, который бы имѣлъ акціи, потерявшія цѣну и не имѣющія хода на биржѣ. Дѣло очень плохо. Я для себя рѣшаю его только такъ, чтобы оно не требовало отъ меня столько вниманія и участія, чтобы это участіе лишало меня моего спокойствія. Послѣднее время я своими дѣлами доволенъ, но общій ходъ дѣлъ, т.-е. предстоящее народное бѣдствіе голода съ каждымъ днемъ мучаетъ меня больше и больше. Такъ странно и даже хорошо и страшно. У насъ за столомъ редиска розовая, желтое масло, подрумяненный мягкій хлѣбъ на чистой скатерти, въ саду зелень, молодыя наши дамы въ кисейныхъ платьяхъ, рады, что жарко и тѣнь, а тамъ этотъ злой чортъ голодъ дѣлаетъ уже свое дѣло, покрываетъ поля лебедой, разводитъ трещины по высохнувшей землѣ и обдираетъ мозольныя пятки мужиковъ и бабъ и трескаетъ копыта у скотины. Право, страшная у насъ погода, хлѣба и луга. Какъ у васъ? Напишите повѣрнѣе и поподробнѣе. Боткинъ у васъ. Пожмите ему отъ меня руку. Зачѣмъ онъ ко мнѣ не заѣхалъ? Я на-дняхъ ѣду въ Никольское еще одинъ безъ семьи и потому не надолго и къ вамъ не пріѣду. Но то-то хорошо было бы, коли бы въ это же время судьба принесла васъ къ Борисову. Кланяюсь отъ себя и жены Марьѣ Петровнѣ. Мы въ іюнѣ намѣрены со всею семьей переѣхать въ Никольское; тогда увидимся, и уже навѣрное буду у васъ.

Что за злая судьба на васъ? Изъ вашихъ разговоровъ я всегда видѣлъ, что одна только въ хозяйствѣ была сторона, которую вы сильно любили, и которая радовала васъ,—это коннозаводство, и на нее-то и обрушилась бѣда. Приходится вамъ опять перепрягать свою колесницу, а «юхванство» перепрячь изъ оглобель на пристяжку; а мысль и художество ужъ давно у васъ переѣзжены въ корень. Я ужъ перепрягъ и гораздо покойнѣе поѣхалъ.

«Довольно» мнѣ не нравится. Личное, субъективное хорошо только тогда, когда оно полно жизни и страсти, а тутъ субъективность, полная безжизненнаго страданія.

Ясная Поляна, 1865 г., май 16.

Т. А. Ергольской.

Мы вчера переѣхали на квартиру, гдѣ намѣрены прожить до 23-го. До сихъ поръ нашъ переѣздъ и наше пребываніе въ Москвѣ совершенно удачны и пріятны. Мы и дѣти здоровы, наши родные тоже. Квартиру мы наняли на Дмитровкѣ, въ домѣ Хлудова, бельэтажъ, въ шесть комнатъ, прекрасно меблированныхъ, съ дровами, съ самоваромъ, водой, всей посудой, серебромъ и бѣльемъ столовымъ, за 155 руб. въ мѣсяцъ, наняли повара за 10 руб. въ мѣсяцъ, такъ что мы проживемъ это время, какъ дома, со всѣми удобствами. Мы отъ васъ не получили еще ни одного письма. Напишите намъ пожалуйста. Мы разберемъ, какъ бы вы ни написали. Соня вамъ, вѣрно, напишетъ въ этомъ же письмѣ и опишетъ все о Сереженькѣ, что васъ, мы знаемъ, больше всего интересуетъ. Онъ дня три тому назадъ было закашлялся и надо было видѣть испугъ дѣдушки и бабушки. Они не меньше насъ любятъ нашихъ дѣтей. Для больной Тани призывали спеціалиста доктора, и онъ утѣшилъ насъ, увѣряя, что у ней нѣтъ еще грудной болѣзни. Но онъ сказалъ, что ее надо беречь. Она было очень ослабѣла отъ лихорадки, которая у нея продолжалась и здѣсь, но теперь уже третій день, какъ ея нѣтъ.

Вчера я былъ у Горчаковыхъ и узналъ новость, которая вѣрно удивитъ васъ: Елена держитъ экзаменъ въ университетѣ и исполняетъ должность начальницы женской гимназіи за Москвой рѣкой и тамъ и живетъ одна. Видѣлись ли вы съ Машенькой? Что она? Мы ей, вѣроятно, напишемъ нынче же. Что Сережа? Былъ ли у васъ? Сдѣлайте милость, тетенька, сыщите у меня въ кабинетѣ, въ книжномъ шкапу, на третьей полочкѣ сверху пачки писемъ Марьи Ап. Волковой и, уложивъ ихъ въ клеенку, пошлите по почтѣ ко мнѣ. Съ этой же почтой я пишу А. Н. Бибикову съ просьбой, чтобы онъ изрѣдка заглядывалъ бы ко мнѣ и присмотрѣлъ за моимъ хозяйствомъ и исполнялъ бы ваши порученія. Будьте такъ добры, передайте отъ меня старостѣ, чтобы онъ во всемъ слушался его. Прощайте, chère tante. Со всѣмъ семействомъ цѣлую ваши руки. Таня и все Берсовское семейство дѣлаютъ то же. Прикажите старостѣ каждую недѣлю черезъ Дуняшу писать мнѣ.

Москва, 1866 г., янв.

Т. А. Берсъ и Д. А. Дьякову [1]).

Поздравляю васъ съ крестникомъ и племянникомъ. Соня родила неожиданно сына, но совершенно благополучно и хорошаго ребенка.

---

[1]) Своячиница Л-а Н-ча, Т. А. Берсъ, гостила въ имѣніи друга Льва Н-ча—Д. А. Дьякова «Черемашня».

Милый другъ Дмитрій, просимъ тебя пріѣхать крестить нашего Илью. Боюсь, чтобы эта поѣздка не была бы неудобна въ хозяйственномъ отношеніи; но какъ подумаешь, какіе мы старые друзья и какъ тебя любимъ съ женой, то вѣрно пріѣдешь, если можно. Привези намъ и нашу милую Таню, или скорѣе ты, Таня, какъ поѣдешь къ намъ захвати съ собой Дьякова.

Машенька—кума уже у насъ съ дѣвочками. Соня съ Ильей и старшія дѣти совершенно здоровы.

Фетъ мнѣ пишетъ что онъ провелъ у васъ, по его словамъ, эдемской вечеръ съ гитарой и соловьями и что на этомъ вечерѣ Таня пѣла отъ 8—2-хъ часовъ. Это нехорошо, и не велѣно съ ея здоровьемъ.

Я знаю, что ежели бы я тутъ былъ, то первый преступилъ бы предписаніе доктора Розсвѣтова, но какъ меня не было—то дѣлаю за это выговоръ.

Пожалуйста, отвѣчайте съ этимъ нарочнымъ, ежели по вашимъ расчетамъ онъ пріѣдетъ раньше васъ.

До свиданія, милые друзья, съ нетерпѣніемъ ждемъ васъ.

Ясная Поляна, 1866 г., май 25.

А. А. Фету.

Любезный другъ Аѳанасій Аѳанасьевичъ,—увы! я не могу къ вамъ заѣхать. И нечего вамъ внушать, какъ мнѣ это грустно. Не могу же я заѣхать потому, что нынче 25-е, а я еще не выѣзжалъ изъ дома. Желудочная боль, которая началась у меня еще при васъ, до сихъ поръ продолжается и дѣлаетъ меня неспособнымъ быстро поворачиваться. Я, какъ и предполагалъ, ѣздилъ съ Дьяковымъ къ Шатилову, но вмѣсто того, чтобы все это сдѣлать въ три дня, проѣздилъ пять и отъ этого опоздалъ. Поѣздка эта была, ежели бы не нездоровье, чрезвычайно пріятна и поучительна. Многое вамъ разскажу при свиданіи. Но когда же? Я предлагаю вамъ пріѣхать къ Кирѣевскому между 28 и 3 августа. Мы бы тамъ свидѣлись. Ежели же вы не пріѣдете, то я заѣду къ вамъ на обратномъ пути. У насъ овесъ весь въ копнахъ, и рожь подкошена. Ежели такъ простоитъ, то на слѣдующей недѣлѣ все будетъ въ гумнѣ. Овесъ обходится меньше семи копенъ. До свиданія. Жена, Таня и я душевно кланяемся Марьѣ Петровнѣ.

Ясная Поляна, 1866 г., іюль 25.

Ему же.

Милый другъ Аѳанасій Аѳанасьевичъ, я не отвѣчалъ на ваше послѣднее письмо сто лѣтъ тому назадъ, и виноватъ за это тѣмъ болѣе, что, помню, въ этомъ письмѣ вы мнѣ пишете очень мнѣ интересныя вещи о моемъ романѣ, и еще пишете irritabilis poetarum gens. Ну ужъ не я. Я помню, что порадовался, напротивъ, вашему сужденію объ одномъ изъ моихъ героевъ—князѣ Андреѣ,— и вывелъ для себя поучительное изъ вашего сужденія. Онъ однообразенъ, скученъ и только un homme comme il faut во всей первой части. Это правда, но виноватъ въ этомъ не онъ, а я. Кромѣ замысла характеровъ и движенія ихъ, кромѣ замысла столкновеній характеровъ, есть у меня еще замыселъ исторический, который чрезвычайно усложняетъ мою работу, и съ которой я не справляюсь, какъ кажется. И отъ этого въ 1-й части я занялся исторической стороной, а характеръ стоитъ и не движется. И это недостатокъ, который я ясно понялъ вслѣдствіе вашего письма и, надѣюсь, что исправилъ. Пожалуйста, пишите мнѣ, милый другъ, все, что вы думаете, обо мнѣ, т.-е. о моемъ писаніи, дурного. Мнѣ всегда это въ великую пользу, а кромѣ васъ у меня никого нѣтъ. Я вамъ не пишу по четыре мѣсяца и рискую, что вы проѣдете въ Москву, не заѣхавъ ко мнѣ, а все-таки вы человѣкъ, котораго, не говоря о другомъ, по уму я цѣню выше всѣхъ моихъ знакомыхъ, и который въ личномъ общеніи даетъ одинъ мнѣ тотъ другой хлѣбъ, которымъ кромѣ единаго будетъ сытъ человѣкъ. Пишу вамъ, главное, затѣмъ, чтобы умолять васъ заѣхать къ намъ, когда вы поѣдете «обнимать». На что это похоже, что мы такъ подолгу не видимся! Жена и я слезно просимъ Марью Петровну заѣхать къ намъ. Я на-дняхъ, одинъ, т.-е. съ сестрой Таней, ѣду на короткое время въ Москву. Ее я отвожу къ родителямъ, а самъ ѣду для того, чтобы печатать 2-ю часть своего романа. Что вы дѣлаете? Не по земству, не по хозяйству,— это все дѣла несвободныя человѣка. Это вы и мы дѣлаемъ такъ же стихійно и несвободно, какъ муравьи копаютъ кочку, и въ этомъ родѣ дѣлъ нѣтъ ни хорошаго, ни дурного;—а что вы дѣлаете мыслью, самой пружиной своей Фетовой, которая только одна и была, и есть, и будетъ на свѣтѣ. Жива ли эта пружина? Просится ли наружу? Какъ выражается? И не разучилась ли выражаться? Это главное. Прощайте, милый другъ, обнимаю васъ; и отъ себя и отъ жены прошу передать душевный поклонъ Марьѣ Петровнѣ, которую мы надѣемся у себя видѣть и очень о томъ просимъ.

Ясная Поляна, 1866 г., ноябрь 7.

Ему же.

Ежели бы я вамъ писалъ, милый другъ Аѳан. Аѳан., всякій разъ, какъ я о васъ думаю, то вы бы получали бы отъ меня по два письма въ день. А всего не выскажешь и кромѣ того то лѣнь, а то слишкомъ занятъ, какъ теперь. На-дняхъ я пріѣхалъ изъ Москвы и предпринялъ строгое лѣченіе, подъ руководствомъ Захарьина, и главное, печатаю романъ, въ типографіи Риса, готовлю и посылаю рукопись и корректуры, и долженъ такъ день за день подъ страхомъ штрафа и несвоевременнаго выхода. Это и пріятно и тяжело, какъ вы знаете.

О «Дымѣ» я вамъ писать хотѣлъ давно и, разумѣется, то самое, что вы мнѣ пишете. Отъ этого-то мы и любимъ другъ друга, что одинаково думаемъ умомъ сердца, какъ вы называете. (Еще за это письмо вамъ спасибо большое. Умъ ума и умъ сердца— это мнѣ многое объяснило). Я про «Дымъ» думаю то, что сила поэзіи лежитъ и въ любви; направленіе этой силы зависитъ отъ характера. Безъ силы любви нѣтъ поэзіи; ложно направленная сила,—непріятный, слабый характеръ поэта претитъ. Въ «Дымѣ» нѣтъ ни къ чему почти любви и нѣтъ почти поэзіи. Есть любовь только къ прелюбодѣянію легкому и игривому, и потому поэзія этой повѣсти противна. Вы видите,—это то же, что вы пишете. Я боюсь только высказать это мнѣніе, потому что я не могу трезво смотрѣть на автора, личность котораго не люблю; но, кажется, мое впечатлѣніе общее всѣмъ. Еще одинъ кончилъ. Желаю и надѣюсь, что никогда не придетъ мой чередъ И о васъ тоже думаю. Я отъ васъ все жду, какъ отъ 20-лѣтняго поэта, и не вѣрю, чтобы вы кончили. Я свѣжѣе и сильнѣе васъ не знаю человѣка. Потокъ вашъ все течетъ, давая то же извѣстное количество ведеръ воды— силы.—Колесо, на которое онъ падалъ, сломалось, разстроилось, принято прочь, но потокъ все течетъ, и ежели онъ ушелъ въ землю, онъ гдѣ-нибудь опять выйдетъ и завертитъ другія колеса. Ради Бога не думайте, чтобы я это вамъ говорилъ потому, что долгъ платежомъ красенъ, и что вы мнѣ всегда говорите подбадривающія вещи, нѣтъ, я всегда и объ одномъ васъ такъ думаю.—Хотѣлъ еще писать, но пріѣхали гости и помѣшали. Прощайте, обнимаю васъ, милый другъ, и цѣлую руку Марьи Петровны и прошу за меня пожать руку Борисову, у котораго надѣюсь быть осенью. Я адресую во Мценскъ, потому что вы тамъ на выборахъ.

Мнѣ такъ хочется васъ видѣть, что я бы пріѣхалъ къ вамъ, ежели бы было возможно. Благодѣтель, голубчикъ, пріѣзжайте ко мнѣ на денекъ.

Ясная Поляна, 1867 г., іюнь 27.

Ему же.

Получилъ ваше письмо и отвѣчаю не столько на него, сколько на свои мысли о васъ. Ужъ вѣрно я не менѣе вашего тужу о томъ, что мы такъ мало видимся. Я дѣлалъ планы пріѣхать къ вамъ и дѣлаю еще. Но до сихъ поръ вотъ не готовъ шестой томъ, который я думалъ кончить мѣсяцъ тому назадъ,—до сихъ поръ, хотя весь давно набранъ,—не конченъ.

Знаете ли, что было для меня нынѣшнее лѣто?—Неперестающій восторгъ передъ Шопенгауэромъ и рядъ духовныхъ наслажденій, которыхъ я никогда не испытывалъ. Я выписалъ всѣ его сочиненія и читалъ и читаю (прочелъ и Канта). И вѣрно ни одинъ студентъ въ свой курсъ не учился такъ много и столь многаго не узналъ, какъ я въ нынѣшнее лѣто. Не знаю, перемѣню ли я когда мнѣніе, но теперь я увѣренъ, что Шопенгауэръ геніальнѣйшій изъ людей. Вы говорили, что онъ такъ себѣ кое-что писалъ о философскихъ предметахъ. Какъ кое-что? Это весь міръ въ невѣроятно ясномъ и красивомъ отраженіи. Я началъ переводить его. Не возьметесь ли и вы за переводъ его? Мы бы издали вмѣстѣ. Читая его, мнѣ непостижимо, какимъ образомъ можетъ оставаться имя его неизвѣстнымъ? Объясненіе только одно, то самое, которое онъ такъ часто повторяетъ, что, кромѣ идіотовъ, на свѣтѣ почти никого нѣтъ. Жду васъ съ нетерпѣніемъ къ себѣ. Иногда душитъ неудовлетворенная потребность въ родственной натурѣ, какъ ваша, чтобы высказать все накопившееся.

Уже написавъ это письмо,—рѣшилъ окончательно свою поѣздку въ Пензенскую губернію для осмотра имѣнія, которое я намѣреваюсь купить въ тамошней глуши. Я ѣду завтра 31-го и вернусь около 14-го. Васъ же жду къ себѣ и прошу вмѣстѣ съ женой къ ея именинамъ, т.-е. пріѣхать 15-го и пробыть у насъ, по крайней мѣрѣ, дня три.

Ясная Поляна, 1869 г., авг. 30

— —

Графинѣ С. А. Толстой.

. . . . . .

Что съ тобой и дѣтьми? Не случилось ли что? Я второй день мучаюсь безпокойствомъ. Третьяго дня въ ночь я ночевалъ въ Арзамасѣ и со мной было что-то необыкновенное. Было два часа ночи, я усталъ страшно, хотѣлось спать и ничего не болѣло. Но вдругъ на меня напала тоска, страхъ, ужасъ, такіе, какихъ я никогда не испытывалъ. Подробности эт го чувства я тебѣ разскажу впослѣдствіи, но подобнаго мучительнаго чувства я никогда

не испытывалъ и никому не дай Богъ испытывать. Я вскочилъ, велѣлъ закладывать. Пока закладывали, я заснулъ и проснулся здоровымъ. Вчера это чувство въ гораздо меньшей степени возвратилось во время ѣзды, но я былъ приготовленъ и не поддавался ему, тѣмъ болѣе, что оно и было слабѣе. Нынче чувствую себя здоровымъ и веселымъ, насколько могу быть безъ семьи. Въ эту поѣздку я въ первый разъ почувствовалъ, до какой степени я сросся съ тобой и съ дѣтьми. Я могу оставаться одинъ въ постоянныхъ занятіяхъ, какъ я бываю въ Москвѣ, но какъ теперь, безъ дѣла, я рѣшительно чувствую, что не могу быть одинъ.

. . . . . .

Изъ Пензенской губ., 1869 г., сент.

А. А. Фету.

Я въ Москвѣ чуть-чуть не засталъ васъ, какъ мнѣ сказалъ Борисовъ. А у васъ въ семействѣ смерть за смертью. Меня ужасно поразилъ характеръ смерти В. П. Боткина. Если правда, что разсказываютъ, то это ужасно. Какъ не нашлось между всѣми друзьями одного, который бы придалъ этому высочайшему моменту въ жизни тотъ характеръ, который ему подобаетъ.

Борисова мнѣ очень жалко и не могу вѣрить, чтобы туча эта не прошла мимо. Насчетъ портрета я прямо говорилъ и говорю: нѣтъ [1]). Если это вамъ непріятно, то прошу прощенія. Есть какое-то чувство, сильнѣе разсужденія, которое мнѣ говоритъ, что это не годится. Жена вамъ кланяется.

Покупка моего Пензенскаго имѣнія разладилась. Шестой томъ я окончательно отдалъ, и къ 1-му ноября вѣрно выйдетъ. Вальдшнеповъ было и есть пропасть. Я убивалъ по восьми штукъ и нынче нашелъ 4-хъ и убилъ одного.

Для меня теперь самое мертвое время: не думаю и не пишу и чувствую себя пріятно глупымъ. На первый свой отдыхъ послѣ работы, вѣроятно, черезъ мѣсяцъ, пріѣду къ вамъ. Теперь не ѣду, потому что только что пріѣхалъ, и хозяйственныя дѣла. А если вы поѣдете въ Москву, то слѣдовало бы вамъ заѣхать къ намъ съ Марьей Петровной. Только напишите—когда, и я выѣду за вами въ Тулу или на Ясенки, или даже, если вы безъ багажа, — на полустанцію Козловку, отъ которой двѣ версты до насъ. Передайте же наши съ женою поклоны и просьбы Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ

Ясная Поляна, 1869 г., окт. 21.

---

[1]) А. А. Фетъ просилъ Льва Николаевича прислать его портретъ.

Ему же.

Письмо ваше, любезный Аѳанасій Аѳанасьевичъ, получилъ я 1-го февраля. Но даже если бы получилъ и нѣсколько прежде, я не могъ бы ѣхать. Вы мнѣ пишете: «Я одинъ, одинъ...» А я читаю и думаю: вотъ счастливецъ—одинъ. А у меня жена, трое дѣтей, четвертый грудной, двѣ старухи тетки, нянька и двѣ горничныя. И все это вмѣстѣ больно: лихорадка и жаръ, слабость, головная боль, кашель. Въ такомъ положеніи застало меня ваше письмо. Теперь начинаютъ поправляться; но за столомъ еще обѣдаю я со старухой теткой изъ десяти человѣкъ. Да и я второй день боленъ грудью и бокомъ. Какъ только поправимся, то пріѣду къ вамъ. Многое, очень многое хочется вамъ сообщить. Я очень много читалъ Шекспира, Гете, Пушкина, Гоголя, Мольера,—и обо всемъ этомъ многое хочется вамъ сказать. Я нынѣшній годъ не получаю ни одного журнала и ни одной газеты и нахожу, что это очень полезно. Пожалуйста, пишите мнѣ изрѣдка, чтобы мнѣ знать, можно ли застать васъ дома.

Ясная Поляна, 1870 г., февр. 4.

Ему же.

Я вамъ не писалъ тотчасъ же, потому что надѣялся поѣхать къ вамъ 14-го въ ночь, но не могъ. Какъ я вамъ писалъ, мы всѣ были больны,—я послѣдній; и я вчера въ первый разъ вышелъ. Остановила же меня боль глазъ, которая усиливается отъ вѣтра и безсонницы. Теперь откладываю невольно и съ большою грустью поѣздку къ вамъ до поста. Мнѣ же теперь необходимо съѣздить въ Москву проводить тетушку къ сестрѣ и показать свои глаза окулисту. Пишите мнѣ, пожалуйста, почаще, чтобы я зналъ, дома ли вы и что предпринимаете, съ тѣмъ, чтобы я, если глаза лучше, могъ все-таки пріѣхать. Мнѣ такъ этого хочется. Горе то, что къ вамъ нельзя пріѣхать иначе, какъ послѣ безсонной, папиросонакуренной, жарко-поддувающей, вагонной, подло-пошлой, разговорной ночи. Вы мнѣ хотите прочесть повѣсть изъ кавалерійскаго быта. Я жду отъ этого добра, если только просто безъ замысла положеній и характеровъ. А я ничего прочесть вамъ не хочу, и ничего потому, что я ничего не пишу; но поговорить о Шекспирѣ, о Гете и вообще о драмѣ—очень хочется. Цѣлую зиму нынѣшнюю я занятъ только драмой вообще. И какъ это всегда случается съ людьми, которые до 40 лѣтъ никогда не думали о какомъ-нибудь предметѣ, не составили себѣ о немъ никакого понятія, вдругъ съ 40-лѣтней ясностью обратятъ вниманіе на новый ненанюханный

предметъ, имъ всегда кажется, что они видятъ въ немъ много новаго. Всю зиму наслаждаюсь тѣмъ, что лежу, засыпаю, играю въ безикъ, хожу на лыжахъ, на конькахъ бѣгаю и больше всего лежу въ постели (больной), и лица драмы или комедіи начинаютъ дѣйствовать. И очень хорошо представляютъ. Вотъ про это-то мнѣ съ вами хочется поговорить. Вы въ этомъ, какъ и во всемъ, классикъ и понимаете сущность дѣла очень глубоко. Хотѣлось бы мнѣ тоже почитать Софокла и Эврипида.

Прощайте, нашъ поклонъ Марьѣ Петровнѣ. Если письмо мое очень дико, то это происходитъ оттого, что пишу натощакъ.

Ясная Поляна, 1870 г., февр. 17. Вашъ

Ему же.

Я, уѣзжая отъ васъ, забылъ вамъ сказать еще разъ, что вашъ разсказъ по содержанію своему очень хорошъ, и что жалко будетъ, если вы бросите его, или отдадите печатать кое-какъ, и что онъ стоитъ того, чтобы имъ заняться, ибо содержаніе серьезное и поэтическое, и что если вы можете написать такія сцены, какъ старушка съ поджатыми локтями и дѣвушка, то и все вы можете обдѣлать соотвѣтственно этому; и лишнее должны все выкинуть и сдѣлать изо всего, какъ Анненковъ говоритъ, перло. Добывайте золото просѣваніемъ. Просто сядьте и весь разсказъ сначала перепишите, критикуя сами себя, и тогда дайте мнѣ прочесть.

1870 г., февраля 21. Вашъ

Ему же.

Я получилъ ваше письмо, любезный другъ Аѳанасій Аѳанасьевичъ, возвращаясь потный съ работы, съ топоромъ и заступомъ, слѣдовательно, за 1000 верстъ отъ всего искусственнаго и въ особенности отъ нашего дѣла.

Развернувъ письмо, я первое прочиталъ стихотвореніе, и у меня защипало въ носу; я пришелъ къ женѣ и хотѣлъ прочесть, но не могъ отъ слезъ умиленія. Стихотвореніе—одно изъ тѣхъ рѣдкихъ, въ которыхъ ни слова прибавить, убавить или измѣнить нельзя; оно живое само и прелестно. Оно такъ хорошо, что, мнѣ кажется, это не случайное стихотвореніе, а что это первая струя давно задержаннаго потока. Грустно подумать, что послѣ того впечатлѣнія, которое произвело на меня это стихотвореніе, оно будетъ напечатано на бумагѣ въ какомъ-нибудь Вѣстникѣ, и его будутъ судить С-ны и скажутъ: «А Фетъ все-таки мило пишетъ».

«Ты нѣжная»... Да и все прелестно. Я не знаю у васъ лучшаго. Прелестно все.

Съ этой почтой пишу въ Никольское, чтобы послали за кобылой, и радуюсь и благодарю васъ и Петра Аѳанасьевича. О цѣнѣ все-таки вы напишите.

Я только что отслужилъ недѣлю присяжнымъ, и было очень, очень для меня интересно и поучительно. 15 мая я ѣду въ Харьковъ, а послѣ устрою такъ, чтобы побывать у васъ. Не оставляйте давать о себѣ знать. Передайте, пожалуйста, наши поклоны съ женой Марьѣ Петровнѣ. Желаю вамъ только посѣщенія Музы. Вы спрашиваете моего мнѣнія о стихотвореніи; но вѣдь я знаю то счастье, которое оно вамъ дало, сознаніемъ того, что оно прекрасно, и что оно вылѣзло-таки изъ васъ, что оно—вы. Прощайте до свиданія.

Вашъ

Ясная Поляна, 1870 г., май 11.

Ему же.

Получилъ ваше письмо уже съ недѣлю, но не отвѣчалъ, потому что съ утра до ночи учусь по-гречески. Я ничего не пишу, а только учусь. И судя по свѣдѣніямъ, дошедшимъ до меня отъ Борисова, ваша кожа, отдаваемая за пергаментъ для моего диплома греческаго, находится въ опасности. Невѣроятно и ни на что не похоже. Но я прочелъ Ксенофонта и теперь à livre ouvert читаю его. Для Гомера же нуженъ лексиконъ и немного напряженія.

Жду съ нетерпѣніемъ случая показать кому-нибудь этотъ фокусъ. Но какъ я счастливъ, что на меня Богъ наслалъ эту дурь. Во-первыхъ, я наслаждаюсь, во-вторыхъ,—убѣдился, что изо всего истинно прекраснаго и простого прекраснаго, что произвело слово человѣческое, я до сихъ поръ ничего не зналъ, какъ и всѣ—и знаютъ, но не понимаютъ; въ-третьихъ,—тому, что я не пишу и писать дребедени многославной никогда не стану. И виноватъ, и ей Богу никогда не буду. Ради Бога объясните мнѣ, почему никто не знаетъ басенъ Эзопа, ни даже прелестнаго Ксенофонта, не говорю уже о Платонѣ, Гомерѣ, которые мнѣ предстоятъ.

Сколько я теперь ужъ могу судить, Гомеръ только изгаженъ нашими взятыми съ нѣмецкаго образца переводами. Пошлое, но невольное сравненіе; отварная и дистиллированная вода и вода изъ ключа, ломящая зубы, съ блескомъ и солнцемъ и даже соринками, отъ которыхъ она еще чище и свѣжѣе. Всѣ эти Фоссы и Жуковскіе поютъ какимъ-то медово-паточнымъ, горловымъ и подлизывающимъ голосомъ. А тотъ чортъ и поетъ и оретъ во всю грудь, и никогда ему въ голову не приходило, что кто-нибудь его можетъ слушать. Можете торжествовать: безъ знанія греческаго—нѣтъ образованія. Но какое знаніе? Какъ его пріобрѣтать?

Для чего оно нужно? На это у меня есть ясные, какъ день, доводы.

Вы не пишете ничего о Марьѣ Петровнѣ, изъ чего съ радостью заключаемъ, что ея выздоровленіе хорошо подвигается. Мои всѣ здоровы и вамъ кланяются.

1870 г., дек.

Т. А. и А. М. Кузминскимъ.

Вотъ такъ молодцы!

Такъ изъ вашего совокупнаго письма и брызжетъ кахетинскимъ сокомъ.—Во-первыхъ, описаніе Тани. Безо всякихъ шутокъ отлично. Я просилъ, да и всегда желаешь знать именно всю правду про людей, которыхъ любишь, и Таня такъ и отпечатала, что я все понялъ. Это очень кажется просто, а очень мало людей умѣютъ это сдѣлать.

Карточка твоя очень хороша. Лучше всѣхъ твоихъ прежнихъ. Очень, очень хороша. Видишь, Таня, ты всякій разъ пишешь про мой романъ, какъ его хвалятъ.

Такъ какъ ты не написала романа, я хвалю твое лицо, и желаю, чтобы также искренно нравилось мое писанье, какъ мнѣ нравится твоя карточка.

У насъ начинается весенняя суета — приготовленій платьевъ вообще къ отъѣзду и пріѣзду гостей.

Важное же семейное событіе наше—это окончаніе дѣла съ швейцарцемъ М. Rey (гувернеръ) за 5000 фр. по курсу.

Мои же личныя дѣла — романъ, который 4-ю часть я послалъ и который я больше до осени печатать не буду.

Но другое дѣло Азбука, которая съ помощью Нагорнаго [1]) — очень аккуратно для меня державшаго корректуры — на-дняхъ выйдетъ. Это меня очень занимаетъ. Пришлю сейчасъ же, Таня, тебѣ и прошу твоей подробной критики. Все-таки по ней будешь учить Машу и Вѣру. Читаетъ ли Маша? Признаюсь, дѣло это азбучное, хотя и задушевное для меня, занимаетъ меня и по тому доходу, который она можетъ приносить. И, несмотря на то, что первая Азбука принесла мнѣ только убытку 2000 р., я немного надѣюсь на эту. Пожалуйста, поклонись отъ меня очень обоимъ Оголинымъ. Я ее мало знаю (она молода была), но представленіе объ обоихъ ихъ соединяетъ что-то очень чистое и благородное.

Прощайте, пишите чаще да такъ же, какъ то письмо.

Изъ Ясн ѣ Поляны въ Тифлисъ. 1871 г., весна.

---

[1]) Мужъ племянницы Л-а Н-ча.

Графинѣ С. А. Толстой.

. . . . . .

Съ тѣхъ поръ какъ пріѣхалъ сюда [1]), каждый день въ шесть часовъ вечера начинается тоска, какъ лихорадка, тоска физическая, ощущеніе которой я не могу лучше передать, какъ то, что душа съ тѣломъ разстается. Душевной тоски о тебѣ я не позволяю подниматься. И никогда не думаю о тебѣ и дѣтяхъ, и оттого не позволяю себѣ думать, что всякую минуту готовъ думать, а стоитъ раздуматься, то сейчасъ уѣду. Состоянія я своего не понимаю: или я простудился въ кибиткѣ въ первыя холодныя ночи, или кумысъ мнѣ вреденъ, но въ три дня, которые я здѣсь, мнѣ хуже. Главное слабость, тоска, хочется играть въ милашку и плакать, а ни съ башкирами, ни со Степой это неудобно.

. . . . . .

Больнѣе мнѣ всего за себя то, что я отъ нездоровья своего чувствую себя одной десятой того, что есть. Нѣтъ умственныхъ и, главное, поэтическихъ наслажденій. На все смотрю, какъ мертвый,—то самое, за что я не любилъ многихъ людей. А теперь самъ только вижу, что есть, понимаю, соображаю, но не вижу насквозь съ любовью, какъ прежде. Если и бываетъ поэтическое расположеніе, то самое кислое, плаксивое, хочется плакать.

. . . . . .

Ново и интересно многое: и башкирцы, отъ которыхъ Геродотомъ пахнетъ, и русскіе мужики, и деревни, особенно прелестныя по простотѣ и добротѣ народа.

. . . . . .

Изъ Самарской губ., 1871 г., іюнь 18.

Ей же.

. . . . . .

Башкирская деревня, зимовка, въ двухъ верстахъ. На кочевкѣ въ полѣ у рѣки только три семейства башкиръ. У нашего хозяина (онъ мулла) четыре кибитки: въ одной живутъ онъ съ женой и сынъ съ женой (сынъ Нагимъ, котораго я оставилъ мальчикомъ тотъ разъ), въ другой гости. Гости безпрестанно пріѣзжаютъ—муллы, и съ утра до ночи дуютъ кумысъ. Въ третьей кибиткѣ два кумысника: таможенный чиновникъ, Петръ Станиславовичъ, котораго очень уважаетъ Иванъ [2]), и болѣзненный богатый донской казакъ. Въ четвертой огромной кибиткѣ, которая была мечеть прежде и которая протекаетъ вся (что мы испытали вчера

[1]) На кумысъ.
[2]) Лакей, ясно-пол. дворовый, бывшій съ Л. Н. еще на Кавказѣ.

ночью), живемъ мы. Я сплю на кровати, на сѣнѣ и войлокѣ. Степа—на перинѣ на полу. Иванъ—на кожанѣ въ другомъ углу. Есть столъ и одинъ стулъ, кругомъ висятъ вещи, въ одномъ углу буфетъ и продукты, какъ, по выраженію Ивана, называется провизія; въ другомъ платья, уборная, въ третьемъ библіотека и кабинетъ. Впрочемъ, такъ было сначала, теперь все смѣшалось. Въ особенности куры, которыхъ мы купили и которыя мнѣ ни съ того ни съ сего подарилъ одинъ попъ, портятъ порядокъ. За то тутъ же при насъ несутся, по три яйца. Еще лежитъ овесъ для лошади и собака, прекрасный черный сеттеръ, называется Вѣрнымъ. Лошадь буланая и служитъ мнѣ хорошо. Я встаю очень рано, часовъ въ пять съ половиной (Степа спитъ до 10), пью чай съ молокомъ—три чашки, гуляю около кибитки, смотрю на возвращающіеся съ горъ табуны, что очень красиво, лошадей тысячи, все разными кучками съ жеребятами. Потомъ пью кумысъ и самая обыкновенная прогулка, зимовка, т.-е. деревня, тамъ остальные кумысники, всѣ, разумѣется, знакомые. Первый управляющій гр. Уварова, въ очкахъ, съ бородой, старый, степенный; московскій студентъ самый обыкновенный и потому скучный, товарищъ прокурора, маленькій, въ блузѣ, опредѣлительно говоритъ, оживляется, когда объ судѣ рѣчь, не непріятный. Его жена знаетъ Томашевскаго и студентовъ, куритъ и волоса короткіе, но не глупая. Помѣщикъ Муромскій, молодой, красивый, не окончившій курсъ въ Москвѣ. Всѣ, даже Степа, зовутъ его Костей. Очень симпатичный. Всѣ эти составляютъ компанію. Потомъ другая компанія. Попъ, почти умирающій (очень жалокъ), профессоръ семинаріи греческаго,—Степа его возненавидѣлъ, говоритъ, что онъ, вѣрно, ставитъ единицы всѣмъ,—и буфетчикъ изъ Перми, все наши друзья, потомъ братъ съ сестрой, кажется купцы смирные и, какъ купцы, все равно, что ихъ нѣтъ. Я со Степой правильно два раза въ день отправляюсь ко всѣмъ и къ башкирцамъ знакомымъ, не забывая буфетчика, и, кромѣ того, одну большую дѣлаю поѣздку или прогулку. Обѣдаемъ мы каждый день баранину, которую мы ѣдимъ изъ деревянной чашки руками. Для утѣшенія Степы я купилъ въ Самарѣ пастилы и мармеладу, и онъ эти продукты употребляетъ въ десертъ.

Самарск. г., 1871 г., іюнь 27.

Ей же.

. . . . . .

Обѣжалъ выставку[1]) и немного опоздалъ. Я подъѣзжалъ къ дебаркадеру, былъ второй звонокъ, и билетовъ не выдаютъ. Первое лицо я встрѣчаю растрепаннаго барина съ барыней, который

[1]) Въ Москвѣ.

мнѣ кричитъ: хотите взять билетъ? Я взялъ, но вещи мои не пріѣхали и билетъ пропадаетъ. Я говорю: мнѣ до Нижняго, онъ говоритъ: и я до Нижняго. Я говорю: мнѣ нельзя одинъ билетъ, мнѣ два. Онъ говоритъ: у меня два. Я заплатилъ барину двадцать рублей, вскочилъ въ вагонъ, третій звонокъ и поѣхалъ.

Къ чему это—не знаю. Но необыкновенно.

. . . . . .

По дорогѣ между Москвой и Н.-Новгородомъ, 1871 г., іюнь.

Ей же.

. . . . . .

Поѣздка наша продолжалась 4 дня и удалась прекрасно. Дичи пропасть, дѣвать некуда, утокъ пропасть и ѣсть некому. И башкиры, и мѣста, гдѣ мы были, и товарищи наши прекрасны. Принимали насъ вездѣ съ гостепріимствомъ, которое трудно описать. Куда пріѣзжаешь, хозяинъ закалываетъ жирнаго курдютскаго барана, становитъ огромную кадку кумыса, стелетъ ковры и подушки на полу, сажаетъ на нихъ гостей и не выпускаетъ, пока не съѣдятъ его барана и не выпьютъ его кумыса. Изъ рукъ поитъ гостей и руками (безъ вилки въ ротъ) кладетъ гостямъ баранину и жиръ, и нельзя его обидѣть. Много было смѣшного. Мы съ Костенькой пили и ѣли съ удовольствіемъ, и это намъ, очевидно, было въ пользу, но Степа и баронъ были смѣшны и жалки, особенно баронъ. Ему хотѣлось не отставать, и онъ пилъ, но подъ конецъ его вырвало на ковры, и потомъ, когда мы на обратномъ пути намекнули—не заѣхать ли опять къ гостепріимному башкиру, то онъ чуть не со слезами сталъ просить, чтобы не ѣздили.

. . . . . .

Изъ Самарск. губ. 1871 г., іюнь.

А. А. Фету.

Благодарю васъ за ваше письмо, любезный другъ. Кажется, что жена сдѣлала фальшивую тревогу, отославъ меня на кумысъ и убѣдивъ меня, что я боленъ. Какъ бы то ни было, теперь, послѣ 4-хъ недѣль, я, кажется, совсѣмъ оправился. И какъ слѣдуетъ при кумысномъ лѣченіи,—съ утра до вечера пьянъ, потѣю и нахожу въ этомъ удовольствіе. Здѣсь очень хорошо, и если бы не тоска по семьѣ, я былъ бы совершенно счастливъ здѣсь. Если бы начать описывать, то я исписалъ бы сто листовъ, описывая здѣшній край и мои занятія. Читаю и Геродота, который съ по-

дробностью и большою вѣрностью описываетъ тѣхъ самыхъ галакто-фаговъ-скифовъ, среди которыхъ я живу.

Вчера началъ писать это письмо, и писалъ, что я здоровъ. Нынче опять болитъ бокъ. Самъ не знаю, насколько я нездоровъ, но нехорошо уже то, что принужденъ и не могу не думать о моемъ бокѣ и груди. Жара третій день стоитъ страшная. Въ кибиткѣ накалено, какъ на полкѣ, но мнѣ это пріятно. Край здѣсь прекрасный, по своему возрасту только что выходящій изъ дѣвственности, по богатству, здоровью и въ особенности по простотѣ и неиспорченности народа. Я, какъ и вездѣ, примѣриваюсь, не купить ли имѣніе. Это мнѣ занятіе и лучшій предлогъ для узнанія настоящаго положенія края. Теперь остается 10 дней до шести недѣль, тогда напишу вамъ и устроимся, чтобы увидѣться. Помогай вамъ Богъ съ вашими трудами. Хомутовъ на васъ много: и труднѣе, и интереснѣе всѣхъ Петя. Поцѣлуйте его за меня. Душевный поклонъ Марьѣ Петровнѣ.

Изъ Уфимской губ., 1871 г., іюль 3

Ему же.

Ужъ нѣсколько дней, какъ получилъ ваше милое и грустное письмо и только нынче собрался отвѣтить.

Грустное потому, что, вы пишете, Тютчевъ умираетъ, слухъ, что Тургеневъ умеръ, и про себя говорите, что машина стирается, и хотите спокойно думать о нирванѣ. Пожалуйста, извѣстите поскорѣе, фальшивая ли это была тревога. Надѣюсь, что да, и что вы безъ Марьи Петровны маленькіе признаки приняли за возвращеніе вашей страшной болѣзни.

О нирванѣ смѣяться нечего и тѣмъ болѣе сердиться. Всѣмъ намъ (мнѣ, по крайней мѣрѣ), я чувствую, она гораздо интереснѣе, чѣмъ жизнь, но я согласенъ, что, сколько бы я о ней ни думалъ, я ничего не придумаю другого, какъ то, что эта нирвана — ничто. Я стою только за одно — за религіозное уваженіе, ужасъ къ этой нирванѣ.

Важнѣе этого все-таки ничего нѣтъ.

Что я разумѣю подъ религіознымъ уваженіемъ? — Вотъ что. Я недавно пріѣхалъ къ брату, а у него умеръ ребенокъ и хоронятъ. Пришли попы, и розовый гробикъ, и все, что слѣдуетъ. Мы съ братомъ невольно выразили другъ другу почти отвращеніе къ обрядности. А потомъ я подумалъ: ну, а что бы братъ сдѣлалъ, чтобы вынести, наконецъ, изъ дома разлагающееся тѣло ребенка? Какъ вообще прилично кончить дѣло? Лучше нельзя (я, по крайней мѣрѣ, не придумалъ), какъ съ панихидой, ладаномъ и т. д. Какъ самому слабѣть и умирать? Мочиться подъ себя, п... и больше ничего? Не хорошо.

Хочется вполнѣ выразить значительность и важность, торжественность и религіозный ужасъ передъ этимъ величайшимъ въ жизни каждаго человѣка событіемъ. И я тоже ничего не могу придумать болѣе приличнаго для всѣхъ возрастовъ, всѣхъ степеней развитія, какъ обстановка религіозная. Для меня, по крайней мѣрѣ, эти славянскія слова отзываются совершенно тѣмъ самымъ метафизическимъ восторгомъ, который ощущаешь, когда задумаешься о нирванѣ. Религія уже тѣмъ удивительна, что она столько вѣковъ, столькимъ милліонамъ людей оказывала ту услугу, наибольшую услугу, которую можетъ въ этомъ дѣлѣ оказать что-либо человѣческое. Съ такой задачей какъ же ей быть логической? Но что-то въ ней есть. Только вамъ я позволяю себѣ писать такія письма. А написать хотѣлось и что-то грустно особенно отъ вашего письма.

Напишите, пожалуйста, поскорѣе о вашемъ здоровьи.

Вашъ

1872 г., янв.

Ему же.

Какъ мнѣ грустно было узнать, что вы были въ Москвѣ и еще хуже, что, когда я на-дняхъ въ другой разъ пріѣхалъ въ Москву, я узналъ, что вы наканунѣ уѣхали. Какъ же было не написать мнѣ словечко о своемъ положеніи? Я могу не переписываться по годамъ со своими друзьями, но когда другъ въ бѣдѣ, то ужасно совѣстно и больно не знать. Напишите, какъ вы теперь? Не зарабатывайтесь своимъ судействомъ. Вы мнѣ это проповѣдываете, а вамъ едва ли не нужнѣе, я ужъ лѣтъ 9 не помню васъ хоть на денекъ спокойнымъ и свободнымъ. Въ Москвѣ теперь хотѣлъ съѣздить къ Боткину, чтобы разузнать про васъ, но самъ заболѣлъ, пролежалъ и больной насилу добрался домой. Теперь лучше. Дома все хорошо; и домъ вы нашъ не узнаете: мы всю зиму ужъ пользуемся новой пристройкой. Еще новость, это— что я опять завелъ школу, и жена и дѣти, мы всѣ учимъ и всѣ довольны. Я кончилъ свои азбуки, печатаю и принимаюсь за задушевное сочиненіе, котораго не только въ письмѣ, но и на словахъ едва ли разскажу, несмотря на то, что вы тотъ, кому можно разсказать. Теперь пишу и вспоминаю, какъ давно мы потерялись изъ виду. Напишите, пожалуйста, поподробнѣе. Жена и я просимъ передать душевный привѣтъ Марьѣ Петровнѣ. Какъ ея здоровье? Прощайте.

Вашъ искренній другъ

Ясная Поляна, 1872 г., февраль 20.

А. Ф. Писемскому.

Милостивый государь Алексѣй Феофилактовичъ.

Отъ всей души благодарю васъ за ваше письмо и присылку книги. Кромѣ удовольствія вашего письма, это сдѣлало то, что я второй разъ прочелъ вашъ романъ и второе чтеніе только усилило то впечатлѣніе, о которомъ я говорилъ вамъ. Третья часть, которую я еще не читалъ тогда, такъ же прекрасна, какъ первыя главы, которыя меня при первомъ чтеніи привели въ восторгъ. Одно только непріятное впечатлѣніе произвели на меня ваши письма, это то, что мнѣ стало совѣстно, что я не былъ у васъ.

Въ первый разъ, какъ буду, устроюсь, чтобы провести у васъ вечеръ. Перфильевъ, впрочемъ, знаетъ, какой я всегда шальной въ Москвѣ.

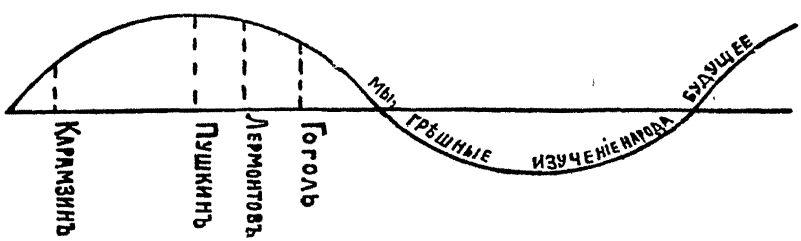
Искренно уважающій и преданный

1872 г., мартъ 3.

Н. Н. Страхову.

. . . . . .

Замѣтили ли вы въ наше время въ мірѣ русской поэзіи связь между двумя явленіями, находящимися между собой въ обратномъ отношеніи: упадокъ поэтическаго творчества всякаго рода — музыки, живописи, поэзіи и стремленіе къ изученію русской народной поэзіи всякаго рода,—музыки, живописи и украшенія, и поэзіи. Мнѣ кажется, что это даже не упадокъ, а смерть съ залогомъ возрожденія въ народности. Послѣдняя волна, поэтическая пара-



бола, была при Пушкинѣ на высшей точкѣ, потомъ Лермонтовъ, Гоголь, мы грѣшные, и ушла подъ землю, другая линія пошла въ изученіе народа и выплыветъ, Богъ дастъ, а Пушкина періодъ умеръ, совсѣмъ сошелъ на-нѣтъ.

Вы понимаете, вѣроятно, что я хочу сказать. Счастливы тѣ, кто будетъ участвовать въ выплываніи. Я надѣюсь.

. . . . . .

Ясная Поляна, 1872 г., мартъ.

Ему же.

Письмо ваше очень порадовало меня, многоуважаемый Николай Николаевичъ. Будетъ съ меня и того, что вы меня такъ понимаете. А отъ публики я не только не жду сужденій, но боюсь, какъ бы не раскусили. Я нахожусь въ положеніи лѣкаря, старательно скрывшаго въ сладенькихъ пилюляхъ пользительное, по его мнѣнію, касторовое масло и только желающаго, чтобы никто не разболталъ, что это лѣкарство, чтобы проглотилъ, не думая о томъ, что тамъ есть. А оно ужъ подѣйствуетъ.

Вы не пишете, пришлете ли корректуры. Надо прислать. Тамъ много ужасно плохого, какъ я вспоминаю. Пожалуйста, пришлите, если можно. Тороплюсь на почту. До другого раза.

Ясная Поляна 1872 г., апр. 15. Вашъ

Ему же

Письмо ваше произвело на меня грустное впечатлѣніе. Мнѣ кажется, что вы мной недовольны. А я такъ дорожу вами, что чортъ съ ними со всѣми дѣлами, если они могутъ разстроить насъ.

Что касается до Кашперовой, то я не только давать что-нибудь въ «Вечера» не намѣренъ, чтобы выручить свои деньги по 400 руб. за листъ, но только радуюсь уроку никогда не отвѣчать на редакторскія письма и прятать бумажникъ и серебряныя ложки въ присутствіи редакторовъ. Не обвиняйте меня за раздраженіе. Я раздраженъ на себя за то, что измѣнилъ своему правилу— не имѣть дѣла съ журналами и литературой. Я жду и желаю для полнаго своего пристыженія, чтобы оба разсказа, которыми я далъ поводъ разсуждать о себѣ умникамъ-журналистамъ и за которые ничего не получилъ, были бы напечатаны въ хрестоматіяхъ, а моя бы Азбука не вышла. Такъ и будетъ.

Итакъ жду отъ васъ отвѣта.

Васъ искренно любящій

Ясная Поляна, 1872 г., апр.

Ему же.

Любезный Николай Николаевичъ!

Великая къ вамъ просьба. Хочется сдѣлать кучу предисловій о томъ, какъ мнѣ совѣстно и т. д., но дѣло само за себя скажетъ. Если вамъ возможно и вы хотите мнѣ сдѣлать большое добро, вы

сдѣлаете. Вотъ въ чемъ дѣло. Я давно кончилъ свою Азбуку, отдалъ печатать, и въ 4 мѣсяца печатаніе не только не кончилось, не началось и, видно, никогда не начнется и не кончится. Зимою я всегда зарабатываюсь и лѣтомъ кое-какъ оправляюсь, если не работаю. Теперь же корректуры, ожиданіе, вранье, поправки типографскія и свои измучили меня и обѣщаютъ мучить все лѣто. Я вздумалъ теперь взять это отъ Риса и печатать въ Петербургѣ, гдѣ, говорятъ, больше типографій и онѣ лучше. Возьметесь ли вы наблюдать за этой работой, т.-е. пріискать человѣка, который держалъ бы черновыя корректуры (тоже за вознагражденіе). Только вамъ я бы могъ поручить эту работу такъ, чтобы самому уже не видать ее. Вознагражденіе вы опредѣлите сами такое, которое бы равнялось тому, что зарабатываете въ хорошее время. Время, когда печатать, вы опредѣлите сами. Для меня чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Листовъ печатныхъ будетъ около 50-ти. Если вы согласитесь, то сдѣлаете для меня такое одолженіе, значенія котораго не могу вамъ описать. Умственная и душевная работа моя по дѣлу этому кончилась, но пока это не напечатано, я не могу спокойно взяться за другое дѣло, и оттого это мучаетъ, томитъ меня. Благодарю васъ очень за корректуру статьи. Она мнѣ не понравилась въ печати, и я жалѣю, что напечаталъ и ту и другую. И забавно то, что ни тотъ, ни другой журналы не платятъ мнѣ денегъ. Выгода та, что ужъ впередъ навѣрно никогда не отвѣчу ни на одно редакторское письмо. Не будете ли проѣзжать опять мимо Ясной? И нѣтъ ли надежды опять увидѣть васъ—хорошо бы было.

Вашъ

Ясная Поляна, 1872 г., май 19.

Графинѣ А. А. Толстой.

Любезный другъ Alexandrine,—вы одна изъ тѣхъ людей, которые всѣмъ существомъ своимъ говорятъ своимъ друзьямъ: «Я раздѣляю съ тобой твои горести, а ты раздѣли со мной свои радости» [1]). И я вотъ, всегда разсказывающій вамъ о своемъ счастіи, теперь ищу вашего сочувствія въ моемъ горѣ. Нежданно, негаданно на меня обрушилось событіе, измѣнившее всю мою жизнь.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Страшно подумать, страшно вспомнить о всѣхъ мерзостяхъ, которыя мнѣ дѣлали, дѣлаютъ и будутъ дѣлать. Съ сѣдой бородой, съ шестью дѣтьми и съ сознаніемъ полезной и трудовой жизни, съ твердой увѣренностью, что я не могу быть виновнымъ, съ пре-

---

[1]) Въ письмѣ эта фраза приведена по-англійски. «I will share with thee thy sorrows, and thou thy joys with me».

зрѣніемъ, котораго я не могу не имѣть къ судамъ новымъ, сколько я ихъ видѣлъ, съ однимъ желаніемъ, чтобы меня оставили въ покоѣ, какъ я всѣхъ оставляю въ покоѣ, невыносимо жить въ Россіи — съ страхомъ, что каждый мальчикъ, которому лицо мое не понравится, можетъ заставить меня сидѣть на лавкѣ передъ судомъ, а потомъ въ острогѣ. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Ясная Поляна, 1872 г., августъ.

Н. Н. Страхову.

Вы, вѣрно, сердитесь и досадуете на меня, дорогой Николай Николаевичъ, и имѣете полное право, за то, что я не отвѣтилъ, не посылалъ денегъ и не посылаю ариѳметики 4-й книги. Я виноватъ, но вы не можете себѣ представить, до чего я разстроенъ и взволнованъ всѣ эти дни. Случилось во время моего отсутствія въ Самарѣ, что молодой быкъ убилъ на-смерть пастуха. И я узналъ, что такое наши суды и подъ какимъ Дамокловымъ мечомъ мы всѣ живемъ. Я подъ слѣдствіемъ, обязанъ подпиской не выѣзжать изъ дома. Тутъ же мнѣ привелось быть присяжнымъ, и вы не можете себѣ представить всѣхъ мелкихъ мерзостей, которыя мнѣ дѣлаетъ судъ, и признаюсь, какъ это ни стыдно, что я еще не дошелъ до положенія Аксенова. Можетъ-быть, дойду, когда меня посадятъ въ острогъ, что очень возможно, но теперь я раздраженъ такъ, что боленъ физически и нравственно, и не могу ни о чемъ думать, кромѣ какъ о томъ, за что мучаютъ человѣка, который всѣхъ оставляетъ въ покоѣ и только объ одномъ и проситъ, чтобы его оставили въ покоѣ. Теперь я такъ раздраженъ, что рѣшилъ уѣхать въ Англію и продать все, что имѣю въ Россіи Не буду описывать вамъ всего. Это скучно и меня раздражаетъ

Ясная Поляна, 1872 г., сентябрь 15.

Ему же.

Послалъ вамъ телеграмму, прося прощенія, и теперь повторяю то же. Опоздалъ я немного, но чувствую за васъ и сердце болитъ. И опоздалъ, право, не по своей винѣ. Вы не можете себѣ представить, какъ я счастливъ теперь, спихнувъ съ себя эту работу [1]), казавшуюся мнѣ столь важною. Боюсь, что покажется вамъ длинно. Какъ мнѣ ни жалко, даю вамъ carte blanche сокра-

[1]) Азбука.

тить въ отдѣлѣ примѣровъ сложенія и вычитанія. Напишите, какъ и когда теперь кончится все и вы будете свободны, меня не будетъ мучить совѣсть за васъ, и я, главное, васъ увижу. Дня не проходитъ, чтобы я по нѣскольку разъ не благословлялъ васъ за то, что вы для меня дѣлаете. Особенно теперь, когда я всѣ эти послѣдніе дни насилу удерживалъ потребность начать свою настоящую работу. Теперь благодаря вамъ, я могу начать и забыть про Азбуку.

Вѣрно отъ васъ лежатъ письма въ Тулѣ и листы. Мы давно не посылали. Какъ получу, отвѣчу. Если найдете нужнымъ въ языкѣ дробей и для учителя поправить, измѣнить, выпустить что-нибудь, дѣлайте, но извѣстите.

Вашъ

Ясная Поляна, 1872 г., сент. 30.

А. А. Фету.

Какъ стыдно луку передъ розой,
Хотя стыда причины нѣтъ;
Такъ стыдно мнѣ отвѣтить прозой
На вызовъ вашъ, любезный Фетъ.
Итакъ, пишу впервой стихами,
Но не безъ робости, отвѣтъ.—
Когда? Куда? Рѣшайте сами,
Но заѣзжайте къ намъ, о Фетъ.
Сухимъ доволенъ буду лѣтомъ,
Пусть погибаютъ рожь, ячмень,
Коль побесѣдовать мнѣ съ Фетомъ
Удастся вволю цѣлый день.
Заботливы мы слишкомъ оба,
Пускай въ грядущемъ много бѣдъ,
Своя довлѣетъ дневи злоба,—
Такъ лучше жить, любезный Фетъ.

Безъ шутокъ, пишите поскорѣе, чтобы знать, когда выслать за вами лошадей. Ужасно хочется васъ видѣть.

Ясная Поляна 1872 г., ноябрь 12.

Н. Н. Страхову.

Дорогой и многоуважаемый Николай Николаевичъ!

Все время послѣ вашего отъѣзда (4 дня) занимался исключительно вами, читалъ вашу книгу. И хоть, можетъ-быть, вовсе вамъ не нужно мое мнѣніе, она произвела на меня такое сильное

впечатлѣніе, что я чувствую потребность написать вамъ о ней. Я читалъ ее и не могъ оторваться и читалъ внимательно, съ карандашомъ—дѣлалъ отмѣтки тамъ, гдѣ былъ пораженъ и перечитывалъ тѣ мѣста. Общее впечатлѣніе: 1) я узналъ много новаго и не случайнаго, того самаго, что нужно знать; 2) много вопросовъ, смутно представлявшихся мнѣ, поставлены и разрѣшены ясно, ново и сильно. Мнѣ совѣстно вспоминать о томъ, какъ я попалъ на легкое мнѣніе объ этой книгѣ, только потому, что всѣ статьи уже напечатаны. Я сдѣлалъ ложное заключеніе: было напечатано. Ничего не слышно было, стало-быть, ничего особеннаго. Какъ сильны привычки. 3) Много, ужасно много вопросовъ неразрѣшенныхъ. Чувствуется, въ какомъ смыслѣ долженъ разрѣшить ихъ авторъ, и боишься за него. 4) Непріятное впечатлѣніе неровности тона и даже нѣкоторой непослѣдовательности предметовъ всей книги.—Поймите меня. Есть такая глубина и ясность во многихъ мѣстахъ, что она указываетъ на необходимую въ міросозерцаніи автора строгую послѣдовательность, а отъ этой послѣдовательности отступаетъ книга. Теперь частности — 1, 2, 3, 4, 5 письма. Все прекрасно, но въ 5-мъ письмѣ стр. 75 и 74, авторъ говоритъ о духѣ, о томъ, что постиженіе должно быть начато съ духа. Почему? Человѣкъ отличается отъ остального міра на мои глаза вовсе не духомъ, который я совершенно не понимаю, но тѣмъ, что судитъ о самомъ себѣ, когда судитъ о человѣкѣ, и судитъ не о себѣ, когда судитъ о вещахъ. Судить о самомъ себѣ, вѣрнѣе—имѣть себя предметомъ своимъ, мы называемъ сознаніе. Поэтому разница должна быть рѣзкая, но она основана не на объективномъ чьемъ-то духѣ, но на томъ отношеніи, въ которомъ стоитъ человѣкъ къ предметамъ внѣ себя и въ себѣ. Съ выводомъ я согласенъ, что человѣкъ долженъ начинать постиженіе съ себя, а не съ внѣ себя, но не согласенъ съ объективнымъ духомъ, противополагаемымъ объективному міру какъ какой-то духъ. И не согласенъ потому, что дальше различіе это становится существеннымъ. Далѣе, на 76-ой стр., отличая круговоротъ отъ жизни, авторъ опровергаетъ смѣшеніе этихъ двухъ понятій не духомъ, а сознаніемъ жизни. И это мѣсто прекрасно. Вся эта глава прекрасна, но на 89 стр. и до конца опять являются понятія, вытекающія только изъ вѣры въ духъ—совершенствованіе. Для сознанія человѣка, т.-е. для мысли человѣка, устремленной на самого себя, можетъ быть совершенство только относительное, но не абсолютное. Это вопросъ ужасно сложный, о которомъ я жалѣю, что не поговорилъ съ вами. Въ письмѣ невозможно сказать. Попробую коротко сказать свои убѣжденія. Совершенство зоологическое, на которомъ вы настаиваете, даже умственное, которое вытекаетъ изъ зоологическаго, есть совершенство только относительное, вытекающее изъ того, что человѣкъ самъ на себя смотритъ. Муха такой же центръ и апогей всего созданія. Но есть совершенство нравственное, религіозное (буддизмъ, христіанство), которое ничѣмъ не доказывается, которое несомнѣнно и которое даже не можетъ быть сравнимо ни съ чѣмъ, почему не можетъ

быть называемо совершенствомъ (понятіе совершенства вытекаетъ изъ понятія степеней), короче, это—понятіе добра. И понятіе это таково, что нельзя про него сказать, что оно есть больше или меньше, что оно есть у человѣка, но его нѣтъ у животныхъ.— Оно есть у человѣка, оно сущность всей жизни, и потому его не можетъ быть ни больше, ни меньше. Въ 4-омъ письмѣ, стр. 92, 93 вы прекрасно говорите о непогрѣшимости ума, убѣжденій. Я подставлю вмѣсто ума убѣжденія, сознаніе жизни, котораго сущность есть добро. Слѣдовательно, чѣмъ болѣе сознана эта сущность, тѣмъ она болѣе совершенна. Прекрасно объ инфузоріяхъ (98 стр.), прекрасно проведено понятіе организма изъ совершенствованія и о смерти, но посылка, что цѣль человѣческой жизни есть совершенствованіе, совпадающее съ совершенствованіемъ организма, умаляетъ значеніе человѣческой жизни. И фактъ недовольства жизнью, выражающійся не въ однихъ поэтахъ, но въ милліонахъ людей (христіанство, буддизмъ), есть фактъ, который нельзя объяснить заблужденіемъ. Онъ имѣетъ самый законный корень. Онъ имѣетъ основаніемъ сущность жизни. И какъ объясненіе и матеріалистовъ недостаточно (что и доказываетъ авторъ) именно потому, что они упускаютъ изъ расчета способность сознанія (духа), такъ и объясненіе автора недостаточно, потому что онъ упускаетъ изъ виду сущность жизни. Письмо 3 прелестно, особенно кристаллы: это геніальное опредѣленіе основъ дѣленія на не неорганическое, органическое и животное. Письмо 9-е мнѣ все не нравится и по формѣ и по содержанію, я бы его все выбросилъ. Жители планетъ и птицы не нравятся, несмотря на обиліе интересныхъ данныхъ, съ вашей ясностью и умѣлостью изложенныхъ, не нравятся жители планетъ и по содержанію, и обѣ главы—по совершенно другому и не строгому тону. Чѣмъ отличается человѣкъ отъ животнаго,—эти двѣ главы, опять прежній тонъ и опять превосходны. Мысль о передѣлѣ поразительна. Опроверженіе мнимаго мѣста человѣка, даваемаго натуралистами, превосходно. Я только для своего удобства подставляю: натуралисты хотятъ найти мѣсто человѣку, не пользуясь сознаніемъ, т.-е. взглядомъ на самого себя. Точно такъ, какъ (грубое сравненіе) я бы захотѣлъ узнать свое мѣсто въ комнатѣ, измѣривъ разстояніе между всѣми предметами въ комнатѣ, а не отъ себя до предметовъ. Вторая часть, насколько могу судить, вся превосходная. Я нашелъ въ ней въ первый разъ ясное изложеніе смысла физики и химіи. Я нашелъ съ ясностью, (будто бы) легкостью разрѣшенными часть тѣхъ сомнѣній и вопросовъ, которые занимали меня; но, кромѣ того, я нашелъ ясное указаніе на точно существенное въ этихъ наукахъ. Эта вся часть исчерчена мною карандашомъ и не знаю, что лучше. Поразительнѣе же всего для меня не только критика химіи, но и изложеніе возможно новаго взгляда. Прекрасно тоже объясненіе сущности матеріалистическаго взгляда, состоящаго въ представленіи. Два только пятна нашелъ я въ этомъ солнцѣ. И все это Гегель. На 380 стр. выписка изъ Гегеля, которая, можетъ-быть, прекрасна, но въ которой я не понимаю, прочтя нѣсколько

разъ, ни единаго слова. Это моя судьба съ Гегелемъ и на стр. 451: чистая мысль эѳирна и такъ далѣе до точки. Я ничего не понимаю. Менѣе всего понимаю, какъ съ вашей ясностью можетъ уживаться этотъ сумбуръ. Не знаю, пошлю ли это письмо. Во всякомъ случаѣ скажу, что хотѣлъ сказать. Мое мнѣніе о васъ очень высоко, но я не совсѣмъ довѣрялъ ему (я боялся, что подкупленъ), но теперь, по прочтеніи вашей книги, я не имѣю болѣе недовѣрія и мнѣніе о вашей силѣ еще увеличилось. Дай вамъ Богъ спокойствія и духовнаго досуга. Вы бы меня очень порадовали, если бы написали мнѣ такъ же искренно, какъ я вамъ, свое мнѣніе о моей критикѣ вашей книги.

Живете вы очень хорошо. И хорошо то, что вы просто скучаете. Мнѣ кажется это изъ вашего письма.

Вашъ

1872 г., ноябрь 12.

П. Д. Голохвастову [1]).

1) Posselt [2]). 2) Жизнь Лефорта и Анекдоты Штелина. 3) Гордона дневникъ. 4) Забѣлинъ. Домашній бытъ русскихъ царей. 5) Забѣлинъ. Опыты изученія русской древности. 6) Болотова. 7) Записки Щербатова. 8) Котошихинъ. 9) Олеаріусъ. 10) Веберъ. 11) Кабинетъ П. В. 12) Записки Бассевича. 13) Путешествіе по Россіи англичанина. Вотъ сколько мнѣ нужно и у меня нѣтъ книгъ. Я и боюсь злоупотреблять вашей любезностью, да и очень мнѣ хочется имѣть эти книги. Тѣ, которыя я подчеркнулъ, мнѣ особенно нужны [3]). Хотѣлъ я нынче выгадать часокъ, чтобы пови-

---

[1]) П. Д. Голохвастовъ (1839—1892), сынъ попечителя московскаго учебнаго округа, занимался древней русской исторіей, преимущественно вопросомъ о земскихъ соборахъ. Его жена, Ольга Андреевна, оставила послѣ себя нѣсколько драматическихъ произведеній. П. Д. одно время увлекался изученіемъ русскихъ былинъ, стараясь открыть въ нихъ законы стиха, для чего предпринялъ рядъ научныхъ изслѣдованій.

Будучи чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, гр. Н. П. Игнатьевѣ, П. Д. мечталъ о современномъ земскомъ соборѣ, но эта мечта такъ и не осуществилась. Особенное сближеніе семей Толстого и Голохвастова было въ періодъ увлеченія Л. Н-ча народной поэзіей.

[2]) Историкъ Морицъ Поссельтъ разрабатывалъ исторію Петра; ему принадлежатъ труды: Петръ и Лейбницъ, Дневникъ Гордона и Жизнь Лефорта (всѣ на нѣмецкомъ языкѣ).

[3]) Подборъ книгъ объясняется его тогдашнимъ планомъ написать сперва драму, потомъ романъ изъ эпохи Петра Великаго. Петровская эпоха начала интересовать Т—го около 1870 г., когда онъ увлекался драматической формой; тогда были и сдѣланы наброски начала драмы. Съ 1872 г. онъ думаетъ уже о большомъ романѣ, и вся осень и зима этого года ушли на подготовительныя работы, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь. Къ веснѣ 1873 г., повидимому, сталъ складываться планъ романа, но дальше нѣсколькихъ началъ дѣло опять не пошло; Л. Н. разочаровался въ эпохѣ и въ личности Петра и лѣтомъ уже прекратилъ всѣ работы, тѣмъ болѣе, что въ мартѣ того же года была начата «Анна Каренина».

даться съ вами, но не могъ. Мнѣ хотѣлось сказать вамъ кое-что. Можетъ-быть, напишу или скажу при свиданіи, на которое разсчитываю съ большой радостью.

Москва, 1872 г., декабрь 6.

Н. Н. Страхову.

. . . . . .

Знаете ли, что меня въ васъ поразило болѣе всего? Это выраженіе вашего лица, когда вы разъ, не зная, что я въ кабинетѣ, вошли изъ сада въ балконную дверь. Это выраженіе чуждое, сосредоточенное и строгое, объяснило мнѣ васъ, разумѣется, съ помощью того, что вы писали и говорили. Я увѣренъ, что вы предназначены къ чисто философской дѣятельности. Я говорю «чисто», въ смыслѣ отрѣшенія отъ поэтическаго, религіознаго объясненія вещей. Ибо философія чисто умственная есть уродливое западное произведеніе, и ни грекъ Платонъ, ни Шопенгауэръ, ни русскіе мыслители не понимали ее такъ. У васъ есть одно качество, которое я не встрѣчалъ ни у кого изъ русскихъ: это—при ясности и краткости изложенія мягкость, соединенная съ силой: вы не зубами рвете, а мягкими сильными лапами. Я не знаю содержанія вашего предполагаемаго труда, но заглавіе мнѣ очень нравится, если оно опредѣляетъ содержаніе въ общемъ смыслѣ. Но да не будетъ это статья, но, пожалуйста, сочиненіе. Но бросьте развратную журнальную дѣятельность. Я вамъ про себя скажу: вы, вѣрно, испытываете то, что я испытывалъ тогда, когда жилъ, какъ вы, въ суетѣ, что изрѣдка выпадаютъ въ мѣсяцы часы досуга и тишины, во время которыхъ вокругъ тебя устанавливается понемногу ничѣмъ не нарушимая своя собственная атмосфера и въ этой атмосферѣ всѣ жизненныя явленія начинаютъ размѣщаться такъ, какъ они должны быть и суть для тебя, и чувствуешь себя и свои силы: какъ измученный человѣкъ послѣ бани. И въ эти-то минуты для себя (не для другихъ) истинно хочется работать и бываешь счастливъ однимъ сознаніемъ себя и своихъ силъ, иногда и работы. Это-то чувство вы, я думаю, испытываете, и нерѣдко и я прежде, теперь же это мое нормальное положеніе, и только изрѣдка я испытываю ту суету, въ которой и вы меня застали и которая только изрѣдка перерываетъ это состояніе. Вотъ этого-то я бы желалъ вамъ.

. . . . . .

Ясная Поляна 1872 г.

Ему же.

. . . . . .

Огромныхъ денегъ я не жду за книгу и даже увѣренъ, что хотя и слѣдовало бы, ихъ не будетъ; первое изданіе разойдется сейчасъ же, а потомъ особенности книги разсердятъ педагоговъ, всю книгу растащатъ по хрестоматіямъ, и книга не пойдетъ. Имѣютъ свои судьбы книги, и авторы чувствуютъ эти судьбы. Такъ и вы знаете, что ваша книга хороша, и я это знаю, но вы чувствуете, что она не пойдетъ. Издавая «Войну и миръ», я знаю, что она исполнена недостатковъ, но знаю, что она будетъ имѣть тотъ самый успѣхъ, какой она имѣла, а теперь вижу очень мало недостатковъ въ «Азбукѣ», знаю ея огромное преимущество надъ всѣми такими книгами и не жду успѣха, именно того, который должна имѣть учебная книга.

. . . . . .

1872 г.

П. Д. Голохвастову.

Я нынче только получилъ ваши книги, многоуважаемый Павелъ Дмитріевичъ, и не могу васъ достаточно благодарить. Надѣюсь свидѣться съ вами до тѣхъ поръ, пока прочту то, что мнѣ нужно въ этихъ.

Долго ли вы пробудете въ Москвѣ. Есть ли надежда увидать васъ въ январѣ? Дай Богъ вамъ успѣха въ вашей работѣ. Такъ часто приходится говорить неискренно эти слова, что мнѣ хочется особенно подчеркнуть то, что я отъ всей души интересуюсь не только вашими трудами, но и всей вашей умственной дѣятельностью, которая имѣетъ большую будущность.

Я васъ не зову къ себѣ теперь, если не поздно будетъ, — въ февралѣ, потому, что я всю зиму нынѣшнюю нахожусь въ самомъ тяжеломъ ненормальномъ состояніи.

Мучаюсь, волнуюсь, ужасаюсь предъ представляющимся, отчаиваюсь, обнадеживаюсь и склоняюсь къ тому убѣжденію, что ничего, кромѣ муки, не выйдетъ. Надѣюсь къ февралю успокоиться. А теперь я себѣ такъ несносенъ, что другимъ долженъ быть невыносимъ [1]). Такъ, пожалуйста, напишите свои планы на слѣдую-

---

[1]) Тяжелое состояніе, повидимому, было вызвано неладившейся работой по роману изъ времени Петра. (См. Бирюковъ, II, 199).

щей недѣлѣ; я по нимъ соображусь. А свидѣться и сблизиться съ вами мнѣ очень хочется.

Ясная Поляна, 1873 г., январь 12.

Ему же.

Я становлюсь безсовѣстенъ. Не успѣлъ отказаться отъ вашего предложенія, какъ мнѣ уже понадобились 3 книги. Справился съ вашимъ предпослѣднимъ письмомъ — двѣ изъ нихъ тамъ есть: Корба и Есипова раскольничьи дѣла. Если я вамъ не надоѣлъ, пришлите ихъ, пожалуйста. Третья книга—это Кириллова статистика, о которой упоминаетъ Устряловъ. Если она есть въ продажѣ, то (простите ради Бога), когда будете у Соловьева, возьмите у него на мой счетъ и пришлите мнѣ, пожалуйста. Я уже дошелъ въ своемъ изученіи времени до той степени (вы, вѣрно, это испытывали), что начинаешь вертѣться въ заколдованномъ кругу. Съ разныхъ сторонъ повторяютъ одно и то же и знаешь откуда. Неужели только?

Есть у меня еще надежда на родословныя. Не знаете ли, нѣтъ чего въ этомъ родѣ? Въ особенности Шереметьевы и Апраксины. Съ другой стороны, я дошелъ до того періода, когда, начитавшись описаній того времени, всегда ложныхъ, съ пошлой европейской героичной точки зрѣнія, испытываешь одно біеніе на эту фальшь и, желая разорвать этотъ волшебный кругъ фальши, теряешь спокойствіе и внимательность, которыя такъ нужны.

Письмо ваше мнѣ было очень пріятно. Въ хорошія минуты я приблизительно то же думаю; но пріятно со стороны получить подтвержденіе. Я тоже хочу сказать вамъ отъ души совѣтъ; но мой не будетъ пріятенъ, хотя вы, вѣроятно, знаете сами то, что я скажу. Не живите въ Москвѣ. Для людей, которымъ предстоитъ упорный умственный трудъ, есть двѣ опасности: журналистика и разговоры. Противъ первой вы непромокаемы, какъ я думаю; но второе вамъ, кажется, опасно. Вы говорите хорошо, васъ слушаютъ охотно, потому что вамъ есть что говорить; но эта бѣда. И чѣмъ умнѣе тѣ люди, съ которыми говоришь, тѣмъ хуже. Для умныхъ людей достаешь самую начинку изъ пирога, а этого-то и не надобно, чтобы они не нанюхали, какъ собаки кушанье, которое готовится къ празднику.

Должно-быть, скоро буду въ Москвѣ; и мнѣ нужно напомнить вашъ адресъ, чтобы видѣться съ вами

Мой адресъ всегда: Тула.

Ясная Поляна, 1873 г., январь 24.

Ему же.

Уже середина 2-й недѣли, а отъ васъ, Павелъ Дмитріевичъ, нѣтъ слуха и телеграммы. Боюсь, уже не уѣхали ли вы въ деревню, наказавъ меня за то, что я не умѣлъ воспользоваться во время вашей готовностью побывать у насъ. Это было бы очень грустно. Въ деревнѣ мы бы переговорили о многомъ, занимающемъ насъ обоихъ, и успѣли бы узнать другъ друга лучше.

Если вы въ Москвѣ и не оставили своего намѣренія, то лучше всего сдѣлать такъ: выѣхать съ пассажирскимъ (кажется) въ 9 утра или около этого изъ Москвы, а со станціи Москвы послать телеграмму въ Козловку; тогда бы я выслалъ за вами въ Козловку въ 5 часу, и вы бы пріѣхали къ намъ къ обѣду. Если же вамъ рано выѣзжать въ 9, то по курьерскому изъ Москвы въ 12 (полдень) и за вами выѣдутъ въ Тулу, и вы пріѣдете къ намъ въ 8.

Надѣюсь, что до свиданья.

Ясная Поляна, 1873 г., марта 1.

А. А. Фету.

Не сердитесь за лаконизмъ моихъ писемъ. Мнѣ всегда такъ много хочется сказать именно вамъ, что ужъ ничего не говорю, кромѣ практическаго. Радуюсь тому, что вы послали пастись Ш—а племянника, но насчетъ того, что Петя считается съ вами письмами, не огорчаюсь, но огорчаюсь, что вы способны принять это слишкомъ къ сердцу и дать этому такое значеніе, какого оно не имѣетъ. Онъ въ томъ самомъ возрастѣ, въ которомъ мальчики поджигаютъ дома, а не поджигаютъ, то отпускаютъ ногти и воротнички и фразы и думаютъ, что они отъ этого лучше будутъ, что еще безсмысленнѣе поджоговъ. Какъ мнѣ жаль, что, хотя я и умѣю наслаждаться чтеніемъ вашихъ писемъ, я не умѣю самъ писать, а вы для меня — соды — кислота: какъ только дотронусь до васъ, такъ и зашиплю, — столько хочется вамъ сказать.

Работа моя не двигается; но я не очень этимъ огорчаюсь. Слава Богу, есть чѣмъ жить, разумѣется не въ смыслѣ денегъ. Передайте нашъ поклонъ Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ

1873 г., мартъ 17.

Ему же.

Стихотвореніе ваше прекрасно. Это новое, никогда не уловленное прежде чувство боли отъ красоты выражено прелестно. У васъ весною поднимаются поэтическія дрожжи, а у меня воспріимчивость къ поэзіи.

Я былъ въ Москвѣ, купилъ 43 номера покупокъ на 450 рублей, и ужъ не ѣхать послѣ этого въ Самару нельзя. Какъ уживается въ новомъ гнѣздѣ ваша пташка? Не забывайте насъ. До 20-го мы не уѣдемъ, а послѣ 20-го адресъ—Самара.

Ясная Поляна, 1873 г., май 11

Т. А. Кузминской.

Любезный другъ Таня, не могу тебѣ описать впечатлѣнія, которое произвело на меня извѣстіе о смерти прелестной моей, милой (какъ мнѣ пріятно думать теперь), моей любимой Даши.

Цѣлый день я не могу подумать о ней и о васъ безъ слезъ. Я испытываю то чувство, которое, вѣроятно, теперь мучаетъ васъ: забыть, а потомъ вспомнить и съ ужасомъ спрашивать себя, неужели это правда. Долго вы еще будете просыпаться и спрашивать себя, неужели правда, что ея нѣтъ... Пожалуйста, прочти 130 псаломъ и выучи его наизусть и читай каждый день... Да, одна религія можетъ утѣшить. И я увѣренъ, что ты въ первый разъ поняла значеніе религіи, и ради Бога не забывай, не старайся забывать всѣ тяжелыя минуты, которыя ты пережила, а живи всегда съ ними. Смерть для тебя ужасна, какъ ты говорила, я помню, но въ смерти близкаго существа, особенно такого прелестнаго существа, какъ ребенокъ, есть удивительная, хотя и невольная прелесть. Зачѣмъ жить и умирать ребенку? Это страшная загадка. И для меня одно есть объясненіе. Ей лучше, какъ ни обыкновенны эти слова, они всегда новы и глубоки, если ихъ понимать. И намъ лучше, и мы должны дѣлать все лучше послѣ этихъ горестей. Я прошелъ черезъ это... Ты перенесешь, какъ должно, главное, безъ ропота, а съ мыслью, что намъ нельзя понять, что̀ мы и зачѣмъ, и только смиряться надо...

1873 г., май.

А. А. Фету.

22-го мы благополучно пріѣхали изъ Самары и сгораемъ желаніемъ васъ видѣть. Спасибо, что не забываете насъ. По настоящему, нѣтъ времени нынче писать вамъ, но такъ боюсь, чтобы

вы не проѣхали мимо насъ, что пишу хоть два слова. Несмотря на засуху, убытки, неудобства, мы всѣ, даже жена, довольны поѣздкой и еще больше довольны старой рамкой жизни и принимаемся за труды респективные. Нашъ поклонъ Марьѣ Петровнѣ и Оленькѣ.

Вашъ

Ясная Поляна, 1873 г., августъ 25.

Ему же.

У насъ горе: Петя меньшой заболѣлъ крупомъ и въ два дня умеръ. Это первая смерть за 11 лѣтъ въ нашей семьѣ, и для жены очень тяжелая. Утѣшаться можно, что если бы выбирать одного изъ насъ восьмерыхъ, эта смерть легче всѣхъ и для всѣхъ; но сердце и особенно материнское—это удивительное высшее проявленіе Божества на землѣ,—не разсуждаетъ, и жена очень горюетъ. Благодарю васъ, что не забываете меня письмами. Какъ бы хорошо было, если бы не забыли и проѣзжая въ Москву.

Порадовался я успѣхамъ вашихъ занятій съ Оленькой; я такъ и ждалъ. У меня одно изъ лучшихъ, радостнѣйшихъ занятій—это уроки съ дѣтьми математики и греческаго. Передайте нашъ душевный привѣтъ Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ

Ясная Поляна, 1873 г., ноябрь 18.

Ему же.

Очень удивился я, получивъ ваше письмо, дорогой Аѳанасій Аѳан., хотя я и слышалъ отъ Борисова давно ужъ исторію всей этой путаницы; и радуюсь вашему мужеству распутать, когда бы то ни было. Я всегда замѣчалъ, что это мучило васъ, и хотя самъ не могъ понять, чѣмъ тутъ мучиться, чувствовалъ, что это должно было имѣть огромное вліяніе на всю вашу жизнь. Одно только, что мы не знали, хорошее или дурное, потому что не знали, что бы было, если бы этого не было. Для меня навѣрно хорошее, потому что того Шеншина я не знаю, а Фета-Шеншина знаю и люблю. Тороплюсь писать, потому что сейчасъ ѣду въ Москву, а не хочу оставить письмо ваше неотвѣченнымъ. Я очень радъ, что вы ничего не дали въ этотъ мерзостный литературный сборникъ. Это не только глупо, но даже нагло и скверно. Я такъ радъ, что мы съ вами вмѣстѣ abs.

Жена благодаритъ за память.

Вашъ всей душою

1874 г., январь 15.

Ему же.

У насъ горе за горемъ: вы съ Марьей Петровной, вѣрно, пожалѣете насъ, главное Соню. Меньшой сынъ 10-ти мѣсяцевъ заболѣлъ недѣли три тому назадъ той страшной болѣзнью, которую называютъ головною водянкою, и послѣ страшныхъ 3-хнедѣльныхъ мученій третьяго дня умеръ, а нынче мы его схоронили. Мнѣ это тяжело черезъ жену, но ей, кормившей самой, было очень трудно.

Вы хвалите Каренину, мнѣ это очень пріятно, да и какъ я слышу, ее хвалятъ; но навѣрное никогда не было писателя, столь равнодушнаго къ своему успѣху, какъ я. Съ одной стороны, школьныя дѣла, съ другой,—странное дѣло—сюжетъ новаго писанья, овладѣвшій мною именно въ самое тяжелое время болѣзни ребенка, и самая эта болѣзнь и смерть.

Ваше стихотвореніе мнѣ кажется эмбріономъ прекраснаго стихотворенія; оно, какъ поэтическая мысль, мнѣ совершенно ясно, но совершенно неясно, какъ произведеніе слова. Отъ Тургенева получилъ переводъ, напечатанный въ Temps Двухъ гусаровъ и письмо въ третьемъ лицѣ, просящее извѣстить, что я получилъ и что г-жой Віардо и Тургеневымъ переводятся другія повѣсти,—что ни то, ни другое совсѣмъ не нужно было.

Очень благодарю Петра Аѳан. за генеалогію лошадей. Я боюсь только, не слишкомъ ли тяжелъ и рысистъ молодой жеребецъ; старый жеребецъ мнѣ больше бы нравился. Очень рады будемъ съ женою, если вы съ Марьей Петровной заѣдете къ намъ и подарите намъ денекъ.

Ясная Поляна, 1874 г., мартъ.

П. Д. Голохвастову.

Вы, вѣрно, упрекаете меня, Павелъ Дмитріевичъ, просто въ невѣжествѣ; на ваши два столь пріятныя мнѣ письма и посылку книгъ я до сихъ поръ не отвѣтилъ. Я, по крайней мѣрѣ, несмотря на увѣренность, что наши хорошія и дружескія отношенія упрочились тѣми славными днями, которые мы провели вмѣстѣ, я ужаснулся, когда хватился, что я еще вамъ не отвѣтилъ, не поблагодарилъ васъ за книги, а главное за вашъ пріѣздъ къ намъ. Произошло это оттого, что дней 10 тому назадъ я написалъ вамъ длинное письмо; но написалъ въ немъ кое-что такое, что, обдумавши, рѣшилъ лучше не писать, и не послалъ письмо, а другого до сихъ поръ не написалъ. То, что я написалъ и не послалъ, относилось до меня, я не послалъ потому, что было преждевременно. Радуюсь отъ души, что вы вырвались изъ Москвы и за-

сѣли (вѣроятно, теперь уже) за работу. За какую? Пожалуйста, извѣстите, это меня очень интересуетъ.

Я больше всего, какъ вы знаете, сочувствую повѣсти и въ прозѣ, потомъ былинами для Шатилова [1]) и менѣе всего надѣюсь на драму. Впрочемъ, это ваше дѣло съ своей душой. Съ вашей искренностью, чистотой любви къ поэтической дѣятельности должно выйти хорошее. Давно ли вы перечитывали прозу Пушкина? Сдѣлайте мнѣ дружбу,—прочтите сначала всѣ повѣсти Бѣлкина. Ихъ надо изучать и изучать каждому писателю. Я надняхъ это сдѣлалъ и не могу вамъ передать того благодѣтельнаго вліянія, которое имѣло на меня это чтеніе.

Изученіе это чѣмъ важно? Область поэзіи безконечна, какъ жизнь; но всѣ предметы поэзіи предвѣчно распредѣлены по извѣстной іерархіи и смѣшеніе низшихъ съ высшими или принятіе низшаго за высшій есть одинъ изъ главныхъ камней преткновенія. У великихъ поэтовъ, у Пушкина, эта гармоническая правильность распредѣленія предметовъ доведена до совершенства. Я знаю, что анализировать этого нельзя, но это чувствуется и усваивается. Чтеніе даровитыхъ, но не гармоническихъ писателей (тоже музыка, живопись) раздражаетъ и какъ-будто поощряетъ къ работѣ и расширяетъ область; но это ошибочно; а чтеніе Гомера, Пушкина сжимаетъ область и, если возбуждаетъ къ работѣ, то безошибочно.

Жена благодаритъ за память и посылаетъ поклонъ. Прошу передать мой поклонъ Ольгѣ Андреевнѣ.

Вашъ

Ясная Поляна, 1874 г., мартъ.

Ему же.

Очень, очень радъ былъ вашему письму, дорогой Павелъ Дмитричъ, и всему тому, что вы мнѣ пишете. Буду ждать васъ непремѣнно, но напишите мнѣ за недѣльку, чтобы я могъ вамъ отвѣтить и извѣстить, что у насъ все благополучно. До сихъ поръ все хорошо, но я жду родовъ жены и почему-то боюсь очень этотъ разъ. Пожалуйста, и молодого Шатилова привезите съ собой; онъ мнѣ очень нравится. То, что вы пишете о своей работѣ, волнуетъ меня. Вы не повѣрите, какъ я желаю вамъ успѣха (не внѣшняго, — но вы понимаете меня) и почему-то боюсь эпопеи русскимъ стихомъ. Но посмотримъ и подумаемъ и будемъ говорить другъ другу правду — то, что думаемъ. Только отчаиваться вамъ никакъ и никогда не слѣдуетъ. Въ васъ все есть, чтобы сдѣлать что-нибудь замѣчательное. Но что — не знаю. Мы никуда нынѣшній годъ не намѣрены уѣзжать. И поэтому лѣтомъ, вѣрно, еще увидимся.

---

[1]) І. Н. Шатиловъ, предсѣдатель Общ. Сельск. Хозяйства.

Пожалуйста, когда поѣдете ко мнѣ, захватите съ собой ваши бумаги,—все то, что вы сдѣлали или пытались сдѣлать по передѣлкѣ былинъ.—Уже по тому, что вы мнѣ пишете, я вижу, что вы многое сдѣлали и расчистили много въ этомъ лѣсу. Я и прежде признавалъ, что никто больше васъ не имѣетъ чутья къ этому дѣлу и какъ я ни далекъ по теперешнимъ своимъ занятіямъ отъ этого міра, я ни на минуту не забываю его значительности. Прошу передать мой душевный поклонъ вашей женѣ.

Урусова мнѣ говоритъ, что у нея былъ почти написанъ романъ. Напечатанъ ли? И гдѣ?

Вашъ всей душой

Ясная Поляна, 1874 г., апр. 11.

Ему же.

Я писалъ вамъ въ Славянскій Базаръ, любезный Павелъ Дмитріевичъ, но, вѣроятно, вы не получили этого письма. Какъ же не желать вашего пріѣзда? Всегда и во всякое время. Пожалуйста, присылайте вашу рукопись, вы не повѣрите, какъ мнѣ тяжело ваше довѣріе къ моему суду, именно потому, что я скажу навѣрное правду своего впечатлѣнія, но не обѣщаюсь сказать только правду, скажу и сверхъ того. Такъ, пожалуйста, пріѣзжайте. У насъ нынче полно народу. Но для васъ я найду не только удобный пріютъ, но и главное—досугъ воспользоваться вами сколько возможно. Жена родила сына благополучно, благодарю васъ за желанія; но теперь не совсѣмъ здорова.

Вашъ всей душой

Ясная Поляна, 1874 г., май 18.

А. А. Фету.

Съ тѣхъ поръ, какъ вы уѣхали, дорогой Аѳан. Аѳан., каждый день собирался писать вамъ, собирался и выѣхать къ вамъ навстрѣчу въ Козловку, но не удалось, а все затѣмъ, что отъ проклятаго Г... я въ послѣдній пріѣздъ вашъ какъ будто и не видалъ васъ. И то же нѣсколько разъ повторяла жена. Даже боюсь, что отъ того же проклятаго народнаго поэта между нами какъ будто холодность пробѣжала. Избави Богъ! Вы не повѣрите, какъ я дорожу вашей дружбой. Пожалуйста, напишите словечко, что все это вздоръ и было, но прошло, или мнѣ только показалось и исполните обѣщаніе заѣхать къ намъ съ Петей.

Мы третьяго дня похоронили тетушку Татьяну Александровну. Она медленно и равномѣрно умирала, и я привыкъ къ умиранію ея, но смерть ея была, какъ и всегда смерть близкаго и дорогого

человѣка, совершенно новымъ, единственнымъ и неожиданно-поразительнымъ событіемъ. Остальные здоровы, и домъ нашъ также полонъ. Чудесная жара, купанье, ягоды привели меня въ любимое мною состояніе праздности умственной, и только настолько и остается духовной жизни, чтобы помнить друзей и думать о нихъ. И вотъ теперь ужасно сильно и часто хочется съ вами поговорить совсѣмъ свободно и во весь умъ, что такъ съ рѣдкими можно дѣлать. Передайте нашъ поклонъ Марьѣ Петровнѣ.

Ясная Поляна, 1874 г., іюнь 24. Вашъ

П. Д. Голохвастову.

Очень радъ былъ узнать о васъ, дорогой Павелъ Дмитріевичъ, и еще болѣе радъ тому (и въ особенности жена), что вы не раздумали заѣхать къ намъ въ августѣ. Къ 15-му мнѣ очень, очень хочется пріѣхать къ Шатиловымъ и непремѣнно пріѣду, если что-нибудь особеннное не задержитъ. У насъ на-дняхъ случилось очень важное для нашей семейной жизни событіе. Нашего нѣмца при дѣтяхъ сманили въ управляющіе, и на насъ съ женой, и такъ очень занятыхъ, навалилось много новой заботы; и мы ищемъ со всѣхъ сторонъ помощника или помощницу. Я вступилъ въ переговоры о чехѣ, котораго мы хотимъ выписать, но хотимъ тоже и швейцарку къ дѣвочкѣ. И взяли бы и швейцара гувернера, вмѣсто чеха. Я хотѣлъ писать Петрову въ Женеву, но не знаю его адреса, имени, отчества.

Вы меня очень обяжете, если напишете ему, какъ помните, вы были такъ добры, хотѣли, или пришлете мнѣ его адресъ. У насъ теперь нѣтъ никого, кромѣ няни-англичанки, и нужны и гувернеръ къ мальчикамъ, и гувернантка къ дѣвочкамъ. Я вѣрю, что не только помощникъ въ воспитаніи дѣтей, но и кучеръ, который наймется,—предопредѣленъ, и потому не знаю, кого именно мнѣ нужно. Попадись отличная—само собою разумѣется, что качество одно—главное, чтобъ былъ хорошій человѣкъ,—отличная гувернантка, мы менѣе требовательны будемъ на учителя и наоборотъ. Я пишу это къ тому, что, кто знаетъ, у вашихъ друзей, знакомыхъ есть такой человѣкъ, тогда, пожалуйста, вспомните обо мнѣ.

Во всякомъ случаѣ до скораго свиданія. Напрасно вы не работаете надъ передѣлкой былинъ. Я этого жду и требую отъ васъ. Впрочемъ, Faites ce que je dis, ne faites pas ce que je fais. Мое печатаніе стоитъ и не могу себя заставить заниматься имъ лѣтомъ [1]). Прошу передать мой поклонъ Ольгѣ Андреевнѣ.

Ясная Поляна, 1874 г., іюль. Вашъ

---

[1]) Весной начало «Анны Карениной» было отдано Каткову для набора, но появились первыя главы лишь въ январской кн. «Р. В.» 1875 г.—болѣе полугода Т-ой правилъ корректуры.

Ему же.

Все время, пока я читалъ женѣ ваше послѣднее письмо, она прерывала меня благодарственными акафистами вамъ и Ольгѣ Андреевнѣ, къ которымъ я и присоединился. «Вотъ это понимаютъ, вотъ добрые, вотъ хорошіе люди»... и т. д. Я написалъ вамъ такъ, на всякій случай, чтобы душу излить, никакъ не ожидая, что вы такъ поможете мнѣ. Очень, очень вами благодарны. Одно жалко, что я не точно написалъ условія гувернантки. Съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами говорили, мы убѣдились, что дѣвочкѣ нужна уже не нянька, а гувернантка, т.-е. женщина болѣе высшаго умственнаго строя, чѣмъ тѣ бонны, которыхъ берутъ только для языка и въ числѣ которыхъ попадаются очень плохія. Однимъ словомъ, мы возьмемъ и такую, въ 300 р., если хорошая дѣвушка; но больше желаемъ такую, которая могла у насъ остаться при дѣвочкѣ лѣтъ 6 до ея полнаго возраста, т.-е. гувернантку рублей въ 600. Впрочемъ, все — судьба, и мы будемъ ее ждать въ письмѣ m-lle Elfrot. — Къ Бочинскому я написалъ по вашему совѣту. Я писалъ въ разныя стороны, но то, что вы пишете о томъ, котораго выписывали для вашей сестры, мнѣ очень нравится. Идеалъ мой — это мужъ съ женой, бездѣтные — профессоръ, учитель, такіе, я знаю, бываютъ. Но кто предназначенъ, угадать нельзя, тѣмъ болѣе, что условія мои очень широки.

Только бы были нравственные люди, а жалованье двумъ отъ 1000 до 2000. Во всякомъ случаѣ отъ всей души благодаримъ васъ и Ольгу Андреевну за вашу помощь. Я завтра ѣду въ Самару посмотрѣть, что родилось и свести счеты. Я буду домой 14 августа, если Богъ дастъ, и тогда поѣду къ вамъ, къ Шатиловымъ. Если бы почему-нибудь не удалось, то я напишу. Одно, пожалуйста, во всякомъ случаѣ: не лишите насъ обѣщаннаго — увидѣть васъ у себя. Что вы не пишите о своей работѣ? На-дняхъ у меня былъ Страховъ, пристрастилъ меня было къ моему роману, но я взялъ и бросилъ. Ужасно противно и гадко.

Вашъ

Ясная Поляна, 1874 г., іюль.

Ему же.

Случилось то, чего я боялся, любезный Павелъ Дмитричъ, т. е. что мнѣ не удалось пріѣхать къ Шатиловымъ къ 15-му и воспользоваться вашимъ обществомъ тамъ. Моя самарская поѣздка задержала меня, и я пріѣду въ Моховое послѣ.

Жена проситъ передать Ольгѣ Андреевнѣ свою великую благодарность за ея хлопоты о гувернанткѣ и надежду на то, что

вы не раздумали сдѣлать намъ это великое удовольствіе—побывать у насъ.

Говоря по-французски, мы дѣлаемъ себѣ изъ этого праздникъ и разсчитываемъ увидѣть васъ въ 20-хъ числахъ.

Телеграфировать намъ, если вы не успѣете написать, чтобы выслать коляску, можно въ Ясенки.

Пріѣздъ къ намъ можетъ быть по курьерскому въ Тулу въ 12 часовъ дня и по почтовому, который приходитъ въ Ясенки въ 11 часовъ вечера. Для насъ оба одинаково удобны. Выбирайте, какой для васъ удобнѣе.

Корректуры мои, какъ онѣ мнѣ ни постылы, теперь къ вашимъ услугамъ. Передайте нашъ поклонъ Ольгѣ Андреевнѣ и благодарность.

Вашъ

Ясная Поляна, 1874 г., авг. 15.

Ему же.

Очень благодаренъ вамъ, дорогой Павелъ Дмитричъ, за ваши оба письма, на которыя я не успѣлъ отвѣтить. Мы были у Дьяковыхъ и я тамъ получилъ послѣднее письмо. Не могу сказать, чтобъ я былъ радъ извѣстію о положеніи вашихъ дѣлъ. Это только отсрочка, а неопредѣленность такъ мучительна. О Новосильскомъ имѣніи я навелъ справки и видѣлъ Мясного и отослалъ ему вопросные пункты. Когда получу отвѣтъ, пришлю вамъ. Онъ говорилъ о цѣнѣ такъ, что, я полагаю, за 45 тысячъ отдадутъ. И по всему, что я узналъ, я вамъ очень совѣтую купить. Шатиловъ писалъ вамъ (онъ мнѣ говорилъ), что не совѣтуетъ купить, не слушайте его.

Получили ли вы книги ваши, за которыя еще разъ очень благодарю, и всѣ ли онѣ цѣлы. Некрасова я забылъ уложить, пришлю послѣ. Мы вчера вернулись отъ Дьяковыхъ и принимаемся за свою постоянную трудовую жизнь и съ большой радостью. Гувернера и гувернантки все еще у насъ нѣтъ. Даниловичъ мнѣ не нравится, несмотря на то, что вы его покровительствуете, но письмо ваше о немъ и всѣхъ отношеніяхъ его съ семействомъ Васильчикова — прелесть. Такъ я вижу все это и переживаю. Былъ я у Леонтьева за гувернеромъ и говорилъ о вашей статьѣ о русскомъ стихѣ. Онъ очень желаетъ напечатать ее. Если вы найдете лучше, то хорошо, но не зарывайте ее въ какія-то древности [1]). Что дѣлать, журнала не гадкаго нѣтъ, и «От. Зап.» гадки своей гадостью, и «Р. В.» своей противоположной той гадости, а середины нѣтъ. Очень надѣемся на гувернантку черезъ посредство m-lle Elfrot и очень благодаримъ. Передайте нашъ поклонъ Ольгѣ Андреевнѣ и пишите былины; я этимъ, вмѣсто покорнаго

---

[1]) Изслѣдованіе Голохвастова появилось позднѣе въ Памятникахъ Общ. Люб. Древн. Письменности.

слуги, заключаю и буду заключать мои къ вамъ письма, пока вы не напишите.

Ясная Поляна, 1874 г., сент. 15.

А. А. Фету.

Дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, у меня затѣялась необходимая покупка земли въ Никольскомъ, для которой мнѣ нужно на годъ занять 10 тысячъ подъ залогъ земли. Можетъ, случится, что у васъ есть деньги, которыя вамъ нужно помѣстить. Если такъ, то напишите Ивану Ивановичу Орлову въ Чернь, село Никольское, и онъ пріѣдетъ къ вамъ для переговоровъ о подробностяхъ и будетъ вести это дѣло съ вами независимо отъ нашихъ отношеній. Я еще не отвѣчалъ вамъ на ваше послѣднее письмо, хотя очень благодаренъ вамъ за него. Какъ бы я охотно пріѣхалъ къ вамъ, но заваленъ такъ дѣлами школьными, семейными и хозяйственными, что даже на охоту не успѣваю ходить. Надѣюсь быть свободнѣе, какъ зима настанетъ. Нашъ поклонъ Марьѣ Петровнѣ.

Ясная Поляна, 1874 г., окт. 22.

П. Д. Голохвастову.

Давно не писалъ вамъ, Павелъ Дмитричъ, и теперь собираюсь написать только нѣсколько словъ. Замучили хлопоты, заботы, а главное болѣзни въ семьѣ: то жена, то дѣти. Таня, дочь, недѣлю тому назадъ упала затылкомъ на паркетъ и была при смерти. Теперь внѣ опасности, но ключица сломана, и я завтра везу ее въ Москву. Жена въ лихорадкѣ и маленькій въ сыпи. Самъ не знаю, корь или оспа. Хлопоты все же больше педагогическія, и теорія и практика. За романъ я не берусь. У меня къ вамъ двѣ-три просьбы: 1) вы говорили какъ-то, что Леонидъ знатокъ житій и готовъ помочь составленію чтенія для народа.

Не будетъ ли онъ такъ милостивъ составить списокъ наилучшихъ, наинароднѣйшихъ житій изъ Макарьевскихъ, Дмитрія Ростовскаго и изъ Патерика. Я хочу попытаться не передѣлать, а выбрать для народнаго чтенія и издать. 2) M-lle Elfrot что сдѣлала? У насъ есть старушка, но ненадежна. 3) Составьте мнѣ къ новому изданію Азбуки сколько можете и хочете былинъ. Хоть бы краткую или главную часть Ильи, которая бы составляла отдѣльное.

Вашъ всей душой *Л. Толстой.*

Нашъ поклонъ Ольгѣ Андреевнѣ.

Ясная Поляна, 1874 г., ноябрь.

А. А. Фету.

Благодарю васъ, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, за хорошія о насъ рѣчи. Все веселѣе, какъ похвалятъ. У насъ, слава Богу, теперь повеселѣе стало, т.-е. я пересталъ бояться за здоровье жены, которое очень было начало пугать меня. За кобылъ низко кланяюсь обоимъ братцамъ, въ особенности Петру Аѳан. Когда прикажете прислать за нихъ деньги? А что планъ дѣятельности по народному образованію? Какъ бы я счастливъ былъ, если бы онъ состоялся, и я бы могъ быть чѣмъ-нибудь полезенъ Петру Аѳанасьевичу. Былъ я въ Москвѣ, и въ тотъ вечеръ, какъ сидѣлъ у Каткова, ему пришли объявить, что братъ его вырвался изъ полицейской больницы, пришелъ въ лицей и опять стрѣлялъ и опять никого не застрѣлилъ.

Вашъ

Ясная Поляна, 1875 г., январь 12.

Н. Н. Страхову.

...Успѣхъ послѣдняго отрывка «Анны Карениной», признаюсь порадовалъ меня. Я никакъ не ожидалъ этого, и, право, удивляюсь тому, что такое обыкновенное и ничтожное нравится, и еще больше тому, что, убѣдившись, что такое ничтожное нравится, я не начинаю писать съ плеча, что попало, а дѣлаю какой-то, мнѣ самому почти непонятный выборъ. Это я пишу искренно потому, что вамъ, и тѣмъ болѣе, что пославъ на январскую книжку корректуры, я запнулся на февральской книжкѣ и мысленно выбираюсь изъ этого запнутія. Тургенева я не читалъ, но искренно жалѣю, судя по всему, что я слышалъ, что этотъ ключъ чистой и прекрасной воды засорился такой дрянью. Если бы онъ просто вспомнилъ какой-нибудь свой день, подробно и описалъ бы его, всѣ бы пришли въ восхищеніе. Какъ ни пошло это говорить, но во всемъ въ жизни, въ особенности въ искусствѣ, нужно только одно отрицательное качество—не лгать. Въ жизни ложь гадка, но не уничтожаетъ ее гадостью, но подъ ней все-таки правда жизни потому, что чего-нибудь всегда кому-нибудь хочется, отъ чего-нибудь больно и радостно, но въ искусствѣ ложь уничтожаетъ всю связь между явленіями, порошкомъ все разсыпается.

1875 г.

П. Д. Голохвастову.

Наконецъ получилъ отъ васъ вѣсточку, любезный Павелъ Дмитріевичъ, и очень этому радъ. Еще радуюсь тому полуобѣщанію, которое вы дѣлаете въ письмѣ, побывать у насъ. Я нынѣшній годъ очень плохъ здоровьемъ. Простудился и почти всю зиму не выходилъ изъ дома; кромѣ того, у насъ заболѣлъ страшной мозговой болѣзнью меньшой грудной ребенокъ и умеръ. Женѣ было очень тяжело. Работы же у меня въ эту зиму было и есть очень много,—романъ, новая азбука, которая теперь печатается, другія еще работы и особенное дѣло, практическое, которое я веду въ нашемъ уѣздѣ и результаты котораго необыкновенно хороши [1]).

Я писалъ архимандриту Леониду очень ужъ давно и не получилъ отвѣта. При случаѣ спросите, пожалуйста, у него. Я ужъ боюсь, не написалъ ли я что-нибудь неловко, не оскорбилъ ли невольно чѣмъ.

Имѣнье продается въ Мценскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи, у самой полустанціи Бастыева, 8 часовъ ѣзды отъ Москвы. Сколько мнѣ помнится, десятинъ 250. Знаю, что вы не хотите земли; но если вы желаете, купите это. Просятъ, кажется, рублей 90 за дес. Домъ, садъ, вода, мебель, лошади, скотъ. Обжитое, хорошенькое мѣстечко. Продаетъ г-жа Алферова. Я у нея покупаю другое имѣнье, прилегающее къ моему чернскому. Я купилъ по 80 руб. Земля хуже и никакой усадьбы и постройки.

Очень сожалѣемъ о нездоровьи Ольги Андреевны. Надѣюсь, что теперь она ужъ совершенно здорова и работаетъ въ уединеніи надъ продолженіемъ прекраснаго начала романа. Пожалуйста, кончайте, и главное, печатайте свою статью о русскомъ стихѣ; кромѣ успѣха — быстраго или медленнаго, этого я не знаю, — ничего быть не можетъ. А вамъ надо ее сбыть, а намъ, литературѣ, нужно ее имѣть. Страховъ мнѣ писалъ о васъ и вашей статьѣ.

И то и другое произвело на него такое же впечатлѣніе, какъ и на меня, т.-е. самое пріятное и серьезное. Я этому очень порадовался.

Вашъ

Ясная Поляна, 1875 г., мартъ.

---

1) «Практическое дѣло» — устройство учительской семинаріи въ Ясной Полянѣ, которымъ Л. Н. былъ занятъ въ эти годы; осенью 1876 г. въ имѣніи уже отдѣлывалось помѣщеніе для нея; въ мартѣ слѣдующаго года Т-ой хлопочетъ о директорѣ. Дальше прекращаются извѣстія объ этомъ неосуществившемся предпріятіи.

Ему же.

Мы недѣли двѣ какъ пріѣхали, дорогой Павелъ Дмитричъ, и я обрадовался, узнавъ почеркъ вашего письма; но очень огорчился, узнавъ о нездоровьи Ольги Андреевны. Надѣюсь, что то улучшеніе, о которомъ вы пишете, дошло до совершеннаго выздоровленія. Надѣюсь, что мнѣ придется побывать въ Москвѣ и увидать васъ.

Конецъ сентября мнѣ приходится провести очень непріятно—присяжнымъ въ Сергіевскѣ [1]). Желаю вамъ отъ всей души успѣха въ вашей работѣ. Нѣтъ ничего хуже, какъ сообщать другъ другу свои планы художественной работы.

Если бы вы могли въ разговорѣ разсказать то, что вы хотите выразить въ своей драмѣ, вамъ не зачѣмъ было бы и писать ее. И потому я навѣрно и не понялъ того, что вы хотите сдѣлать. Художественное произведеніе есть плодъ любви. Но любовь безъ дѣлъ мертва. Сдѣлайте дѣло любви, и мы полюбимъ то, что вы любите.

Надѣюсь, что до свиданья.

Вашъ *Л. Толстой.*

Передайте, пожалуйста, мой душевный поклонъ и желанія выздоровленія и продолженія начатаго романа Ольгѣ Андреевнѣ.

Ясная Поляна, 1875 г., осень.

А. А. Фету.

Вотъ третій день, что мы пріѣхали благополучно, и я только что опомнился и спѣшу писать вамъ, дорогой Аѳан. Аѳанасьевичъ, и благодарить васъ за ваши два письма, которыя больше чѣмъ всегда были цѣнны въ нашей глуши. Надѣюсь, что здоровье ваше лучше. Это было замѣтно по второму вашему письму, и надѣюсь, что вы преувеличивали. Дайте мнѣ еще опомниться, тогда подумаю, какъ бы побывать у васъ. Вы же по старой, хорошей привычкѣ, пожалуйста, какъ это вамъ ни трудно,—не проѣзжайте въ Москву, не заѣхавъ. Урожай у насъ былъ средній, но цѣны на работу огромныя, такъ что въ концѣ только сойдутся концы. Я два мѣсяца не пачкалъ рукъ чернилами и сердца мыслями. Теперь же берусь за скучную, пошлую А. Каренину съ однимъ желаніемъ: поскорѣе опростать себѣ мѣсто—досугъ для другихъ занятій, но только не педагогическихъ, которыя люблю, но хочу бросить. Они слишкомъ много берутъ времени. Какъ о многомъ и многомъ хочется съ вами переговорить, но писать не умѣю. Надо пожить, какъ мы жили въ Самарской здоровой глуши, видѣть эту

---

[1]) Очевидно, на выѣздной сессіи Тульск. окр. суда въ с. Сергіевскомъ. Крапив. уѣзда.

совершавшуюся на глазахъ борьбу кочевого быта (милліоновъ на громадныхъ пространствахъ) съ земледѣльческимъ первобытнымъ, чувствовать всю значительность этой борьбы, чтобы убѣдиться въ томъ, что разрушителей общественнаго порядка, если не 1, то не болѣе 3 скоро бѣгающихъ и громко кричащихъ, что это болѣзнь паразита живого дуба, и что дубу до нихъ дѣла нѣтъ. Что это не дымъ, а тѣнь, бѣгающая отъ дыма.

Къ чему занесла меня судьба туда (въ Самару)—не знаю, но знаю, что я слушалъ рѣчи въ англійскомъ парламентѣ (вѣдь это считается очень важнымъ), и мнѣ скучно и ничтожно было:—но что тамъ мухи, нечистота, мужики, башкирцы, а я съ напряженнымъ уваженіемъ, страхомъ во взглядѣ, вслушиваюсь, вглядываюсь и чувствую, что все это очень важно. Нашъ усердный поклонъ Марьѣ Петровнѣ.

Ясная Поляна, 1875 г., авг. 26.

Ему же.

Кажется, что я у васъ въ долгу письмомъ, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ; но отъ этого мнѣ все-таки не легче и все-таки хочется вашихъ писемъ и главное знать про васъ. Все ли живы и здоровы? У насъ все не совсѣмъ хорошо. Жена не справляется съ послѣдней болѣзни, кашляетъ, худѣетъ — и то лихорадка, то мигрень. А потому и нѣтъ у насъ въ домѣ благополучія и во мнѣ душевнаго спокойствія, которое мнѣ особенно нужно теперь для работы. Конецъ зимы и начало весны всегда мое самое рабочее время, да и надо кончить надоѣвшій мнѣ романъ.

Напишите, пожалуйста, про себя и про брата Петра Аѳанасьев., который очень меня интересуетъ. Передайте нашъ поклонъ Марьѣ Петровнѣ и Оленькѣ: я всегда надѣюсь, что у васъ расшатается зубъ въ челюсти или въ молотилкѣ, и вы поѣдете въ Москву, а я разставлю паутину на Козловкѣ да и поймаю васъ.

Ясная Поляна, 1876 г., мартъ 1. Вашъ

П. Д. Голохвастову.

Благодарю васъ, дорогой Павелъ Дмитричъ, что вспомнили обо мнѣ, — нехорошо было только то, что извѣстія вы даете о себѣ недобрыя; во-первыхъ, то, что, какъ вижу, вы не работаете, не ушли съ ушами въ работу. Это одна настоящая манера. Я не хочу даже знать, что вамъ работать. Это все равно. Я знаю только то, что есть вещи, которыя вы знаете, а другіе не знаютъ, поэтическія или филологическія, научныя или художественныя,

только вамъ надо эти самыя вещи высказать и, чтобы это сдѣлать, надо уйти съ ушами въ работу. А этого вы не дѣлаете и это не хорошо. Во-вторыхъ, то, что вы живете за границей и въ Италіи. Вы не повѣрите, что я скорѣе бы сталъ жить въ Мамадышахъ, чѣмъ въ Венеціи, Римѣ, Неаполѣ; на этихъ городахъ и на жизни въ нихъ лежитъ такое условное, неизмѣнно одинаковое величіе и изящество, а для меня такая пошлость, что мнѣ тошно думать о нихъ, а читать о нихъ (недавно Страховъ прислалъ свою статью объ Италіи и искусствѣ) невыносимо.

Хуже всего то, что Ольга Андреевна болѣетъ; ужаснѣе болѣзни жены для здороваго мужа не можетъ быть положенія. Я нынѣшній годъ испыталъ и продолжаю испытывать это состояніе. Жена была опасно больна. Всю зиму хворала, слабѣла и теперь опять въ постели и всякую минуту трепещешь, что положеніе ухудшится. Для меня это положеніе мучительно, въ особенности потому, что я не вѣрю ни въ докторовъ, ни въ медицину, ни въ то, чтобъ людскія средства могли на волосъ измѣнить состояніе здоровья, т.-е. жизни человѣка.

Вслѣдствіе этого убѣжденія, котораго я не могу измѣнить въ себѣ, я беру всѣхъ докторовъ, слѣдую всѣмъ ихъ предписаніямъ и не могу имѣть никакого плана. Весьма похоже, что мы скоро поѣдемъ за границу и, вѣроятно, въ Италію, которая мнѣ такъ противна, но менѣе, чѣмъ Германія. Въ Европѣ, мнѣ кажется, что я могъ бы жить только въ Англіи, но оттуда для здоровья уѣзжаютъ и туда не зачѣмъ ѣхать. Вообще, болѣзнь жены, смерть тетушки, которая скончалась у насъ нынѣшнюю зиму [1]), и смерть вновь родившейся дѣвочки, все это сдѣлало нынѣшнюю (зиму) очень для меня тяжелою. Утѣшаютъ только дѣти, которыя, слава Богу, хорошо растутъ, и работа, въ которую я ухожу по уши.

Перваго утѣшенія у васъ нѣтъ, а второе вы должны себѣ устроить.

Главное же желаю для нея самой, такъ же какъ и для васъ, чтобы Ольга Андреевна была здорова.

До свиданья. Пожалуйста, пишите, хотя изрѣдка.

Искренно любящій васъ

Ясная Поляна, 1876 г., весна.

А. А. Фету.

Получилъ ваше письмо, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, и изъ этого коротенькаго письма и изъ разговоровъ Марьи Петровны, переданныхъ мнѣ женою, и изъ одного изъ послѣднихъ писемъ вашихъ, въ которомъ я пропустилъ фразу: «хотѣлъ звать

---

[1]) Рѣчь идетъ о П. И. Юшковой, у которой жилъ юный Т-ой въ Казани.

васъ посмотрѣть, какъ я уйду»,—написанную между соображеніями о кормѣ лошадямъ, и которую я понялъ только теперь, я перенесся въ ваше состояніе, мнѣ очень понятное и близкое, и мнѣ жалко стало васъ. И по Шопенгауэру, и по нашему сознанію, состраданіе и любовь есть одно и то же,—и захотѣлось вамъ писать. Я благодаренъ вамъ за мысль позвать меня посмотрѣть, какъ вы будете уходить, когда вы думали, что близко. Я тоже сдѣлаю, когда соберусь туда, если буду въ силахъ думать. Мнѣ никого въ эту минуту такъ не нужно бы было, какъ васъ и моего брата. Передъ смертью дорого и радостно общеніе съ людьми, которые въ этой жизни смотрятъ за предѣлы ея; а вы и тѣ рѣдкіе настоящіе люди, съ которыми я сходился въ жизни, несмотря на здравое отношеніе къ жизни, всегда стоятъ на самомъ краешкѣ и ясно видятъ жизнь только оттого, что глядятъ то въ нирвану, въ безпредѣльность, въ неизвѣстность, то въ сансару, и этотъ взглядъ въ нирвану укрѣпляетъ зрѣніе. А люди житейскіе, сколько они ни говори о Богѣ, непріятны нашему брату и должны быть мучительны во время смерти, потому что они не видятъ того, что мы видимъ, именно того Бога, болѣе неопредѣленнаго, болѣе далекаго, но болѣе высокаго и несомнѣннаго, какъ говорится въ этой статьѣ.

Вы больны и думаете о смерти, а я здоровъ и не перестаю думать о томъ же и готовиться къ ней. Посмотримъ, кто прежде. Но мнѣ вдругъ изъ разныхъ незамѣтныхъ данныхъ ясна стала наша глубоко родственная мнѣ натура-душа (особенно по отношенію къ смерти), что я вдругъ оцѣнилъ наши отношенія и сталъ гораздо больше, чѣмъ прежде, дорожить ими. Я многое, что я думалъ, старался выразить въ послѣдней главѣ апрѣльской книжки «Русск. Вѣстника». Пожалуйста, напишите Петѣ Борисову, чтобы онъ непремѣнно пріѣхалъ ко мнѣ и дня на три по крайней мѣрѣ. Я знаю, что это вамъ близко сердцу, и я, не торопясь, безъ всякой предвзятой мысли и безъ желанія противорѣчить, высмотрю его и сообщу вамъ мое впечатлѣніе. Предвзятая мысль у меня будетъ одна: это сильнѣйшее желаніе полюбить его для васъ.

1876 г., апрѣль 26. Вашъ

П. Д. Голохвастову.

Очень радъ былъ узнать, что вы вернулись въ Россію, дорогой Павелъ Дмитріевичъ, и не забыли меня.

Мы за границу не собираемся еще, но здоровье жены, порадовавшее меня въ началѣ весны, опять пугаетъ меня и угрожаетъ разстроить обычный ходъ нашей жизни. Она пьетъ воды, но въ водахъ, по моему мнѣнію, дорога не жидкость, а условія спокойствія и отсутствіе заботъ, при которыхъ ихъ пьютъ, и я совѣтую ей и буду совѣтовать ея доктору посылать ее на воды за гра-

ницу. Она не желаетъ этого, потому что сестра ея Т. А. Кузминская пріѣхала съ Кавказа и гоститъ у насъ съ семействомъ, но я буду настаивать, и недѣли черезъ двѣ мы съ нею вмѣстѣ поѣдемъ въ Москву для свиданія съ докторомъ. И послѣ этого только вопросъ о томъ, гдѣ и какъ мы проведемъ лѣто, для насъ рѣшится.

Само собою разумѣется, что мы всегда рады васъ видѣть въ Ясной, но при неопредѣленности нашего положенія надо списаться еще разъ. Притомъ еще въ 1-хъ числахъ іюня я поѣду въ Воронежскую губернію. Я писалъ вамъ въ Венецію и писалъ, что очень радуюсь окончанію вашей работы. Къ сожалѣнію, не могу того же сказать о работѣ Ольги Андреевны; я чувствую, что имѣю неосновательное предубѣжденіе противъ драмъ историческихъ—и въ этомъ дѣлѣ не судья. Я жалѣю вдвойнѣ: о томъ, что не могу цѣнить драмы и еще больше о томъ, что, судя поэтому, прекрасное начало романа — оставлено. Передайте, пожалуйста, нашъ съ женою поклонъ Ольгѣ Андреевнѣ и отъ меня вашему брату [1]). Я надѣюсь и отъ всей души желаю, чтобы его обстоятельства поправились. Мы, кажется, совсѣмъ не похожи характерами, но онъ мнѣ всегда въ высшей степени симпатиченъ.

Ясная Поляна, 1876 г., мая 16. Вашъ

А. А. Фету.

На ваше длинное и задушевное письмо я давно не отвѣчалъ оттого, что все былъ нездоровъ и не въ духѣ и теперь такъ же, но пишу хотя нѣсколько строкъ. У насъ полонъ домъ народа: племянница Нагорная съ 2-мя дѣтьми, Кузминскіе съ 4-мя дѣтьми, и Соня все хвораетъ, и я въ уныніи и тупости. Одна надежда на хорошую погоду, а ея-то и нѣтъ. Такъ какъ мы съ вами похожи, то вы должны знать это состояніе: то чувствуешь себя Богомъ, что нѣтъ для тебя ничего сокрытаго, а то глупѣе лошади, и теперь я такой. Такъ не взыщите. До другого письма.

Ясная Поляна, 1876 г., май 18 Вашъ

Н. Н. Страхову.

Получилъ ваши два письма, дорогой Николай Николаевичъ, и задыхался отъ радостнаго волненія, читая ихъ... Я недѣли три нездоровъ и слабъ и не могу писать вамъ, но хотѣлось бы...

На-дняхъ П. Самаринъ былъ у меня и читалъ мнѣ нѣмецкую статью брата своего Юрія о религіи. Вы прочтете ее въ «Право-

---

[1]) Дмитрій Дмитріевичъ Голохвастовъ.

славномъ Обозрѣніи»; пожалуйста, напишите мнѣ свое мнѣніе. Въ ней хорошо доказательство, основанное на воздѣйствіи Бога на человѣка (хотя гегельянское) и на важности, которую человѣкъ приписываетъ своей личности.

Поразительно тоже въ томъ же родѣ важность и несомнѣнность, которую приписываетъ человѣкъ веществу, матеріи. Онъ про это не говоритъ. Но не правда ли, что нѣтъ болѣе важныхъ, простыхъ и несомнѣнныхъ знаній, какъ знаніе своей личности и вещества? И оба знанія одинаково отрицаются. И что значительность, которую имѣютъ эти два камня знанія, надо принимать въ соображеніе и объяснить.

Въ майской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» я не печатаю, но мечтаю продолжать въ іюньской. Пожалуйста, пишите мнѣ.

Ясная Поляна, 1876 г., май 18. Вашъ

П. Д. Голохвастову.

На-дняхъ вернулся изъ Самары и Оренбурга, дорогой Павелъ Дмитріевичъ, и получилъ ваше милое письмо. Очень было бы обидно, если бы не пришлось увидѣться; но наше положеніе и планы слѣдующіе.

Я послѣ продолжительной и тяжелой поѣздки, усталый и не совсѣмъ здоровый, намѣренъ безвыѣздно сидѣть дома и наверстывать потерянное лѣтомъ время, т.-е. много и усердно работать, жена же, только дожидавшаяся моего возвращенія, на-дняхъ уѣзжаетъ, т.-е. около 27, въ Москву на нѣсколько дней для отысканія и выбиранія гувернантки для дочери.

Малыя дѣти—малыя заботы, большія дѣти... Я никогда не думалъ, чтобы воспитаніе дѣтей, т.-е. доведеніе ихъ только до того, чтобъ они были такія же, какъ и всѣ, давало столько труда и отнимало столько времени.

Жена очень сожалѣетъ, если вслѣдствіе этого она будетъ лишена удовольствія принять Ольгу Андреевну; но если бы вашъ пріѣздъ сошелся съ ея возвращеніемъ, то мы бы очень рады были васъ видѣть.

Вы пишете объ обязательномъ обученіи и о противодѣйствіи этому. Вы не повѣрите, какъ съ годами, съ семьей и общественными обязанностями все больше и больше чувствуешь несоотвѣтственность силъ съ предстоящимъ дѣломъ: дѣла все больше и больше, а силъ все меньше.

Во всякомъ случаѣ прошу вѣрить въ мою искреннюю дружбу.

Вашъ *Л. Толстой.*

Нашъ душевный привѣтъ Ольгѣ Андреевнѣ.

Ясная Поляна, 1876 г., конецъ лѣта.

А. А. Фету.

Я очень виноватъ передъ вами, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, за то, что такъ давно не писалъ. Собираюсь каждый день писать, и все некогда, потому что ничего не дѣлаю. Первый и самый интересный для меня предметъ бесѣды съ вами, это Петя Борисовъ. Въ письмѣ, разумѣется, не скажешь всего (я надѣюсь, что мы скоро увидимся),—но онъ мнѣ очень понравился, въ особенности тѣмъ, что соединяетъ два рѣдкія качества: умъ и простоту. За послѣднее я особенно боялся; но онъ очень перемѣнился къ лучшему въ этомъ отношеніи.

Теперь какъ бы намъ сдѣлать, чтобы увидаться? Если вы не измѣнили своего плана ѣхать въ августѣ на Грайворонку, мнѣ бы очень хотѣлось съѣздить туда вмѣстѣ съ вами. Для этого нужно мнѣ знать: 1) хотите ли вы, чтобы я ѣхалъ съ вами? 2) когда именно вы ѣдете? 3) сколько времени продлится вся поѣздка? Какъ ваше здоровье? Послѣднія извѣстія отъ васъ были хорошія. У меня недѣлю тому назадъ былъ Страховъ, съ которымъ, безпрестанно поминая васъ, я нафилософствовался до усталости. Если, Богъ дастъ, поѣдемъ въ Грайворонку, то приставимъ къ себѣ полицеймейстеромъ Петю, чтобы онъ не позволялъ говорить всю дорогу ни о философіи, ни о поэзіи, чтобы не было и помину ни о Л. Толстомъ, ни о Фетѣ. Л. Н. пріятель съ Фетомъ зимою, а лѣтомъ пусть будутъ едва ли не больше пріятели помѣщики: Толстой съ Шеншинымъ.

Передайте нашъ поклонъ съ женою Марьѣ Петровнѣ. Жму руку Петру Аѳан. Желалъ бы послушать его разсказы о Герцеговинѣ, въ существованіе которой я не вѣрю.

Я въ сентябрѣ собираюсь ѣхать въ Самару. Если Петръ Аѳан. не имѣетъ никакихъ плановъ на сентябрь, не поѣдетъ ли онъ со мною посмотрѣть киргизовъ и ихъ лошадей. Какъ бы весело было! Со мною еще ѣдетъ мой племянникъ.

Вашъ

Ясная Поляна, 1876 г., іюль 21.

Н. Н. Страхову.

У насъ съ вами раздвоилась переписка, дорогой Николай Николаевичъ, я только что отвѣтилъ на ваше философское письмо, какъ получилъ радостный отвѣтъ на мое.—Вы пишете: Такъ ли вы понимаете мой романъ и что я думаю о вашихъ сужденіяхъ; разумѣется, такъ. Разумѣется, мнѣ невыразимо радостно ваше пониманіе, но не всѣ обязаны понимать такъ, какъ вы. Можетъ-быть, вы только охотникъ до этихъ дѣловъ, какъ и я, какъ и наши тульскіе голубятники. Онъ турмана цѣнитъ очень дорого

но есть ли настоящія достоинства въ этомъ турманѣ — вопросъ. Кромѣ того, вы знаете — нашъ братъ безпрестанно безъ переходовъ прыгаетъ отъ унынія и самоуничиженія къ непомѣрной гордости. Это я къ тому говорю, что ваше сужденіе о моемъ романѣ вѣрно, но не на все, т.-е. все вѣрно, но то, что вы сказали, выражаетъ не все, что я хотѣлъ сказать. Напримѣръ, вы говорите о двухъ сортахъ людей. Это я чувствую — знаю, но этого я не имѣлъ въ виду; но когда вы говорите, я знаю, что это одна изъ правдъ, которую можно сказать. Если же бы я хотѣлъ сказать словами все то, что имѣлъ въ виду выразить романомъ, то я долженъ бы былъ написать романъ тотъ самый, который я написалъ сначала. И если критики теперь уже понимаютъ и въ фельетонѣ могутъ выразить то, что я хочу сказать, то я ихъ поздравляю и смѣло могу увѣрить qu'ils en savent plus long que moi. Очень, очень благодарю васъ. Когда я прочелъ свое унылое и смиренное письмо, я понялъ, что я, въ сущности, прошу похвалы, и вы мнѣ ее прислали. Хотя ваша похвала, я знаю, искренняя, хотя признаюсь — охотницкая — мнѣ очень дорога. То, что я сдѣлалъ ошибки въ вѣнчаніи, мнѣ очень обидно, тѣмъ болѣе, что я люблю эту главу. Боюсь не будетъ ли тоже ошибокъ по спеціальности, которой я касаюсь въ томъ, что выйдетъ теперь въ апрѣлѣ. Пожалуйста, напишите, если найдете или другіе найдутъ. Вы правы, что «Война и миръ» растетъ въ моихъ глазахъ. Мнѣ странно и радостно, когда мнѣ кто-нибудь напомнитъ изъ нея, какъ это сдѣлалъ недавно Истоминъ (онъ будетъ у васъ); но странно, я помню изъ нея очень немного мѣстъ, остальное забываю.

И если близорукіе критики думаютъ, что я хотѣлъ описывать только то, что мнѣ нравится, какъ обѣдаетъ Облонскій и какія плечи у Карениной, то они ошибаются. Во всемъ, почти во всемъ, что я писалъ, мною руководила потребность собранія мыслей, сцѣпленныхъ между собой для выраженія себя; но каждая мысль, выраженная словами особо, теряетъ свой смыслъ, страшно понижается, когда берется одна и безъ того сцѣпленія, въ которомъ она находится. Самое же сцѣпленіе составлено не мыслію (я думаю), а чѣмъ-то другимъ, и выразить основу этого сцѣпленія непосредственно словами нельзя, а можно только посредственно словами, описывая образы, дѣйствія, положенія. Вы все это знаете лучше меня, но меня занимало это послѣднее время. Одно изъ очевиднѣйшихъ доказательствъ это было для меня самоубійство Вронскаго, которое вамъ понравилось. Этого никогда со мной такъ ясно не бывало. Глава о томъ, какъ Вронскій принялъ свою роль послѣ свиданія съ мужемъ, была у меня давно написана. Я сталъ поправлять и совершенно для меня неожиданно, но несомнѣнно, Вронскій сталъ стрѣляться. Теперь же для дальнѣйшаго оказывается, что это было органически необходимо.—Такъ вотъ почему такая милая умница, какъ Григорьевъ, для меня мало интересенъ; правда, что если бы не было совсѣмъ критики, то тогда бы Григорьевъ и вы, понимающіе искусство, были бы излишни. Теперь

же, правда когда $^{9}/_{10}$ всего печатнаго есть критика искусства, нужны люди, которые бы показывали безсмыслицу отыскиванія отдѣльныхъ мыслей въ художественномъ произведеніи и постоянно руководили бы читателей въ томъ безконечномъ лабиринтѣ сцѣпленій, въ которомъ и состоитъ сущность искусства, и по тѣмъ законамъ, которые служатъ основаніемъ этихъ сцѣпленій. Написалъ вамъ это письмо уже нѣсколько дней тому назадъ и хотѣлъ не посылать—такъ въ немъ и выпираетъ польщенное авторское тщеславіе. Но написалъ 7 писемъ сейчасъ и надо писать вамъ новое, и рѣшился послать это. Шила въ мѣшкѣ не утаишь и вы меня знаете насквозь.

. . . . . .

Ясная Поляна, 1876 г., апр. 26.

А. А. Фету.

Не повѣрите, какъ ваше письмецо меня обрадовало, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ; лошади будутъ на Козловкѣ въ середу 20 октября. «Вотъ тибе друхъ мой послѣдній отъ мине нарятъ» — прелестно. Я это разсказывалъ раза два, — и всякій разъ голосъ у меня срывался отъ слезъ. Слова же, которыя вы мнѣ выписываете изъ Revue des deux mondes, я въ тотъ же день цитировалъ женѣ, какъ замѣчательно вѣрныя. Удивительно, какъ мы близко родня по уму и по сердцу.

Вашъ всею душой

Ясная Поляна, 1876 г., октябрь 18.

Ему же.

Что отъ васъ давно нѣтъ вѣсточки, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ?

Здоровы ли вы? Это главное. Ѣздилъ я въ Москву узнавать про войну. Все это волнуетъ меня очень. Хорошо тѣмъ, которымъ все это ясно; но мнѣ страшно становится, когда я начинаю вдумываться во всю сложность тѣхъ условій, при которыхъ совершается исторія; какъ дама какая-нибудь А — ва, съ своимъ тщеславіемъ и фальшивымъ сочувствіемъ къ чему-то неопредѣленному,— оказывается нужнымъ винтикомъ во всей машинѣ.

Пожалѣйте меня въ двухъ вещахъ: 1) негодяй кучеръ повелъ жеребцовъ въ Самару; подъ хуторомъ, уже въ 15-ти верстахъ, утопилъ Гуниба въ болотѣ, желая сократить дорогу. 2) Сплю и

не могу писать; презираю себя за праздность и не позволяю себѣ взяться за другое дѣло.

Передайте наши поклоны Марьѣ Петровнѣ и Оленькѣ.

Ясная Поляна, 1876 г., ноябрь 13. Вашъ

Н. Н. Страхову.

Вы истинный другъ, дорогой Николай Николаевичъ. Несмотря на мое молчаніе и молчаніе на важное письмо ваше, вы все-таки радуете меня своими письмами. Не могу выразить, какъ я благодаренъ вамъ за послѣднее, незаслуженное мною, письмо ваше, чтобы объяснить и оправдать мое молчаніе, долженъ говорить о себѣ. Пріѣхавъ изъ Самары и Оренбурга вотъ скоро два мѣсяца (я сдѣлалъ чудесную поѣздку), я думалъ, что возьмусь за работу, окончу давящую меня работу, окончаніе романа, и возьмусь за новое, и вдругъ вмѣсто этого всего—ничего не сдѣлалъ. Сплю духовно и не могу проснуться. Нездоровится, уныніе. Отчаяніе въ своихъ силахъ. Что мнѣ суждено судьбою, не знаю, но доживать жизнь безъ уваженія къ ней,—а уваженіе къ ней дается только извѣстнаго рода трудомъ—мучительно. Думать даже—и къ тому нѣтъ энергіи. Или совсѣмъ худо или сонъ передъ хорошимъ періодомъ работы. Думать не могу самъ, но понимать могу, особенно васъ, и понялъ и оцѣнилъ ваше первое письмо и всей душой желаю, чтобы вы окончили этотъ трудъ. Я перечелъ его нѣсколько разъ и читалъ Фету, и съ нимъ поняли и одобрили ваши мысли, насколько мы ихъ поняли. Одно, вопросъ о томъ, что есть настоящее познаніе, требуетъ невольно отвѣта. Настоящее, по-моему—и я увѣренъ по-вашему будетъ такъ же, но вы лучше меня это выразите — дается сердцемъ, т.-е. любовью. Мы знаемъ то, что любимъ только. Послѣдній вопросъ въ нашей философской перепискѣ былъ: что есть зло? Я могу отвѣтить на него для себя. Разъясненіе на этотъ отвѣтъ я вамъ дамъ въ другой разъ, и надѣюсь, на Рождествѣ. Мы съ женой мечтаемъ, что вы пріѣдете. Пожалуйста, пріѣзжайте. Такъ отвѣтъ слѣдующій: зло есть то, что разумно съ мірской точки зрѣнія. Убійство, грабежъ, наказаніе все разумно—основано на логическихъ выводахъ. Самопожертвованіе—любовь—безсмыслица. Былъ я на-дняхъ въ Москвѣ только за тѣмъ, чтобы узнать новости о войнѣ. Все это очень волнуетъ меня. Теперь вся ерунда сербскаго движенія, ставшая исторіей прошедшаго, получила значеніе. Та сила, которая производитъ войну, выразилась преждевременно и указала направленіе.

Ясная Поляна, 1876 г., ноябрь 13.

А. А. Фету.

Письмо ваше съ стихотвореніемъ пришло ко мнѣ съ тою же почтой, съ которой привезли мнѣ и ваше собраніе сочиненій, которое я выписывалъ изъ Москвы. Стихотвореніе это не только достойно васъ, но оно особенно и особенно хорошо съ тѣмъ самымъ философски поэтическимъ характеромъ, котораго я ждалъ отъ васъ. Прекрасно, что это говорятъ звѣзды. И особенно хороша послѣдняя строфа. Хорошо тоже,—что замѣтила жена,—что на томъ же листкѣ, на которомъ написано это стихотвореніе, излиты чувства скорби о томъ, что керосинъ сталъ стоить 12 коп. Это побочный, но вѣрный признакъ поэта. Съ вашими стихотвореніями выписалъ я Тютчева, Баратынскаго и Толстого. Сообществомъ съ Тютчевымъ, я знаю, что вы довольны. Баратынскій тоже не осрамитъ васъ своей компаніей; Баратынскій настоящій, хотя мало красоты, изящества, но есть прекрасныя вещи.

Я понемножку началъ писать и очень доволенъ своею судьбой.

Ясная Поляна, 1876 г., дек. 7.

П. И. Чайковскому.

Посылаю вамъ, дорогой Петръ Ильичъ, пѣсни. Я ихъ еще пересмотрѣлъ. Это удивительное сокровище въ вашихъ рукахъ. Но, ради Бога, обработайте ихъ и пользуйтесь въ моцартовско-гайдновскомъ родѣ, а не въ бетховено-шумано-берліозо-искусственномъ, ищущемъ неожиданнаго, родѣ. Сколько я не договорилъ съ вами! Даже ничего не сказалъ изъ того, что хотѣлъ. И некогда было. Я наслаждался. И это мое послѣднее пребываніе въ Москвѣ останется для меня однимъ изъ лучшихъ воспоминаній.

Я никогда не получалъ такой дорогой для меня награды за мои литературные труды, какъ этотъ чудный вечеръ. И какой милый Рубинштейнъ!

Поблагодарите его еще разъ за меня. Онъ мнѣ очень понравился. Да и всѣ эти жрецы высшаго въ мірѣ искусства, засѣдавшіе за пирогомъ, оставили во мнѣ такое чистое и серьезное впечатлѣніе. А ужъ о томъ, что происходило для меня въ круглой залѣ, я не могу вспомнить безъ содроганія. Кому изъ нихъ можно послать мои сочиненія, т.-е. у кого нѣтъ ихъ и кто ихъ будетъ читать?

Вещи ваши не смотрѣлъ, но, когда примусь, буду, нужно ли вамъ или не нужно ли, писать свои сужденія, потому что я полюбилъ вашъ талантъ. Прощайте. Дружески жму вашу руку.

Про какой портретъ мнѣ говорилъ Рубинштейнъ? Ему я радъ прислать, попросивъ его о томъ же, но для консерваторіи это что-то не то...

1876 г., дек.

А. А. Фету.

Дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, повинную голову не сѣкутъ, не рубятъ! А я ужъ такъ чувствую свою голову повинною передъ вами, какъ только можно. Но, право, я въ Москвѣ нахожусь въ условіяхъ невмѣняемости; нервы разстроены, часы превращаются въ минуты, и какъ нарочно являются тѣ самые люди, которыхъ мнѣ не нужно, чтобы помѣшать видѣть того, кого нужно. На праздникахъ былъ у насъ Страховъ, и вамъ, вѣрно, икалось: мы часто поминали васъ и ваши слова, и мысли, и ваши стихи. Послѣднее «Въ звѣздахъ»—я прочелъ ему изъ вашего письма, и онъ пришелъ въ такое же восхищеніе, какъ и я. Въ «Русск. Вѣстникѣ» перечли мы его съ женою еще. Это одно изъ лучшихъ стихотвореній, которыя я знаю. Со Страховымъ же я всегда говорю часто про васъ, потому что мы родня всѣ трое по душѣ.

Что ваша служба? Есть ли надежда на награду? Что Петръ Аѳан.? Нѣтъ ли извѣстій? Передайте нашъ поклонъ Марьѣ Петровнѣ и Оленькѣ, не забывайте меня, не сердитесь и любите такъ же, какъ мы васъ любимъ.

Вашъ

Москва, 1877 г., янв 11

Ему же.

Послѣднее письмо ваше, писанное въ три пріема, слава Богу, не пропало. Я дорожу всякимъ письмомъ вашимъ и особенно такимъ, какъ это.

Вы не повѣрите, какъ меня радуетъ то, что вы приписываете въ предпослѣднемъ, какъ вы говорите, «о сущности божества». Я со всѣмъ согласенъ и многое хотѣлъ бы сказать, но въ письмѣ нельзя и некогда. Вы въ первый разъ говорите мнѣ о божествѣ—Богѣ. А я давно уже, не переставая, думаю объ этой главной задачѣ. И не говорите, что нельзя думать;—не только можно, но должно. Во всѣ вѣка лучшіе, т.-е. настоящіе, люди думали объ этомъ. И если мы не можемъ такъ же, какъ они, думать объ этомъ, то мы обязаны найти—какъ. Читали ли вы: Pensées de Pascal? т.-е. недавно на большую голову. Когда, Богъ дастъ, вы пріѣдете ко мнѣ, мы поговоримъ о многомъ, и я вамъ дамъ эту книгу. Если бы я былъ свободенъ отъ своего романа, котораго конецъ уже набранъ, и я поправляю корректуру, я бы сейчасъ,

по полученіи вашего письма, пріѣхалъ къ вамъ. Такъ, я не знаю, почему ваше послѣднее письмо забрало меня за живое, т.-е. дружбу къ вамъ. Ужасно хочется васъ видѣть.

Поэтъ мой К..., которому я велѣлъ наизусть выучить то, что вы пишете мнѣ о немъ, написалъ тутъ же вамъ посланіе, очень плохое, но просилъ послать. Боюсь, что онъ болѣе стихотворецъ, чѣмъ поэтъ. Но какое милое стихотвореніе Полонскаго, оно напечатано въ «Нивѣ».

Прощайте, до свиданія, пожалуйста пишите о себѣ, о своемъ здоровьи, хоть два слова. Жена кланяется вамъ и Марьѣ Петровнѣ.

Ясная Поляна, 1877 г., апр. 14.

Н. Н. Страхову.

Нынче получилъ ваше второе неотвѣченное письмо и устыдился.—Я мѣшкалъ писать вамъ и потому, что былъ занятъ писаніемъ, и главное потому, что не хотѣлось ничего говорить вамъ, пока вы не прочитаете послѣднюю часть. Она набрана давно и два раза уже была мною поправлена, и на-дняхъ мнѣ ее пришлютъ для окончательнаго просмотра. Но я боюсь, что она все-таки выйдетъ не скоро. И объ этомъ хочу съ вами посовѣтоваться и просить вашей помощи. Оказывается, что Катковъ не раздѣляетъ моихъ взглядовъ, что и не можетъ быть иначе, такъ какъ я осуждаю именно такихъ людей, какъ онъ, и, мямля, учтиво прося смягчить то, выпустивъ это, ужасно мнѣ надоѣлъ, и я имъ уже заявилъ, что если они не напечатаютъ въ такомъ видѣ, какъ я хочу, то вовсе не напечатаю у нихъ, и такъ и сдѣлаю; но хотя и удобнѣе всего было напечатать брошюрой и продавать отдѣльно, неудобство въ томъ, что надо пропустить сквозь цензуру. Какъ вы посовѣтуете, отдѣльно съ цензурой или въ какой-нибудь безцензурный журналъ—«Вѣстникъ Европы», «Нива», мнѣ все равно, только бы хотѣлось напечатать какъ можно скорѣе и не разговаривать про смягченія и выпущенія. Но, пожалуйста, посовѣтуйте и помогите. Можетъ-быть, я еще улажусь съ Катковымъ, но очень хотѣлось бы узнать, что дѣлать въ случаѣ несогласія.

Ясная Поляна, 1877 г., май 22.

Ему же.

. . . . . .

И въ дурномъ и въ хорошемъ расположеніи духа мысль о войнѣ застилаетъ для меня все. Не война самая, но вопросъ о нашей несостоятельности, который вотъ-вотъ долженъ рѣшиться,

и о причинахъ этой несостоятельности, которыя мнѣ становятся все яснѣе и яснѣе.

Нынче Степа разговаривалъ съ Сергѣемъ о войнѣ, и Сергѣй сказалъ, что на войнѣ хорошо молодымъ солдатамъ попользоваться на счетъ турчанокъ, и когда Степа сказалъ, что это нехорошо, онъ сказалъ: да что, вѣдь ей ничего не убудетъ. Чортъ съ ней.— Это говоритъ тотъ Сергѣй, который сочувствовалъ сербамъ и котораго приводятъ въ доказательство народнаго сочувствія. А задушевная мысль о войнѣ только турчанка. Т.-е. разнузданность животныхъ инстинктовъ. Когда Степа разсказалъ, что дѣла идутъ плохо, онъ сказалъ: «что жъ не возьмутъ Михаила Григорьевича Черняева (онъ знаетъ имя и отчество), онъ бы ихъ размайорилъ». Турчанка и слѣпое довѣріе къ имени новому народному. Мнѣ кажется, что мы находимся на краю большого переворота. Пишите мнѣ, пожалуйста, о томъ, что дѣлается и говорится въ Петербургѣ.

. . . . . .

Ясная Поляна, 1877 г., авг.

А. А. Фету.

Какъ мало на свѣтѣ настоящихъ умныхъ людей, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ! Появился было г-нъ Болговъ, и какъ я обрадовался ему, но и тотъ тотчасъ же обратился въ васъ. Можно не узнать произведеніе ума, къ которому равнодушенъ, но произведеніе ума любимаго, выдающее себя за чужое, такъ же смѣшно и странно видѣть, какъ если бы я пріѣхалъ къ вамъ судиться и, глядя на васъ во всѣ глаза, увѣрялъ бы, что я адвокатъ Петровъ. Не могу хвалить вашей статьи, потому что она хвалитъ меня; но я вполнѣ согласенъ съ нею; и мнѣ очень радостно было читать анализъ своихъ мыслей, при которомъ всѣ мои мысли, взгляды, сочувствія, затаенныя стремленія поняты вѣрно и поставлены всѣ на настоящее мѣсто. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы она была напечатана; хотя я обращалъ къ вамъ то, что вы говорили мнѣ, знаю, что почти никто не пойметъ ея.

Я все это время охочусь и хлопочу объ устройствѣ нашего педагогическаго персонала на зиму. Ѣздилъ въ Москву въ поискахъ за учителемъ и гувернеромъ. Нынче же чувствую себя совсѣмъ больнымъ. Вы не пишете о себѣ, стало-быть, хорошо.

Нашъ поклонъ Марьѣ Петровнѣ.

Ясная Поляна, 1877 г., сент. 2.

П. Д. Голохвастову.

Очень радъ былъ, Павелъ Дмитріевичъ, получить отъ васъ вѣсточку. Я часто поминаю васъ и всегда съ очень пріятнымъ чувствомъ. Живемъ мы все по-старому, только жена не совсѣмъ здорова и я живу праздно.

Вамъ съ вашей энергіей и съ тѣми запасами, которые въ васъ есть, грѣхъ лѣниться и откладывать. Статья Буслаева мнѣ очень нравится. Я пробѣжалъ ее и перечту еще, но писать объ этомъ предметѣ не буду [1]).

Передайте нашъ съ женою поклонъ Ольгѣ Андреевнѣ.

Дружески жму вашу руку.

Ясная Поляна, 1877 г., ноябрь 23.

А. А. Фету.

Нынче утромъ самъ повезъ вамъ отвѣтъ на письмо со статьею на Козловку и получилъ ваше письмо. Статью Болгова проглотилъ и только сокрушался, что онъ не отдѣльное новое лицо— былъ бы новый другъ. Послалъ статью Страхову.

Очень грустно мнѣ за васъ, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, за чувство, которое въ васъ долженъ былъ вызвать послѣдній домашній эпизодъ; но я всегда за себя и за близкихъ утѣшаюсь, что все къ лучшему. Можетъ-быть, вамъ пришлось бы испытать болѣе тяжелыя чувства. Теперь вы спокойны, только обидно, что ваши труды у васъ не на лицѣ.

Вашъ

Ясная Поляна, 1877 г., сентябрь 1.

Н. Н. Страхову.

. . . . . .

Мучительно и унизительно жить въ совершенной праздности и противно утѣшать себя тѣмъ, что я берегу себя и жду какого-то вдохновенія. Все это пошло и ничтожно. Если бы я былъ одинъ,

---

[1]) Разумѣется статья «Значеніе романа въ наше время». Широкій взглядъ Буслаева на роль романа могъ нравиться Толстому, но кто возьметъ эту статью въ книгѣ «Мои досуги», долженъ помнить, что Толстой читалъ ее въ томъ видѣ, какъ она была произнесена авторомъ въ качествѣ доклада въ Общ. Люб. Рос. Слов., безъ прибавленій 1885 г., въ которыхъ есть осужденіе Толстому за моралистическое направленіе его въ началѣ 80-хъ годовъ.

я бы не былъ монахомъ, я былъ бы юродивымъ, т.-е. не дорожилъ бы ничѣмъ въ жизни и не дѣлалъ бы никому вреда. Пожалуйста, не утѣшайте меня и въ особенности тѣмъ, что я—писатель. Этимъ я уже давно и лучше васъ себя утѣшаю, но это не беретъ и только внемлетъ моимъ жалобамъ, и это уже меня не утѣшаетъ. Надняхъ слушалъ урокъ священника дѣтямъ изъ Катехизиса. Все это было такъ безобразно. Умныя дѣти такъ очевидно не только не вѣрятъ этимъ словамъ, но и не могутъ не презирать этихъ словъ, что мнѣ захотѣлось попробовать изложить въ катехизической формѣ то, во что я вѣрю, и я попытался. И попытка эта показала мнѣ, какъ это для меня трудно и—боюсь—невозможно. И отъ этого мнѣ грустно и тяжело.

. . . . . .

Ясная Поляна, 1877 г.

Ему же.

...Встрѣтился въ Москвѣ съ Бакунинымъ. Онъ пишетъ сочиненіе о знаніи и вѣрѣ. У меня живетъ учителемъ математики кандидатъ петербургскаго университета, прожившій два года въ Канзасѣ, въ Америкѣ, въ русскихъ колоніяхъ коммунистовъ. Благодаря ему, я познакомился съ тремя лучшими представителями крайнихъ соціалистовъ, тѣхъ самыхъ, которыхъ теперь судятъ. Ну, и эти люди пришли къ необходимости остановиться въ преобразовательной дѣятельности и прежде поискать религіозныя основы. Со всѣхъ сторонъ (не вспомню теперь, кто) всѣ умы обращаются на то самое, что мнѣ не даетъ покоя. Откуда вы приводили мнѣ слова Лаодцы? Обнимаю васъ отъ всей души, дорогой другъ, и желаю вамъ въ этомъ году того, о чемъ молюсь каждый день,—спокойствіе въ трудѣ.

Ясная Поляна, 1878 г., янв. 2.

А. А. Фету.

Къ моему великому несчастію, предположенія ваши невѣрны, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, я не только не за работой, но вамъ не отвѣчалъ потому, что все это время былъ нездоровъ. Послѣднее время я даже лежалъ нѣсколько дней. Простуда въ разныхъ видахъ: зубы, бокъ,—но результатъ тотъ, что время проходитъ, мое лучшее время, и я не работаю.

Спасибо вамъ, что не наказываете меня за молчаніе, а еще награждаете, давъ намъ первымъ прочесть ваше стихотвореніе.

Оно прекрасно, на немъ есть тотъ особенный характеръ, который есть въ вашихъ послѣднихъ, столь рѣдкихъ, стихотвореніяхъ. Очень они компактны, и сіяніе отъ нихъ очень далекое. Видно, на нихъ тратится ужасно много поэтическаго запаса. Долго накопляется, пока кристаллизируется. «Звѣзды» это и еще одно изъ послѣднихъ — одного сорта. Въ подробностяхъ же вотъ что. Прочтя его, я сказалъ женѣ: «стихотвореніе Фета прелестное, но одно слово нехорошо». Она кормила и суетилась, но за чаемъ, успокоившись, взяла читать и тотчасъ же указала на то слово, которое я считалъ нехорошимъ: «какъ Боги». Страховъ мнѣ пишетъ, спрашивая о васъ; я далъ ему вашъ адресъ. Нашъ душевный поклонъ Марьѣ Петровнѣ. Дай вамъ Богъ устраивать получше и подольше не устроить, а то скучно будетъ. До слѣдующаго письма,—нынче некогда.

P. S. Главное быть здоровымъ и меня любить по-старому.

Ясная Поляна, 1878 г., янв., 27.

Н. Н. Страхову.

. . . . . .

Объ исканіи вѣры... Вы пишете, что всякія сдѣлки съ мыслью вамъ противны, мнѣ—тоже. И еще пишете, что для вѣрующихъ всякая безсмыслица хороша, лишь бы пахло благочестіемъ (я бы замѣтилъ: лишь бы проникнуто было вѣрою, надеждою и любовью). Они въ безсмыслицахъ, какъ рыба въ водѣ, имъ противно ясное и опредѣленное. И я тоже. Я объ этомъ началъ писать и написалъ довольно много, но теперь оставилъ, увлекшись другими занятіями, но разсчитывая на вашу способность (необычайную) понимать другихъ, попытаюсь въ этомъ письмѣ сказать, почему я думаю, что то, что вамъ кажется страннымъ, вовсе не странно. Разумъ мнѣ ничего не говоритъ и не можетъ сказать на три вопроса, которые легко выразить однимъ: что я такое? Отвѣты на эти вопросы даетъ мнѣ въ глубинѣ сознанія какое-то чувство. Тѣ отвѣты, которые мнѣ даетъ это чувство, смутны, неясны, невыразимы словами (орудіемъ мысли); но я не одинъ искалъ и ищу отвѣта на эти вопросы. Все жившее человѣчество въ каждой душѣ мучимо было тѣми же вопросами и получало тѣ же смутные отвѣты въ своей душѣ. Милліарды смутныхъ отвѣтовъ однозначащихъ дали опредѣленность отвѣтамъ. Отвѣты эти — религія. На взглядъ разума отвѣты безсмысленны. Безсмысленны даже по одному тому, что они выражены словами, но они все-таки одни отвѣчаютъ на вопросы сердца. Какъ выраженіе, какъ форма, они безсмысленны, но, какъ содержаніе, они одни истинны. Смотрю всѣми глазами на форму—содержаніе ускользаетъ; смотрю всѣми глазами на содержаніе—мнѣ дѣла нѣтъ до формы.

Я ищу отвѣта на вопросы по существу своему во имя разума и требую, чтобы они выражены были словомъ, орудіемъ разума, и потому удивляюсь, что форма отвѣтовъ не удовлетворяетъ разума. Но вы скажете: поэтому и отвѣтовъ не можетъ быть. Нѣтъ, вы не скажете этого, потому что вы знаете, что отвѣты есть, что этими отвѣтами только живутъ, жили всѣ люди и вы сами живете. Сказать, что этихъ отвѣтовъ не можетъ быть,—все равно, что сказать, ѣхавши по льду, что рѣки не могутъ замерзать потому, что отъ холода тѣла сжимаются, а не расширяются. Сказать, что эти отвѣты безсмысленны,—то же, что сказать, что я чего-то въ нихъ не умѣю понимать. И не умѣете вы понимать, какъ мнѣ кажется, вотъ отчего: отвѣты спрашиваются не на вопросы разума, а на вопросы другіе. Я называю ихъ вопросами сердца.

На эти вопросы съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ родъ человѣческій, отвѣчаютъ люди не словами, орудіемъ разума, частью проявленія жизни, а всей жизнью, дѣйствіями, изъ которыхъ слово есть одна только часть.

Всѣ тѣ вѣрованія, которыя я имѣю, и вы, и весь народъ, основаны не на словахъ и разсужденіяхъ, а на рядѣ дѣйствій, жизни людей, непосредственно (какъ зѣвота) вліявшихъ одни на другихъ, начиная съ жизней Авраамовъ, Моисеевъ, Христовъ, святыхъ отцовъ, ихъ жизнями и внѣшними даже дѣйствіями—колѣнопреклоненіями, постомъ, соблюденіями дней и т. д. Во всей массѣ безчисленныхъ дѣйствій этихъ людей почему-то извѣстныя дѣйствія выдѣлялись и составляли одно цѣлое преданіе, служащее единственнымъ отвѣтомъ на вопросы сердца. И потому для меня въ этомъ преданіи не только нѣтъ ничего безсмысленнаго, но я даже и не понимаю, какъ къ этимъ явленіямъ прилагать провѣрку смысленнаго и безсмысленнаго. Одна провѣрка, которой я подвергаю и всегда буду подвергать эти преданія, это то, согласны ли даваемые отвѣты съ смутнымъ одиночнымъ отвѣтомъ, начертаннымъ у меня въ глубинѣ сознанія (о которомъ я говорилъ раньше). И потому, когда мнѣ это преданіе говоритъ, что я долженъ хоть разъ въ годъ пить вино, которое называется кровью Бога, я, понимая по-своему или вовсе не понимая этого акта, исполняю его. Въ немъ нѣтъ ничего такого, чтобы противорѣчило смутному сознанію. Также я въ извѣстные дни ѣмъ капусту, а въ другіе—мясо; но когда мнѣ преданіе (изуродованное борьбой разумѣній съ различными толкованіями) говоритъ: «будемте всѣ молиться, чтобы побить побольше турокъ», или даже говоритъ, что тотъ, кто не вѣритъ, что это настоящая кровь и т. п., тогда, справляясь не съ разумѣніемъ, но хоть съ смутнымъ, но несомнѣннымъ голосомъ сердца, я говорю, это преданіе—ложное. Такъ что я вполнѣ плаваю какъ рыба въ водѣ въ безсмыслицахъ и только не покоряюсь тогда, когда преданіе мнѣ передаетъ осмысленныя имъ дѣйствія, не совпадающія съ основной безсмыслицей смутнаго сознанія, лежащаго въ моемъ сердцѣ. Если вы поймете, несмотря на неточность моихъ выраженій, мою мысль, напишите, пожалуйста, согласны ли вы съ ней или нѣтъ, и тогда, почему. Совѣстно мнѣ

говорить, но говорю, что чувствую. Я такъ убѣжденъ въ томъ, что я говорю, и убѣжденіе это такъ для меня отрадно, что я не для себя желаю вашего сужденія, но для васъ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы испытывали то же спокойствіе и ту же свободу духовную, которую испытываю я. Знаю, что пути постигновенія даже формальныхъ математическихъ истинъ для каждаго ума—свои, тѣмъ болѣе они должны быть свои особенныя для постигновенія метафизическихъ истинъ, но мнѣ такъ ясно (какъ фокусъ, который вамъ показанъ), что не могу понять, въ чемъ для другихъ можетъ быть еще непонятенъ этотъ фокусъ. Знаю тоже, что если мнѣ въ Москву надо ѣхать на сѣверъ и сѣсть на машину въ Тулѣ, то это никакъ не можетъ служить общимъ правиломъ для всѣхъ людей, находящихся на разныхъ концахъ свѣта и желающихъ пріѣхать въ Москву, тѣмъ болѣе для васъ, потому что знаю, что у васъ съ собой много поклажи (ваши знаніе и прошедшіе труды), а я налегкѣ, но я могу васъ увѣрить, что я въ Москвѣ, больше никуда не могу желать ѣхать и что въ Москвѣ очень хорошо.

. . . . . .

Ясная Поляна, 1878 г., янв.

А. А. Фету.

Получилъ ваше славное, длинное письмо, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ. Не хвалите меня. Право, вы видите во мнѣ слишкомъ много хорошаго, а въ другихъ слишкомъ много дурного. Хорошо во мнѣ одно,—что я васъ понимаю и потому люблю. Но хотя и люблю васъ такимъ, какой вы есть, всегда сержусь на васъ за то, что «Марѳа печется о многомъ, тогда какъ единое есть на потребу». И у васъ это единое очень сильно, но какъ-то вы имъ брезгуете, а все больше билліардъ устанавливаете. Не думайте, чтобы я разумѣлъ стихи: хотя я ихъ и жду, но не о нихъ рѣчь, они придутъ и надъ билліардомъ, а о такомъ міросозерцаніи, при которомъ бы не надо было сердиться на глупость людскую. Кабы насъ съ вами истолочь въ одной ступѣ и слѣпить потомъ пару людей, была бы славная пара. А то у васъ такъ много привязанности къ житейскому, что если какъ-нибудь оборвется это житейское, вамъ будетъ плохо, а у меня такое къ нему равнодушіе, что нѣтъ интереса къ жизни; и я тяжелъ для другихъ однимъ вѣчнымъ переливаніемъ изъ пустого въ порожнее. Не думайте, что я рехнулся. А такъ не въ духѣ и надѣюсь, что вы меня и черненькимъ полюбите. Непремѣнно пріѣду къ вамъ. Нашъ поклонъ Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ

1878 г., апр. 6.

Н. Н. Страхову.

. . . . . .

Другое это то, что я нынче говѣлъ и сталъ читать Евангеліе и Ренана: «Жизнь Іисуса», всю прочелъ, и все время читалъ и удивлялся на васъ. Могу объяснить ваше пристрастіе къ Ренану только тѣмъ, что вы были очень молоды, когда читали его. Если у Ренана есть какія-нибудь свои мысли, то это двѣ слѣдующія: 1) что Христосъ не зналъ l'évolution et le progrès, и въ этомъ отношеніи Ренанъ старается поправлять его и съ высоты этой мысли критикуетъ его (стр. 314, 315, 316). Это ужасно, для меня, по крайней мѣрѣ; прогрессъ, по мнѣ, есть логариѳмъ времени, т.-е. ничего, констатизмъ факта, что мы живемъ во времени, и вдругъ это-то становится судьей высшей степени, которую мы знаемъ. Легкомысленность или недобросовѣстность этого воззрѣнія удивительны. Христіанская истина, т.-е. наивысшее выраженіе абсолютнаго добра, есть выраженіе самой сущности внѣ формы, времени и др.

Ренаны же смѣшиваютъ ея выраженіе абсолютно съ выраженіемъ ея въ исторіи и сводятъ ее на временное проявленіе и тогда обсуждаютъ. Если христіанская истина высока и глубока, то только потому, что субъективно абсолютна. Если же разсматривать ея объективное проявленіе, то она наравнѣ съ Code Napoleon и т. п. Другая новая у Ренана мысль—это то, что если ученіе есть ученіе Христа, то былъ какой-нибудь человѣкъ, и этотъ человѣкъ непремѣнно—потѣлъ и ходилъ на часъ. Для насъ изъ христіанства всѣ человѣческія унижающія реалистическія подробности исчезли потому же, почему исчезли всѣ подробности обо всѣхъ, жившихъ когда-нибудь жидахъ и др., потому, почему все исчезаетъ, что не вѣчно, т.-е. песокъ, который не нуженъ, промытъ, осталось золото, по неизмѣняемому закону; кажется, что же дѣлать людямъ, какъ не брать это золото? Нѣтъ. Ренанъ говоритъ, если есть золото, то былъ и песокъ, и онъ старается найти, какой былъ песокъ. И все это съ глубокомысленнымъ видомъ. Но что еще болѣе забавно бы было, если бы не было такъ ужасно глупо, это то, что и песку этого они не находятъ никакого и только утверждаютъ, что онъ долженъ былъ быть. Я прочелъ все и долго искалъ и спрашивалъ себя: но что же изъ этихъ историческихъ подробностей я узналъ новаго? И вспомните и признайтесь, что ничего, ровно ничего. Я предлагаю дополнить Ренана, сдѣлать соображенія о томъ, какія и какъ были физическія отправленія. Все прогрессъ, все évolution. Можетъ-быть, что для того, чтобы узнать растеніе, надо знать среду, и даже, чтобы узнать человѣка, какъ государственное животное, надо узнать среду и движеніе, развитіе, но чтобы понять красоту, истину и добро, никакое изученіе среды не поможетъ, да и не имѣетъ ничего общаго съ разсматриваемымъ. Тамъ идемъ по пло-

скости, а тутъ совсѣмъ другое направленіе—вглубь и вверхъ. Нравственную истину можно и должно изучать и конца ея изученія нѣтъ, но это изученіе идетъ вглубь, какъ ведутъ его люди религіозные, а это дѣтская, пошлая и подлая шалость.

Ясная Поляна, 1878 г., апр.

А. А. Фету.

Дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, получилъ на-дняхъ ваше послѣднее, краткое, но многосодержательное письмо и вижу по его тону, что вы въ очень хорошемъ душевномъ настроеніи, хотя и были больны. Вы поминаете о вашей статьѣ. Пожалуйста, не приписывайте значенія моему сужденію, во-первыхъ, потому, что я плохой судья при слушаніи, а не чтеніи про себя, а во-вторыхъ, потому, что въ этотъ день я былъ въ самомъ дурномъ физически расположеніи духа. Когда вы будете передѣлывать, не забудьте еще выправить пріемы связей отдѣльныхъ частей статьи. У васъ часто встрѣчаются излишнія вступленія, какъ, напр.: «теперь мы обратимся...» или — «взглянемъ...» и т. п. Главное, разумѣется, въ расположеніи частей относительно фокуса и когда правильно расположено, — все ненужное, лишнее само собою отпадаетъ, и все выигрываетъ въ огромныхъ степеняхъ.

Тургеневъ на обратномъ пути былъ у насъ и радовался полученію отъ васъ письма. Онъ все такой же, и мы знаемъ ту степень сближенія, которая между нами возможна. Мнѣ ужасно хочется писать, но нахожусь въ тяжеломъ недоумѣніи: фальшивый ли это или настоящій аппетитъ.

Ужасно хочется побывать у васъ и, навѣрное, побываю, но теперь еще много поѣздокъ необходимѣйшихъ. Нынче ѣду на земское собраніе.

1878 г., сент. 5.

Ему же.

Уже и не знаю, какъ, въ какомъ духѣ начать писать вамъ, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ; все-таки нѣтъ другихъ словъ, какъ виноватъ, виноватъ и кругомъ виноватъ. Хотя и всегда излишне выставленіе причинъ извиняющихъ, я все-таки ихъ напишу, потому что онѣ справедливы и объяснятъ вамъ мое состояніе. Вотъ уже съ мѣсяцъ, коли не больше, я живу въ чаду не внѣшнихъ событій (напротивъ, мы живемъ одиноко и смирно), но внутреннихъ, которыхъ назвать не умѣю. Хожу на охоту, читаю, отвѣчаю на вопросы, которые мнѣ дѣлаютъ, ѣмъ, сплю, но ничего не могу

дѣлать, даже написать письмо. У меня ихъ набралось до двадцати, изъ которыхъ есть почти такія же, какъ ваше. Нынче я какъ только немного очнулся, пишу вамъ. У насъ все, слава Богу, здорово и хорошо. Обычная зимняя жизнь, со все усложняющимся воспитаніемъ и ученіемъ дѣтей, идетъ какъ и прежде. Мы очень заняты: жена—самыми ясными, опредѣленными дѣлами, а я—самыми неопредѣленными и потому постоянно имѣю стыдливое сознаніе праздности среди трудовой жизни. Вы, вѣрно, уже кончили передѣлку своей статьи, и если здоровы, то, вѣроятно, заняты чѣмъ-нибудь новымъ. Если вы меня простили, то напишите мнѣ и о своемъ здоровьи, которое, по послѣднему письму, угрожало разладиться,—и о своей духовной работѣ. Такъ, пожалуйста, не разсердитесь на меня. Помните, что мы все по-старому васъ любимъ, а что я неаккуратенъ, такъ это только подробность моего характера. Опять откладываю поѣздку къ вамъ. Теперь и не могу и не гожусь. А вотъ если Богъ дастъ поработать и устать отъ работы, то зимою, если вы меня позовете, поѣхать отдохнуть къ вамъ. Жена проситъ передать свой поклонъ вамъ и Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ

Ясная Поляна, 1878 г., октябрь 26.

Графинѣ А. А. Толстой.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Очень, очень вамъ благодаренъ за ваше обѣщаніе дать мнѣ свѣдѣнія о Перовскомъ. Ваше обѣщаніе было бы для меня большой заманкой для Петербургской поѣздки, если бы, кромѣ этого, у меня не было сильнѣйшаго желанія побывать въ Петербургѣ. Желаніе это уже дошло до maximum'а, теперь нуженъ толчокъ. А толчка этого нѣтъ, даже скорѣе толчки обратные, въ видѣ моего нездоровья. Буду ждать. Перовскаго личность вы совершенно вѣрно опредѣляете a grand traits, такимъ и я представлялъ себѣ; и такая фигура — одна наполняющая картину; біографія его—была бы груба, но съ другими противоположными ему тонкими, мягкой работы, нѣжными характерами, какъ Жуковскій даже, котораго вы, кажется, хорошо знали, и съ другими и, главное, съ декабристами, эта крупная фигура, составляющая тѣнь къ Ник. Павл. самой крупной a grand traits фигурѣ, выражаетъ вполнѣ то время.—Я теперь весь погруженъ въ чтеніе этихъ временъ 20-хъ годовъ и не могу вамъ выразить то наслажденіе, которое я испытываю, воображая себѣ это время. Странно и пріятно думать, что то время, которое я помню, 30-е года, уже исторія. Такъ и видишь, что колебаніе фигуръ на этой картинѣ прекра-

щается—и все устанавливается въ торжественномъ покоѣ истины и красоты.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Молюсь Богу, чтобы Онъ мнѣ позволилъ сдѣлать хоть приблизительно то, что я хочу. Дѣло это для меня такъ важно, что, какъ вы ни способны понимать все, вы не можете представить, до какой степени это важно. Такъ важно, какъ важна для васъ ваша вѣра. И еще важнѣе, мнѣ бы хотѣлось сказать. Но важнѣе ничего не можетъ быть. И оно то самое и есть.

. . . . . .

Ясная Поляна, 1878 г.

А. А. Фету.

Дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, получилъ уже съ недѣлю ваше особенно хорошее послѣднее письмо съ очень хорошимъ, но не превосходнымъ стихотвореніемъ и не отвѣчалъ тотчасъ же, потому что, повѣрите ли, съ тѣхъ поръ не поправился отъ своего нездоровья, и нынче только получше, и голова свѣжа, но все еще не выхожу. Правда то, что правда. Это изъ истинъ истина. Но правду, такъ же какъ и эту истину, можно не доказывать, но выслѣдить, придти къ ней и увидать, что дальше идти некуда, и что отъ нея-то я и пошелъ. Стихотвореніе послѣднее мнѣ не такъ понравилось, какъ предшествующее, и по формѣ (не такъ круто, какъ то), и по содержанію, съ которымъ я не согласенъ, какъ можно быть несогласнымъ съ такимъ невозможнымъ представленіемъ. У Верна есть разсказъ «Вокругъ луны». Они тамъ находятся въ точкѣ, гдѣ нѣтъ притяженія. Можно ли въ этой точкѣ подпрыгнуть,—знающіе физики различно отвѣчали. Такъ и въ вашемъ предположеніи должно различно отвѣчать, потому что положеніе невозможно, не человѣческое. Но вопросъ духовный поставленъ прекрасно. И я отвѣчаю на него иначе, чѣмъ вы.— Я бы не захотѣлъ опять въ могилу. Для меня и съ уничтоженіемъ всякой жизни, кромѣ меня, все еще не кончено. Для меня остаются еще мои отношенія къ Богу, т.-е. отношенія къ той силѣ, которая меня произвела, меня тянула къ себѣ и меня уничтожитъ или видоизмѣнитъ. Стихотвореніе хорошо уже потому, что я читалъ дѣтямъ, изъ которыхъ нѣкоторыя заняты чумой, и оно, отвѣчая на ихъ страхъ, тронуло ихъ.

Дай Богъ вамъ здоровья, спокойствія душевнаго и того, чтобы вы признали необходимость отношеній къ Богу, отсутствіе которыхъ вы такъ ярко отрицаете въ этомъ стихотвореніи.

Ясная Поляна, 1879 г., февраль 1. Вашъ

Ему же

Я все хвораю, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, и отъ этого не отвѣчалъ вамъ тотчасъ же на ваше письмо съ превосходнымъ стихотвореніемъ. Это вполнѣ прекрасно. Коли оно когда-нибудь разобьется и засыплется развалинами, и найдутъ только отломанный кусочекъ: въ немъ слишкомъ много слезъ, то и этотъ кусочекъ поставятъ въ музей и по немъ будутъ учиться. Я не боленъ, не здоровъ, но умственной и душевной бодрости, которая нужна мнѣ,—нѣтъ. Не такъ, какъ вы,—сухо дерево. Присылайте же еще стихи. Странно, какъ умствованія мало убѣдительны. Въ послѣднемъ письмѣ я вамъ писалъ, что я не согласенъ съ мыслью послѣдняго стихотворенія. Что я не захотѣлъ бы вернуться въ могилу, потому что у меня остались бы еще мои отношенія къ Богу. Вы ничего на это не отвѣчали. Отвѣтьте, пожалуйста. Если вамъ это кажется просто глупостью, такъ и скажите. Дай Богъ вамъ всего лучшаго, передайте наши поклоны Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ

Ясная Поляна, 1879 г., февраль 16.

Графинѣ А. А. Толстой.

Я не отвѣчалъ вамъ долго, дорогой другъ, оттого, что былъ эти дни въ Москвѣ и измучился, какъ всегда, отъ городской ужасной для меня суеты.

Я не такъ понимаю, какъ вы, слово крестъ, который мы несемъ. Если Богу угодно будетъ то, что я задумываю, вы прочтете, на словахъ тоже, къ слову сказать можно, но писать нельзя. Скажу только, что «Возьми крестъ свой и иди за мной» — это одно нераздѣльное слово. «Возьми крестъ свой» — отдѣльно не имѣетъ, по-моему, смысла, потому что крестъ брать и не брать не въ нашей волѣ; онъ лежитъ на насъ, только не надо нести ничего лишняго — все то, что не крестъ. И нести крестъ надо не куда-нибудь, а за Христомъ, то-есть исполняя его законъ любви къ Богу и ближнему. Вашъ крестъ — Дворъ, мой — работа мысли — скверная, горделивая, полная соблазновъ... Но будетъ...

У меня двѣ просьбы къ вамъ, то-есть, черезъ васъ къ Государю и Императрицѣ. Не бойтесь. Надѣюсь, что просьбы такъ легки, что вамъ не придется мнѣ отказать. Просьба къ Императрицѣ даже такова, что я увѣренъ, что она будетъ благодарна вамъ. Просьба черезъ нее къ Государю—за трехъ стариковъ, раскольничьихъ архіереевъ (одному 90 лѣтъ, двумъ около 60, чет-

вертый умеръ въ заточеніи), которые 22 года сидятъ въ заточеніи въ Суздальскомъ монастырѣ. Имена ихъ: Кононъ, Геннадій, Аркадій.

Когда я узналъ про нихъ, я не хотѣлъ вѣрить, какъ и вы, вѣрно, не повѣрите, что четыре старика сидятъ за свои религіозныя убѣжденія въ тяжеломъ заключеніи 23 года... Вы знаете лучше меня—можно или нѣтъ просить за нихъ и освободить ихъ. А какъ бы хорошо было освободить ихъ въ эти дни... Мнѣ кажется, что нашей доброй Императрицѣ такъ идетъ ходатайство за такихъ людей.

Другая моя просьба къ вамъ, чтобы мнѣ были открыты архивы секретныхъ дѣлъ временъ Петра I, Анны Іоанновны и Елизаветы. Я былъ въ Москвѣ преимущественно для работъ по архивамъ (теперь уже не декабристы, а 18-й вѣкъ, начало его—интересуетъ меня), и мнѣ сказали, что безъ Высочайшаго разрѣшенія мнѣ не откроютъ архивовъ секретныхъ, а въ нихъ все меня интересующее: самозванцы, разбойники, раскольники... Какъ получить разрѣшеніе? Если вамъ не скучно, не трудно, не неудобно, то помогите мнѣ, научите меня; если же хоть немножко почему-нибудь непріятно, — пожалуйста, ничего не дѣлайте и простите меня за мою indiscretion... Какъ вы живете и чувствуете? Ваши письма всегда мнѣ радостны. Чѣмъ старше, тѣмъ сильнѣе чувствуешь старую дружбу. Дай Богъ вамъ всего лучшаго! Цѣлую вашу руку. Соня благодаритъ васъ за любовь и платитъ тѣмъ же.

Вашъ

Ясная Поляна, 1879 г., мартъ (?).

Н. Н. Страхову.

Благодарю васъ, дорогой Николай Николаевичъ, за присылку Григорьева. Я прочелъ предисловіе Григорьева, но, не сердитесь на меня — чувствую, что, посаженный въ темницу, никогда не прочту всего. Не потому, что не цѣню Григорьева, напротивъ, но критика для меня скучнѣе всего, что только есть скучнаго на свѣтѣ. Въ критикѣ искусства все правда, а искусство потому только и искусство, что оно все. Я со страхомъ чувствую, что перехожу на лѣтнее состояніе: мнѣ противно то, что я написалъ, и теперь у меня лежатъ корректуры на апрѣльскую книжку и боюсь, что не въ силахъ ихъ поправить. Все въ нихъ скверно и все надо передѣлать, все, что напечатано, и все перемарать и бросить, и отречься и сказать: виноватъ, впередъ не буду, и постараться написать что-нибудь новое и ужъ не такое нескладное и ни то ни семное. Вотъ въ какое я прихожу состояніе, и это очень непріятно... И не хвалите мой романъ. Паскаль завелъ себѣ поясъ съ гвоздями, который онъ пожималъ всякій разъ, какъ

чувствовалъ, что похвала его радуетъ. Мнѣ надо завести такой поясъ. — Покажите мнѣ искреннюю дружбу — или ничего не пишите про мой романъ, или напишите мнѣ только все, что въ немъ дурно. И если правда то, что я подозрѣваю, что я слабѣе, то, пожалуйста, напишите мнѣ. Мерзкая наша писательская должность—развращающая. У каждаго писателя есть своя атмосфера хвалителей, которую онъ осторожно носитъ вокругъ себя и не можетъ имѣть понятія о своемъ значеніи и о времени упадка. Мнѣ бы хотѣлось не заблуждаться и не развращаться дальше. Пожалуйста, помогите мнѣ въ этомъ. И не стѣсняйтесь только, что вы строгимъ осужденіемъ можете помѣшать дѣятельности человѣка, имѣвшаго талантъ. Гораздо лучше будетъ остановиться на «Войнѣ и мирѣ», чѣмъ писать «Часы» или т. п.

Ясная Поляна, 1879 г., апр. 9.

А. А. Фету.

Есть молитва, которая говоритъ: «не по заслугамъ, но по милосердію Твоему». Такъ и вы. Еще получилъ отъ васъ длинное, хорошее письмо. Непремѣнно и скоро поѣду въ Кіевъ и Воробьевку, и все тогда вамъ разскажу, а теперь только отвѣчу на ваши опасенія. Декабристы мои, Богъ знаетъ, гдѣ теперь, я о нихъ и не думаю, а если бы и думалъ и писалъ, то льщу себя надеждой, что мой духъ одинъ, которымъ пахло бы, былъ бы невыносимъ для стрѣлявшихъ въ людей для блага человѣчества. Какъ правы мужики и вы, что стрѣляютъ господа, и хоть не за то, что отняли, а потому, что отняли мужиковъ. Но долженъ сказать, я добросовѣстно не читаю газетъ даже теперь и считаю обязанностью всѣхъ отвращать отъ этой пагубной привычки. Сидитъ человѣкъ старый, хорошій въ Воробьевкѣ; переплавилъ въ своемъ мозгу двѣ-три страницы Шопенгауэра и выпустилъ ихъ порусски, съ кія кончилъ партію, убилъ вальдшнепа, полюбовался жеребенками отъ Закраса, сидитъ съ женою, пьетъ славный чай, куритъ, всѣми любимъ и всѣхъ любитъ, и вдругъ привозятъ вонючій листъ, сырой, рукамъ больно, глазамъ больно, и въ сердцѣ злоба осужденій, чувство отчужденности, чувство, что я никого не люблю, никто меня не любитъ, и начинаетъ говорить, говоритъ и сердится и страдаетъ. Это надо бросить. Будетъ много лучше.

Надѣюсь, до свиданія. Наши поклоны Марьѣ Петровнѣ.

Ясная Поляна, 1879 г., апр. 17.

Ему же.

Благодарю васъ за ваше послѣднее хорошее письмо, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, и за апологъ о соколѣ, который мнѣ нравится, но который я желалъ бы болѣе пояснить. Если я этотъ соколъ и если, какъ выходитъ изъ послѣдующаго, залетаніе мое слишкомъ далеко состоитъ въ томъ, что я отрицаю реальную жизнь, то я долженъ оправдаться. Я не отрицаю ни реальной жизни, ни труда, необходимаго для поддержанія этой жизни, но мнѣ кажется, что большая доля моей и вашей жизни наполнена удовлетвореніями не естественныхъ, а искусственно привитыхъ намъ воспитаніемъ и самими нами придуманныхъ и перешедшихъ въ привычку потребностей, и что девять десятыхъ труда, полагаемаго нами на удовлетвореніе этихъ потребностей, — праздный трудъ. Мнѣ бы очень хотѣлось быть твердо увѣреннымъ въ томъ, что я даю людямъ больше того, что получаю отъ нихъ; но такъ какъ я чувствую себя очень склоннымъ къ тому, чтобы высоко цѣнить свой трудъ и низко цѣнить чужой, то я не надѣюсь увѣриться въ безобидности для другихъ расчета со мной однимъ усиленіемъ своего труда и избраніемъ тяжелѣйшаго (я непремѣнно увѣрю себя, что любимый мною трудъ есть самый нужный и трудный); — я желалъ бы какъ можно меньше брать отъ другихъ и какъ можно меньше трудиться для удовлетворенія своихъ потребностей; и думаю, такъ легче не ошибиться. Жалѣю очень, что здоровье ваше все не твердо, но радуюсь тому, что вы духомъ здоровы, что видно изъ вашихъ писемъ. Отъ души обнимаю васъ и прошу передать наши поклоны Марьѣ Петровнѣ

Вашъ

Ясная Поляна, 1879 г., іюль 28.

Ему же.

Прежде чѣмъ сказать вамъ, какъ мнѣ совѣстно передъ вами и какъ я чувствую себя виноватымъ передъ вами, прежде всего я ужасно благодаренъ вамъ, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, за ваше доброе, прекрасное, главное, умное письмо. Вы имѣли причины быть недовольнымъ мною и вмѣсто того, чтобы высказать мнѣ свое нерасположеніе, которое очень могло бы быть, вы высказали мнѣ причины своего недовольства мною добродушно и, главное, такъ, что я почувствовалъ, что вы все-таки любите меня. Письмо ваше произвело на меня чувство умиленія и стыда за свою неряшливость,— ничего больше. Вотъ что было, и вотъ мои послѣднія впечатлѣнія о нашихъ отношеніяхъ. Вы мнѣ писали,

какъ всегда; я, какъ всегда, съ радостью получалъ ваши письма, но не какъ всегда (съ еще большей неаккуратностью чѣмъ прежде, вслѣдствіе своихъ особенно напряженныхъ занятій нынѣшняго года) — отвѣчалъ; но передъ весною я получилъ отъ васъ письмо, въ которомъ видѣлъ, что вы меня въ чемъ-то считаете виноватымъ. Вина моя единственная и ненастоящая передъ вами была та, что, прочтя это письмо, я не написалъ тотчасъ же вамъ, что я и хотѣлъ сдѣлать, прося у васъ объясненія, за что вы недовольны мною. Опять мои занятія немного извиняютъ меня, и прошу васъ простить меня за это.

Въ первой же главной моей винѣ, какъ вамъ это должно казаться, что я не отвѣчалъ вамъ на ваше предложеніе пріѣхать въ Ясную,—я рѣшительно невмѣняемъ. Не понялъ ли я этого, просмотрѣлъ ли, но совершенно забылъ, и для меня этого вашего предложенія пріѣхать не существовало. Я вамъ все это такъ пишу, потому что знаю, что вы мнѣ повѣрите, что я пишу истинную правду. Какъ это случилось — не знаю. Но въ этомъ я не виноватъ. Не виноватъ потому, что всегда читаю ваши письма по нѣскольку разъ и вникая въ каждое слово, не виноватъ уже навѣрно въ томъ, чтобы я могъ промолчать, не подхвативъ его съ радостью, ваше предложеніе пріѣхать къ намъ. Во всякомъ случаѣ простите, но не мѣняйтесь ко мнѣ, какъ я не перемѣнюсь къ вамъ, пока мы живы. И очень, очень благодарю васъ за ваше письмо. Мнѣ такъ хорошо стало теперь, потому что твердо надѣюсь, что получу отъ васъ хорошую вѣсточку, и можетъ-быть, вы уже совсѣмъ покажете мнѣ, что прощаете меня, пріѣхавъ къ намъ. Жена кланяется вамъ; она чувствовала то же, что я, относительно васъ, еще сильнѣе меня.

Вашъ

Ясная Поляна, 1880 г., май 31.

Ему же.

Дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ. Страховъ мнѣ пишетъ, что онъ хотѣлъ исполнить мою просьбу: уничтожить въ васъ всякое, какое могло быть, недоброжелательство ко мнѣ или недовольство мною,—но что это оказалось совершенно излишне. Онъ ничего не могъ мнѣ написать пріятнѣе.

И это же я чую въ вашемъ письмѣ. А это для меня главное. И еще будетъ лучше, когда вы по старой привычкѣ заѣдете ко мнѣ. Мы оба съ женою ждемъ этого съ радостью. Теперь лѣто и прелестное лѣто, и я, какъ обыкновенно, ошалѣваю отъ жизни и забываю свою работу. Нынѣшній годъ долго я боролся, но красота міра побѣдила меня. И я радуюсь жизни и больше почти ничего не дѣлаю. У насъ полонъ домъ гостей. Дѣти затѣяли спектакль, и у нихъ шумно и весело. Я съ трудомъ нашелъ уго-

локъ и выбралъ минутку, чтобы написать вамъ словечко. Пожалуйста же, по-старому любите насъ, какъ и мы. Передайте нашъ привѣтъ Марьѣ Петровнѣ.

Ясная Поляна, 1880 г., іюль 8.

Александру III.

Ваше Императорское Величество!

Я, ничтожный, не призванный и слабый, плохой человѣкъ, пишу русскому Императору и совѣтую ему, что ему дѣлать въ самыхъ сложныхъ, трудныхъ обстоятельствахъ, которыя когда-либо бывали. Я чувствую, какъ это странно, неприлично, дерзко, и все-таки пишу. Я думаю себѣ: ты напишешь, письмо твое будетъ не нужно, его не прочтутъ, или прочтутъ и найдутъ, что это вредно, и накажутъ тебя за это. Вотъ и все, что можетъ быть. И дурного въ этомъ для тебя не будетъ ничего такого, въ чемъ бы ты раскаялся. Но если ты не напишешь и потомъ узнаешь, что никто не сказалъ царю то, что ты хотѣлъ сказать, и что царь потомъ, когда уже ничего нельзя будетъ перемѣнить, подумаетъ и скажетъ: «если бы тогда кто-нибудь сказалъ мнѣ это»,— если это случится такъ, то ты вѣчно будешь раскаиваться, что не написалъ того, что думалъ. И потому я пишу Вашему Величеству то, что я думаю.

Я пишу изъ деревенской глуши, ничего вѣрнаго не знаю. То, что знаю, знаю по газетамъ и слухамъ, и потому, можетъ-быть, пишу ненужные пустяки о томъ, чего вовсе нѣтъ, — тогда ради Бога простите мою самонадѣянность и вѣрьте, что я пишу не потому, что я высоко о себѣ думаю, а потому только, что, уже столь много виноватый передъ всѣми, боюсь быть еще виноватымъ, не сдѣлавъ того, что могъ и долженъ былъ сдѣлать.

Я буду писать не въ томъ тонѣ, въ которомъ обыкновенно пишутъ письма государю — съ цвѣтами подобострастія и фальшиваго краснорѣчія, которые только затемняютъ и чувства и мысли. Я буду писать просто, какъ человѣкъ къ человѣку.

Настоящія чувства моего уваженія къ Вамъ, какъ къ человѣку и къ царю, виднѣе будутъ безъ этихъ украшеній.

Отца Вашего, царя русскаго, сдѣлавшаго много добра и всегда желавшаго добра людямъ, стараго, добраго человѣка, безчеловѣчно изувѣчили и убили не личные враги его, но враги существующаго порядка вещей: убили во имя какого-то блага всего человѣчества.

Вы стали на его мѣсто, и передъ Вами тѣ враги, которые отравляли жизнь Вашего отца и погубили его. Они враги Ваши потому, что Вы занимаете мѣсто Вашего отца, и для того мнимаго общаго блага, котораго они ищутъ, они должны желать убить и Васъ.

Къ этимъ людямъ въ душѣ Вашей должно быть чувство мести, какъ къ убійцамъ отца, и чувство ужаса передъ тою обязанностью, которую Вы должны были взять на себя. Болѣе ужаснаго положенія нельзя себѣ представить, болѣе ужаснаго потому, что нельзя себѣ представить болѣе сильнаго искушенія зла. «Враги отечества, народа, презрѣнные мальчишки, безбожныя твари, нарушающія спокойствіе и жизнь ввѣренныхъ милліоновъ, и убійцы отца. Что другое можно сдѣлать съ ними, какъ не очистить отъ этой заразы русскую землю, какъ не раздавить ихъ, какъ мерзкихъ гадовъ? Этого требуетъ не мое личное чувство, даже не возмездіе за смерть отца, этого требуетъ отъ меня мой долгъ, этого ожидаетъ отъ меня вся Россія».

Въ этомъ-то искушеніи и состоитъ весь ужасъ Вашего положенія. Кто бы мы ни были, цари или пастухи, мы люди, просвѣщенные ученіемъ Христа.

Я не говорю о Вашихъ обязанностяхъ царя. Прежде обязанностей царя есть обязанности человѣка, и онѣ должны быть основой обязанностей царя и должны сойтись съ ними.

Богъ не спроситъ Васъ объ исполненіи обязанности царя, не спроситъ объ исполненіи царской обязанности, а спроситъ объ исполненіи человѣческихъ обязанностей. Положеніе Ваше ужасно, но только затѣмъ и нужно ученіе Христа, чтобы руководить насъ въ тѣхъ страшныхъ минутахъ искушенія, которыя выпадаютъ на долю людей. На Вашу долю выпало ужаснѣйшее изъ искушеній. Но какъ ни ужасно оно, ученіе Христа разрушаетъ его: всѣ сѣти искушеній, обставленныя вокругъ Васъ, какъ прахъ разлетятся передъ человѣкомъ, исполняющимъ волю Бога.

Мѳ. V, 43. «Вы слышали, что сказано: люби ближняго и возненавидь врага твоего; а Я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ... благотворите ненавидящимъ васъ... да будете сынами Отца вашего Небеснаго».

Мѳ. V, 38. Вамъ сказано: «Око за око, зубъ за зубъ, а Я говорю: не противься злому».

Мѳ. XVIII, 22. «Не говорю тебѣ: до семи, но до седмижды семидесяти разъ».

«Не ненавидь врага, а благотвори ему, не противься злу, не уставай прощать». Это сказано человѣку, и всякій человѣкъ можетъ исполнить это. И никакія царскія, государственныя соображенія не могутъ нарушить заповѣдей этихъ.

Мѳ. V, 19. «И кто нарушитъ одну изъ сихъ малѣйшихъ заповѣдей, малѣйшимъ наречется въ Царствіи Небесномъ; а кто сотворитъ и научитъ, тотъ великимъ наречется въ Царствіи Небесномъ».

Мѳ. VII, 24. «Итакъ, всякаго, кто слушаетъ слова мои сіи, уподоблю мужу благоразумному, который построилъ домъ свой на камнѣ; (25) и пошелъ дождь, и разлились рѣки, и подули вѣтры, и устремились на домъ тотъ; и онъ не упалъ, потому что основанъ былъ на камнѣ. (26) А всякій, кто слушаетъ сіи слова мои и не исполняетъ ихъ, уподобится человѣку безразсудному, который

построилъ домъ свой на пескѣ; (27) и пошелъ дождь, и разлились рѣки, и подули вѣтры, и налегли на домъ тотъ; и онъ упалъ, и было паденіе его великое».

Знаю я, какъ далекъ тотъ міръ, въ которомъ мы живемъ, отъ тѣхъ божескихъ истинъ, которыя выражены въ ученіи Христа и которыя живутъ въ нашемъ сердцѣ. Но истина — истина, и она живетъ въ нашемъ сердцѣ и отзывается восторгомъ и желаніемъ приблизиться къ ней. Знаю я, что я, ничтожный, дрянной человѣкъ, въ искушеніяхъ въ 1000 разъ слабѣйшихъ, чѣмъ тѣ, которыя обрушились на Васъ, отдавался не истинѣ и добру, а искушенію, и что дерзко и безумно мнѣ, исполненному зла человѣку, требовать отъ Васъ той силы духа, которая не имѣетъ примѣровъ, требовать, чтобы Вы, русскій царь, подъ давленіемъ всѣхъ окружающихъ, и любящій сынъ, послѣ убійства отца, простили бы убійцъ и отдали бы имъ добро за зло; но не желать этого я не могу; не могу не видѣть того, что всякій шагъ Вашъ къ прощенію есть шагъ къ добру, всякій шагъ къ наказанію есть шагъ ко злу,—не видѣть этого я не могу. Но какъ для себя, въ спокойную минуту, когда нѣтъ искушенія, надѣюсь, желаю всѣми силами души избрать путь любви и добра, такъ и за Васъ желаю и не могу не надѣяться, что Вы будете стремиться къ тому, чтобы быть совершенными, какъ Отецъ Вашъ на небѣ, и Вы сдѣлаете величайшее дѣло въ мірѣ — поборете искушеніе: и Вы, царь, дадите міру величайшій примѣръ исполненія ученія Христа — отдадите добро за зло.

«*Отдайте добро за зло, не противьтесь злу, всѣмъ простите*». Это и только это надо дѣлать. Это воля Бога. Достанетъ ли у кого или не достанетъ силы сдѣлать это, это другой вопросъ. Но только этого одного надо желать, къ этому одному стремиться, это одно надо считать хорошимъ и знать, что всѣ соображенія противъ этого—искушенія и соблазны и что *всѣ они* ни на чемъ не основаны, шатки и темны.

Но, кромѣ того, что всякій человѣкъ долженъ и не можетъ ничѣмъ другимъ руководиться въ своей жизни, какъ этимъ выраженіемъ воли Божіей, исполненіе этихъ заповѣдей Божіихъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и самое для жизни Вашей (и Вашего народа) разумное дѣйствіе.

Истина и благо — всегда истина и благо и на землѣ и на небѣ.

«Простить ужаснѣйшихъ преступниковъ противъ человѣческихъ и божескихъ законовъ и воздать имъ добро за зло»—многимъ это покажется въ лучшемъ смыслѣ идеализмомъ, безуміемъ, а многимъ—злонамѣренностью. Они скажутъ: «не прощать, а вычистить надо гниль, задуть огонь». Но стоитъ вызвать тѣхъ, которые скажутъ это, на доказательства ихъ мнѣнія,—и безуміе, злонамѣренность окажутся на ихъ сторонѣ.

Около 20 лѣтъ тому назадъ завелось какое-то гнѣздо людей, большею частью молодыхъ, ненавидящихъ существующій порядокъ вещей и правительство. Люди эти представляютъ себѣ какой-то

другой порядокъ вещей или даже никакого себѣ не представляютъ и всѣми безбожными, безчеловѣчными средствами—пожарами, грабежами, убійствами — разрушаютъ существующій строй общества. 20 лѣтъ борются съ этимъ гнѣздомъ, и, какъ уксусное гнѣздо, постоянно зарождающее новыхъ дѣятелей, до сихъ поръ гнѣздо это не только не уничтожено, но оно растетъ, и люди эти дошли до ужаснѣйшихъ по жестокости и дерзости поступковъ, нарушающихъ ходъ государственной жизни.

Гѣ, которые хотѣли бороться съ этой язвой внѣшними, наружными средствами, употребляли два рода средствъ: одно — прямое отсѣченіе больного, гнилого, строгость наказанія, другое — предоставленіе болѣзни своему ходу, регулированіе ея: это были либеральныя мѣры, которыя должны были удовлетворить безпокойныя силы и утишить напоръ враждебныхъ силъ.

Для людей, смотрящихъ на дѣло съ матеріальной стороны, нѣтъ другихъ путей—или рѣшительныя мѣры пресѣченія или либеральнаго послабленія. Какіе бы и гдѣ бы ни собирались люди толковать о томъ, что нужно дѣлать въ теперешнихъ обстоятельствахъ, кто бы они ни были, знакомые въ гостиной, члены совѣта, собранія прадставителей, если они будутъ говорить о томъ, что дѣлать для пресѣченія зла, они не выйдутъ изъ этихъ двухъ воззрѣній на предметъ: или пресѣкать—строгость, казни, ссылки, полиція, стѣсненія цензуры и т. п., или либеральныя потачки—свобода, умѣренная мягкость мѣръ взысканій и даже представительство—конституція, соборъ.

Люди могутъ сказать много еще новаго относительно подробностей того и другого образа дѣйствій; во многомъ многіе изъ одного и того же лагеря будутъ несогласны, будутъ спорить, но ни тѣ, ни другіе не выйдутъ—одни изъ того, что они будутъ отыскивать средства насильственнаго пресѣченія зла, другіе—изъ того, что они будутъ отыскивать средства нестѣсненія, даванія хода затѣявшемуся броженію. Одни будутъ лѣчить болѣзнь рѣшительными средствами противъ самой болѣзни, другіе будутъ лѣчить не болѣзнь, но будутъ стараться поставить организмъ въ самыя выгодныя гигіеническія условія, надѣясь, что болѣзнь пройдетъ сама собою. Скажутъ много новыхъ подробностей, но ничего не скажутъ новаго, потому что та и другая мѣра уже были употреблены и ни та, ни другая не только не излѣчили больного, но не оказали никакого вліянія. Болѣзнь шла донынѣ, постоянно ухудшаясь. И потому я полагаю, что нельзя такъ сразу называть исполненіе воли Бога по отношенію къ дѣламъ политическимъ мечтаніемъ и безумiемъ. Если даже смотрѣть на исполненіе закона Бога, святыню святынь, какъ на средство противъ житейскаго мірского зла, и то нельзя смотрѣть на него презрительно послѣ того, какъ, очевидно, вся житейская мудрость не помогла и не можетъ помочь.

Больного лѣчили и сильными средствами, и переставали давать сильныя средства, а давали ходъ его отправленіямъ: ни та, ни другая система не помогли,—больной все больнѣе. Представляется еще средство—средство, о которомъ ничего не знаютъ врачи, сред-

ство странное. Отчего же не испытать его? Одно первое, неотъемлемое преимущество средство это имѣетъ передъ другими средствами—это то, что тѣ употреблялись безполезно, а это никогда еще не употреблялось.

Пробовали во имя государственной необходимости блага массъ стѣснять, ссылать, казнить; пробовали во имя той же необходимости блага массъ давать свободу, — все было то же. Отчего не попробовать во имя Бога исполнять только законъ Его, не думая ни о государствѣ, ни о благѣ массъ? Во имя Бога и исполненія закона Его не можетъ быть зла

Другое преимущество новаго средства—и тоже несомнѣнное—то, что тѣ два средства сами въ себѣ были нехороши: первое состояло въ насиліи, казняхъ (какъ бы справедливы онѣ ни казались, каждый человѣкъ знаетъ, что оно зло); второе состояло въ не вполнѣ правдивомъ допущеніи свободы. Правительство одной рукой давало эту свободу, другой — придерживало ее. Приложеніе обоихъ средствъ, какъ ни казались они полезны для государства, было нехорошое дѣло для тѣхъ, которые прилагали ихъ. Новое же средство таково, что оно не только свойственно душѣ человѣка, но доставляетъ высшую радость и счастье для его души.

Прощеніе и воздаяніе добромъ за зло есть добро въ самомъ себѣ. И потому приложеніе двухъ старыхъ средствъ должно быть противно душѣ христіанской, должно оставлять по себѣ раскаяніе, прощеніе же доставляетъ высшую радость тому, кто творитъ его.

Третье преимущество христіанскаго прощенія передъ подавленіемъ или искуснымъ направленіемъ вредныхъ элементовъ относится къ настоящей минутѣ и имѣетъ особую важность. Положеніе Ваше и Россіи теперь—какъ положеніе больного во время кризиса. Одинъ ложный шагъ, пріемъ средства ненужнаго, вреднаго можетъ навсегда погубить больного. Точно такъ же теперь одно дѣйствіе въ томъ или другомъ смыслѣ—возмездія за зло жестокими казнями или вызова представителей — можетъ связать все будущее. Теперь, въ эти двѣ недѣли суда надъ преступниками и приговора, будетъ сдѣланъ шагъ, который выберетъ одну изъ трехъ дорогъ предстоящаго распутья: путь подавленія зла зломъ или путь либеральнаго послабленія — оба испытанные и ни къ чему не приводящіе пути, и еще новый путь—путь христіанскаго исполненія воли Божіей царемъ, какъ человѣкомъ.

Государь! По какимъ-то роковымъ, страшнымъ недоразумѣніямъ въ душѣ революціонеровъ запала страшная ненависть противъ отца Вашего,—ненависть, приведшая ихъ къ страшному убійству. Ненависть эта можетъ быть похоронена съ нимъ. Революціонеры могли—хотя несправедливо — осуждать его за погибель десятковъ своихъ. На рукахъ Вашихъ нѣтъ крови. Вы — невинная жертва своего положенія. Вы чисты и невинны передъ собой и передъ Богомъ. Но Вы стоите на распутьи. Нѣсколько дней, и если восторжествуютъ тѣ, которые говорятъ и думаютъ, что христіанскія истины только для разговоровъ, а въ государственной жизни дол-

жна проливаться кровь и царствовать смерть, — Вы навѣки выйдете изъ того блаженнаго состоянія чистоты и жизни съ Богомъ, вступите на путь тьмы государственныхъ необходимостей, оправдывающихъ все и даже нарушеніе закона Бога для человѣка.

Не простите, казните преступниковъ,—Вы сдѣлаете то, что изъ числа сотенъ Вы вырвете трехъ, четырехъ, и зло родитъ зло, и на мѣсто трехъ, четырехъ вырастутъ 30, 40, и сами навѣки потеряете ту минуту, которая одна дороже всего вѣка, — минуту, въ которую Вы могли бы исполнить волю Бога и не исполнили ея, и сойдете навѣки съ того распутья, на которомъ Вы могли выбрать добро вмѣсто зла, и навѣки завязнете въ дѣлахъ зла, называемыхъ государственной пользой (Мѳ. V, 25).

Простите, воздайте добромъ за зло, — и изъ сотенъ злодѣевъ десятки перейдутъ отъ дьявола къ Богу и у тысячъ, у милліоновъ дрогнетъ сердце отъ радости и умиленія при видѣ примѣра добра съ престола въ такую страшную для сына убитаго отца минуту.

Государь! Если бы Вы сдѣлали это, позвали этихъ людей, дали бы имъ денегъ и услали ихъ куда-нибудь въ Америку и написали бы манифестъ со словами вверху: «А Я говорю: любите враговъ своихъ», — не знаю, какъ другіе, но я, плохой вѣрноподданный, былъ бы собакой, рабомъ Вашимъ. Я бы плакалъ отъ умиленія, какъ я теперь плачу всякій разъ, когда бы слышалъ Ваше имя. Да что я говорю: «не знаю, что другіе»! Знаю, какимъ бы потокомъ разлились по Россіи добро и любовь отъ этихъ словъ.

Истины Христовы живы въ сердцахъ людей, и однѣ онѣ живы. и любимъ мы людей только во имя этихъ истинъ.

И Вы, царь, провозгласили бы не словомъ, а дѣломъ эту истину. Но, можетъ-быть, это все мечтанія, ничего этого нельзя сдѣлать. Можетъ-быть, что хотя и правда, 1) болѣе вѣроятности въ успѣхѣ отъ такихъ дѣйствій, никогда еще не испытанныхъ, чѣмъ отъ тѣхъ, которыя пробовали и которыя оказались невыгодными, и что 2) такое дѣйствіе навѣрно хорошо для человѣка, который совершитъ его, и 3) что теперь Вы стоите на распутьи и это единственный моментъ, когда Вы можете поступить по-Божьи, и что, упустивъ этотъ моментъ, Вы уже не вернете его, — можетъ-быть, что все это и правда, но скажутъ: это невозможно. Если сдѣлать это, то погубишь государство.

Но положимъ, что люди привыкли думать, что божественныя истины—истины только духовнаго міра, а не приложимы къ житейскому; положимъ, что враги скажутъ: мы не принимаемъ ваше средство, потому что хотя оно и не испытано и само по себѣ не вредно, и правда, что теперь кризисъ, мы знаемъ, что оно сюда не идетъ и ничего, кромѣ вреда, сдѣлать не можетъ. Они скажутъ: христіанское прощеніе и воздаяніе добромъ за зло хорошо для каждаго человѣка, а не для государства. Приложеніе этихъ истинъ къ управленію государствомъ погубитъ государство.

Государь! вѣдь это ложь, злѣйшая, коварнѣйшая ложь. Исполненіе закона Бога погубить людей? Если это законъ Бога для людей, то онъ всегда и вездѣ законъ Бога, и нѣтъ другого закона,

воли Его. И нѣтъ кощунственнѣе рѣчи, какъ сказать: законъ Бога не годится. Тогда онъ не законъ Бога. Но, положимъ, мы забудемъ, что законъ Бога выше всѣхъ другихъ законовъ и всегда приложимъ, мы забудемъ это. Хорошо, законъ Бога неприложимъ и если исполнить его, то выйдетъ зло еще хуже. Если простить преступниковъ, выпустить всѣхъ изъ заключеній и ссылокъ, то произойдетъ худшее зло. Да почему же это такъ? Кто сказалъ это? Чѣмъ вы докажете это? Своею трусостью. Другого у васъ нѣтъ доказательства. И кромѣ того, вы не имѣете права отрицать ничьего средства, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что ваши не годятся.

Они скажутъ: выпустить всѣхъ, и будетъ рѣзня, потому что немного выпустить, то бываютъ малые безпорядки, много выпустить, бываютъ большіе безпорядки. Они разсуждаютъ такъ, говоря о революціонерахъ, какъ о какихъ-то бандитахъ, шайкѣ, которая собралась, и когда ее переловить, то она кончится. Но дѣло совсѣмъ не такъ: не число важно, не то, чтобы уничтожить или выслать ихъ побольше, а то, чтобы уничтожить ихъ закваску, дать другую закваску. Что такое революціонеры? Это люди, которые ненавидятъ существующій порядокъ вещей, находятъ его дурнымъ и имѣютъ въ виду основы для будущаго порядка вещей, который будетъ лучше.

Убивая, уничтожая ихъ, нельзя бороться съ ними. Не важно ихъ число, а важны ихъ мысли. Для того, чтобы бороться съ ними, надо бороться духовно. Ихъ идеалъ есть общій достатокъ, равенство, свобода; чтобы бороться съ ними, надо поставить противъ нихъ идеалъ такой, который бы былъ выше ихъ идеала, включалъ бы въ себя ихъ идеалъ. Французы, англичане теперь борются съ ними и такъ же безуспѣшно.

Есть только одинъ идеалъ, который можно противопоставить имъ, — тотъ, изъ котораго они выходятъ, не понимая его и кощунствуя надъ нимъ,—тотъ, который включаетъ ихъ идеалъ: идеалъ любви, прощенія и воздаянія добра за зло. Только одно слово прощенія и любви христіанской, сказанное и исполненное съ высоты престола,—и путь христіанскаго царствованія, на который предстоитъ вступить Вамъ, можетъ уничтожить то зло, которое точитъ Россію. Какъ воскъ отъ лица огня, растаетъ всякая революціонная борьба передъ царемъ-человѣкомъ, исполняющимъ законъ Христа.

1881 г.

Графинѣ С. А. Толстой.

. . . . . .

Дошелъ хуже, чѣмъ я ожидалъ. Натеръ мозоли, поспалъ и здоровьемъ чувствую лучше, чѣмъ ожидалъ. Здѣсь купилъ чуни пенечныя, и въ нихъ пойдется легче. Пріятно, полезно и поучительно очень. Только бы далъ Богъ намъ свидѣться здоровыми

всей семьей и чтобы не было дурного ни съ тобой, ни со мной, а то я никакъ не буду раскаиваться, что пошелъ.

Нельзя себѣ представить, до какой степени ново, важно и полезно для души (для взгляда на жизнь), увидать, какъ живетъ міръ Божій большой, настоящій, а не тотъ, который мы устроили себѣ и изъ котораго не выходимъ, хотя бы объѣхали вокругъ свѣта. Дмитрій Ѳедоровичъ (яснополянскій учитель) идетъ со мной до Оптиной. Онъ тихій и услужливый человѣкъ. Ночевали мы въ Селивановѣ у богатаго мужика, бывшаго старшины, арендатора. Изъ Одоева напишу и изъ Бѣлева напишу. Я очень берегу себя и купилъ нынче винныхъ ягодъ для желудка. Если бы ты видѣла вчера на ночлегѣ дѣвочку Мишиныхъ лѣтъ, ты бы влюбилась въ нее: ничего не говоритъ и все понимаетъ, и на все улыбается, и никто за ней не смотритъ. Главное, новое чувство—это сознавать себя и передъ собою и передъ другими только тѣмъ, что я есмь, а не тѣмъ, что я—вмѣстѣ со своей обстановкой. Нынче мужикъ въ телѣгѣ обгоняетъ. «Дѣдушка, куда Богъ несетъ?»—«Въ Оптину».—«Что жъ, тамъ и жить останешься?»—И начинается разговоръ.

Только бы тебя не разстраивали и большія и малыя дѣти. Только бы гости не были непріятны, только бы сама была здорова, только бы ничего не случилось, только бы... я дѣлалъ все хорошее и ты тоже, и тогда все будетъ хорошо.

. . . . . .

1881 г., іюль 11.

Ей же.

. . . . . .

Ты нынче выѣзжаешь въ Москву. Ты не повѣришь, какъ меня мучаетъ мысль о томъ, что ты черезъ силу работаешь, и раскаяніе въ томъ, что я мало (вовсе) не помогалъ тебѣ.

Вотъ уже на это кумысъ былъ хорошъ, чтобы заставить меня спуститься съ той точки зрѣнія, съ которой я невольно, увлеченный своимъ дѣломъ, смотрѣлъ на все. Я теперь иначе смотрю. Я все то же думаю и чувствую, но я излѣчился отъ заблужденія, что другіе люди могутъ и должны смотрѣть на все, какъ я. Я много передъ тобой былъ виноватъ, душенька, безсознательно, невольно виноватъ, ты знаешь это, но виноватъ.

Оправданіе мое въ томъ, что для того, чтобы работать съ такимъ напряженіемъ, съ какимъ я работалъ, и сдѣлать что-нибудь, нужно забыть все. И я слишкомъ забывалъ о тебѣ и каюсь, ради Бога и любви нашей, какъ можно береги себя. Откладывай больше до моего пріѣзда, я все сдѣлаю, съ радостью, и сдѣлаю недурно, потому что буду стараться.

1881 г., авг. 24.

В. И. Алексѣеву.

Спасибо вамъ за хорошее письмо, дорогой В. И., мы какъ будто забываемъ, что любимъ другъ друга. Я не хочу этого забывать— не хочу забывать того, что я вамъ во многомъ обязанъ, въ томъ спокойствіи и ясности моего міросозерцанія, до котораго я дошелъ. Я васъ узналъ, перваго человѣка (тронутаго образованіемъ) не на словахъ, а въ сердцѣ исповѣдующаго ту вѣру, которая стала яснымъ и непоколебимымъ для меня свѣтомъ. Это заставило меня вѣрить въ возможность того, что смутно всегда шевелилось въ душѣ. И поэтому вы какъ были, такъ и останетесь всегда дороги. Смущаетъ меня неясность, непослѣдовательность вашей жизни, смущаетъ ваше предпослѣднее письмо, полное заботъ мірскихъ, но я самъ такъ недавно былъ переполненъ ими и до сихъ поръ такъ плохъ въ своей жизни, что мнѣ пора знать, какъ сложно переплетается жизнь съ прошедшими соблазнами, и что дѣло не во внѣшнихъ формулахъ, а въ вѣрѣ. И мнѣ радостно думать, что у насъ съ вами вѣра одна.

О моихъ предположеніяхъ, собирать долги и на эти деньги учредить что-нибудь для пользы людей, долженъ сказать, что все это пустяки, даже хуже чѣмъ пустяки, это—дурное тщеславіе. Одно смягчающее мою вину и объясняющее обстоятельство это то, что я дѣлалъ это для своихъ, для своей семьи. Изъ денегъ, разумѣется, кромѣ зла (какъ и вы пишете), едва ли что-нибудь выйдетъ, но для моей семьи—это начало того, къ чему я тяну постоянно,— отдать то, что есть не для того, чтобы сдѣлать добро, а чтобы быть меньше виноватымъ.

То, что мои доводы малоубѣдительны, я очень хорошо знаю. Ошибаюсь ли я или нѣтъ, но я думаю, что я могу сдѣлать ихъ неопровержимыми для всякаго человѣка логическаго, разсуждающаго; но я убѣдился, что убѣждать логически не нужно. Я пережилъ уже эту эпоху. То, что я писалъ и говорилъ, достаточно для того, чтобы указать путь; всякій ищущій самъ найдетъ лучше и больше, и свойственнѣе себѣ доводы, но дѣло въ томъ, чтобы показать путь. Теперь же я убѣдился, что показать путь можетъ только жизнь,—примѣръ жизни. Дѣйствіе этого примѣра очень не быстро, очень неопредѣленно (въ томъ смыслѣ, что, думаю, никакъ не можешь знать, на кого оно подѣйствуетъ), очень трудно. Но оно одно даетъ толчокъ. Примѣръ—доказательство возможности христіанской, т.-е. разумной и счастливой, жизнь при всѣхъ возможныхъ условіяхъ; это одно двигаетъ людей и это одно нужно и мнѣ, и вамъ, и давайте помогать другъ другу это дѣлать.

Пишите мнѣ, и будемте какъ можно правдивѣе другъ передъ другомъ.

Обнимаю васъ и всѣхъ вашихъ.

Москва, 1881 г., окт. (?).

Ему же.

Спасибо вамъ, дорогой Василій Ивановичъ, за письмо ваше. Думаю я о васъ безпрестанно и люблю васъ очень. Вы недовольны собой, что же мнѣ-то сказать про себя? Мнѣ очень тяжело въ Москвѣ. Больше двухъ мѣсяцевъ я живу и все такъ же тяжело. Я вижу теперь, что я зналъ про все то, про всю громаду соблазновъ, въ которыхъ живутъ люди, но не вѣрилъ имъ, не могъ представить ихъ себѣ, какъ вы знали, что есть Кавказъ по географіи, но узнали его только, когда пріѣхали въ него. И громада этого зла подавляетъ меня, приводитъ въ отчаяніе, вселяетъ недовѣріе, удивляетъ меня,—какъ же никто не видитъ этого? Можетъ-быть, и мнѣ нужно было это, чтобы яснѣе найти свой честный путь въ жизни. Представляется прежде всего одно изъ двухъ: или опустить руки и страдать бездѣятельно, предаваясь отчаянію, или помириться со зломъ, затуманивать себя винтомъ, пустомельемъ, суетой. Но, къ счастью, я послѣдняго не могу, а первое слишкомъ мучительно, и я ищу выхода. Выходъ представляется мнѣ одинъ: проповѣдь печатная и изустная. Но тутъ тщеславіе, гордость, и, можетъ-быть, самообманъ, и боишься его. Другой выходъ—дѣлать добро людямъ, но тутъ огромность числа несчастныхъ подавляетъ. Не такъ, какъ въ деревнѣ, гдѣ складывается кружокъ естественный. Единственный выходъ, который я вижу изъ этого—жить хорошо, всегда ко всѣмъ поворачиваться доброй стороной, но этого я все еще не умѣю дѣлать, какъ вы. Вспоминаю я васъ, когда обрываюсь на этомъ. Рѣдко могу быть такимъ—я горячъ, сержусь, негодую и недоволенъ собою. Есть и здѣсь люди. И мнѣ далъ Богъ сойтись съ двумя: Орловъ одинъ, другой, и главный Николай Ѳедоровичъ Ѳедоровъ. Это библіографъ Румянцевской библіотеки. Помните, я вамъ разсказывалъ? Они составили планъ общаго дѣла всего человѣчества, имѣющаго цѣлью воскресенье всѣхъ людей во плоти. Во-первыхъ, это не такъ безумно, какъ кажется. Не бойтесь, я не раздѣляю его взглядовъ, но я такъ понялъ ихъ, что чувствую себя въ силахъ защитить эти взгляды передъ всякимъ другимъ вѣрованіемъ, имѣющимъ внѣшнюю цѣль; во-вторыхъ, и главное, благодаря этому вѣрованію онъ по жизни самый чистый христіанинъ. Когда я ему говорю объ исполненіи Христова ученія, онъ говоритъ: «да, это разумѣется», и я знаю, что онъ исполняетъ его. Ему 60 лѣтъ, онъ нищій, все отдаетъ, всегда веселъ и кротокъ. Орловъ—пострадавшій, 2 года сидѣлъ по дѣлу Нечаева, и болѣзненный, тоже аскетъ по жизни и кормитъ 9 душъ и живетъ хорошо. Онъ учитель въ желѣзнодорожной школѣ. Соловьевъ здѣсь, но онъ головной. Еще былъ я у Сютаева, тоже христіанинъ и на дѣлѣ. Книгу мою — «Краткое изложеніе» — читали и Орловъ и Ѳедоровъ, и мы единомышленники съ Сютаевымъ во всемъ, до малѣйшихъ подробностей. Ну, казалось бы, хорошо. Кромѣ того, пишу разсказы, въ которыхъ

хочу выразить мои мысли. Казалось бы хорошо, но нѣтъ спокойствія.

Торжество равнодушія, приличія, привычность зла и обмана—давятъ.

Сижу все дома, утромъ пытаюсь работать, плохо идетъ. Часа въ 2—3 иду за Москву-рѣку пилить дрова. И когда есть сила и охота подняться это освѣжаетъ меня, придаетъ силы, видишь жизнь настоящую и хотя прыжкомъ въ нее окунешься и освѣжишься. Но когда не хожу (тому назадъ недѣли три я ослабѣлъ и пересталъ ходить, и совсѣмъ было опустился)—раздраженіе, тоска. Вечеромъ сижу дома и одолѣваютъ гости. Хоть и интересные, но пустые разговоры, и теперь хочу затвориться отъ нихъ. Перечелъ письмо и вижу, что оно ужасно безтолково, но боюсь, не сумѣю написать лучше и посылаю. Напишу непремѣнно получше въ другой разъ.

Пишите, пожалуйста, почаще.

Москва, 1881 г., ноябрь (?).

Графинѣ С. А. Толстой.

. . . . . .

Я думаю, что лучше, спокойнѣе мнѣ нигдѣ бы не могло быть.

Ты вѣчно въ домѣ и въ заботахъ семьи не можешь чувствовать ту разницу, которая составляетъ для меня городъ и деревня.

Впрочемъ, нечего говорить и писать въ письмѣ; я объ этомъ самомъ пишу теперь, и ты прочтешь яснѣе, если удастся написать. Главное зло города для меня и для всѣхъ людей мысли (о чемъ я не пишу)—это то, что безпрестанно приходится или спорить, опровергать ложныя сужденія или соглашаться съ ними безъ спора, что еще хуже. А спорить и опровергать пустяки и ложь—самое праздное занятіе и ему конца нѣтъ, потому, что лжей можетъ быть и есть безчисленное количество. А занимаешься этимъ и начинаешь воображать, что это дѣло, а это самое большое бездѣлье. Если же не спорить, то что-нибудь уяснишь себѣ такъ, что оно исключаетъ возможность спора, а это дѣлается только въ тишинѣ и уединеніи,—я знаю—что нужно и общеніе съ подобными себѣ и очень нужно, и мои три мѣсяца въ Москвѣ, съ одной стороны, мнѣ дали очень много, не говоря уже объ Орловѣ, Николаѣ Ѳедоровичѣ, Сютаевѣ; ближе узнать людей, общество даже, которое холодно осуждалъ издалека,—мнѣ дало очень много. И я разбираюсь со всѣмъ этимъ матеріаломъ. Перепись и Сютаевъ уяснили мнѣ очень многое. Такъ не безпокойся обо мнѣ. Случиться все можетъ и вездѣ, но я здѣсь въ условіяхъ самыхъ хорошихъ и безопасныхъ

Ясная Поляна, 1882 г., мартъ (?)

В. И. Алексѣеву.

Милый другъ! Только что видѣлъ васъ во снѣ и хотѣлъ писать вамъ, какъ получилъ ваше письмо. Я скучаю по васъ часто, но радуюсь, что вамъ хорошо, никогда не думая, что вамъ не хорошо. Вашъ удѣлъ очень, очень счастливый. Разумѣется, счастья все въ себѣ. Но по внѣшнимъ условіямъ — можно жить и въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, въ самой гущѣ соблазновъ, можно въ среднихъ и въ самыхъ легкихъ. Вы почти въ самыхъ легкихъ. Мнѣ Богъ никогда не давалъ такихъ условій, завидую вамъ часто, любовно завидую, но завидую...

У насъ въ семьѣ были нездоровы, но теперь всѣ хорошо, и болѣе или менѣе по-старому. Сережа много занимается и вѣритъ въ университетъ.

Таня полудобрая, полусерьезная, полуумная,—не дѣлается хуже, скорѣе дѣлается лучше. Ильюша лѣнится, растетъ и еще душа его не задавлена органическими процессами. Леля и Маша, мнѣ кажется, лучше, они не захватили моей грубости, которую захватили старшіе, и мнѣ кажется, что они развиваются въ лучшихъ условіяхъ и потому лучше и добрѣе старшихъ. Малыши славные мальчики, здоровые. Я довольно спокоенъ, но грустно часто отъ торжествующаго самоувѣреннаго безумія окружающей жизни. Не понимаешь часто, зачѣмъ мнѣ дано такъ ясно видѣть ихъ безуміе, а они совершенно лишены возможности понять свое безуміе и свои ошибки, и мы такъ стоимъ другъ противъ друга, не понимая другъ друга и удивляясь, и осуждая другъ друга. Только ихъ легіонъ, а я одинъ; имъ какъ будто весело, а мнѣ какъ будто грустно. Все это время я очень пристально занимался еврейскимъ языкомъ и выучилъ его почти, читаю ужъ и понимаю. Учитъ меня раввинъ здѣшній, Миноръ, очень хорошій и умный человѣкъ. Я очень много узналъ, благодаря этимъ занятіямъ, а, главное, очень занятъ. Здоровье мое слабѣетъ и очень часто хочется умереть, но знаю, что это дурное желаніе—это второе искушеніе. Видно, я не пережилъ еще его.

Прощайте, мой дорогой, дай вамъ Богъ того, что у меня бываетъ въ хорошія минуты, вы это знаете, лучше этого ничего нѣтъ.

Москва, 1882 г., ноябрь (?).

А. А. Фету.

Помню, когда получилъ ваше письмо, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, какъ мнѣ удивительно показалось, что вы такъ далеко заглядываете,—12 мая. Показалось особенно странно, потому что въ этотъ же день я узналъ о смерти Достоевскаго. А вотъ и 12 мая, и мы живы.

Пожалуйста простите меня за мое молчаніе и не накажите меня и жену тѣмъ, чтобы отмѣнить вашъ пріѣздъ къ намъ. Пожалуйста, не сердитесь на меня. Я очень заработался и очень постарѣлъ нынѣшній годъ; но не виноватъ въ перемѣнѣ моей привязанности къ вамъ.

Вашъ

1881 г., май 12.

Графинѣ С. А. Толстой.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Интересны молокане въ высшей степени. Былъ я у нихъ на моленіи, присутствовалъ при ихъ толкованіи Евангелія и принималъ участіе, и они пріѣзжали и просили меня толковать, какъ я понимаю; и я читалъ имъ отрывки изъ моего изложенія; и серьезность, и интересъ, и здравый, ясный смыслъ этихъ полуграмотныхъ людей—удивительны.

Былъ я въ Гавриловкѣ у Субботника. Тоже очень интересно.

Вообще впечатлѣній за эту недѣлю даже слишкомъ много.

. . . . . .

Изъ Самарской г., 1881 г., іюль 24.

Ей же.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

...Хозяева наши такъ же неусыпно и естественно добры. Сейчасъ (утро) вошла Лиза. «Что ты?»—«А, вы тутъ? А я хотѣла подмести, убрать». А у нихъ еще и нянька ушла, бросила ихъ, и одна кухарка на всѣ дѣла.

Что ты пишешь въ одномъ письмѣ, что мнѣ вѣрно такъ хорошо въ этой средѣ, что о домѣ и своемъ бытѣ я буду думать съ неудовольствіемъ.

Это какъ разъ наоборотъ. Все больше и лучше думаю о васъ. Ничто не можетъ доказать яснѣе невозможность жизни по идеалу, какъ жизнь Бибикова съ семьей и Василія Ивановича. Люди они прекрасные и всѣми силами, всей энергіей стремятся къ самой лучшей, справедливой жизни, а жизнь и семья стремятся въ свою сторону, и выходитъ среднее. Со стороны мнѣ видно, какъ это среднее хотя и хорошо, какъ далеко отъ ихъ цѣли. То же переносишь на себя и поучаешься довольствоваться среднимъ. То же среднее въ молоканствѣ, то же среднее въ народной жизни,

особенно здѣсь. Только бы Богъ донесъ насъ благополучно ко всѣмъ вамъ благополучнымъ, и ты увидишь, какой я въ твоемъ смыслѣ стану паинька.

. . . . . .

Изъ Самарской г., 1881 г., августъ 4.

Ей же.

. . . . . .

Читалъ старые Revues — прекрасныя статьи по религіознымъ вопросамъ—и много думалъ. Потомъ поѣхалъ верхомъ и еще больше думалъ.

. . . . . .

...Здѣсь всѣ ручьи налились, такъ что проѣхать трудно. Но нынче морозитъ и выдуло такъ, что я топлю другой разъ. Нынче смотрю на домъ К. и думаю: зачѣмъ онъ себя мучаетъ, служитъ, гдѣ не хочетъ? И они всѣ и мы всѣ взяли бы да жили всѣ въ Ясной и лѣто и зиму, воспитывали бы дѣтей.—Но знаю, что все безумное возможно, а разумное невозможно...

...Очень бы хотѣлось написать ту статью, которую я началъ, но если бы и не написалъ въ эту недѣлю, я бы не огорчился. Во всякомъ случаѣ мнѣ очень здорово отойти отъ этого задорнаго міра городского, и уйти въ себя, читать мысли другихъ о религіи, слушать болтовню Агаѳьи Михайловны, и думать не о людяхъ, а о Богѣ...

Ясная Поляна, 1882 г.; апрѣль.

Ей же.

. . . . . .

...Чтеніе у меня превосходное. Я хочу собрать всѣ статьи изъ «Revues», касающіяся философіи и религіи, и это будетъ удивительный сборникъ религіознаго и философскаго движенія за 20 лѣтъ. Когда устану отъ этого чтенія, беру «Revue Etrangère» 1834 г. и тамъ читаю повѣсти,—тоже очень интересно. Письма твоего въ Тулѣ вчера не получилъ, вѣроятно, не умѣли спросить. Но зато я получилъ твое (письмо) на Козловкѣ. И очень оно мнѣ было радостно. Не тревожься обо мнѣ и, главное, себя не вини. «Остави намъ долги наши, яко же и мы». Какъ только другихъ простилъ, то и самъ правъ. А ты по письму простила и ни на кого не сердишься. А я давно уже пересталъ тебя упрекать. Это было только въ началѣ. Отчего я такъ опустился, я самъ не знаю. Можетъ-быть, года, можетъ-быть, нездоровье... Но жаловаться мнѣ не на что. Московская жизнь мнѣ очень много дала, уяснила мнѣ мою дѣятельность, если еще она предстоитъ мнѣ, и сблизила

насъ съ тобой больше, чѣмъ прежде... Я нынче думалъ о большихъ дѣтяхъ. Вѣдь они, вѣрно, думаютъ, что такіе родители, какъ мы, это не совсѣмъ хорошо, а надо бы много получше, и что когда они будутъ большіе, то будетъ много лучше. Такъ же, какъ имъ кажется, что блинчики съ вареньемъ это уже самое скромное и не можетъ быть хуже, а не знаютъ, что блинчики съ вареньемъ это все равно, что 200.000 выиграть. И потому совершенно невѣрное разсужденіе, что хорошей матери должны бы меньше грубить, чѣмъ дурной. Грубить желаніе одинаково—хорошей или дурной; а хорошей грубить безопаснѣе, чѣмъ дурной, потому ей чаще и грубятъ.

Боюсь я, какъ бы мы съ тобой не перемѣнились ролями, я пріѣду здоровый, оживленный, а ты будешь мрачна, опустишься. Ты говоришь: «Я тебя люблю, а тебѣ этого теперь не надо».—Только этого и надо. И ничто такъ не можетъ оживить меня, и письма твои оживили меня.

Печень печенью, а душевная жизнь своимъ порядкомъ. Мое уединеніе мнѣ очень нужно было и освѣжило меня, а твоя любовь ко мнѣ меня больше всего радуетъ въ жизни.

Ясная Поляна, 1882 г.. апрѣль.

Н. Н. Страхову.

Дорогой Николай Николаевичъ! Я только начиналъ скучать о томъ, что давно не имѣю отъ васъ извѣстій, какъ получилъ вашу книгу и письмо, и книги. Очень благодаренъ вамъ за все и за еврейскую библію, которую я съ радостью получилъ давно и, мнѣ кажется, я уже благодарилъ васъ за нее. Сколько я вамъ долженъ? Когда увидимся? Не пріѣдете ли вы въ Москву? Книгу вашу прочелъ. Письмо ваше очень грустно подѣйствовало на меня, разочаровало меня. Но я васъ вполнѣ понимаю и, къ сожалѣнію, почти вѣрю вамъ. Мнѣ кажется, вы были жертвою ложнаго, фальшиваго отношенія къ Достоевскому, не вами, но всѣми—преувеличенія его значенія и преувеличенія по шаблону, возведенія въ пророки и святого,—человѣка, умершаго въ самомъ горячемъ процессѣ внутренней борьбы, добра и зла. Онъ трогателенъ, интересенъ, но поставить на памятникъ въ поученіе потомству нельзя человѣка, который весь — борьба. Изъ книги вашей я первый разъ узналъ всю мѣру его ума. Книгу Пресансе я тоже прочиталъ. но вся ученость пропадаетъ отъ загвоздки.

Бываютъ лошади — красавицы: рысакъ цѣна 1000 рублей, и вдругъ заминка, и лошади-красавицѣ и силачу цѣна — грошъ. Чѣмъ я больше живу, тѣмъ больше цѣню людей безъ заминки. Вы говорите, что помирились съ Тургеневымъ, а я очень полюбилъ. И забавно, за то, что онъ былъ безъ заминки и свезетъ, а то рысакъ, да никуда на немъ не уѣдешь. Если еще не завезетъ

въ канаву. И Пресансе и Достоевскій — оба съ заминкой. И у одного вся ученость, у другого умъ и сердце пропали за ничто. Вѣдь Тургеневъ и переживетъ Достоевскаго и не за художественность, а за то, что безъ заминки. Обнимаю васъ отъ всей души. Ахъ, да, со мной случилась бѣда, задѣвшая и васъ. Я ѣздилъ на недѣльку въ деревню въ половинѣ октября, и, возвращаясь отъ вокзала до дому, выронилъ изъ саней чемоданъ. Въ чемоданѣ были книги и рукописи, и корректуры. И книга одна пропала ваша: первый томъ Гризбаха. Всѣ объявленія ни къ чему не привели. Надѣюсь, еще найти у букинистовъ. Я знаю, что вы простите мнѣ, но мнѣ и совѣстно, и досадно лишиться книги, которая мнѣ всегда нужна.

. . . . . .

Москва, 1883 г., ноябрь (?).

Графинѣ С. А. Толстой.

. . . . . .

...Сегодня пріѣхалъ изъ Крапивны. Я ѣздилъ туда по вызову въ присяжные. Я пріѣхалъ въ третьемъ часу. Засѣданіе уже началось и на меня наложили штрафъ въ 100 рублей.

Когда меня вызвали, я сказалъ, что не могу быть присяжнымъ. Спросили почему? Я сказалъ: по религіознымъ убѣжденіямъ. Потомъ другой разъ спросили: рѣшительно ли я отказываюсь? Я сказалъ, что никакъ не могу, и ушелъ. Все было очень дружелюбно. Нынче, вѣроятно, наложатъ еще двѣсти рублей, и не знаю, кончится ли все этимъ. Я думаю, что да.

Въ томъ, что я именно не могъ поступить иначе, я увѣренъ, что ты не сомнѣваешься, но, пожалуйста, не сердись на меня за то, что я не сказалъ тебѣ, что я былъ назначенъ присяжнымъ. Я бы тебѣ сказалъ, если бы ты спросила или пришлось; но нарочно говорить тебѣ мнѣ не хотѣлось. Ты бы волновалась, меня бы встревожила, а я и такъ тревожился, и всѣми силами себя успокаивалъ. Остаться или вернуться въ Ясную я и такъ хотѣлъ, а тутъ и эта причина была, такъ ты, пожалуйста, не сердись. Мнѣ можно было совсѣмъ не ѣхать. Тогда были бы тѣ же штрафы, въ слѣдующій разъ опять бы меня потребовали. Но теперь я отказалъ разъ навсегда, что не могу быть. Сказалъ я самымъ мягкимъ образомъ, и даже такими выраженіями, что никто, мужики не поняли. Изъ судейскихъ я никого не видалъ.

. . . . . .

Ясная Поляна, 1883 г., сент. 28.

Къ В. Г. Ч—ву.

. . . . . .

Ваше недовольство собой, сознаніе несоотвѣтственности жизни съ требованіемъ сердца знаю по себѣ, и одно, что прошу васъ—не говорить объ этомъ, не думать объ этомъ самому съ собой. Это все равно, что путешественнику, идущему въ Іерусалимъ, постоянно думать о томъ, какъ онъ мало прошелъ и какъ много остается. Эти мысли могутъ только ослабить его энергію. Думать надо о ближайшей верстѣ, если уже нужно думать о будущемъ. Само собой разумѣется, это относится къ тѣмъ, которые точно идутъ. Если бы даже случилось, что я заблудился и очутился на томъ же мѣстѣ, съ котораго вышелъ, то это никакъ не должно обезкуражить меня. Лучше узнаю дорогу и все-таки пойду. Китайская мудрость, которою я занимаюсь, говоритъ: «Возобновляй самъ себя каждый день сначала и опять сначала и всегда сначала». Мнѣ это очень нравится. И я стараюсь это дѣлать и мнѣ довольно знать, что, оглянувшись назадъ, я вижу, что я иду впередъ, а не назадъ, чтобы бодро жить съ увѣренностью, что я иду по настоящей дорогѣ. Сколько я прохожу въ день, это другой вопросъ. Стараюсь больше, и часто случается, что перейду лишнее и теряю время, отдыхаю, и часто отдыхаю и стою, когда могъ бы идти.

. . . . . .

1884 г., мартъ 18.

Графинѣ С. А. Толстой.

. . . . . .

...Я затѣваю очень трудное.—Именно заниматься хозяйствомъ, имѣя въ виду не главное хозяйство, а отношенія съ людьми въ хозяйствѣ. Трудно не увлечься, не пожертвовать отношеніями съ людьми дѣлу, а надо такъ, чтобы вести дѣло хозяйственно; но всякій разъ, какъ вопросъ: выгода или человѣческія отношенія?—избирать послѣднее. Я такъ плохъ, что чувствую свою неспособность къ этому. Но вышло такъ, что это нужно и сдѣлалось само собой, и потому испробуемъ.

. . . . . .

...Нынче ходилъ по хозяйству, потомъ поѣхалъ верхомъ, собаки увязались за мной. Агаѳья Мих. сказала, что безъ своры бросятся на скотину и послала со мною Ваську. Я хотѣлъ попробовать свое чувство охоты. Ѣздить, искать по сорокалѣтней привычкѣ—очень пріятно. Но выскочилъ заяцъ, и я желалъ ему успѣха. А главное, совѣстно.

. . . . . .

...Не могу я, душенька, не сердись, приписывать этимъ денежнымъ расчетамъ какую-либо важность. Все это не событія, какъ напримѣръ, болѣзнь, бракъ, рожденіе, смерть, знаніе пріобрѣтенное, дурной или хорошій поступокъ, дурныя или хорошія привычки людей намъ дорогихъ и близкихъ, а это наше устройство, которое мы устроили, такъ и можемъ перестроить иначе, и на сто разныхъ манеръ. Знаю я, что это тебѣ часто, а дѣтямъ всегда, невыносимо скучно (кажется, что это все извѣстно), а я не могу не повторять, что счастье или несчастье всѣхъ насъ не можетъ зависѣть ни на волосъ отъ того, проживемъ ли мы что, или наживемъ, а только отъ того, что мы сами будемъ. Ну оставь Костенькѣ милліонъ, развѣ онъ будетъ счастливѣе? Чтобы это не показалось пошлостью, надо пошире, подальше смотрѣть на жизнь. Какова наша съ тобою жизнь съ нашими и радостями и горестями, такова будетъ жизнь настоящая у нашихъ дѣтей, и потому важно помочь имъ пріобрѣсти то, что давало намъ счастье, и помочь избавиться отъ того, что намъ принесло несчастье, а ни языки, ни дипломы, ни свѣтъ, ни еще меньше деньги, не принимали участія въ нашемъ счастьи и несчастьи. И потому вопросъ о томъ, сколько мы проживемъ, не можетъ занимать меня, если приписывать ему важность, онъ заслонитъ то, что точно важно.

. . . . . .

Москва, 1884 г., октябрь.

Ей же.

. . . . . .

Вчера, когда я вышелъ и сѣлъ въ сани и поѣхалъ по глубокому, рыхлому въ полъ-аршина (выпалъ вновь) снѣгу, въ этой тишинѣ и мягкости съ прелестнымъ зимнимъ звѣзднымъ небомъ надъ головой, симпатичнымъ Мишей, я испыталъ чувство, похожее на восторгъ, особенно послѣ вагона съ курящей помѣщицей въ браслетахъ, съ докторомъ, перорирующимъ о томъ, что нужно казнить, съ какой-то пьяной, ужасной бабой въ разорванномъ салопѣ, безчувственно лежавшей на лавкѣ и опустившейся тутъ же, и съ господиномъ съ бутылкой въ чемоданѣ, и со студентомъ въ пенснэ, и съ кондукторомъ, толкавшимъ меня въ спину, потому что я въ полушубкѣ.

Послѣ всего этого Оріонъ, Сиріусъ надъ Засѣкой, пухлый, беззвучный снѣгъ, добрая лошадь и добрый воздухъ, и добрый Миша, и добрый Богъ.

. . . . . .

Ясная Поляна, 1884 г., дек. 8.

П. И. Бирюкову.

Напрасно вы, П. И., не слушаете своего Мефистофеля[1]): онъ все говоритъ дѣло. Если бы вы его слушали и доводили бы до конца свой разговоръ съ нимъ, то у васъ никогда бы не было тѣни сомнѣнія и раздвоенія, которое я считаю самой опасной и жалкой душевной болѣзнью. Онъ говоритъ: «вѣрь твоему разсудку и непреложнымъ законамъ его логики, взгляни на кровавую исторію человѣчества, пропадающую въ безконечности и, вѣроятно, не имѣющую конца». Это—самое важное, что и нужно всегда имѣть въ виду. Еще онъ говоритъ вамъ: «Напрасно ты думаешь водворить благо какимъ-то (тутъ неясно, какой способъ онъ отрицаетъ), безтолковымъ дѣтскимъ путемъ; обними вооруженнымъ наукою разумомъ весь безпредѣльный міръ и не думай нарушать законъ причины и слѣдствія и развитія. Ты властенъ направлять дѣйствіе этихъ законовъ во благо себѣ и другимъ: изучай ихъ, чтобы умѣть пользоваться ими». Это все онъ прекрасно говоритъ. Я только это и говорю и думаю. И не знаю, за что вы называете «гадиной» такой разумный голосъ. Ему только одному и надо слѣдовать.

Прежде всего надо узнать, какіе изъ всѣхъ законовъ, управляющихъ міромъ, во-первыхъ, самые важные, а во-вторыхъ (главное), какими я призванъ пользоваться, т.-е. такіе, приложеніе которыхъ мнѣ наиболѣе доступно. И по этимъ соображеніямъ установить правильную очередь въ изученіи законовъ и приложеній ихъ: прежде понять и научиться пользоваться тѣми законами, которые мнѣ наиболѣе доступны и отъ которыхъ болѣе зависитъ счастье мое и другихъ и которые поэтому для меня болѣе обязательны; потомъ, узнавъ эти законы и прилагая ихъ, заняться слѣдующими по очереди (въ смыслѣ доступности и обязательности) и т. д. до самыхъ послѣднихъ законовъ, доступныхъ уму человѣка. И потому голосъ совершенно справедливо говоритъ вамъ: «Обними весь безпредѣльный міръ вооруженнымъ наукою...» Наука только въ томъ и состоитъ, чтобы знать эту очередь, знать, что мы можемъ и должны знать прежде, послѣ и то, чего мы не можемъ знать. Справедливо говоритъ и то, что всякій другой путь есть дѣтская мечта. Обновленіе міра посредствомъ спектральнаго анализа или любви есть одинаково дѣтская мечта. Не мечта есть только дѣятельность, сообразная непреложнымъ законамъ разума. Голосъ тоже совѣтуетъ вамъ помнить исторію человѣчества, исполненную страданій и насилій. И въ этомъ я съ нимъ согласенъ.

---

[1]) Въ началѣ своего знакомства съ Толстымъ П. И. Бирюковъ письменно обратился къ Л. Н-чу съ недоумѣніями по поводу нѣкоторыхъ «проклятыхъ» вопросовъ и какъ бы жаловался на своего искусителя (критическій анализъ), разрушившаго и обезцѣнившаго многое изъ прежнихъ духовныхъ цѣнностей довѣрчивой юности. По этому поводу и говоритъ Л. Н. въ своемъ отвѣтномъ письмѣ П. И. Бирюкову.

Это надо всегда помнить. Помнить то, что эти страданія уменьшались и уменьшаются въ человѣчествѣ только благодаря дѣятельности разума, вооруженнаго наукою (подразумѣвая подъ наукой не считаніе козявокъ, звѣздъ, телефонъ и спектральный анализъ, а очередное по возможности, доступности и обязательности изученіе законовъ міра). И что такъ какъ я существо, одаренное тѣмъ средствомъ, которое уменьшаетъ страданіе, я и долженъ прилагать его, тѣмъ болѣе, что это приложеніе доставляетъ человѣку, мнѣ — единственное благо, свободное, неуничтожаемое смертью.

1885 г., средина іюня.

Ему же.

Дорогой Павелъ Ивановичъ!

Вчера получилъ отъ Черткова длинное письмо изъ Берлина и посылку съ рукописью Свѣшниковой изъ Петербурга. Содержаніе статьи прекрасное. Не опасно ли? Не только въ виду запрещенія, но и въ виду возможности упрека въ направленіи. Вамъ виднѣе. Поправлять я ее не сталъ и прибавлять заключенія. Языкъ однохарактерный и въ разговорахъ даже очень хорошъ и чувствуется Hugo, т.-е. великій мастеръ. Заключеніе всякое будетъ или ложно или нецензурно. Заключеніе одно: Сюмурденъ думалъ, что онъ знаетъ, что хорошо и что дурно, что это онъ узнаетъ, слѣдуя законамъ правительства; но убійство его друга показало ему, что по законамъ хорошимъ называется дурное и дурнымъ—хорошее и онъ потерялъ бывшую у него вѣру. Новую же вѣру онъ не сталъ, не могъ искать, потому что онъ чувствовалъ, что она совсѣмъ противоположна его прежней вѣрѣ и что обличитъ его въ непоправимомъ поступкѣ. Такъ повѣсился Іуда. И такъ убиваются всѣ, кто убиваются. Пока инерція лжи и сознаніе истины дѣйствуютъ подъ угломъ меньше двухъ прямыхъ — жизнь идетъ по равнодѣйствующей, но когда эти двѣ силы станутъ по одной линіи — жизнь прекращается и раздирается по своей ли или по чужой волѣ.

Сократа я пачкаю и порчу, даже запутался въ немъ и потому не присылаю. Я имъ очень дорожу и надѣюсь, что мы съ А. М. Колмыковой доведемъ это до еще много лучшаго. Я ей написалъ и жду отвѣта. Вотъ именно почему страшно издавать такія задорныя и не совсѣмъ понятныя по языку статьи, какъ передѣлка В. Гюго. Какъ бы онѣ не помѣшали возможности издать Сократа. А это такъ бы было полезно. Я на-дняхъ выпишу страницы изъ отмѣченныхъ житій святыхъ Дмитр. Рост., какъ мнѣ пишетъ Вл. Гр., и пришлю вамъ.

Насчетъ редакторства будущей газеты я думаю, что вы будете прекрасный редакторъ, но Чертковъ еще лучше. Вы во мно-

гихъ отношеніяхъ будете лучше его, но въ одномъ, въ пуризмѣ христіанскаго ученія—никого не знаю лучше его.

А это самое дорогое.

Какъ идетъ ваше книжное дѣло? Если будете писать, напишите подробно. Адресъ: Московско-Курская дорога, станція Козловка.

Очень благодаренъ вамъ за знакомство съ Грибовскимъ. Я совершенно раздѣляю то впечатлѣніе, кот. онъ на васъ произвелъ и кот. вы такъ хорошо описали.

Житіе Петра Мытаря надо бы изложить и издать. Бѣликовъ не сдѣлалъ этого? Я было началъ дѣлать изъ него народную драму, но затерялъ начало, да если бы и нашелъ, то постарался бы докончить въ драматической формѣ. Житіе Павлина прекрасно. Какія другія два? Можно бы присоединить и Петра М. И почему ихъ издавать безъ рамки? Какъ пишетъ Чертковъ. Я написалъ одинъ разсказъ, еще не поправилъ. Онъ ничего не имѣетъ нецензурнаго и потому, когда кончу, прямо отдамъ его Сытину. Прощайте. Не забывайте меня. Не занесетъ ли васъ судьба въ нашу сторону лѣтомъ.

Ясная Поляна, 1885 г., лѣто.

Ему же.

Я былъ нездоровъ и отъ того не отвѣтилъ вамъ скоро. Библіотеки въ острогахъ очень важное дѣло и, по-моему, заняться ими очень доброе дѣло. Это время досуга, котораго часто всю жизнь не знаетъ рабочій человѣкъ. Сколько я знаю внутреннихъ переворотовъ совершилось въ тюрьмахъ среди политическихъ, начиная съ декабристовъ. Знаю и случаи между мужиками. Сютаевъ спрашивалъ у меня совѣта: хорошо ли будетъ сдѣлать какое-нибудь не грѣшное дѣло, но такое, чтобы посадили въ острогъ — для того, чтобы тамъ проповѣдывать. Въ острожную библіотеку я думаю хорошо бы включить Евангеліе Матѳея по 2 коп. и ученіе 12-ти апостоловъ, Кіевское изданіе. Оно продается въ Кіевѣ. Есть ли оно у васъ въ складѣ? Какъ бы хорошо было его напечатать отдѣльно и дешево, хоть все, но лучше бы первыя 5 главъ. Въ журналѣ «Дѣтская Помощь» № 8, 1885 годъ, напечатанъ моій переводъ съ предисловіемъ и послѣсловіемъ. Нельзя ли попытаться провести его черезъ цензуру, разумѣется, не упоминая, главное, моего имени.

До свиданья, дорогой Павелъ Ивановичъ. Сибиряковъ пишетъ о журналѣ и редакторѣ, я писалъ ему о васъ и Чертковѣ тоже. Что-то будетъ изъ этого?..

Ясная Поляна, 1885 г., осень.

ПРИМѢЧАНІЯ къ XXI тому.

Въ этотъ томъ вмѣстѣ съ другими вошло и послѣднее изъ появившихся произведеній Л. Н. Толстого: «Благо любви», чуднымъ аккордомъ братской любви завершающее все великое зданіе, созданное его творчествомъ. Ниже къ этой статьѣ мы даемъ ссобое примѣчаніе, написанное В. Г. Чертковымъ, а также примѣчаніе къ статьѣ «Зеленая палочка».

Кромѣ того, начиная съ этого тома, мы помѣщаемъ письма Л. Н. къ разнымъ лицамъ въ ихъ хронологическомъ порядкѣ.

Примѣчаніе къ статьѣ „Зеленая палочка". (См. стр. 87).

Въ своихъ дѣтскихъ воспоминаніяхъ, помѣщенныхъ въ біографіи Л. Н. Толстого, составленной П. Бирюковымъ, Левъ Николаевичъ Толстой разсказываетъ о томъ, какъ его братъ Николенька одинъ разъ объявилъ своимъ братьямъ, когда Льву Николаевичу было 5 лѣтъ, что у него есть тайна, посредствомъ которой, когда она откроется, всѣ люди сдѣлаются счастливыми, не будетъ ни болѣзней, ни непріятностей, никто ни на кого не будетъ сердиться, и всѣ будутъ любить другъ друга, всѣ сдѣлаются «муравейными братьями».—«Вѣроятно, это были моравскіе братья,—говоритъ Левъ Николаевичъ,—о которыхъ братъ Николенька слышалъ или читалъ, но на нашемъ языкѣ это были «муравейные братья». И я помню, что слово «муравейные» особенно нравилось, напоминая муравьевъ въ кочкѣ. Мы даже устроили игру въ «муравейныхъ братьевъ», которая состояла въ томъ, что садились подъ стулья, загораживая ихъ ящиками, завѣшивали платками и сидѣли тамъ въ темнотѣ, прижимаясь другъ къ другу. Я, помню, испытывалъ особенное чувство любви и умиленія и очень любилъ эту игру.

«Муравейные братья» были открыты намъ,—замѣчаетъ Левъ Николаевичъ,—но главная тайна о томъ, какъ сдѣлать, чтобы всѣ люди не знали никакихъ несчастій, никогда не ссорились и не сердились, а были бы постоянно счастливы,—эта тайна была, какъ братъ Николенька намъ говорилъ, написана имъ на зеленой палочкѣ, и палочка эта зарыта у дороги, на краю оврага Стараго Заказа, въ томъ мѣстѣ, въ которомъ я, такъ какъ надо же гдѣ-нибудь зарыть мой трупъ, просилъ, въ память Николеньки, закопать меня».

(Въ этомъ мѣстѣ, находящемся въ верстѣ отъ яснополянскаго дома, и былъ похороненъ прахъ Льва Николаевича.)

Свое воспоминаніе о таинственной зеленой палочкѣ Левъ Николаевичъ кончаетъ словами:

«Идеалъ «муравейныхъ братьевъ», льнущихъ любовно другъ къ другу, только не подъ двумя креслами, завѣшанными платками, а подо всѣмъ небеснымъ сводомъ всѣхъ людей міра, остался для меня тотъ же. И какъ я тогда вѣрилъ, что есть та зеленая палочка, на которой написано то, что

должно уничтожить все зло въ людяхъ и дать имъ великое благо, такъ я вѣрю и теперь, что есть эта истина и что будетъ она открыта людямъ и дастъ имъ то, что она обѣщаетъ».

Называя настоящую статью «Зеленой палочкой», Левъ Николаевичъ, очевидно, находился подъ впечатлѣніемъ воспоминаній объ описанномъ случаѣ изъ его дѣтства.

Статью эту Левъ Николаевичъ не считалъ окончательно обработанной, а потому она и не была напечатана при его жизни. Въ настоящее же время она получаетъ особенное значеніе, какъ обращеніе Льва Николаевича изъ-за гроба къ людямъ-братьямъ.

Примѣчаніе къ статьѣ „Благо любви". (См. стр. 96).

Это обращеніе Льва Николаевича Толстого къ людямъ-братьямъ было передано мнѣ при исключительныхъ обстоятельствахъ, съ которыми считаю своимъ долгомъ познакомить читателей.

Въ августѣ 1908 года—какъ разъ передъ той восьмидесятой годовщиной со дня его рожденія, которая вызвала такія восторженныя привѣтствія со стороны всего мыслящаго человѣчества, — Левъ Николаевичъ былъ тяжело боленъ. Болѣзнь эта, какъ и всѣ почти его серьезныя заболѣванія въ теченіе послѣдняго десятилѣтія его жизни, явилась прямымъ послѣдствіемъ потрясенія, вынесеннаго отъ одного изъ тѣхъ душевныхъ кризисовъ, которые у него періодически наступали въ связи съ мучительно тяжелыми условіями его семейной жизни и окружавшей его обстановки.

Условія эти, вообще требовавшія отъ него усиленнаго напряженія всѣхъ его духовныхъ силъ, по временамъ такъ усложнялись и обострялись, что становились ему почти невмоготу. Въ эти критическіе періоды, длившіеся иногда цѣлыя недѣли, у Льва Николаевича возникали сомнѣнія относительно того, правильно ли онъ поступаетъ, оставаясь жить въ своей семьѣ; и онъ не разъ бывалъ на краю того, чтобы ее покинуть. Но въ то время для него не обнаружились еще достаточно ясно тѣ обстоятельства, которыя впослѣдствіи освободили его отъ нравственной обязанности оставаться при семьѣ и убѣдили его въ необходимости немедленнаго ухода. А потому во время тогдашнихъ приступовъ томленія и колебаній онъ боялся, какъ бы стремленіе его къ освобожденію не было вызываемо побужденіями слишкомъ эгоистическаго характера; и сомнѣнія его, въ концѣ-концовъ, разрѣшались тѣмъ, что онъ оставался на своемъ посту и продолжалъ нести свой крестъ. Но, оставаясь дома въ той же самой гнетущей обстановкѣ, онъ все больше и больше убѣждался въ невозможности малѣйшей перемѣны къ лучшему въ окружающей его жизни. Тогда, подъ вліяніемъ почти полнаго истощенія силъ, онъ начиналъ мечтать о смерти, какъ о единственномъ доступномъ для него избавленіи; а тѣломъ его, изнуреннымъ отъ нервнаго и сердечнаго переутомленія, овладѣвала болѣзнь, развивавшаяся въ той части его организма, которая въ данную минуту оказывалась наиболѣе слабою.

Таковы были дѣйствительныя причины большинства тѣхъ тяжелыхъ заболѣваній Л. Н-ча, которыя въ свое время такъ волновали

общество. Въ настоящемъ случаѣ, т.-е. въ 1908 году, Л. Н. переживалъ періодъ особенно острыхъ душевныхъ страданій.

«Все такъ же мучительно, — писалъ онъ въ то время въ своемъ дневникѣ: — жизнь здѣсь, въ Ясной Полянѣ, вполнѣ отравлена... Все дѣлается хуже и хуже, тяжелѣе и тяжелѣе. Не могу забыть, не видѣть... Я не могу долѣе переносить этого, не могу и долженъ освободиться отъ этого мучительнаго положенія. Нельзя такъ жить. Я, по крайней мѣрѣ, не могу такъ жить, не могу и не буду...»

И онъ чуть было не ушелъ. Но и на этотъ разъ онъ не осуществилъ еще своей давнишней мечты. Удержало его, какъ онъ мнѣ тогда говорилъ, глубоко взволновавшая и обрадовавшая его мысль о томъ, что «когда не знаешь, какъ поступить, то слѣдуетъ выбирать тотъ исходъ, въ которомъ больше самоотверженія».

Онъ остался въ Ясной и, подавленный своимъ безвыходнымъ положеніемъ, черезъ нѣсколько дней заболѣлъ воспаленіемъ венъ, принявшимъ самый угрожающій характеръ. Одно время сильно опасались за исходъ его болѣзни. Самъ же Л. Н., подъ впечатлѣніемъ своего физическаго истощенія и равнодушія къ продленію жизни, предполагалъ, что смерть его приближается.

Въ этомъ настроеніи и написалъ онъ то обращеніе къ людямъ, которое здѣсь напечатано. Это было утромъ 21 августа. Того же числа днемъ онъ продиктовалъ слѣдующую запись въ свой дневникъ:

«Не писалъ съ 12-го числа. Здоровье все то же. Нѣтъ, лучше. Общее состояніе хуже, т.-е. ближе къ смерти.

«Нынче ночью испыталъ безъ всякой внѣшней причины особенно сильное и, мало сказать — пріятное, а серьезное, радостное чувство совершеннаго отпаденія не страха даже, а несогласія со смертью. Очень радуюсь этому, потому что это чувство, я знаю, не случайное, преходящее, а оно можетъ, не будучи испытываемо безпрестанно, оставаться въ глубинѣ души. И это очень хорошо. Чувство это подобно тому, что бы испыталъ человѣкъ, узнавъ неожиданно для себя, что тамъ, гдѣ онъ считалъ себя вдали отъ дома, онъ подлѣ него, и что то, что онъ считалъ чѣмъ-то страннымъ и чуждымъ, есть самый домъ его...»[1]).

Нѣсколько дней спустя Л. Н., сдѣлавъ къ своему «Обращенію къ людямъ» приписку о томъ, при какихъ обстоятельствахъ оно было написано, вручилъ его мнѣ для сохраненія, прося никому не показывать этой рукописи до его смерти. Меня тронуло то, что при этомъ у него былъ нѣсколько сконфуженный видъ, какъ будто онъ стѣснялся того, что, написавши предсмертное обращеніе къ людямъ, онъ, тѣмъ не менѣе, остался живъ.

Въ этомъ приведенномъ здѣсь обращеніи къ людямъ-братьямъ Л. Н. говоритъ о любви въ общихъ выраженіяхъ, какъ о чемъ-то вполнѣ извѣстномъ и понятномъ его читателямъ. И дѣйствительно, тѣ, кто близко знакомы съ жизнепониманіемъ Толстого, не ошибутся въ томъ, что именно онъ разумѣетъ подъ словомъ «любовь». Но, съ другой стороны, выраженіе это было такъ затаскано и опошлено людьми, что многимъ оно ничего опредѣленнаго не говоритъ.

---

1) Строки эти были Л. Н-мъ продиктованы своему помощнику Н. Н. Гусеву, который уже цитировалъ ихъ въ своей книгѣ «Два года съ Л. Н. Толстымъ»

Помню, какъ въ бесѣдѣ съ однимъ ученымъ профессоромъ Л. Н. упомянулъ о томъ, что «люби ближняго, какъ самого себя» есть положеніе, происхожденіе котораго нѣтъ никакой надобности изучать, а требуется только то, какъ его приложить. Профессоръ замѣтилъ, разводя руками:

— Ну, это—такое элементарное положеніе!

— Какъ элементарное!—возразилъ Л. Н. съ жаромъ.—Да всѣхъ университетовъ на свѣтѣ не хватитъ для того, чтобы развить все, что вытекаетъ изъ этого положенія.

Оба были правы. Для большинства людей «любовь къ ближнему» дѣйствительно стала понятіемъ настолько «элементарнымъ», что они считаютъ излишнимъ надъ нимъ призадуматься. Но для Л. Н. это было краеугольнымъ камнемъ всего его жизнепониманія, и когда онъ говорилъ о любви къ людямъ, то въ его устахъ это не было пустымъ звукомъ.

О тѣхъ исключительно тяжелыхъ условіяхъ, которыми была обставлена жизнь Л. Н-ча, я здѣсь упомянулъ единственно для того, чтобы отмѣтить особенное значеніе приведеннаго его обращенія къ людямъ. Когда станетъ общеизвѣстнымъ все то, что Л. Н-чу пришлось перенести въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій его жизни, то его великій подвигъ выступитъ передъ людьми, какъ поразительный примѣръ послѣдовательности и жертвы собой. И тогда станетъ для всѣхъ очевиднымъ, что, говоря о дѣятельной любви и умоляя насъ повѣрить «зовущему насъ благу любви», Л. Н. стремился подѣлиться съ нами тѣмъ, что составляло самую сущность его собственной жизни. Этотъ призывъ его къ людямъ-братьямъ, неудержимо вырвавшійся изъ самой глубины его изстрадавшейся, но просвѣтленной души, особенно намъ дорогъ, какъ подтвержденіе того, что, пожертвовавши своей жизнью ради любви, Л. Н., хотя и изнемогая физически подъ своей тяжелой ношей, до конца непоколебимо вѣрилъ въ конечное торжество того вѣчнаго Начала, служенію которому онъ себя всецѣло посвятилъ.

В. Чертковъ.

[illegible]

ОГЛАВЛЕНІЕ 21-го ТОМА.

Стр.

О самоубійствѣ. (1900 г.) 5
Вѣрьте себѣ. (1906 г.) 7
Любите другъ друга. (1907 г.) 10
О присоединеніи Босніи и Герцеговины къ Австріи. (1908 г.) 17
Неизбѣжный переворотъ. (1909 г.) 24
Единая заповѣдь. (1909 г.) 36
О ложной наукѣ. (1909 г.) 52
Еще о наукѣ. (1909 г.) 67
Докладъ, приготовленный для конгресса мира въ Стокгольмѣ. (1909 г.) 71
О Гоголѣ. (1909 г.) 76
Помѣтки Льва Николаевича при перечитываніи «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями». (1909 г.) 78
Номеръ газеты. (1909 г.) 79
Дѣйствительное средство. (1910 г.) 85
Зеленая палочка (1905 г.) 87
Благо любви. (Обращеніе къ людямъ-братьямъ.) (1908 г.) 96

Письма (1848—1885 гг.).

Стр.

Графу С. Н. Толстому . . 101—102
Т. А. Ергольской . . . . . 103—111
Графу С. Н. Толстому 113
Т. А. Ергольской . . . . . 115—126
Графу С. Н. Толстому . . 127—128
Т. А. Ергольской . . . . . 129—132
Графу С. Н. Толстому 135
Т. А. Ергольской 138
Н. А. Некрасову 140
И. И. Панаеву . . . . . —
Графу С. Н. Толстому 141
Т. А. Ергольской . . . . . 143—144
Графу С. Н. Толстому . . 144—146
Т. А. Ергольской . . . . . 147—150
М. Н. Толстой 151
Т. А. Ергольской 153
Графинѣ А. А. Толстой 155
А. А. Фету . . . . . 155—156
Т. А. Ергольской 157
А. А. Фету . . . . . 158—160
Т. А. Ергольской . . . . . 161—162
Графу С. Н. Толстому 163
Т. А. Ергольской 164
А. А. Фету . . . . . —
Д. А. Дьякову 166
Т. А. Ергольской . . . . . —
А. А. Фету 167
Тульскому губернскому по крестьянск. дѣламъ присутствію . . 168
Н. Г. Чернышевскому . . . . . —
Тульскому губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію 169
А. П. Артюховой . . . . . —
Т. А. Ергольской 170
Графинѣ А. А. Толстой 171
А. А. Фету 172
Графу С. Н. Толстому . . . . . —

	Стр.
А. А. Фету	173
Графинѣ С. А Толстой	174
А. А. Фету	175—176
Т. А. Берсъ	177
Т. А. Ергольской	—
Княгинѣ В.	178
А. А. Фету	—
Т. А. Ергольской	180
Т. А. Берсъ и Д. А. Дьякову	—
А. А. Фету	181—184
Графинѣ С. А. Толстой	—
А. А. Фету	185—188
Т. А. и А. М. Кузминскимъ	189
Графинѣ С. А. Толстой	190—192
А. А. Фету	192—194
А. Ф. Писемскому	195
Н. Н. Страхову	195—196
Графинѣ А. А. Толстой	197
Н. Н. Страхову	198
А. А. Фету	199
Н. Н. Страхову	—
П. Д. Голохвастову	202
Н. Н. Страхову	203—204
П. Д. Голохвастову	204—206
А. А. Фету	206—207
Т. А. Кузминской	—
А. А. Фету	207—209
П. Д. Голохвастову	209—211
А. А. Фету	—
П. Д. Голохвастову	212—214
А. А. Фету	215
П. Д. Голохвастову	—
А. А. Фету	216
Н. Н. Страхову	—
П. Д. Голохвастову	217—218
А. А. Фету	218—219
П. Д. Голохвастову	—
А. А. Фету	220
П. Д. Голохвастову	221
А. А. Фету	222
Н. Н. Страхову	—
П. Д. Голохвастову	223
А. А. Фету	224
Н. Н. Страхову	—
А. А. Фету	226
Н. Н. Страхову	227
А. А. Фету	228
П. И. Чайковскому	—
А. А. Фету	229
Н. Н. Страхову	230
А. А. Фету	231
П. Д. Голохвастову	232
А. А. Фету	—
Н. Н. Страхову	232—233
А. А. Фету	—
Н. Н. Страхову	234
А. А. Фету	236
Н. Н. Страхову	237
А. А. Фету	238
Графинѣ А. А. Толстой	239
А. А. Фету	240—241
Графинѣ А. А. Толстой	—
Н. Н. Страхову	242
А. А. Фету	243—245
Къ Александру III	246
Графинѣ С. А. Толстой	252—253
В. И. Алексѣеву	254—255
Графинѣ С. А. Толстой	256
В. И. Алексѣеву	257
А. А. Фету	—
Графинѣ С. А. Толстой	258—259
Н. Н. Страхову	260
Графинѣ С. А. Толстой	261
Къ В. Г. Ч — ву	262
Графинѣ С. А. Толстой	262—263
П. И. Бирюкову	264—266

